

ПОСЛЕДНИЙ КОНТАКТ

“Шум — это не мусор. Это то, что пока не нашло своего имени.”

Часть I

Они шли на Св как на пустой участок под купола: ровная бухгалтерия света, ветра и логистики. Диаметр 10 950 км, орбита 0.01 — маленький быстрый мир, удобный, как новый склад на окраине цивилизации. Внутри корабля было сухо, тихо, пахло пластиком и кофе из пакетика, и это, в сущности, и было их представление о колонизации: сделать так, чтобы планета пахла кораблём.

- Если на Св окажется хоть какой-то нормальный базальт, — сказал Кулуп, не отрываясь от навигационного экрана, — я буду счастлив. Нам нужны не виды и легенды, а анкера и плиты.
- Нам нужны люди, чтобы не сходить с ума, — отозвалась Астра. — Купола — это не романтика, но хоть какая-то честная форма дома.

Флюкс молчал. Он всегда молчал, когда дела становились “слишком правильными”. Автоматический маршрут просчитывал гравитационные поправки, камеры отдавали чистые контуры, и всё было настолько гладко, что в голове появлялась липкая мысль: “мы снова делаем музей”. Земляне не любили осваивать сложные биосфера. Сложная биосфера — это чужая химия, чужие белки, чужие споры, чужая пыльца. Она

либо погибает сама от наших микробов и теплиц, либо убивает всё земное — и тогда уже гибнет наша колония. Поэтому люди выбирали камень, лед и пустоту. Планеты-пустышки. Планеты-склады.

Сс была не пустышкой. Даже на расстоянии это чувствовалось: неправильный оттенок океана, какая-то слишком “живая” структура облаков на дневной стороне, и у терминатора — тонкая полоса света, как у вечного заката. Мимо таких миров обычно пролетали быстро. На них смотрели, как на чужой сад: красиво, но лучше не трогать.

— Переходим на экономичный режим связи, — сказал Флюкс. — Никаких лишних пакетов. Просто пролёт.

Кулуп кивнул. Астра уже потянулась к чашке — и замерла.

Наочной стороне Сс, там, где должна быть глухая тьма с редкими полосами облаков, вспыхивали точки.

Не отражение. Не блик. Не “городские” огни — слишком мало, слишком странно расположены. И главное: спектр был не тот.

— Что за... — Астра наклонилась ближе к дисплею. — Это... это вообще что?

Кулуп автоматом включил спектрометр.

— Не совпадает с термальным максимумом, — пробормотал он. — И не похоже на чистое геотермальное. Слишком узко. Слишком... направленно?

Флюкс уже листал каналы: видимый, близкий ИК, дальний ИК. Картина не складывалась. Точки были яркими там, где геотермия должна быть “тёплой” и размазанной. И, наоборот, там, где ожидалась видимая биолюминесценция, — слишком “технический” профиль, будто кто-то специально кормил фотосистему определёнными длинами волн.

— Биолюминесценция? — Астра сама не верила, как это прозвучало. — Наочной стороне? Такими пятнами?

— Биолюминесценция так не выглядит, — сказал Кулуп и нахмурился так, будто спорил с учебником. — И если это геотермальные поля, они не будут светить “красным-не-красным” и не будут такими ровными. Они должны пульсировать с приливом, они должны быть грязными по спектру.

Флюкс увеличил изображение. Точки оказались не точками. При приближении у каждой появлялась форма — мягкая, округлая, не идеальная, но подозрительно похожая на купол или на светящийся навес. Некоторые стояли группами на островах. Некоторые — у подножий гор, почти в лесной зоне, если верить инфракрасному профилю поверхности.

— Это похоже на растения, которые светят, — сказал Флюкс наконец. Голос у него был ровный, но в этом ровном было что-то неприятное. — Похоже на то, что мы бы хотели, чтобы растения делали.

Астра почувствовала, как по спине идёт холодок, хотя температура в отсеке была обычной.

— Если это растения... — начала она.

— ...то это биосфера, которую мы не трогаем, — автоматически закончила Кулуп. Он говорил как человек, который всю жизнь знал, что есть правила безопасности, и они написаны кровью не потому, что красиво звучит. — Вмешательство в сложную биоту — лотерея. Чужая биосфера либо дохнет от наших микробов и терраформинга, либо делает наоборот. И тогда дохнем мы.

Флюкс переключил канал на высокую чувствительность. Вокруг светящихся пятен был почти ноль “обычных” признаков цивилизации: никаких нитей дорог, никаких равномерных световых ореолов, никаких разлитых городских зон. Ничего. Только эти мягкие световые кластеры, как будто сама планета решила поставить лампы в нескольких местах — и больше нигде.

— Тогда почему это похоже на сельхоз? — спросила Астра. И тут же добавила, уже тише: — И почему оно на островах холодного океана? Там же... там же должно быть темнее и холоднее.

Кулуп молча ткнул в экран, выводя карту потоков.

— Вторая пара звёзд. Подсветка. И перенос тепла. Там может быть “достаточно”, — сказал он. — Но даже если “достаточно”, это всё равно... странно.

Флюкс промолчал ещё секунду — и сказал то, что никто из них не хотел произносить первым:

— Это может быть инфраструктура.

Слово повисло в воздухе, как пыль в невесомости.

Астра машинально посмотрела на Сb в навигационном окне — маленький аккуратный мир, где можно строить купола для землян без риска, что чужая пыльца перепишет их иммунитет. И потом снова на Сc, где наочной стороне светились “не-огни”, как сигнал, который никто не отправлял, но который почему-то был виден.

— Мы летим строить купола, — сказала она, и в её голосе появилось что-то упрямое. — А кто-то уже строит их там. Или что-то очень на них похожее.

Кулуп откинулся в кресле. На секунду он выглядел усталым — не от работы, а от того, что вселенная снова оказалась сложнее протоколов.

— Запишем как аномалию, — сказал он сухо. — Снимем по максимуму, без активных сигналов. И дальше по плану.

Флюкс кивнул, но взгляд не оторвал от светящихся пятен.

Планета под ними не просила, чтобы её трогали. Она просто светилась там, где по всем человеческим ожиданиям должна была быть тьма. Они молчали ровно столько, сколько нужно, чтобы автоматика успела сохранить снимки и построить ещё один набор гипотез. На экране звёзды уже сдвинулись на долю градуса; Сc уходила в сторону, как будто делала вид, что она тут вообще ни при чём.

Кулуп первым нарушил тишину — не словами, а жестом: выключил на панели “переход

к следующей точке маршрута”.

— Это будет стоить нам топлива, — сказал он спокойно. — И времени. И объяснений.

— Это будет стоить нам головы, — ответила Астра. Она говорила так, будто спорила не с Кулупом, а с привычкой. — Если мы пролетим мимо и окажется, что это была цивилизация.

Флюкс глядел на светлые пятна, которые уже не были пятнами: алгоритм улучшения изображения, помеченный как “научный режим”, превратил их в формы, которые слишком часто встречались в человеческой инженерии. Купола. Полусфера. Тепличные оболочки. Сетка.

— Человечество не находило живых цивилизаций, — произнёс он. — Мы находили тишину. Мы находили мёртвые химии, мёртвые поверхности, мёртвые сигналы. И мы научились делать вид, что это нормально.

Кулуп вздохнул. Не как человек, которого убеждают, а как человек, который и сам понимает.

— Мы не обязаны быть первыми, — сказал он, и эта фраза прозвучала почти как молитва. — И мы не обязаны быть теми, кто всё испортит.

Астра наклонилась к панели, вывела на общий дисплей карту опасностей.

— Мы и не будем “всё портить”. Второй виток — пассивный. Никаких активных радаров, никаких лазерных лидаров, никаких пингов. Только оптика, только инфракрасный, только спектр. Мы просто посмотрим ближе.

— И если это цивилизация? — спросил Кулуп.

— Тогда мы впервые за историю делаем то, ради чего вообще летали, — ответила Астра. — Узнаём, что мы не единственные, кто научился строить купола вместо рая.

Флюкс усмехнулся — коротко, почти беззвучно.

— Купола вместо рая — очень человеческая формулировка. Может, у них наоборот: купола — это сад. А “рай” — это снаружи, где всё живое.

Кулуп постучал пальцем по экрану, делая вычисления. Привычка всегда спасала его от дрожи в голосе.

— Хорошо. Мы можем сделать виток на границе безопасного перицентра, — сказал он. — Возьмём немного ниже, чем планировалось. Пара минут наблюдения на максимальном разрешении. Потом возвращаемся на трассу к Сб.

— По рукам, — сказала Астра слишком быстро, как будто боялась, что сама же передумает.

Флюкс уже вводил коррекцию курса, осторожно, как хирург. Двигатели дали короткий импульс, и корабль едва заметно сменил траекторию. Сс начала расти в окне — не как романтическая планета, а как объект, который неожиданно оказался важнее их будущего “строительства”.

— Запись на постоянную, — сказал Кулуп. — Всё, что увидим, будет пересматриваться десятилетиями. Если вообще будет кому пересматривать.

Астра посмотрела на него.

— Думаешь, мы не вернёмся?

— Думаю, если это цивилизация, то мы уже не те люди, которые “просто летели строить купола на Св”, — ответил он.

Пока они говорили, автоматика подтягивала детализацию. Теперь светящиеся точки на ночной стороне распадались на узоры: цепочки, кластеры, одиночные “пузырьки” на островах. И самое неприятное — их расположение было слишком разумным. Они стояли там, где человеку тоже пришло бы в голову строить: у воды, в ветровых седловинах, у подножий склонов.

— Смотри, — тихо сказал Флюкс.

На общем экране появился контур одного объекта. Камера на длинном фокусе вытащила его из тумана и ночной дымки. Сначала это было просто светлое пятно. Потом — полукруг. Потом — видна стала граница оболочки и тёмный каркас. Потом — рядом второй, меньший, и между ними — тонкая перемычка.

Это уже нельзя было назвать “биолюминесценцией”. Даже геотермия не делала таких ровных линий.

Астра молча прикусила губу. В этот момент она выглядела не как учёная и не как колонистка, а как ребёнок, который впервые понял, что дверь в соседнюю комнату всё время была заперта не потому, что там пусто.

Кулуп поднял журнал событий, чтобы слова были сухими и внятными.

— Объекты имеют форму куполов. Оболочки однородные. Каркас регулярный. Излучение изнутри, — сказал он. — Искусственные сооружения. Вероятность природного происхождения — близка к нулю.

Флюкс не ответил. Он смотрел на экран так, будто боялся моргнуть: как будто моргание могло вернуть всё на прежнее место, где цивилизаций не было.

Астра выдохнула — и сказала только одно:

— Ну вот.

Корабль скользнул дальше по траектории, и на следующем кадре камера поймала ещё одну группу куполов — уже не один, а целую россыпь, как будто кто-то рассыпал по острову светящиеся семена.

Глава закончилась на стоп-кадре: тёмная планета, редкие светящиеся купола, и пустота вокруг — та самая пустота, которая вдруг перестала быть пустотой. Вспышка пришла не как “событие”, а как ошибка.

Сначала у Флюкса на консоли на долю секунды дрогнуло поле звёзд — будто кто-то шевельнул фон сцены. Потом Кулуп увидел в телеметрии то, что не любят видеть пилоты: лавину одиночных битов, как дождь по стеклу. Астра услышала тонкий,

почти неслышный треск в наушнике — не звук, а признак того, что радио упрямо пытается быть радио, когда вся электроника вокруг внезапно стала антенной.

— А–В, — сказал Кулуп. Не вопрос. Диагноз. — Поймали фронт.

На экране спектр прыгнул вверх, словно кто-то подложил под график лом. Высокоэнергетика. Жёсткий ультрафиолет. Мягкий рентген — достаточно, чтобы выбить ошибками всё, что не спрятано за металлом и алгоритмами коррекции.

— Это не “потеплее звёздочка”, — пробормотала Астра. — Это... это плётка.

— Закрывай жалюзи, — бросил Флюкс. — Радиозащита, режим “черепаха”.

В корабле щёлкнули заслонки. Свет в отсеке стал тусклее. Системы ушли в аварийную конфигурацию: минимальный набор живых контуров, максимальная изоляция

всего остального. Нормальный корабль умеет переживать вспышки. Нормальный корабль. А они летели “на стройку куполов” — с расчётом на спокойный перелёт, а не на то, что пара красных карликов внезапно напомнит, что звёзды — это не лампочки.

И тут их тряхнуло второй раз — уже не по данным, а физически.

— Потеря ориентации, — сказал Кулуп. — Инерциалка слепнет. Датчики в насыщении.

Флюкс держал ручной контур так, будто это не управление, а переговоры. Корабль пытался “держать курс”, но курс внезапно стал спорной философской категорией: когда ты не уверен, где вверх, а где вниз, курс — это вопрос веры.

— Мы не выдержим второй фронт, — тихо сказала Астра. — Мы не выдержим — и улетим в неизвестность. Или в Сс.

Слово “Сс” повисло в воздухе. Та самая планета с куполами, которые не должны существовать.

Кулуп глянул на карту траекторий. На Св они уже не попадали красиво. И вообще — не факт, что попадали куда-нибудь.

— Садимся, — сказал он. — Пока ещё можем выбирать где.

— На Сс?! — у Астры это прозвучало как смесь восторга и ужаса.

— На Сс, — подтвердил Флюкс. — Но не в леса и не в океан. Выбираем камень. Высоко. Холодно. Сухо.

Он увеличил рельеф. На дневной стороне — огромный щитовой вулкан. Не “конус”, а целая география: пологая гора, которая начинается где-то за горизонтом и заканчивается там, где у тебя заканчивается терпение и кислород. У Олимпа на Марсе уклон смешной — на нём можно заблудиться и не заметить, что ты на горе. Здесь уклон был тоже щитовой, но высота — зверская: верхняя часть уходила в область, где уже не ливни режут склоны, а атмосфера начинает вести себя как другой слой мира.

— Не на вершину, — сразу сказал Кулуп, будто отвечая на невысказанный вопрос. —

Нам нужен склон. Псевдоплато. Там, где меньше эрозии и меньше биоты. Камень должен быть целый, а не размытый.

Астра быстро прикинула вслух — не потому что сомневалась, а потому что боялась молчания.

— Если у моря тут порядка двух атмосфер... и с около семи десятых... то на... скажем, восемнадцати километрах... у нас будет примерно... — она ткнула пальцем в калькулятор, но Флюкс уже знал порядок.

— Около половины атмосферы, — сказал он. — Плюс-минус. Не “вакуум”, но и не прогулка. Скафандры выдержат, посадка будет спокойнее, чем в плотном мокром аду внизу.

— И меньше шанс, что нас сразу накроет чем-то живым и несовместимым, — добавила Астра. Человечество не любило “сложные биосфера” по очень простой причине: биосфера не просит разрешения.

Корабль вошёл в атмосферу не как героический аппарат, а как больное животное: осторожно, с расчётом на то, что любое резкое движение станет последним. Трение выросло, плазма вокруг корпуса зашипела невидимым огнём. Снаружи не было зрелица — только цифры и короткие команды.

— Держим угол, — сказал Кулуп. — Держим. Держим...

На мгновение показалось, что всё получится.

Потом вспышка догнала их вторым хвостом.

Электроника снова дёрнулась. Одна из вторичных систем связи умерла без пафоса — просто перестала быть. На секунду погасло всё, кроме аварийных огней, и Астра увидела лицо Флюкса в красном свете: сосредоточенное, почти спокойное, но с тем выражением, которое бывает у людей, когда они понимают: “сейчас решит физика”.

— Ручной, — сказал Флюкс. — Всё ручной.

И посадка стала не посадкой, а разговором с горой.

Внизу открылась поверхность: тёмная, вулканическая, местами покрытая тонкими слоями пепла и стекловатой породы. Верхняя часть щита действительно выглядела как плато — не потому что она была ровной, а потому что ландшафт там жил в другом режиме: не реки и оползни, а трещины, лавовые “моря”, старые потоки, застывшие как мускулы.

— Вижу площадку, — сказал Кулуп. — Там. На краю древнего потока. Уклон... терпимый.

Астра скжала подлокотник так, что побелели пальцы. Она поймала себя на нелепой мысли: “если это цивилизация, то это будет смешно — погибнуть в двух минутах от первого контакта”. И тут же другая мысль: “если это цивилизация, то мы как раз сейчас делаем самое человеческое — падаем, но выбираем где”.

Корабль коснулся поверхности с глухим ударом, который отдался в костях. Потом второй удар — шасси или брюхо, кто теперь разберёт. Скольжение. Камень скребёт

металл. Пыль, как дым.

И тишина.

Не полная — внутри всё ещё пищало что-то аварийное, где-то шипел стравливающий клапан. Но главная тишина была снаружи: огромный склон, почти “местная стратосфера”, разреженный воздух, и никакого шума океана, никакой враждебной пыльцы в лицо, никакой густой жизни прямо в люк.

Флюкс первым отстегнулся.

— Мы живы, — сказал он. Это звучало не как радость, а как отчёт.

Кулуп смотрел на датчики давления.

— Примерно... ноль целых четыре... пять атмосферы, — произнёс он наконец. — Мы сели высоко. Не на крышу мира. Но достаточно, чтобы здесь было... почти пусто.

Астра встала и подошла к иллюминатору.

Снаружи — пологий, бесконечный склон щитового вулкана. Над ним — тёмное небо, слишком тёмное для “дня” по земной привычке. А где-то далеко, за горизонтом, там, где начиналась настоящая биосфера, они уже знали: наочной стороне светятся купола, которых не должно быть.

Она не сказала вслух “мы обязаны туда”.

Но это уже было написано в тишине. Шлюз открылся мягко, будто извиняясь за весь сегодняшний день.

Астра вышла первой.

Снаружи было... непривычно спокойно. Не “тихо” — ветер здесь умел говорить, просто говорил не громко, а настойчиво. Свет первой звезды лежал на склоне тёплой полосой, без земной белизны; камень от этого казался не серым, а почти бархатным. Щитовой вулкан уходил вверх и вниз так плавно, что мозг отказывался принимать масштаб: линия горизонта выглядела “близко”, хотя на самом деле ближайшая “кочка” могла быть в десятках километров.

Она сделала пару шагов и остановилась.

Иногда после посадки на новую планету внутри происходит странная штука: ты перестаёшь быть человеком с задачами и снова становишься существом с глазами. В этот момент даже аварийный шов на корпусе челнока кажется мелочью. Важнее то, что мир — настоящий. И он рядом.

— Красиво... — сказала Астра, не то вслух, не то в шлем.

Кулуп вышел следом, по-деловому оглядел склон, отметил уклон, трещины, возможные оползни.

— Красиво, — согласился он сухо. — И очень большое. Смотри под ноги.

Флюкс вышел последним и почти сразу добавил в эфир:

— “Смотри под ноги” — универсальный девиз межзвёздной экспансии. Подпишем его на гербе.

Астра не ответила. Она уже смотрела.

Сначала ей показалось, что растительность тут просто редкая: тёмные пятна в углублениях, где ветер не так треплет поверхность. Низкая, прижатая к камню, будто сама гора прижала её ладонью. Но потом взгляд поймал кое-что знакомое по учебникам и экспедиционным отчётом — знакомое, и всё же неправдоподобное в масштабе.

Слабое свечение.

Не откуда-то “сверху”, не как блики. А изнутри — в самой этой низкой флоре. Мягкие линии, едва заметные переливы, тонкие “края” листьев и нитей, которые светились так, словно каждый миллиметр биома помнил, что живёт под активной звездой и умеет отвечать на резкие изменения не только химией, но и светом.

— Так вот вы какие, — тихо сказала Астра.

Она присела у ближайшей трещины. Там, в защищённой складке базальта, рос целый ковёр: плотный, разноструктурный, как если бы мхи, травы и грибы решили жить одной коммуналкой и не ссориться. И почти всё — светилось. Не ярко, не “фонарём”. Просто постоянно: чуть-чуть. Как дыхание. Как внутренний пульс.

Флюкс подошёл и наклонился рядом.

— Удобно, — заметил он. — Никаких вывесок. Всё само подписано.

Астра улыбнулась — в шлеме это было видно только по глазам, но Флюкс умел читать такие вещи.

— Это не вывеска, — сказала она. — Это... будто планета показывает, что она живая.

Кулуп снял пару кадров на прибор, подождал, пока алгоритмы выровняют сигнал.

— Биолюминесценция у наземных... да, бывает. Но здесь она слишком... развита, — произнёс он и сделал паузу, словно слово “слишком” было для него единственным способом выражать восхищение. — И распределение широкое: не отдельные “лампочки”, а почти весь покров.

— Значит, это норма, — сказала Астра. — Их “обычное состояние”. Представляешь, что творится ниже?

Флюкс выпрямился и посмотрел на склон — туда, где внизу, далеко за кривизной и дымкой, начиналась настоящая биосфера.

— Представляю, — сказал он. — И представляю, как это будет выглядеть на отчёте: “вышли проветриться, обнаружили сияющий ковёр жизни, дальше по плану”.

Астра поднялась. Ветер тронул её, как рука — не сильнее, чем надо, но достаточно, чтобы напомнить: здесь ты гость. А свет звезды делал всё вокруг

похожим на долгий закат. И на этом закате у её ног мерцала земля.

Она повернулась к членоку — и к далёкому тёмному горизонту, где когда-то, совсем недавно, на ночной стороне они увидели те странные светящиеся купола.

— Если это местная биология так светится... — начала она, и голос у неё стал осторожнее.

Кулуп закончил за неё:

— ...то купола всё равно не объясняются сами собой.

Флюкс добавил, уже с привычной иронией:

— Вопрос в том, кто под ними. Местные? Или такие же “туристы”, как мы, только чуть раньше приехали и успели построить теплицы?

Астра посмотрела туда, где должна была быть ночная сторона, невидимая с этого места, но уже существующая в её голове как факт.

Там были купола. И теперь — сияющая тундра у них под ногами.

Мир не просто оказался красивым. Он оказался населённым — и странно, аккуратно, по-своему приветливым, как будто не собирался объяснять себя целиком, но был готов показать первые штрихи.

— Давайте запомним это, — сказала Астра.

Кулуп кивнул.

Флюкс тихо хмыкнул:

— Запомним. А потом попробуем не умереть. Тоже неплохая традиция.

И они ещё немного постояли на склоне гигантского щитового вулкана, среди ветра и тёплого света, у края биома, который светился так, как будто считал это самым естественным делом на свете.

Внутри членока было теплее, но не уютнее. Тепло здесь шло не от дома, а от того, что металл ещё помнил трение и аварийные режимы. Пахло пластиком, сухим воздухом и лёгкой гарью — как после грозы, только гроза была звёздной.

Астра не сняла шлем сразу. Она просто опустилась в кресло у иллюминатора, как будто боялась, что стоит моргнуть — и склон исчезнет. Снаружи всё ещё был тот же странный день: тёплый свет, не похожий на дневной, и огромный, слишком ровный, слишком спокойный рельеф, который отказывался быть горой в привычном смысле.

Горизонт действительно был “как на плато”. Он уходил чуть вниз, едва заметно, будто планета здесь прогибалась под собственным масштабом. За кромкой — ничего не читалось: ни долин, ни лесов, ни океана. Только лёгкая дымка, которая делала дальнюю линию не резкой, а мягкой, и от этого вся поверхность казалась бесконечной. У Олимпа на Марсе, говорили старые отчёты, можно идти часами и не понимать, что ты на вулкане. Здесь было то же чувство — только сильнее, потому

что воздух был живой, а свет не был холодным.

Астра улыбалась, и это было видно даже сквозь усталость: уголки глаз, тот самый “человеческий” жест, когда красота вдруг становится фактом, а не эмоцией.

— Смотри, — сказала она тихо, не отрываясь от иллюминатора.

Кулуп, уже открывший диагностический экран, машинально подошёл ближе. И тоже замолчал на секунду. Ветер снаружи шевелил редкие “карманы” тундры в трещинах лавы, и иногда — совсем незаметно — там проступал тот самый слабый перелив, который снаружи казался почти интимным, как свет в глубине воды.

— В отчёте это придётся назвать “биом”, — сказал Флюкс, снимая перчатки и вытряхивая из них пыль. — А по факту это похоже на то, как будто планета не может удержаться и чуть-чуть улыбается в ответ.

Кулуп фыркнул:

— Пиши: “наблюдались слабые эмиссии в видимом диапазоне от наземного покрова”. И никаких улыбок. Нам ещё жить в протоколах.

Флюкс поднял бровь:

— Ты убиваешь поэзию быстрее, чем вспышка убила наш автопилот.

Кулуп не отвлёкся от приборов.

— Поэзия не чинит радиационно-убитые блоки.

Он провёл пальцем по списку ошибок. Часть систем была просто “в оффлайне” — спокойное слово, за которым пряталась неприятная реальность: запасной челнок не рассчитан на то, что его будет целенаправленно трясти рентгеном. И всё же основные контуры держались.

— Жизнь поддерживается. Связь... обрывочная. Двигательная... частично. — Кулуп поднял глаза. — Мы можем сидеть здесь долго. Но не бесконечно.

Флюкс кивнул и переключил тему туда, где она у всех уже жила под кожей:

— Купола.

Астра всё ещё смотрела наружу.

— Они были наочной стороне, — сказала она, как будто это было заклинание. — И свет у них... совсем другой.

Кулуп повернул экран с сохранёнными снимками так, чтобы Астра могла видеть, не отрываясь от окна. Купола: мягкие полусфера, группами, у воды, на островах, у подножий склонов. Вокруг — тьма.

— Если это местные, — сказал он, — то они уже должны были заметить вспышку и наш вход. Даже если они не видят нас “как мы”, у них точно есть свои способы наблюдать небо. Любая цивилизация следит за небом. Хотя бы потому, что небо иногда бьёт.

Флюкс усмехнулся:

— Или потому, что там летают такие, как мы. И иногда падают.

Астра наконец оторвалась от иллюминатора и повернулась к ним. В её взгляде было что-то светлое и упрямое — не наивное, а почти торжественное.

— Если они увидели, — сказала она, — они сейчас решают, что с нами делать.

— Или уже решили, — вставил Флюкс.

Кулуп поднял палец:

— Два варианта. Первый: это местная цивилизация. Тогда купола — их сельское хозяйство или их... защита. Второй: это не местные. Тогда купола — чей-то форпост. Колония. Наблюдатели. Кто угодно.

Флюкс добавил своим тоном, где ирония была не насмешкой, а способом держаться ровно:

— Третий: это какая-нибудь автоматика, которая осталась без хозяев, и сейчас она вежливо напишет нам “добро пожаловать” и предложит заполнить форму.

Кулуп посмотрел на него так, будто форма — это как раз самое страшное из возможного.

— Даже если нас заметили, — продолжил он, — визит сюда — не мгновенное дело. Мы высоко. Мы не рядом с теми куполами. И добраться сюда... — он кивнул в сторону иллюминатора, где горный склон уходил в бесконечность, — это не “выйти из соседнего квартала”.

Астра снова повернулась к окну. Там действительно не было “кварталов”. Был только мир-склон, мир-плато, мир, в котором горизонт казался краем стола, а за краем — тёплая пустота света и воздуха.

— Но они могут прилететь, — сказала она.

Флюкс пожал плечами:

— Могут. И знаешь, что мне больше всего нравится? Мы впервые в жизни обсуждаем не “а вдруг мы одни”, а “а вдруг нас уже видят”.

Кулуп сухо уточнил:

— Обсуждаем и готовимся.

— А как готовятся к визиту? — спросила Астра, всё ещё улыбаясь. — Печеньки? Флаг? Панику?

Флюкс повернулся к ней:

— Ты будешь смеяться, но, кажется, у нас есть универсальный протокол: сидим тихо, не делаем резких движений, не включаем ничего, что выглядит как оружие, и

не ведём себя так, как будто мы хозяева.

Кулуп кивнул, и на редкость мягко:

— И делаем челнок пригодным к жизни, чтобы если визит окажется не дружеским, мы могли хотя бы... двигаться.

Астра слушала их — и снова смотрела наружу, будто старалась запомнить каждый оттенок этого странного дня. Тёплая звезда висела низко, но не садилась. Свет на склоне был как длинная лента заката, растянутая до бесконечности. Ветер гладил камень. А в трещинах, где жизнь пряталась от потока воздуха, время от времени проступало тихое свечение — как если бы планета осторожно демонстрировала: “я не пустая”.

— Знаете, — сказала она наконец, и голос у неё стал совсем тихим, — если они придут... я хочу, чтобы они увидели, что мы это тоже видим. Не только купола. Не только технологии. А вот это.

Флюкс посмотрел туда же, куда она.

— Тогда постарайся не сказать им “какая у вас красивая тундра”, — заметил он. — А то мы сразу окажемся в роли туристов.

Кулуп, не поднимая глаз от панели, всё-таки позволил себе почти улыбку:

— Мы уже в роли туристов. Просто с аварийной посадкой.

И за иллюминатором, на гигантском склоне, который ощущался как край мира, продолжал лежать тёплый свет, и продолжала едва заметно мерцать жизнь — так спокойно, будто визиты с неба были для неё частью нормальной истории планеты.

Внутри челнока стало по-домашнему тесно — не потому что «дом», а потому что стенки начали разговаривать с ними скрипом и щелчками о том, что домом они не являются.

Флюкс ещё раз проверил люк, как будто замок мог передумать, и только потом позволил себе расслабить плечи.

— Итак, — сказал он. — Мы сидим на склоне гигантского щитового вулкана, в разреженном воздухе, рядом с биомом, который светится, как будто это нормальная привычка, а внизу у них... купола. И у нас есть «универсальный протокол»: сидеть тихо, не дёргаться и не изображать хозяев.

— Универсальный протокол — это хорошо, — отозвался Кулуп и ткнул пальцем в панель связи. — Проблема в том, что у нас нет универсального корабля.

На табло связи было пусто там, где должна была быть уверенная линейка каналов. Живым оставался один пункт: аварийный маяк. SOS включился сам — в тот момент, когда всё остальное умерло по-деловому, без истерики.

— Он... работает? — спросила Астра.

— Работает, — подтвердил Кулуп. — Но это не «крик в галактику». Это «свисток в тумане». Маленькая мощность, маленькая антенна, и мы ещё на склоне. Если

основной корабль не начнёт искать нас специально — они нас не услышат.

Флюкс кивнул, как человек, который давно подозревал подобное и всё равно надеялся на чудо, как на инженерную опцию.

— Сколько времени «не скоро»? — спросила Астра.

Кулуп развёл руками.

— От «пара суток» до «никогда», в зависимости от того, насколько дисциплинированно у них прописаны процедуры, и насколько у них сейчас... — он поиском слово, — ...плотно с бюрократией.

Флюкс хмыкнул:

— В космосе две неизбежности: радиация и отчётность.

Астра откинулась в кресле и на секунду закрыла глаза. Потом открыла — и сказала то, что у всех уже стояло в горле, но никто не хотел произносить первым.

— Ладно. Допустим, нас найдут. И даже живыми довезут. Мы же... — она постучала ногтем по перчатке, где ещё была пыль снаружи, — ...уже нарушили протокол биобезопасности.

Кулуп ответил сразу, без театра:

— Мы нарушили его в момент, когда этот челнок вообще сел в атмосферу живого мира. У нас нет стерилизационных камер. Нет нормального шлюзового контура с обеззараживанием. Мы прошлись по поверхности, а потом вернулись сюда в тех же скафандрах. Всё, что было снаружи, теперь частично внутри.

Флюкс поднял бровь:

— Частично — это ты оптимист.

Астра коротко улыбнулась — нервно, но без паники.

— Значит, карантин.

— Если нас вернут домой, — сухо уточнил Кулуп. — И если «домой» вообще можно, — он помолчал и добавил, будто цитируя учебник, — в нормальных программах отрабатывали даже риск «обратного заноса». У Аполлона, например, экипажи держали в карантине минимум двадцать один день — просто на всякий случай.

— Двадцать один день? — Астра повернулась к нему. — Серьёзно? После Луны?

— Да. Потому что когда у тебя в руках неизвестность, ты либо параноик по расписанию, либо герой посмертно, — ответил Кулуп.

Флюкс задумчиво потер переносицу.

— А у нас неизвестность не «лунная». У нас неизвестность с биолюминесцентной тундрой и куполами. То есть карантин будет... — он оглядел тесный отсек, — ...возможно, прямо сейчас и прямо здесь. Без кофе-брейков.

Астра взглянула на наружную камеру — на тёмный склон, на тёплый свет, на редкие пятна «почти-пустой» жизни.

— И всё же, — сказала она, — если они нас заметили, они уже решают, что мы такое. Три ходячих контейнера с чужой микрофлорой, которые ещё и падают с неба.

Кулуп кивнул.

— Планетарная защита — штука простая в теории: не тащи свою жизнь туда, где ищешь чужую. COSPAR именно поэтому и пишет свои правила: чтобы «вперёд» не заразить, и «назад» не привезти.

Флюкс усмехнулся:

— Прекрасно. Мы — наглядная агитлистовка для будущих студентов: «как делать не надо».

— Да, — сказала Астра. — Но раз уж мы агитлистовка, давайте хотя бы будем агитлистовкой умной.

Она вытащила из кармана планшет, который чудом не сдох окончательно, и открыла раздел «внеземной контакт». Там были документы, которые все проходили на тренажёрах, потом забывали, потому что в жизни они не нужны... пока вдруг не становятся нужны.

— «Если контакт неизбежен», — прочитала она вслух. — «Не провоцировать, не демонстрировать угрозу, избегать активной передачи сигналов без координации...»

Флюкс поднял палец:

— Про «не передавать» — это забавно. Тут на Земле есть целые «пост-детекшн» протоколы: если вы обнаружили разумный сигнал, вы не должны отвечать, пока не будет международных консультаций. Хоть ООН спрашивай.

Кулуп посмотрел на их обгоревшую панель связи и сказал ровно:

— Отлично. Свяжемся с ООН через маяк SOS. Передадим: «Здравствуйте. Мы тут случайно». Попросим вынести решение большинством голосов.

Астра фыркнула — впервые за день по-настоящему:

— Голосование состоится между нами трёмя и мхом в трещине.

Флюкс развёл руками:

— Но принцип там здравый: не спеши «говорить первым», пока не понял, кто перед тобой и как вообще устроена ситуация. Проблема в том, что мы уже сказали первым. Мы сказали «БАХ», «СКРЕЕЖЕТ МЕТАЛЛ» и «SOS».

Кулуп откинулся назад и, как всегда, попытался превратить страх в список.

— Хорошо. Тогда делаем версию протокола для бедных. Пункт первый: минимизируем вред. Скафандрь — не снимаем. Не трогаем их растения. Не тащим ничего снаружи

внутрь — хотя поздно, но хуже можно сделать всегда.

— Пункт второй, — подхватила Астра, — не лезем в их купола. Даже если кажется, что это «просто теплица» и там «наверняка тепло».

Флюкс кивнул:

— Пункт третий: мы не идём «брать контакт». Мы идём... — он поиском слово, — ...быть заметными ровно настолько, насколько это нужно, чтобы нас не приняли за угрозу или за ловушку. Никаких резких движений. Никаких прожекторов в лицо. Никаких «смотрите, как мы умеем стрелять лазером по камню».

Кулуп добавил:

— Пункт четвёртый: документировать всё. Потому что если мы выживем, это будет пересматриваться десятилетиями. А если не выживем — это будет единственное, что от нас останется, кроме мусора.

На секунду стало тихо. Даже вентиляция будто притормозила, прислушиваясь.

Астра посмотрела на двоих — и сказала, очень просто:

— Они могут быть единственным шансом на спасение. Или единственной причиной, почему нас потом будут стыдить в учебниках. В обоих случаях сидеть тут и ждать «когда-нибудь» — плохая стратегия.

Флюкс медленно кивнул. У него было то выражение, когда человек уже принял решение, а мозг только догоняет.

— Значит, идём на первый контакт.

Кулуп поднял палец:

— Не «идём общаться». Идём создать ситуацию, в которой они могут выбрать общение, если захотят. Это важная разница.

— Согласна, — сказала Астра. — Мы — не хозяева. Мы —... — она глянула на потолок челнока, — ...пострадавшие туристы.

Флюкс ожился:

— Я же говорил, что туристическая тема нас догонит. Отлично. Тогда нам нужен туристический жест.

— Какой? — спросила Астра.

— Самый древний, — сказал Флюкс и показал пустые ладони. — «У меня ничего нет». И желательно, чтобы это было видно не только человеку, но и существу, которое видит мир иначе.

Кулуп уже копался в настройках внешних огней.

— Мы можем сделать простую световую последовательность на корпусе. Медленную. Не ослепляющую. Не «сигнал бедствия», а «я тут». И лучше без хитрой математики

— математика хороша, когда у тебя есть время и спутники, а не когда у тебя разгерметизированный радиомодуль.

Флюкс поднял бровь:

— Вот и дошли до главного: инопланетянам мы будем объяснять не «постоянную Планка», а «мы сломались».

Астра встала, уже по-деловому.

— Тогда так. Мы спускаемся немного ниже, туда, где биом гуще — но не лезем в лес и не приближаемся к куполам вплотную. Ставим метку: видимую. Оставляем запись: кто мы, что случилось, что мы не хотим вреда.

Кулуп посмотрел на неё:

— На каком языке?

— На языке «медленно», — ответила Астра. — И на языке «неопасно». Пиктограммы, схемы. Человечек. Челнок. Молния — вспышка. Стрелка — «нужна помощь». И большой знак «не трогать» на всём, что может быть опасно.

Флюкс вдруг улыбнулся — устало, но живо:

— У нас получится самая странная вывеска во вселенной: «Не пугайтесь, мы тут случайно».

Кулуп встал и щёлкнул защёлкой на своей сумке с инструментами.

— Всё. Достаточно философии. Проверяем скафандры, берём минимум, и — наружу. И да: если они появятся... никаких геройств.

Астра кивнула.

— Только «пустые руки», дистанция и уважение.

Флюкс вздохнул и, прежде чем открыть внутренний люк к шлюзу, сказал тихо — не пафосно, а так, как говорят люди, когда хотят закрепить реальность:

— Если где-то там, внизу, есть цивилизация, то по земным протоколам мы вообще не должны отвечать без консультаций всего мира.

— Но мир сейчас — это мы трое, этот челнок и этот склон. Значит, будем консультацией сами. И постараемся не облажаться.

И они пошли готовиться к первому в истории контакту так, как умеют люди: со списком, с дрожью в пальцах и с маленькой, почти неприличной надеждой, что разум во вселенной — это не только купола, но и милосердие.

В челноке снова стало слышно, как живёт металл: он остывал после дневного нагрева и разговаривал щёлканьем, будто перечитывал вслух список всех мест, где у него было право треснуть, но он пока держится.

Кулуп сидел на полу, уткнувшись спиной в шкаф с аварийным комплектом, и, не

глядя, перебирал пальцами стропу — то ли успокаивался, то ли проверял, что реальность не расплзается.

— Световой маяк на дневной стороне, — сказал он, как будто продолжая спор, начатый в другой жизни, — это не «знаки дружбы». Это «смотрите, у нас есть лампочка».

— У нас есть лампочка, — отозвалась Астра. — И ещё у нас есть три головы и ноль связи.

Флюкс уткнулся в экран внутренней диагностики. Там было много честных слов: «ошибка», «нет ответа», «отсутствует», «возможное повреждение». Он посмотрел на панели связи так, как смотрят на сломавшуюся чашку: не потому что она дорогая, а потому что она была удобной и внезапно оказалась смертной.

— В радиодиапазоне... — Кулуп поднял глаза, и в голосе у него появилось это неприятное «вспомнил», — ...планета молчала.

Слово «молчала» здесь было особенно обидным. Из космоса они видели эти купола — светящиеся, аккуратные, как будто кто-то взял идею «город» и довёл до конца без человеческого бардака. И при этом — ноль привычного земного хлама: ни широкополосного шума, ни телевизионной каши, ни пляшущих маяков навигации. Тишина, слишком хорошая, чтобы быть природной.

Флюкс посмотрел в камеру наружного обзора. Далеко, у подножия, свет действительно стоял ровно: не костры и не молнии, а именно то, что слишком ровно и слишком долго делает только инженер.

— Свет есть, — сказал он. — А радио нет.

— Это плохо, — честно сказала Астра.

Кулуп кивнул:

— Это странно. Даже если у них другая культура связи, любое сложное хозяйство обычно фонит. Электродвигатели, преобразователи, системы управления... Ты не можешь построить купол и не оставить ни одной электрической крошки в эфире. Разве что...

— Разве что они закрыты, — закончила Астра.

— Или всё у них на оптике. Или на чём-то ещё, — Кулуп ткнул пальцем в потолок.

— Или атмосфера такая, что наружу не выходит. Или они специально экранируют. Или они... — он запнулся на секунду, — ...умеют быть тише, чем мы.

Флюкс не удержался:

— Тише, чем мы, умеют даже камни. Но камни купола не строят.

Астра уже тянулась к своему планшету. Он лежал на коленях, как старый друг, которого ты спас не из сентиментальности, а потому что он единственный умеет считать. На корпусе была царапина — та самая, которую она поставила ещё в тренировочном отсеке, когда швырнула его на спинку кресла в момент учебной «бури». Спинка у кресла была усиlena: на случай настоящих вспышек. И, как

выяснилось, на случай настоящей катастрофы.

— Ладно, — сказала она. — Если планета из космоса молчала, это не значит, что внутри она немая. Это значит, что наружу не слышно.

Она щёлкнула экраном, вывела спектральный анализатор и, как будто в шутку, спросила:

— Кто из вас помнит, где тут «послушать мир»?

— Там, где «не трогать», — пробормотал Флюкс.

— Там, где «сломано», — уточнил Кулуп.

— Тогда логично, — заключила Астра и полезла в меню, которое инженеры прячут так глубоко, будто боятся, что пользователь однажды станет умнее разработчика.

Планшет чуть подумал — и выдал плоскую картину: шум, шум, шум... и ничего похожего на цивилизацию. Астра сдвинула диапазон, сузила окно, подняла чувствительность, отключила фильтры, которые «делают красиво», и включила фильтры, которые «делают правду».

— Ну давай, — сказала она тихо. — Покажи мне хоть что-нибудь, что не ветер.

Сначала ничего не было. Потом на краю спектра, там, где прибор уже почти начинал верить собственным фантазиям, появилась тонкая, нерешительная полоска. Её можно было принять за артефакт — за помеху от их же оборудования. Астра выключила всё, что могла выключить, оставив только автономное питание и кислород. Полоска не исчезла.

— Вот, — сказала она, и голос у неё стал другим: без шуток. — Есть.

Кулуп поднялся и подошёл, навис над экраном.

— Слабое... — он прищурился. — Похоже на... фон. Стабильный. Не природный. И не наш.

Флюкс наклонился:

— Почему мы этого не слышали с орбиты?

Кулуп усмехнулся без радости:

— Потому что это не «вещание». Это «шорох». Слишком слабый. И если он распространяется как наземная волна — он может гаснуть на высоте. Плюс ионосфера. Плюс рельеф. Плюс они могут сидеть в экранированных долинах и никогда не включать ничего, что не нужно.

Астра ткнула пальцем в экран:

— И плюс: они не пытаются кричать в космос. Они разговаривают внутри своей атмосферы. Как мы в старые времена — когда у тебя есть город, а не спутниковая сеть.

Флюкс медленно выдохнул:

— То есть цивилизация есть. И она не хочет быть услышанной снаружи.

Кулуп пожал плечами:

— Или не видит смысла. Или считает это опасным. Или их физика связи устроена так, что «наружу» — это дорого.

Флюкс посмотрел на маяк SOS и вдруг сказал:

— Тогда наш SOS — тоже не «крик в галактику». Он — крик в пустую комнату, если дверь закрыта.

— Не совсем, — сказала Астра. — Наша дверь — это наш корабль на орбите. Если он нас ищет, он услышит. Но они... — она кивнула на далёкие купола, — ...нас, скорее всего, не услышат. Ни сейчас, ни завтра.

Кулуп снова сел, только уже на край лавки — как человек, который принял техническую проблему, но не готов принять моральную.

— Значит, контакт по радио — почти ноль.

— А по свету на дневной стороне — смешно, — добавил Флюкс.

Астра помолчала секунду. Потом улыбнулась — той улыбкой, которая появляется у людей, когда они устали бояться и начинают злиться на собственную беспомощность.

— Тогда я буду придумывать контакт сама.

Кулуп посмотрел на неё с тем выражением, которое обычно означает: «пожалуйста, не делай этого, но я понимаю, что ты уже делаешь».

— Ты только не говори, что ты сейчас полезешь наружу с белым флагом.

— Белого флага у нас нет, — сказала Астра. — Есть серый термочехол. И он не символ мира, он символ «у нас сломалась прокладка». Но нет, не флаг.

Она открыла шкаф и начала доставать мелочи — без торжественности, будто собирала карман на прогулку. Кусок яркой стропы. Пара запасных застёжек. Маленький зеркальный элемент от ремонтного набора. Сверток изоленты (изолента — дипломатия любой цивилизации). Пластиковый контейнер с сухим печеньем, которое никто не любил, но оно было «на случай» и поэтому считалось вечным.

— Что ты делаешь? — спросил Флюкс.

— Собираю подарки, — спокойно ответила Астра.

Кулуп замер:

— Подарки?

— Да. Не для того, чтобы купить их, — она даже не подняла головы, — а чтобы показать: мы умеем отдавать. И что мы не пришли только брать.

Флюкс осторожно:

— Инструкции по контакту...

Астра резко подняла глаза:

— Инструкции по контакту писали ботаники.

Кулуп поперхнулся воздухом:

— Ботаники?

— Люди, которые никогда в жизни туземцев не видели, — сказала Астра с таким выражением, будто сейчас будет рассказывать старый анекдот, в котором смешно только потому, что иначе плакать. — Они сидели в конференц-зале, рисовали диаграммы, обсуждали «универсальные жесты», «межкультурную нейтральность», «интерпретационные риски»... и ни разу в жизни не стояли лицом к лицу с кем-то, кто может тебя не понимать вообще.

Флюкс хотел возразить, но не нашёл слова, которое не звучало бы как лекция.

Астра продолжила — уже мягче:

— Подарок — это двигатель торговли и дипломатии. Да. И ещё это способ сказать: «я признаю тебя субъектом, не объектом». Не «я исследую тебя», а «я вступаю с тобой в обмен». Это важно.

Кулуп тяжело вздохнул:

— А если они воспримут это как угрозу? Как метку? Как... ловушку?

— Тогда мы выберем подарок, который не может быть угрозой, — сказала Астра. — И оставим его так, чтобы они могли не брать. И чтобы это было ясно: можно подойти, посмотреть, уйти. Никаких «вот вам наш нож». Никаких «вот вам наша батарейка, которая взорвётся». Только вещи, которые говорят о нас больше, чем вредят им.

Флюкс посмотрел на её набор:

— Изолента говорит о нас слишком много.

— Именно, — сказала Астра. — Скажет им: мы — существа, которые всё держат на честном слове и липкой ленте. Это универсально.

Кулуп усмехнулся — впервые за долгое время:

— Ещё оставь им наш чек-лист. Пусть тоже посмеются.

Астра нашла в контейнере маленькую упаковку прозрачной пленки — чистой, стерильной, для изоляции образцов.

— Вот, — сказала она. — Подарок будет внутри этого. Мы не будем трогать их почву руками, не будем бросать вещи прямо на землю. Сделаем «чистую площадку».

И оставим знак: «не опасно», «не вирус», «не приманка».

Флюкс тихо добавил:

— А мы сами — вирус.

Астра не отмахнулась. Она кивнула:

— Поэтому мы сделаем так, чтобы контакт был максимально бесконтактным. Подарки — это не «подойти ближе». Это «сделать жест на расстоянии».

Кулуп посмотрел на экран с тонкой полоской фонящего сигнала и вдруг сказал:

— Если у них связь внутри атмосферы, то они могут видеть нас иначе. Не глазами, а... по нашим помехам. Мы уже шумим. Наши электромоторы, наши преобразователи...

Флюкс взглянул на панель питания:

— То есть мы светимся в радио для них, как фонарь.

— Возможно, — сказал Кулуп. — Тогда подарок — это ещё и способ «перевести» наш шум в что-то понятное. В регулярность. В осмыслинность.

Астра подняла зеркальный элемент и покрутила его.

— Слишком умно, — сказала она. — Мы не будем рисовать им числа Фибоначчи на склоне вулкана. Мы сделаем простое: «вот предмет», «вот наши пустые руки», «вот дистанция». Если они захотят — они подойдут. Если нет — мы уйдём.

Флюкс глянул наружу, на склон, на далёкий ровный свет куполов.

— И где ты это оставишь?

Астра подумала.

— Торжественно вручу

Астра достала маркер для технических отметок — тот самый, который пишет даже по влажной поверхности и даже по металлу, потому что инженеры умеют планировать концы света.

— Я ещё подпишу, — сказала она.

— На каком языке? — спросил Кулуп.

— На языке рисунка, — ответила Астра. — Челнок. Три фигуры. Стрелка к горе — «мы тут». Стрелка вниз — «мы не лезем». И вот это, — она нарисовала в воздухе жест «ладони вверх», — «пустые руки».

Флюкс посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью:

— Ты понимаешь, что это может быть единственной дипломатией человечества на много лет?

— Я понимаю, — сказала Астра. — Поэтому я не буду делать её пафосной. Пафос — это угроза. Я сделаю её... человечной.

Кулуп хмыкнул:

— Человечной? То есть слегка кривой и на изоленте?

— Именно, — улыбнулась Астра. — Чтобы они сразу поняли: мы не боги.

Она закрыла шкаф, подтянула ремни на скафандре и подняла свой маленький свёрток «подарков», упакованный как лабораторный образец.

Флюкс встал тоже.

— Тогда я с тобой.

— И я, — сказал Кулуп. — Не потому что «героизм», а потому что в протоколах, написанных ботаниками, есть одна здравая мысль: в неизвестности лучше не оставлять человека одного. Особенно если этот человек — ты.

Астра посмотрела на них и на секунду стала совсем взрослой — без шуток, без демонстративной смелости.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда идём втроём. Медленно. На камни. Оставляем. И уходим.

Она уже шагнула к шлюзу — и остановилась.

— И ещё, — сказала она, не оборачиваясь. — Если они выйдут...

Флюкс поднял ладони, как будто уже репетировал:

— Пустые руки.

Кулуп добавил:

— Дистанция.

Астра закончила:

— И никакой изоленты в подарок, если они выглядят слишком умными.

Флюкс фыркнул:

— Ладно. Изоленту оставим для дипломатии с нашим членоком.

И они начали готовиться к самой странной прогулке в истории: не разведке, не ремонту, не сбору проб — а к жесту, который должен был сказать миру, умеющему молчать, что молчание можно разделить, а не разрушить.

В членоке они ещё раз прогнали всё то, что уже успело стать внутренним законом: не лезть в купола, не делать резких движений, быть заметными ровно настолько, чтобы их не приняли за угрозу.

Подготовка к спуску вышла странно спокойной — как будто паника, не найдя выхода наружу, аккуратно свернулась внутри и превратилась в список. Кулуп раскладывал вещи на полу в своей железной геометрии: кислородные картриджи, воду, сухой рацион, инструменты “на всё и ни на что”, плёнку, маркер, маленький модуль света, который можно поставить на камень так, чтобы он не бил в глаза, а просто существовал.

Астра в это время занималась тем, что она называла “мешком с подарками”, хотя по факту это был мешок с намерениями. Прозрачные пластиинки, ровные как мысль, несколько простых шнурков, набор мелких крепежей, пара гладких полированных деталей, которые приятно лежали в ладони и не выглядели ни как оружие, ни как “мы сейчас вам покажем прогресс”. Она аккуратно уложила всё так, будто собирала набор для разговора, а не груз.

Когда мешок оказался собран, она молча протянула его Флюксу. Не потому что “мужчина сильнее” — это было бы слишком старомодно даже для аварийной ситуации, — а потому что в их текущей конфигурации Флюкс действительно был самым выносливым и самым “ровным” в походе: он мог нести больше, не меняя темпа и не теряя внимания к миру.

Флюкс принял мешок без комментариев, словно это был ещё один аккумулятор или катушка кабеля. На самом деле это был маленький кусок будущего: то, что они понесут вниз, в сторону тех, кто уже однажды забрал у них телефон и спрятал его в шкаф, как вещь, которую опасно оставлять без присмотра.

Они оделись как на длинную дорогу, хотя свет снаружи был тёплый. Тёплый — не значит добрый: тёплый свет бывает и у пожара, просто его не сразу распознаёшь.

И вот — люк, ступенька, воздух, который сразу кажется “тонким”, но не пустым. Примерно пол-атмосферы: достаточно, чтобы ветер существовал, но недостаточно, чтобы он разливался широкими коврами звука. Он работал узко и точно, как инструмент.

Первое, что вернулось — почти физическим воспоминанием — это те самые впадины.

Они были рядом с кораблём с самого первого выхода: неглубокие чаши и провалы, в которых дневной свет как будто тонул, становясь темнее, плотнее. И в этой плотной тени лежало мерцание. Тогда, в первый раз, это было “красиво” и одновременно “не вовремя”: мозг отмечал биолюминесценцию, как отмечает музыку в коридоре больницы — хочется остановиться, но контекст запрещает. Теперь же это стало чем-то вроде знакомой метки местности: да, мы всё ещё на той же планете; да, она всё ещё светится там, где ей удобно; да, жизнь здесь умеет быть спокойной даже в чужой панике.

Они прошли мимо первой чаши — той самой, что была ближе всего к челноку, — и Астра поймала себя на том, что мерцание больше не кажется “декорацией”. Оно было функциональным. Не крик, не сигнал, не “обратите на нас внимание”, а устойчивая привычка биома жить на границе света и тени. На Земле биолюминесценция часто выглядит как событие. Здесь она выглядела как быт.

Кулуп первым задал ритм. Он выбрал траекторию, не самую прямую, зато самую предсказуемую: обходить места с пористой коркой, где могли быть пустоты лавовых труб; держаться чуть выше рыхлых осыпей; идти так, чтобы каждый следующий шаг был подтверждением предыдущего. На щитовом вулкане поверхность помнила много

эпох: местами гладкие “реки” застывшей лавы, местами стеклянно-ломкие поля, местами волны базальта, вытянутые в одну сторону, как будто камень когда-то тек медленно и вязко.

Флюкс шёл с мешком на спине ровно, почти бесшумно. На секунду это выглядело нелепо: аварийный поход, пустой склон, и у него за плечами — “подарки”. Но чем дальше они уходили от членока, тем сильнее ощущалось, что именно этот мешок делает поход не просто перемещением в пространстве, а выбором отношения: они идут не как охотники и не как туристы, а как люди, которые пытаются придумать жест, не похожий на угрозу.

Звуки вокруг были интимными. Не было земного фонового океана шума: всё далёкое быстро умирало. Слышно было только близкое — собственное дыхание, лёгкий стук элементов скафандра, шорох подошвы по пеплу, редкие щелчки камня под нагрузкой. Даже ветер не ревел — он просто давил и тянул, как работа.

Через некоторое время впадины начали встречаться чаще — не потому что их стало больше, а потому что они начали видеть их как систему. Это были не случайные дырки в рельефе, а маленькая география микроклимата. В углублениях было чуть меньше ветра, чуть большедержанного тепла, чуть больше смысла для жизни. Там биом светился глубже, спокойней, бархатней: не вспышками, а присутствием.

Они шли мимо одной длинной трещины, и свечение внутри неё сложилось в ощущение воды. Не потому что там была вода, а потому что человеческий мозг умеет узнавать “глубину” по любым намёкам — и иногда обманывается. На самом деле там был ковёр прижатой к камню флоры, многослойной, живущей в миллиметрах над базальтом. Свет делал её похожей на течения.

Астра остановилась на краю и долго смотрела, не наклоняясь ближе. Внутри было что-то вроде медленного дыхания — не сигнал, не попытка “поговорить”, а просто жизнь, которая не считает нужным объясняться. И от этого становилось философски неловко: люди летают между звёздами, чтобы их заметили, а здесь биосфера спокойно светится в своих чашах, как если бы внимание наблюдателя вообще не входило в список потребностей.

Склон щитового вулкана был огромен и плавен. Горизонт, казалось, не приближался — как будто они шли не по поверхности, а по идее поверхности. Усталость приходила не от перепадов высот, а от масштаба и монотонности уклона. Но каждая светящаяся впадина была как знак препинания: “пауза”, “вставка”, “вот здесь мир сделал карман и положил туда жизнь”.

И в этом, странным образом, появлялось спокойствие.

Потому что если жизнь умеет жить так — тихо, экономно, без демонстрации — значит, у этой планеты есть правила. А где есть правила, там появляется шанс не сломать всё с первого шага.

Они шли дальше — вниз по щитовой горе, в сторону более густого мира, мимо чах, которые светились изнутри, как если бы планета писала им дорожные заметки на своём языке.

Они шли ещё долго — настолько, что “долго” перестало быть временем и стало состоянием. Склон щитового вулкана тянулся вниз мягко и упрямо, как мысль, которую невозможно закончить. Ветер оставался деловым и сухим,

биолюминесцентные впадины — привычными запятыми в сером тексте камня.

А потом текст вдруг сменил шрифт.

Сначала они увидели линию, которой не бывает в природе: слишком ровную, слишком “сделанную”. Не прямую — здесь вообще мало что бывает прямым, — но намеренно выведенную. Дорожка из уложенных плоских камней, как будто кто-то вёл сюда ноги и не хотел, чтобы ноги вязли в пепле. Пара низких подпорок, след от старого водостока — или его местного аналога. И дальше, в небольшом углублении, где ветер уставал, стоял куполок.

Он был маленький, уютный и почти обидно домашний.

Не похожий на земные купола с их глухим блеском композитов и “космической” чистотой. Это не выглядело как инженерная демонстрация. Скорее как высокогорный форпост, который строили не ради отчёта, а ради жизни: чтобы заскочить, согреться, переждать непогоду, оставить что-то для тех, кто придёт потом.

Купол был не идеальной полусферой, а чем-то более “человеческим” по ощущению — как теплица, которую на Земле ставят в саду, только аккуратнее и умнее. Прозрачные секции не сияли, не зеркалили, не делали вид “я высокие технологии”; они просто пропускали свет. Внутри виднелся маленький застеклённый огородик — не грядки в земном смысле, а ряд низких контейнеров, как будто кто-то выращивал тут что-то по-настоящему важное, но не хотел устраивать из этого культа.

И во всём этом было что-то по-домашнему милое. Даже не “милое” — уютное. Как будто тут мог быть детский сад, если бы детские сады строили на высоте и под чужим небом: всё маленько, всё безопасное, всё без острых углов и лишних жестов.

Они остановились на расстоянии.

Инопланетян не было видно.

Но ощущение “пусто” не совпадало с ощущением “заброшено”. Возле куполка были признаки привычной посещаемости — не свежая суeta, а спокойная регулярность. Примятая пыль там, где ходят туда-сюда. Камни, сложенные так, что их складывали много раз — и каждый раз возвращали примерно на место. Небольшая площадка, где ставят что-то тяжёлое. Мелкие следы ремонта: не “аварийно залатали”, а “подправили, чтобы дальше жило”.

Флюкс, всё ещё несущий мешок с подарками, вдруг шагнул чуть в сторону, чтобы не заходить на “чужую тропу” напрямую. Это было не суеверие и не страх — скорее интуиция о том, как выглядит уважение в ландшафте: не наступать на то, что явно сделано для чьих-то ног.

Кулуп медленно обвёл взглядом периметр, отмечая углы обзора и возможные “точки наблюдения” — не потому что ждал засаду, а потому что его мозг всегда искал, откуда на них могут смотреть. Рефлекс старых инструкций: если тебя уже заметили — будь предсказуемым. Если не заметили — не привлекай внимания зря.

Астра смотрела на огородик, и в голове странно стыковались два образа: “внеземная цивилизация” и “стеклянные ящики с растениями”. То, что на Земле было бы милой бытовой деталью, здесь становилось сильнее любого символа. Не

антенна. Не башня. Не герб. Огород.

Она поймала себя на мысли, что это место кажется не “объектом”, а “приглашением”. Но приглашение — вещь коварная: ты можешь прочитать его там, где его не было. Можешь перепутать “мы тут живём” с “заходите”.

Они постояли молча, как стоят у двери, когда не уверены, что стучать — прилично.

В прозрачных секциях отражался свет, и внутри всё выглядело... живым, но неподвижным. Жизнь без хозяев на минуту. Как кухня, из которой только что вышли и сейчас вернутся. Чувствовалось, что объект посещается, что он не забыт, что его “держат” — как держат дом: регулярно, спокойно, без спектакля.

И это, пожалуй, было самым тревожным и самым утешительным одновременно.

Потому что дом — это всегда про кого-то. Даже когда никого нет.

Флюкс осторожно снял мешок с подарками и поставил его на камень рядом с собой, не ближе. Не как “мы пришли и положили”, а как “мы пока тут, мы не скрываемся, и мы не делаем резких движений”. Он даже не сел — просто стоял, будто его собственная поза могла быть частью переговоров без слов.

Ветер прошёл по куполу мягко, как рукой по стеклу. Где-то внизу, в очередной впадине, биом мерцал — тихо, ровно, без участия в драме.

И они впервые почувствовали, что “встреча” может случиться не в момент, когда кто-то выходит из-за угла, а в момент, когда ты признаёшь чужое место чужим — и всё равно остаёшься рядом, потому что выхода нет, и потому что уважение — это тоже форма выживания.

Они обошли куполок широкой дугой, как обходят чужой двор: не из суеверия, а чтобы не наступать на то, что здесь считают тропой. Рядом со стеклянным ограждением грунт был плотнее, пепел — приглаженней, и в нём попадались мелкие включения гравия, как будто поверхность когда-то специально “подсыпали”, чтобы не размывало и не разносило ветром.

Чуть ниже, за низкой грядой застывшего базальта, в серой пыли проступили две параллельные полосы. Сначала их можно было принять за естественные борозды — так иногда выглядят камень, когда по нему долго стекает вода и несёт с собой абразив. Но эти линии держали расстояние слишком ровно и шли не “по удобству рельефа”, а как будто по заранее выбранной траектории.

Рельсы.

Две узкие головки, почти заподлицо с грунтом. В местах, где пепел лежал толще, они исчезали; где ветер сдувал всё лишнее — снова появлялись, тёмные, с матовым блеском. Между ними, местами, были видны поперечины или их следы — короткие элементы, утопленные в основание. Всё выглядело старым не по разрушенности, а по спокойной изношенности: не “бросили”, а “долго пользуются”.

Кулуп присел и посмотрел внимательнее, не трогая руками. Колея была узкая — порядка двадцати девяти сантиметров, но вовсе не игрушечная: такая ширина встречается там, где надо возить грузы по сложному рельефу, быстро прокладывать путь, экономить металл и таскать составы небольшими локомотивами или

вагонетками. На такой колее спокойно живёт вагон шириной с человеческие плечи и больше — шестьдесят сантиметров и выше, если центр тяжести не гуляет и если скорость не цирковая.

Стыки шли часто — короткие секции, каждая со своей маленькой историей: где-то кромка чуть “съедена” песком, где-то есть тонкая заусеница, где-то след правки. Это была вещь рабочая. Неброская. Сделанная не ради красоты, а ради повторяемости.

Флюкс, с мешком на спине, прошёл вдоль и посмотрел, куда линия уходит. Рельсы спускались по склону не идеально прямо, но уверенно: обходили крупные трещины, пересекали пепельные поля, ныряли под небольшие осыпи и снова выходили. Там, где лава когда-то образовала ребристые “волны”, между ними просматривались подсыпанные полосы — как будто кто-то выравнивал путь, чтобы колёса не били и не вязли.

Дальше, метров через двести, рельсы приводили к низкому массивному объёму, притопленному в рельеф. Это был ангар — или что-то вроде склада/гаража. Не огромный, но плотный, с плавным скатом, чтобы не ловить ветер, и с фасадом, который смотрел в сторону пути. Створка была закрыта. Не “заперта демонстративно”, а просто закрыта плотно: кромка уходила в паз, по которому было видно, что её двигают регулярно. Рядом — площадка из утрамбованного грунта, на которой удобно разгружать, разворачивать, ставить что-то на время. Следов свежей суэты не было, но были следы привычки: примятый пепел в одних и тех же местах, аккуратно отведённая вода (или талые стоки) тонкими канавками, несколько камней, сложенных так, чтобы служить упором.

Они остановились на расстоянии.

Куполок позади оставался таким же тихим и обжитым на вид. Ангар — закрытым. Между ними — рельсы, как связка “дом ↔ работа”. Местность здесь выглядела не как “дикая”, а как “обслуживаемая”: не ухоженная по-земному, а просто подготовленная для повторяющихся действий.

Кулуп посмотрел на створку и коротко сказал:

— Не трогаем.

Астра кивнула сразу. Любая попытка “заглянуть” в закрытое — это уже жест, который можно понять только одним способом. А им сейчас важно было оставаться предсказуемыми.

Они вернулись взглядом к линии под ногами. Рельсы уходили вниз — туда, где склон становился менее однотонным. Уже отсюда было видно: ниже больше углублений, больше защищённых карманов, в которых держится биом. И эти карманы светились — не ярко, а устойчиво, как если бы внутри камня жила ровная, неспешная сеть. Впадины попадались по обе стороны пути, иногда совсем рядом: тонкая светящаяся “подпись” на дне, полосы мерцания вдоль трещин, пятна, похожие на лишайник, только не серый — а живой.

Флюкс поправил лямку мешка с подарками так, чтобы он не цеплялся за выступы. Кулуп встал на одну из подсыпок между поперечинами, проверил, как держит грунт. Астра ещё раз оглянулась на куполок, как оглядываются на ориентир, который

может пригодиться, если придётся возвращаться.

— По рельсам, — сказал Кулуп, уже не как идея, а как маршрут. — Так меньше шансов уйти в пустое.

И они пошли вниз вдоль колеи: шаг рядом с рельсом, шаг по подсыпке, шаг по плотному пеплу. Линия вела туда, где, судя по всему, ходят и ездят не первый год — а значит, рано или поздно она должна привести либо к людям, либо к месту, которое люди считают нужным.

Рельсы вели ровно и терпеливо. Иногда они пропадали под тонкой шапкой пепла, и тогда выдавали себя только двумя едва заметными гребнями, по которым иначе ложилась тень. Иногда выходили на чистый базальт — там металл темнел, ловил свет узкой полосой, и становилось видно, что головки уже не новые: края чуть притёрты, местами с микросколами, как у инструмента, который берут часто и без церемоний.

Пейзаж постепенно менялся. Склон оставался широким и плавным, но в нём всё чаще появлялись защищённые карманы — небольшие амфитеатры, борозды старых потоков, провалы, где ветер терял силу. В таких местах биом светился увереннее: не пятнами “где повезло”, а целыми лентами по дну трещин, тонкими островками по краям, как будто жизнь здесь знала: вот безопасная граница, вот правильная тень.

И где-то на этом переходе — когда шаг стал уже автоматическим, когда мысли снова превратились в наблюдение — они увидели вторую “остановку”.

Сначала это был знакомый силуэт: небольшой куполок, не демонстративно-идеальный, а слегка “посаженный” в рельеф, чтобы его не продувало. Прозрачные секции — как у теплицы — и рядом тот же мотив: застеклённый огородик. Но здесь к куполу добавлялось ещё кое-что, и это “кое-что” сразу сменило ощущение места.

Вокруг были миниатюрные строения.

Не ангар и не склад. Не “инженерный объект”. Скорее маленькие домики — низкие, округлые, как будто их делали для существ невысокого роста или просто для того, чтобы не подставляться ветру. Они стояли группами, не в строгой сетке, а как в детском конструкторе, когда главное — чтобы между ними было удобно бегать. Между домиками шли тропки из уложенных плоских камней. В нескольких местах — низкие бортики, обозначающие границы: не заборы “не заходи”, а бортики “вот тут дорожка, вот тут грядка”.

Рельсы заходили внутрь этого маленького поселения и заканчивались коротким тупиком у площадки, будто тут разгружают что-то небольшое: ящики, контейнеры, мешки. Площадка была чистая, утрамбованная, с парой каменных “упоров” по краям — чтобы вагонетки не укатывались.

Астра замедлила шаг первой. Не от страха — от того особого осторожного умиления, которое тоже требует тишины.

Всё здесь выглядело так, будто это место придумали, чтобы никого не пугать.

Ни одного угла, который мог бы поранить. Ни одной высокой детали, которая выглядела бы как “антенна” или “башня” — всё прижато к земле, как растения на

ветреном плато. Прозрачные секции в огороднике были не сияющие, а чуть матовые, мягко рассеивающие свет. Дорожки были широкие ровно настолько, чтобы по ним могли идти рядом двое — не колонной, а “за руку”, если у них есть руки. И даже цвет камня вокруг купола был словно подобран: среди серого базальта попадались тёплые, бурье плиты, как будто кто-то специально приносил их сюда, чтобы место казалось менее “каменным”.

Чуть в стороне стояло нечто, что она сначала приняла за низкий навес. Потом поняла: это была площадка для чего-то вроде игры или занятий. Плоская поверхность, вокруг — невысокие сиденья-камни одинаковой формы. В центре — два-три вертикальных столбика, тонких, но крепких, с поперечиной. Не турник в земном смысле, но что-то близкое по идеи: вещь, на которой проверяют ловкость, баланс, силу хвата. Рядом — дугообразные ограждения, как “ маршрут ” для тренировок: пройти, не оступившись; пролезть; перескочить.

А ещё были маленькие “ячейки”, похожие на шкафчики или ящики хранения — встроенные в основание одного из строений. Крышки на них были с простыми фиксаторами, но закрыты. И это снова было не “тайник” и не “сейф”, а именно шкафчики — как в раздевалке или, да, в детском саду: положил своё, пошёл играть, потом вернулся.

Инопланетян не было видно.

Но место не было пустым так, как пустой бывает заброшенный лагерь. Оно было пустым так, как пустует двор в тот час, когда дети ушли внутрь — или когда вся группа на вылазке, а воспитатели закрыли всё и ушли следом. В пепле у дорожек были следы регулярного движения: не одинокие “кто-то прошёл”, а много раз по одним и тем же траекториям. Где-то валялся небольшой гладкий камешек, явно принесённый не ветром: он лежал на бортике, как забытая игрушка. На одной из низких стенок виднелись царапины, параллельные, неглубокие — не “вандализм”, а следы когтей или инструмента, которым много раз пытались “поймать” грань.

Флюкс остановился и поставил мешок с подарками на землю рядом с собой, аккуратно, чтобы не поднять пыль. Он не сказал ничего, но по тому, как он смотрел на эти маленькие домики, было ясно: он тоже почувствовал смену масштаба. Это место делали не ради производства. Не ради обороны. Не ради демонстрации статуса.

Ради жизни.

Ради обучения.

Ради того, чтобы маленькие существа могли быть маленькими — и при этом в безопасности.

Кулуп, как обычно, начал с практического: отметил, где можно укрыться от ветра, где есть потенциальная вода (или сбор конденсата), где тропы пересекаются. Но даже он говорил тише. Потому что “городок для детишек” — это не просто инфраструктура. Это заявление о том, что у цивилизации есть продолжение.

Они стояли на краю этого места и чувствовали присутствие без присутствующих. Как в комнате, где только что звучал смех, и звук ещё не успел окончательно уйти из воздуха.

Астра посмотрела на огородик: маленькие контейнеры внутри были ухожены. Не “свежеполиты” — тут вообще всё иначе, — но в них были заметны аккуратные границы, порядок, повторяемость. Кто-то приходил, смотрел, поправлял, менял. И уходил.

— Здесь... — начала она и не договорила.

Потому что “здесь дети” — это слишком прямое и слишком человеческое. Но “здесь всё сделано так, чтобы не страшно” — было верно. И этого хватало.

Они не вошли в самый центр. Они просто медленно прошли по краю, вдоль рельсов, вдоль дорожек, стараясь не ломать рисунок следов. И впервые за всё время на этой планете авария на секунду отступила, уступив место чему-то более странному: ощущению, что они оказались не на “чужой базе”, а рядом с чужим домом — маленьким, аккуратным, рассчитанным на тех, кто только учится быть собой.

Они не стали долго кружить по “городку”. Чувство чужого быта держало их вежливыми и немного неуклюжими: смотри, но не трогай; замечай, но не присваивай. Рельсы здесь действительно заканчивались тупиком у разгрузочной площадки — аккуратно, как заканчивается короткая ветка внутри поселения.

И вот тут Кулупу стало по-настоящему неуютно — по профессиональному.

Он прошёл вдоль конца колеи, посмотрел на подсыпку, на упоры, на следы колёс. Потом вернулся на пару десятков метров назад и снова посмотрел.

— Это не магистраль, — сказал он наконец. — Это ответвление. Мы заехали в карман.

Флюкс молча кивнул и перевёл взгляд туда, откуда они пришли. Линия вела сюда слишком “по-местному”: удобно, коротко, с тупиком. Так делают подъезды — не дороги “вниз по склону”.

Астра тоже почувствовала это странное: две похожие “остановки” подряд, как будто они шли по кольцу. Значит, где-то была развилка — и они её пропустили, потому что смотрели на купола, огородики и всё то, что неожиданно напоминало дом, а не инфраструктуру.

Они развернулись и пошли обратно по рельсам. Шаг стал чуть быстрее: когда знаешь, что ошибся, идёшь не нервно, а экономно — чтобы быстрее вернуться к точке выбора.

И развилка нашлась почти сразу, как только они перестали смотреть “вперёд” и начали смотреть “под ноги”.

Там, где склон делал небольшой перегиб и базальт был ребристым, рельсы расходились. Одну ветку — ту, по которой они пришли в “городок” — слегка подсыпали и выравнивали, она шла мягко в сторону, как подъезд к дому. Вторая ветка была более “путевой”: подсыпка шире, поперечины чаще видны, а линия — увереннее, с меньшим числом мелких поправок. В пепле на ней было больше следов колёс, и они выглядели регулярнее — как у пути, по которому ездят чаще.

Развилка была сделана так, чтобы её не перепутать, если знаешь, что ищешь:

небольшой каменный “язык” между ветками, на котором лежали два плоских камня чуть иного цвета. Не знак в земном смысле. Просто способ не въехать не туда.

— Здесь, — сказал Кулуп. И это прозвучало почти с облегчением.

Они постояли секунду, прикидывая. Вверх — смысла не было. К поселению — они уже сходили. Значит, вниз.

Флюкс подтянул лямки мешка с подарками, проверил, чтобы ничего не болталось. Астра оглянулась на “городок” последний раз — не как на цель, а как на отметку на карте. Кулуп сделал короткую метку в навигации и встал так, чтобы первой идти именно “путевой” веткой.

И они пошли вниз по другой линии.

Склон здесь становился разнообразнее. Пепельные поля чередовались с гладкими языками старой лавы, и рельсы то шли по подсыпке, то ложились на камень, то снова исчезали под слоем серой пыли. Впадины с биомом попадались чаще и становились глубже: тень в них держалась дольше, и мерцание выглядело плотнее, как если бы жизнь внизу уже не пряталась по карманам, а начинала занимать территорию всерьёз.

Ветер тоже менялся: он переставал быть просто сухим давлением и становился более “живым” — с короткими порывами, с запахом, который трудно было назвать запахом, но который всё равно ощущался как присутствие чего-то органического. Мир внизу обещал быть не только камнем.

Рельсы вели — и теперь уже точно вели не к очередному карману, а дальше, туда, где линия не заканчивается тупиком.

Колея вела их всё ниже, и в какой-то момент “плавный щитовой склон” закончился — словно планета решила поставить абзац не светом в впадинах, а рельефом.

Перед ними открылся первый действительно крутой участок: край старого потока, где лава когда-то застыла ступенью. Рельсы не обрывались — наоборот, здесь становилось видно, что путь продуман: колея уходила по аккуратной выемке, зигзагом, с подсыпкой на внешней стороне, с каменными бровками, чтобы колёса не сползали. Но пока они стояли наверху, им было проще смотреть не на инженерный ход, а вниз.

Внизу, в защищённой впадине, лежала совсем другая картина.

Это была широкая “чаша” — участок, куда ветер почти не доставал. Внутри она была темнее по цвету: меньше пепла, больше живого покрова. Низкие кустарнички и плотные дернинки тянулись пятнами, цепляясь за грунт, словно знали, что каждый сантиметр здесь надо отвоёывать у камня и сухости. Между ними виднелись светлые прожилки — то ли тропки, то ли просто места, где кто-то много раз проходил.

И по этой зелёной островной карте медленно двигалось стадо.

Пушистики.

Сначала взгляд цеплялся за сам факт движения: тут всё было спокойное, тихое, и

вдруг — живые тела, тёплые, неторопливые. Потом мозг, как всегда, начал искать земные категории и, естественно, нашёл сразу все.

Четвероногие. Копытные. С широкими боками и мягкой шерстью, будто кто-то взял овцу, козу, ламу, корову и оленя — и заставил их подписать мирный договор о внешнем виде. У некоторых голова была более “козья”, у других — почти “оленячья”, но без настоящей угрозы рогов: скорее небольшие дуги или утолщения, пригодные для выяснения отношений “без крови”. Шея у них была короче, чем у лам, но длиннее, чем у овец. Ноги — крепкие, с копытами, которые казались широкими и устойчивыми, как у животных, привыкших к камню и сыпучим склонам.

Они паслись очень деловито. Не рвали траву, как коровы на лугу, а щипали кустарнички короткими, точными движениями, вытягивая из них всё съедобное. Иногда одна особь поднимала голову и смотрела в сторону ветра — не в небо, не в даль, а именно туда, где приходит опасность. Потом снова опускала морду и продолжала жевать, как будто тревога здесь тоже встроена в режим “фон”.

— Ну конечно, — тихо сказала Астра, и в этом “ну конечно” было что-то почти человеческое, домашнее. — На каждой планете, где есть жизнь, есть версия... коровы.

Кулуп не улыбнулся, но выдохнул чуть легче. Животные означали простую вещь: если здесь кто-то пасёт или хотя бы допускает пастбище, значит, место стабильно. Значит, внизу воздух, еда, вода (или её эквивалент) складываются в режим, где можно быть большим и медленным. Большое медленное — роскошь биосферы.

Флюкс с мешком подарков стоял чуть в стороне от края и смотрел на рельсы, потом на стадо. Он не пытался угадать, “чьё” оно. Он просто отмечал: животные здесь не прячутся. Значит, их не гоняют постоянно. Значит, это не зона вечного ужаса.

Рельсы вели прямо мимо края впадины — по верхней кромке, где грунт был твёрже и безопаснее для пути. И люди пошли по ним дальше.

Они двигались тихо, не ускоряясь и не делая резких жестов. Стадо заметило их — это чувствовалось по тому, как одновременно несколько голов поднялись, как у пары животных хвосты или что-то хвостообразное дёрнулось, как плотнее собрались те, кто был ближе к тропке. Но паники не было. Пушистики скорее “переоценили расстояние” и решили, что пока можно не тратить энергию.

Один особенно любопытный экземпляр подошёл ближе к краю зелёного пятна, вытянул шею, пожевал что-то, не сводя с них глаз. Его шерсть была такой густой, что по краям силуэт казался слегка размытым — будто вокруг тела есть собственная мягкая атмосфера. Он чихнул — коротко, по-деловому — и снова принялся жевать.

Люди прошли мимо, вдоль колеи, на каменной бровке над чашей. Под ними, в защищённой от ветра впадине, продолжалась чужая повседневность: кустарники, жвачка, медленные шаги, тёплые спины. Это выглядело почти смешно и почти трогательно — как если бы планета специально показала им: “да, тут есть жизнь, которая умеет быть домашней”.

И рельсы уходили дальше вниз, туда, где зелёных пятен, по всей видимости, будет больше.

Рельсы подошли к уступу, и дальше линия пошла вниз сериями длинных поворотов. Серпантин. Путь не режет склон напрямую: он ложится по полкам, берёт дугу, снова дугу, и каждый раз уводит ниже, открывая новый кусок горы.

Под колеёй — полоса подсыпки, плотная, тёмная, местами с мелким щебнем. По внешней стороне поворотов тянется низкая каменная бровка: то непрерывная, то отдельными блоками. В местах, где склон ломкий, рельсы прижаты к более старому базальту: там поверхность гладкая, волнистая, с длинными “струями” застывшего камня. Пепел лежит в складках и трещинах, подчёркивает рёбра, делает рельеф читаемым как гравюру.

Воздух прозрачный. Ветер есть — не тонкая “тишина”, а настоящий поток: слышно в микрофонах, как он меняется на кромках. На открытой полке — ровный шум, на повороте у стены — короткий свист, под уступом — глухое шуршание по пеплу. Порывы иногда толкают в плечо, и ремни на мешке у Флюкса чуть натягиваются, как струны.

В шлеме всё близко: дыхание, мягкий шум вентиляции, редкие щелчки клапанов. Когда они ускоряются на спуске, звук дыхания становится плотнее и ровнее, без надрыва. На резких наклонах в суставах скафандра появляется тонкое подвыивание сервоприводов — короткое, рабочее.

Первый поворот — и вниз открывается широкая чаша. Там цвет другой: меньше серого пепла, больше тёмных пятен растительности. На этом фоне движутся светлые точки. Стадо пушистиков внизу — уже далеко. Они не различаются по отдельности, только движение: точки смещаются, иногда замирают, иногда собираются плотнее у края кустарников.

Второй поворот — и чаша уходит из поля зрения. Впереди появляется даль: несколько гряд одна за другой. Ближние — тёмные, резкие, со ступенями и уступами. Дальние — мягче по тону, уходят в синевато-серый, как будто их слегка протёрли пылью. Свет ложится полосами: на одних участках рёбра лавы выделены резко, на других поверхность выглядит почти ровной, матовой.

Серпантин проходит у разреза. Узкая трещина уходит вниз, дно в тени. В одной такой трещине тень не пустая: по самому низу тянется тонкая светящаяся линия. Свет ровный, не вспышками. В нескольких местах внизу видны отдельные пятна — как будто свет собирается в карманы.

Следующая полка — и рядом с рельсами появляется впадина. Она неглубокая, но защищённая. Внутри темнее, грунт выглядит плотнее, кустарнички гуще. По краю — тонкая кайма мерцания, больше заметная там, где камень почти чёрный.

Дальше серпантин уходит ниже, и с каждым поворотом меняется угол обзора. В одном месте справа — стена старого потока, пузырчатый камень, крупная фактура, пустоты, тонкие слои другого оттенка. В другом месте слева — длинная лавовая полка, как застывшая волна, и на ней пепел лежит тонкими полосами, как налёт.

Где-то впереди внизу в воздухе появляются точки. Две. Потом ещё одна. Они держатся на одном и том же месте относительно уступа, не падают, не уходят сразу в сторону. Потом одна точка делает широкую дугу — и становится видно: птица. Крылья расправлены, движения почти нет. Она идёт по кругу, набирает высоту, смещается, снова по кругу.

Через пару поворотов птиц уже несколько. Они висят над разными “ступенями” серпантинса. Где стена прогрета солнцем — их больше. В тени — меньше. Одна проходит ближе: появляется из-за уступа, пересекает полку, на секунду её тень ложится на пепел рядом с рельсами — быстрая, чёткая — и тут же уходит вниз, за следующую дугу.

Ниже, в боковых ложбинах, пятна растительности становятся шире. Там, где рельеф собирает грунт, цвет темнее. Там, где пепел свежее, поверхность светлее, почти серебристая. Иногда на камне мелькают тонкие блестящие прожилки — как стекловатые полосы в старой лаве.

Серпантин продолжается. Рельсы держат ритм: дуга — полка — дуга. Гора перелистывается поворотами, и впереди в воздухе всё время остаются птицы, которые крутятся на потоках, как чёрные отметки в прозрачной глубине.

Остановка открылась не вдруг, а как продолжение привычного рисунка: рельсы, выведенные по полке, завернули — и вывели их на ровную площадку, утрамбованную так аккуратно, что пепел лежал на ней тонким, послушным слоем. По краям площадки шла низкая кладка из тёмных камней; не ограда, не стена — просто линия, удерживающая форму, как бортик у сада.

Домики стояли близко друг к другу, малые, округлые, с мягкими очертаниями. На стенах — матовые прозрачные секции, похожие на окна теплицы. Между домиками — дорожки из плоских плит; они были уложены так ровно, что шаг по ним почти не поднимал пыли. Рельсы проходили через этот крошечный квартал и заканчивались коротким тупиком у площадки разгрузки.

Рядом с колеёй стояла скамья. Длинная, простая, с прямой спинкой и ровным сиденьем — вещь, сделанная не “случайно”, а так, чтобы на ней ждали.

Людей не было видно. И всё же место не выглядело пустынным.

Прямо между домиками паслись пущистики. Они двигались медленно и уверенно, как животные, которым здесь привычно и спокойно. Один стоял у угла домика, подбиравая мягкие листья с низкого кустарничка; другой прошёл по плитам дорожки так, будто дорожка принадлежит ему; третий остановился у самой колеи, поднял голову и долго смотрел, пережёывая — без тревоги, но с вниманием.

Астра дошла до скамьи, сняла с плеч ремень и села, как садятся не ради отдыха, а ради возвращения к себе.

— Я устала, — сказала она просто.

Флюкс, не споря с этим, аккуратно поставил мешок с подарками рядом со скамьёй, так, чтобы он не задевал рельсы и не лежал на дорожке. Кулуп, по привычке осмотрев площадку и тупик колеи, сел тоже, немного в стороне — словно оставлял между ними и домиками необходимый зазор приличия.

Пущистик у рельс снова поднял голову и поглядел на людей так долго, будто пытался решить, считаются ли они частью ландшафта. Потом решил, что считать не стоит, и снова принялся за кусты.

Астра, глядя на эту мирную картину — домики, плитки дорожек, трава, жвачка, — произнесла, почти шёпотом, не то шутя, не то устав удивляться:

— Может, это и есть инопланетяне?

Слова повисли мягко; их не поддержал ни смех, ни ответ. Площадка была ровная и светлая, ветер ходил по ней осторожно, и единственным движением оставались пушистики.

Потом сверху легла тень.

Не облачная, не случайная: тень, имеющая форму. Следом пришёл звук — густое, многоголосое жужжание, в котором можно было различить ритм парных винтов: нота дрожала, как будто её играли сразу шестью руками, и каждая пара чуть сдвигала тембр.

Из-за ребра склона выплыл небольшой дирижабль. Серо-матовый, как огромная рыба-пузырь, с мягко провисшим “животом” оболочки, и крошечной гондолой снизу — будто кто-то нарочно сделал небоходную технику обидно несерёзной. Он шёл почти бесшумно: не ревел, не “пел” реактивом, а просто шуршал — четырьмя маршевыми винтами по бортам, которые иногда лениво подруливали, как плавники. У земли он на секунду завис, дыхнул вниз тёплым воздухом из канальных трастеров, вытянул тонкую верёвку-якорь и зацепился за мачту на верхушке дерева — без суеты, как птица, которая давно знает, куда садиться. И самое странное: на нём не было ни одного “лишнего” огонька. Только короткие, почти невидимые в дневном свете вспышки у стыков — как если бы он общался не с небом, а с тем, что рядом.

Он завис над площадкой, немного в стороне от колеи, опустился — мягко, почти без удара.

И тогда у аппарата откинулась дверь.

Панель опустилась вниз и застыла, превращаясь в трап. Внутренняя сторона двери была гладкой, со слабым уклоном, так что по ней можно было войти — или закатить что-то на колёсах.

На трапе стояла инопланетянка.

Невысокая — около метра двадцати — но в её позе не было ничего детского. Лицо было удивительно близко к человеческому и вместе с тем сразу не-совпадало в мелочах: маленький нос, маленькие губы, небольшой подбородок; широкая переносица придавала взгляду особую цельность, будто лицо собрано вокруг глаз. Глаза были большие, как у совы: не “половина головы”, а ровно настолько, чтобы взгляд казался глубже и спокойнее обычного — и чтобы в нём читалась не эмоция, а внимание.

Волосы опускались до земли густым водопадом, тяжёлые, как плащ. В них прятался объём, и они шевелились от каждого движения воздуха. Из этой массы выглядывали два тонких стебелька — всего два, — и они едва заметно покачивались, словно пробуя направление ветра.

По бокам головы были ушки, похожие на кошачьи, но с дисками в середине — матовыми, с тонкими радиальными линиями, как у тщательно сделанной керамики. Сзади тянулся гигантский пушистый хвост; он лежал тяжело и мягко, касаясь трапа, и от его объёма фигура казалась ещё более сказочной.

Одежда на ней была вязаная: тёплая, плотная, с узором, который не стремился быть “технологичным”, а просто был. На ногах — мягкие носки без ботинок; она стояла легко, бесшумно, будто пол был её стихией.

Она стояла и смотрела.

И люди смотрели на неё.

Скафандры, вся их громоздкая геометрия, внезапно стали выглядеть не защитой, а неловким недоразумением: как будто трое людей пришли на чужой порог в слишком больших доспехах. Флюкс замер рядом с мешком подарков. Кулуп не двигался вовсе. Астра сидела на скамье, и эта простая человеческая поза среди чужих домиков казалась страннее всего — как если бы устанешь настолько, что даже первый контакт превращается в привал.

Пушистики между домиками продолжали жевать.

И тогда люди сделали единственное, что сумели придумать без слов: они стали махать руками.

Медленно, широко, вежливо — каждый по-своему, но одинаково неуклюже. Не жестом команды и не угрозой, а тем древним движением, которое на Земле означает: “я вижу тебя” и “я не хочу дурного”.

Инопланетянка стояла на трапе.

Не двигаясь.

А между домиками паслись пушистики, и их спокойная жвачка делала эту сцену ещё более странной: величественной и смешной одновременно — как всякая встреча, когда два мира смотрят друг на друга в первый раз.

В следующей главе инопланетянка говорит издаёт звук похожий на звук кукушки. Флюкс смело отвечает "Ку!" Инопланетянка продолжает издавать какие-то птичьи звуки. А Флюкс ей вторит "ку" "ку-ку" пытаясь интонацией показать что они просто астронавты дружественной цивилизации немного заблудились, отились от каравана

Инопланетянка стояла на трапе, неподвижная, как если бы сама была частью механизма: не жестом, а присутствием. Дирижабль рядом тихо гудел и время от времени выпускал короткую белёсую струйку — аккуратно, почти стесняясь.

Флюкс, Астра и Кулуп ещё несколько секунд махали руками, пока не поняли, что махание — вещь бесконечная: можно махать до конца эпохи, но от этого смысл не прибавится. Руки опустились. Наступила пауза, в которой слышно было только мягкое жужжение винтов и спокойное, неторопливое жевание пушистиков между домиками.

И тогда инопланетянка издала звук.

Он был не громкий, но чистый, с двумя нотами и лёгкой паузой между ними — так, что человеческий мозг мгновенно, без спроса, распознал знакомое: кукушка. Не “похожее”, а именно то самое ощущение из детства: как будто лес вдруг сказал “ку” и замолчал, ожидая ответа.

Флюкс не оглянулся ни на кого. Он просто поднял голову, чуть сильнее выпрямился, как перед прыжком, и ответил сразу — уверенно, почти с облегчением:

— Ку!

Слово прозвучало в шлемном динамике смешно и слишком просто — словно он случайно выбрал пароль для входа в чужую цивилизацию. Астра рядом, кажется, на секунду перестала дышать — не потому что боялась, а потому что мозг пытался успеть за происходящим: “мы сейчас правда разговариваем через кукушку?”

Инопланетянка не изменила позы. Только глаза — большие, спокойные — оставались на них так же неподвижно, как и всё остальное.

И она снова:

— Ку-у.

Пауза. Ещё одна нота, чуть выше. Потом короткая трель — не человеческая, птица бы сказала “правильная”.

Флюкс, не моргнув, продолжил диалог на единственном доступном ему языке:

— Ку. Ку-ку.

Он произнёс это осторожно, как будто интонация могла заменить грамматику. Первый “ку” — ровный, спокойный: “мы здесь”. Второй — чуть мягче и длиннее, с едва заметным подъёмом в конце: “мы не враги”. А потом он добавил ещё одно “ку”, короче, с лёгкой паузой перед ним — так, как зовут не на драку, а на внимание.

Инопланетянка ответила цепочкой звуков, уже не только “ку”: короткие свисты, как у горных птиц на ветру; один низкий, почти мурлыкающий тон; и снова “ку”, но теперь оно было не вопросом, а как будто отметкой в конце фразы.

Флюкс слушал, как слушают незнакомый музыкальный инструмент. Потом повторил — не копируя точно, а делая человеческую версию: “ку... ку-ку... ку”. Он старался вложить туда всё, что у них сейчас было вместо дипломатии: “мы астронавты”; “мы дружественные”; “мы немного заблудились”; “мы отбились от каравана”; “мы не хотим ничего ломать”.

Он даже слегка повернул голову к рельсам, потом назад к ней — и повторил “ку-ку” с таким выраженным, почти театральным “домой-вернуться” в конце, что это выглядело как пантомима в звуке.

Кулуп, сидящий рядом, молчал так строго, будто боялся нарушить хрупкую конструкцию этого разговора одним лишним воздухом. Астра смотрела то на инопланетянку, то на Флюкса — и в её взгляде было то самое чувство, когда разум понимает абсурдность происходящего, но всё равно выбирает: пусть лучше будет кукушка, чем тишина.

Пушистики продолжали пастьись. Один подошёл к самой скамье, вынюхал край плиты, чихнул и отошёл, даже не удостоив их своего мнения.

Инопланетянка снова выдала короткую птичью фразу — теперь чуть быстрее, с явным повтором, словно она проверяла, удержат ли люди ритм.

Флюкс не подвёл.

— Ку. Ку-ку. Ку.

Он произнёс это уже мягче, почти дружелюбно, и в последнем “ку” сделал такую интонацию, какой говорят “мы хорошие, правда”.

И так они стояли — она на трапе, неподвижная и прекрасная, он у скамьи, в тяжёлом скафандре, разговаривающий кукушкой с горной цивилизацией — и внезапно это выглядело не смешным, а естественным: как первые слова, которые всегда проще любых правильных слов.

Все сидят и смотрят в ту точку куда улетел дирижабль.

Инопланетянка выслушала последнее “ку” так же неподвижно, как и первое — словно фиксировала не звук, а намерение. Потом, наконец, сделала движение.

Она повернулась — не резко, не нервно, а как-то цельно, будто всё её тело было одним жестом. И тут в этом совершенстве случилось смешное: её походка оказалась странной, чуть подпрыгивающей, с короткими быстрыми шагами, как у гусыни, которая решила срочно уйти с площади, но при этом сохранить достоинство. Хвост за ней шёл отдельно — тяжёлой пушистой волной, волосы до земли чуть цеплялись за трап и отрывались от него, как вода от камня.

Она почти бегом скрылась внутри аппарата.

Трап поднялся. Панель встала на место, без хлопка — мягко, плотно. Винты набрали обороты. Жужжание стало гуще, полнее. Аппарат приподнялся над площадкой, завис на мгновение — ровно над тем местом, где только что стояла сказка в вязаной одежде, — и ушёл вверх и в сторону, плавно, уверенно.

И всё.

Пушистики продолжали пасть между домиками, как ни в чём не бывало. Ветер продолжал ходить по плитам. Рельсы лежали на месте. Только небо теперь казалось пустым, потому что несколько секунд назад в нём был смысл.

Люди сидели на скамейке и молчали.

Ошарашенные — не от страха, а от того, как быстро всё произошло: появилась, посмотрела, “кукнула”, улетела. Момент, который в учебниках занимает главы, в жизни занял минуту с небольшим.

Астра первой нашла слова — и, как всегда, это были слова, которые спасают от торжественности.

— Это кто вообще был? — спросила она и сама удивилась, что у неё голос нормальный. — Кукушка из сказки?

Кулуп медленно повернул голову туда, где ещё дрожала в воздухе тень от винтов, и сказал почти официально, как будто составлял акт:

— Птица. Кошка. И... вот это всё.

Астра, не отрывая взгляда от точки в небе, где аппарат скрылся за ребром склона, произнесла:

— Птицекошка-няшка.

Слово прозвучало настолько нелепо, что оно стало единственным возможным.

— Няшка, — подхватил Кулуп неожиданно быстро, как будто ему понравилось, что термин краткий и не требует дальнейших уточнений.

— Няшка, — подтвердил Флюкс, уже увереннее, будто ставил печать.

Астра посмотрела на мешок с подарками, стоящий у скамьи, потом снова туда, куда улетел дирижабль, и у неё наконец прорвался смех — лёгкий, почти облегчённый.

— Я даже подарки не успела вручить, — сказала она. — Няшка улетела.

Флюкс выпрямился так торжественно, будто перед ним был не пустой воздух, а камера отчёtnости.

— Контакт установлен, — объявил он. — Инопланетяне сообщили, что называются... кукушканяшками.

Астра вытерла смех ладонью по визору — жест бессмысленный, но очень человеческий.

— Таких я вообще не боюсь, — сказала она. — Это просто няшки.

Кулуп кивнул, как начальник экспедиции, который готов поставить штамп на первом рабочем термине.

— Записываем, — произнёс он сухо и удовлетворённо. — Просто “няшки”.

Астра посмотрела на них и сказала тихо, будто себе: — Неотения — не про нашу безопасность. Это про их долгое детство. Вероятно, их мозг вырос раньше остального тела.

Они снова замолчали.

Сидели на аккуратной скамейке возле рельс, среди пустых домиков и пасущихся пушистиков, и смотрели в ту точку, где исчез дирижабль. Будто если смотреть достаточно долго, он вернётся — или хотя бы вернётся ощущение, что всё это им не привиделось.

— Ты всегда так с инопланетянами разговариваешь? — спросила Астра, не отрывая взгляда от той точки в небе, где дирижабль исчез за ребром склона.

Флюкс сидел неподвижно, ладони на коленях, как будто боялся сдвинуть воздух и тем самым разрушить факт произошедшего. Потом сказал негромко, почти буднично — и от этого ещё страннее:

— Нет. Просто вспомнил древний фильм.

Кулуп повернул голову, но ничего не сказал.

— Там, — продолжил Флюкс, — инопланетяне тоже прилетели на пепелаце. И тоже говорили “ку”. Прямо так. “Ку”.

Астра моргнула. В шлеме это ощущалось как маленькая пауза в реальности.

— Подожди, — сказала она. — Так это... пепелац называется?

Флюкс не ответил сразу. Кулуп тоже. Вообще никто не ответил.

Пушистик рядом с домиком дёрнул ухом и продолжил жевать. Винтов уже не было слышно. Ветер ходил по площадке ровно и спокойно, как ходил до них, до дрижабля, до “ку”.

И у них у всех внезапно появилось какое-то странное ощущение — не страх и не смех, а тихая, густая неловкость, будто они только что случайно угадали слово из чужого языка, не имея на это никаких прав.

Астра посмотрела на мешок с подарками у скамьи. Потом снова туда, в небо. И промолчала — впервые за долгое время не потому что “нечего сказать”, а потому что любое слово казалось лишним.

Серпантин перестал быть “дорогой с видами” и стал работой.

Склон здесь был крутой настолько, что рельсы не столько огибали гору, сколько врезались в неё — длинными дугами, короткими прямыми, снова дугами. Подсыпка на полках была плотная и тёмная, местами её держали каменные бровки, местами — отдельные блоки, вставленные в склон как клинья. Шаги пошли быстрее сами собой: вниз легче, но тело требовало внимания, чтобы не разогнаться до глупости.

Появились туннели.

Сначала один — короткий, врезанный в старый поток. Вход низкий, но аккуратный: кромка обложена камнем, потолок слажен, чтобы не цепляться. Внутри сразу менялся звук: ветер снаружи стихал, и оставалось только дыхание в наушниках и сухой шорох подошв по грунту. Стены были тёмные, с прожилками и пузырчатой фактурой; кое-где по ним шли тонкие полосы конденсата или просто влажного налёта — будто камень внутри держал своё маленькое микроклиматическое “внутри”.

Потом второй. Третий. Четвёртый.

Некоторые туннели были длиннее, с лёгким изгибом, как если бы их вели по самой крепкой линии породы. В нескольких местах земляне едва проходили в полный рост: шлем почти касался потолка, приходилось держать голову строго прямо, а плечи — чуть уже, чем хочется. На выходах снова бил ветер, и свет становился резче, как после комнаты на улицу.

Местность пролетала поворотами. Рельсы иногда шли по виадукам — коротким перемычкам над разрезами; иногда уходили в выемки, где склон нависал над путём. Пара раз они видели ниже боковые карманы с растительностью, но времени на созерцание уже не было: здесь география требовала темпа.

И вдруг — после очередного туннеля — пространство раскрылось.

Они вышли на новую полку, широкую, выровненную, и первое, что бросилось в глаза, были не домики и не купола, а рельсы.

Много рельс.

Целая маленькая сортировочная станция: несколько параллельных путей, стрелки, расходящиеся веером, тупики с упорами, площадки для разгрузки. Подсыпка здесь была особенно плотной, местами укреплённой плитами. Между путями тянулись узкие дорожки. В нескольких точках стояли низкие “будки” или навесы — без украшений, чистая функция.

Никого не было видно. Но станция выглядела не заброшенной. Она выглядела как место, где просто сейчас тихо. Пепел на дорожках лежал не равномерно: кое-где он был сметён, кое-где примят, кое-где сдвинут так, будто здесь ходят часто и по одному и тому же. На стрелках металл был притёрт — следы работы, не коррозии.

Они остановились на краю и несколько секунд просто смотрели, будто пытались понять, куда именно они пришли: вниз по одному пути — и вдруг перед тобой целая сеть.

— Это уже серьёзно, — сказал Кулуп, и это было не восхищение, а факт.

Астра молча кивнула. Флюкс переставил ремень мешка с подарками, чтобы он не мешал на узких проходах между путями.

Решение исследовать станцию пришло почти без обсуждения. Может быть, потому что дорога вниз была слишком резкая и напряжённая, и мозгу хотелось “точки”, где можно остановиться. Может быть, потому что количество путей само по себе внушало странную уверенность: раз есть станция, значит, здесь бывает кто-то. Часто. Регулярно.

Они пошли вдоль путей, осторожно переступая через поперечины, обходя стрелки, не наступая на то, что явно является механизмом. В одном месте стояла небольшая тележка — не новая, но исправная на вид, с простым упором и боковинами. В другом — ящик с крышкой, закрытый, но не запертый “на намертво”: просто закрытый.

Потом они увидели помещение.

Небольшой домик, притопленный в склон рядом с основными путями. Дверь — простая, плотная, с матовой вставкой. Рядом — площадка из плит. И самое странное: от двери шёл едва заметный тёплый след на камне, как будто внутри действительно было тепло.

Они почему-то осмелились.

Это произошло не как героизм, а как накопление мелочей: два пустых “детских” городка, мирные пущистики, дирижабль, кукушка, слово “няшка”, смешная гусиная походка. Всё это вместе сделало их чуть менее каменными внутри.

Кулуп подошёл к двери, остановился, посмотрел на остальных. Флюкс держал мешок

на спине и стоял ровно. Астра не сказала “не надо”. Она просто молчала — а её молчание в этой группе всегда означало: “мы всё равно сделаем”.

Кулуп коснулся двери. Она поддалась.

Дверь открылась внутрь — тихо, без скрипа, без сопротивления. И изнутри действительно потянуло теплом: не жаром, а мягким, печным, как в комнате, где топили недавно и не спешат выпускать тепло наружу.

Внутри было мало света. Но достаточно, чтобы увидеть главное.

Печь.

Низкая, округлая, с плоской верхней поверхностью. На ней лежала — как на самой естественной в мире лежанке — такая же няшка.

Она лежала спокойно, вытянувшись, как лежат в тепле: не напряжённо и не настороженно. Волосы растекались по печи тяжёлым ковром. Хвост лежал сбоку мягкой дугой. Глаза были открыты.

Она молча посмотрела на них.

Земляне замерли. Не потому что не знали, что делать, а потому что любое движение казалось неуместным. Они стояли в дверном проёме, три больших скафандра в маленькой тёплой комнате, и внезапно было ясно: это не “станция”, не “инфраструктура”. Это чьё-то место отдыха.

Астра первой нашла действие, которое хоть как-то подходило.

Она чуть наклонила голову — неловко, в шлеме, но явно — и сказала:

— Простите.

Флюкс сказал вслед за ней:

— Извините.

Кулуп — совсем официально:

— Прошу прощения.

И они закрыли дверь.

Тихо. Аккуратно. Без хлопка. Так, будто дверь закрывает не комнату, а чужую жизнь.

Снаружи ветер снова стал слышен. Рельсы лежали веером, стрелки молчали, пустые пути уходили в разные стороны. Станция выглядела так же, как минуту назад — только теперь всё было другим, потому что внутри одного из домиков на печи лежала няшка и смотрела.

Они отошли на несколько шагов и остановились.

Астра выдохнула в микрофон так, что это прозвучало почти как смех, только без

веселья.

— Это... — сказала она, — самый дурацкий контакт во вселенной.

Флюкс не спорил. Он смотрел на дверь, будто ожидал, что оттуда сейчас выйдут, скажут “ку” и выдадут им инструкцию по эксплуатации межзвёздной дипломатии.

Кулуп сказал тихо:

— Мы только что... вошли в дом. И извинились.

Астра повернулась к ним обоим.

— И закрыли дверь, — добавила она. — Как нормальные люди, которые случайно заглянули не в ту комнату.

Они постояли ещё немного на пустой станции, среди расходящихся путей, и молча смотрели на ту самую дверь — как смотрят на границу, которую уже пересёк, и теперь надеешься, что всё ещё можно сделать вид, будто это было случайностью.

Они отошли от домика не спеша, но быстро — так, как отходят от чужой двери, когда понимают, что только что сделали глупость, и теперь самое разумное — не усугублять. На станции было много путей, и каждый уходил в свой разрез ландшафта. Они выбрали тот, что выглядел главным: самый широкий, с двумя нитками колеи, с более плотной подсыпкой и с заметно “протоптаным” промежутком между рельсами, будто здесь ходят чаще, чем ездят.

По этому пути и пошли — прочь от печки, прочь от взгляда, прочь от собственной неловкости.

Станция быстро осталась за поворотом. Ветер стал ровнее. Туннели, которые раньше скимали их до шлема и плеч, здесь попадались реже. Путь шёл по широкой полке, и время от времени на грунте появлялись следы колёс — не свежие, но регулярные, как строчки в журнале.

Кулуп шёл рядом с Астрой и молчал несколько минут, будто давал ситуации улечься. Потом сказал так, как спрашивают не из любопытства, а из практики:

— В этой странной ситуации можно спросить у твоего планшета, что делать?

Астра фыркнула — без злости, просто устало.

— Да это же бытовой прибор, — сказала она. — Начальство миссии давно экономит на снаряжении. Он умеет напоминать мне пить воду и говорить, что я “молодец”. А дипломатии — это не его профиль.

Флюкс, впереди, не оборачиваясь, бросил:

— Он ещё умеет учить кукушку.

Астра на секунду закрыла глаза, словно проверяя, как звучит эта фраза в отчёте, и всё-таки кивнула:

— Ладно. Спросим. Хуже уже... трудно.

Она сняла планшет с крепления на груди, развернула его так, чтобы экран не слепил, и вывела режим голосового запроса.

— Планшет, — сказала она. — Мы встретили местных. Они молчат, смотрят, улетают. Мы случайно зашли в помещение, там лежала... “няшка”. Мы извинились и вышли. Что нам делать дальше?

Планшет помолчал. На экране пробежали строки: распознавание речи, запись контекста, какие-то внутренние значки, как у прибора, который пытается выглядеть умнее, чем он есть.

Потом он ответил — спокойным служебным голосом, с той самой бюрократической вежливостью, которую невозможно спутать ни с чем живым.

— Рекомендации по первичному контакту в условиях ограниченной информации:

- 1) Снизить уровень вторжения. Не входить в жилые/обогреваемые помещения без явного приглашения. Оставаться на открытых площадках, у путей, на расстоянии. Если необходимо укрытие — выбирать инженерные пустоты (тунNELи, навесы), а не “домики”.
  - 2) Сохранить предсказуемость. Двигаться по основным путям. Не менять направление часто. Не подходить к местным ближе, чем на дистанцию, на которой можно остановиться без резких шагов.
  - 3) Закрепить “якорь общения”. Использовать уже установленный простой сигнал как знак мирного присутствия: односложный зов (“ку”) + пауза. Не повышать громкость. Не добавлять новые жесты. Повторяемость важнее выразительности.
  - 4) Протокол подарков. Подарки не вручать “в руки”. Рекомендовано оставить набор в видимом, но нейтральном месте: у края пути, у скамьи, у разгрузочной площадки. Отойти. Наблюдать реакцию. Не преследовать.
  - 5) Приоритет выживания. Текущие параметры атмосферы: давление 0.66 бар; кислород ~25% от земной нормы. Рекомендация: продолжать движение вниз по основному пути в сторону более плотных слоёв/биозон. Скафандры не снимать без признаков медицинской безопасности. При вынужденном переходе на местную смесь — поочерёдно, с контролем симптомов.
  - 6) Вероятность повторного контакта. При наличии инфраструктуры (станция/пути/тележки) вероятность повторного появления персонала высока. Оптимальная тактика: находиться на главном пути, не скрываться, не блокировать стрелки и проходы.
- Итог: продолжайте движение по главному пути. Подарки оставить на станции/следующей площадке. Общение — кратким повторяемым сигналом. В помещения не входить.

Астра посмотрела на экран так, будто планшет только что совершил чудо, хотя на самом деле он произнёс набор очень очевидных вещей, просто произнёс их уверенно.

— Ну да, — сказала она. — “Не лезьте в чужие дома”. Сенсация.

Кулуп кивнул, но кивнул уже спокойнее — ему нужен был не гений, а подтверждение курса.

— Подарки на станции, — повторил он. — И дальше по главному пути.

Флюкс, не сбавляя шага, сказал:

— И кукушка по расписанию.

Астра убрала планшет обратно на крепление, поправила ремень и посмотрела вперёд, вдоль двух ниток колеи, уходящих вниз.

— Ладно, — сказала она. — Идём. И давайте больше не будем заходить в печки.

И они пошли дальше по широкой двухпутке — вниз по склону, туда, где рельсы вели не в случайный тупик, а в сеть.

Они шли по двухпутке быстро, почти без остановок. Склон всё ещё держал крутизну, но ниже полки становились шире, подсыпка — ровнее, а воздух заметно “плотнел” по ощущению снаружи: ветер уже не резал порывами, а тянул длиннее и мягче, как на больших открытых пространствах. Птицы попадались чаще — чёрные точки на светлом, иногда близко, иногда высоко, и их круги над уступами повторялись с точностью расписания.

Кулуп шагал рядом с Астрой и время от времени бросал взгляд на показания.

— Кислорода уже ноль тридцать четыре, — сказал он наконец. — Это не “четверть”, это цифра по факту. Планшет — повторюшка, он говорит красиво, но это всё и так понятно.

Астра не ответила сразу. Она шла, считая повороты, как будто повороты были надёжнее любых процентов.

Кулуп продолжил, уже сухо и точно:

— Барометр показывает ноль семь пять. Мы быстро спускаемся. Если принять местную долю кислорода как постоянную, выходит примерно ноль тридцать восемь от земной нормы по кислороду. Это всё равно мало, но уже не издевательство.

Он сказал это без драматизма, как говорят про температуру воды: не спорят, просто знают.

Астра повернула голову к нему.

— Значит, план простой, — сказала она. — Надо просто в город прийти. И дальше в мэрию подать заявление.

Фраза прозвучала так буднично, что на секунду стало легче — как будто всё происходящее можно уложить в знакомый порядок: очередь, окно, бумага, печать. Флюкс, шедший впереди с мешком, обернулся и кивнул.

— Здравая мысль, — сказал он. — Найти орган власти. Официальных лиц. Изложить ситуацию на понятных им “ку”.

Кулуп хмыкнул — тихо, почти уважительно.

— “Мэрия”, — повторил он. — Хорошо. Тогда нам нужен город. Или хотя бы место, где сходятся пути.

Они посмотрели на рельсы: две нитки уходили вниз, к следующему перегибу рельефа. По краям попадались маленькие технические площадки, каменные бортики, редкие тупики — всё было устроено так, будто сеть начинается где-то впереди, ниже, в более сложной местности.

Астра сказала, скорее себе:

— Няшки... кукушканяшки... мэрия...

Флюкс поднял ладонь и сделал короткое, почти торжественное движение, будто ставил печать в воздухе:

— Я готов. У меня есть речь. “Ку. Ку-ку. Ку”. И пауза. И ещё раз “ку”.

— Только без заходов в печки, — сказала Астра.

— И без махания полчаса, — добавил Кулуп.

Они ускорились. Путь пошёл вниз ровной дугой, и впереди, за очередным поворотом, виднелся более широкий уступ — как место, где может быть ещё одна станция, ещё один узел, ещё один шанс встретить не “няшку на трапе”, а кого-то, кто умеет отвечать не только взглядом.

И всё это время они продолжали идти по железной дороге — как по единственной линии, которая не требует догадок.

— Тридцать километров, — сказал Кулуп, не останавливаясь, будто просто отметил очередную шпалу. — Если считать честно, по пути, а не по прямой.

Рельсы вели вниз, и вниз было видно уже иначе: не “склон”, а целая страна уступов. Серпантин давно стал мягче, тунNELи попадались всего пару раз — короткие, сухие, с ровной кромкой, где камень будто помнил резец. А потом и вовсе начались участки, где полка расширялась, подсыпка становилась аккуратнее, а вокруг появлялось больше жизни — не пышной, но уверенной.

Барометр на запястье у Кулупа дошёл до единицы и замер.

— Давление... почти как дома, — сказал он. — Не дома, конечно. Но единица — это уже не полка на полке.

Флюкс кивнул. Мешок с подарками сидел на спине привычно — как будто это не дипломатия, а ещё один элемент снаряжения. Астра же всё время поглядывала на края пути: в трещинах всё ещё попадались те же тихие светящиеся ковры, но теперь они не выглядели “островками”. Скорее, как подсказки: где поверхность хранит тепло, где ветер меньше выметает пепел, где жизнь может не прятаться.

Потом они увидели гриб.

Он рос у самого полотна, чуть в стороне от подсыпки: толстая ножка, как светлая колонна из плотной ткани, и шляпка широкая, нависающая — не зонтом, а карнизом. Нижняя сторона шляпки была ребристой, ровными пластинами; по краю тянулся тонкий матовый ободок, будто гриб когда-то “подсветили” изнутри и он так и оставил на себе память о свете.

На шляпке сидела няшка.

Спокойно. Как будто это её скамейка, её остановка, её привычная высота над землёй, чтобы было видно дорогу и чтобы дорога видела её. Она сидела боком, хвост свисал пушистой лентой, волосы — густые, длинные — лежали по спине и стекали вниз почти до ножки гриба. Два стебелька над лбом торчали ровно, чуть дрожали от ветра. Глаза — большие, как у совы, с широкой переносицей, смотрели не “в упор”, а как-то сразу на всех троих, без выбора главного.

Они остановились так, чтобы между ними оставалось расстояние — не символическое, а удобное: чтобы можно было замереть без резких шагов и не давить присутствием. Это у них уже стало правилом, даже без чтения подсказок “планшета-повторюшки”: краткость, предсказуемость, пауза.

Астра первой пошевелилась — медленно, видимо, чтобы это движение можно было заметить и успеть понять. Она сняла с ремня маленький свёрток из мешка: не самое “умное” и не самое “шумное”, а самое нейтральное — маленький зеркальный элемент, гладкий, без острых кромок, который приятно лежал в ладони и ничего не обещал, кроме поверхности.

Она раскрыла левую ладонь, положила туда зеркальце и подняла руку чуть выше уровня груди — так, чтобы было видно: предмет лежит свободно, без зажима, без “вот я сейчас брошу”. Подошла на один шаг — ровно один — и остановилась.

Няшка не двинулась. Только её взгляд чуть сместился: с руки на предмет, с предмета на ладонь. И снова на всех троих.

Астра очень осторожно, почти церемониально, вытянула руку вперёд — не “в лицо”, а в пространство между ними, как предлагают воду: можно взять, можно не брать. И застыла.

Няшка спрыгнула с гриба странно легко — без прыжка как усилия, просто как смена высоты. Подошла. Протянула свои маленькие ладони — тонкие, с мягкими движениями — и так же спокойно забрала подарок из руки Астры.

Повернула зеркальце один раз, второй, поймала на нём свет — не ослепительный, а просто заметный — и, не меняя выражения, подняла взгляд. Потом подняла одну руку и показала направление: вниз и вправо, в ту сторону, где рельсы уходили к следующему изгибу склона.

И зачирикала — коротко, птичьей фразой, будто это не “разговор”, а отметка: туда.

Флюкс, стоявший рядом с мешком за спиной, не выдержал и очень мягко поднял обе ладони — пустые, показывая, что больше ничего не делает. Это был их единственный жест, который они уже отрепетировали до простоты.

Кулуп молча кивнул — не как “спасибо”, а как “принято”. И на секунду стало

ясно: они пришли не просто “в цивилизацию”, а в место, где даже указание дороги можно получить без дверей, без слов, без печатей — прямо на краю рельсов, у большого гриба, который служит и навесом, и знаком, и, кажется, местной лавочкой.

Няшка снова посмотрела вниз по путям — туда, куда показала — и ещё раз коротко зачирикала. Потом осталась стоять рядом с грибом, как если бы её работа на сегодня была выполнена: встретить, принять, направить.

А они, не торопясь и не оглядываясь слишком резко, пошли туда, куда им указали: вниз и вправо — туда, где рельсы обещали либо город, либо хотя бы следующую человеческую по смыслу вещь: развилку, станцию, чью-то дверь, чей-то взгляд, который не прячется.

Они отошли от гриба на пару десятков шагов. Рельсы шли вниз и вправо, подсыпка стала ровнее, и шаги снова вошли в ритм. Некоторое время никто не говорил — как будто слова могли сбить с места ту короткую сцену у гриба, и она рассыпалась бы на воздух.

Первым заговорил Кулуп.

- Ты видела её руки?
- Видела, — ответила Астра. — Когда она взяла подарок.
- Шесть пальцев, — сказал он. И произнёс это так, как произносят странную, но простую вещь.
- Да, — кивнула Астра. — И два больших. Не один, а два. Оба как бы “рабочие”.

Флюкс, не оборачиваясь, добавил:

- Остальные тонкие. И брала она очень аккуратно. Прямо... как будто знает, что можно напугать движением.

Они прошли ещё немного, и Астра продолжила, вспоминая медленно, чтобы не перепутать:

- А ноги... она же в носках была. Без обуви. И из этих носков торчали пальцы. Такие же, как на руках, только крупнее. Два больших, и ещё четыре. И оба больших — по-разному стоят, как будто ими можно хватать.

Кулуп коротко сказал:

- Удобно.
- Да, — согласилась Астра. — Выглядит так, будто ей ботинки просто мешали бы.

Флюкс сказал тихо, почти удивлённо:

- И ладонь... у неё ладонь была мохнатая.

Астра сразу поняла, о чём он.

— Точно. Не вся рука. Руки у неё гладкие, без шерсти, как у человека. А внутри ладони — мягкий ворс. Плотный. Как будто там всегда есть тёплая рукавичка.

Кулуп помолчал, потом произнёс:

— И одежда у неё не “костюм”. Она реально в вязаном.

— В вязаном, — повторила Астра. — Прямо видно петли. И носки — тоже. Всё домашнее. Не как у нас.

Они спустились на длинную дугу, и ветер в микрофонах стал ровным, почти спокойным. Птица прошла где-то высоко, и её тень скользнула по рельсам, как быстрое пятно.

— А лицо... — сказала Астра и сама усмехнулась, потому что это звучало странно. — Лицо как у персонажа из детского мультфильма.

Флюкс коротко ответил:

— Да.

— Большие глаза, как у совы, — продолжила она. — Переносица широкая. Нос совсем маленький. Губы маленькие. Подбородок маленький. И при этом... не страшно. Просто... слишком мило.

Кулуп хмыкнул.

— Милота как оружие, — сказал он.

Астра посмотрела на мешок у Флюкса.

— Я ей подарила зеркало, а она даже не удивилась. Взяла спокойно и показала дорогу, как будто мы тут каждый день ходим.

Флюкс сказал:

— И чирикала. Коротко. Несколько раз. Показала — и всё.

Они снова замолчали, потому что дальше обсуждать было нечего: рельсы шли туда, куда их направили. А всё остальное — руки с шестью пальцами, носки с пальцами, мохнатая ладонь и это удивительное “мультишное” лицо — оставалось позади, но не уходило из памяти, как не уходит из рук ощущение чужого тёплого предмета, который держал секунду и уже отпустил.

Няшка, которая только что расчёсывала выючное животное, выслушала вопрос про «мэрию» так же спокойно, как всё здесь: без кивков, без «да/нет» на лице. Потом просто перестала чесать, села на своего пони и коротким знаком показала: за мной.

Они двинулись следом. Внизу — тропинки между корнями и рельсами, короткие мостики через узкие ветки колеи. Над головой — подвесные дорожки, лестницы, площадки, по которым кто-то проходил легко и быстро. Няшки смотрели со всех сторон, но никто не спускался и не суетился: просто провожали глазами, как провожают что-то необычное, но не срочное.

Через несколько десятков метров проводница остановилась у шкафа.

Он стоял у края пути, между двумя корнями: прямоугольный корпус, дверца, ручка — как будто его можно было найти и на земной станции, только сделан аккуратнее и тише. Няшка открыла дверцу. Флюкс наклонил голову и успел увидеть внутри слабое свечение: дисплей, плоский прямоугольник, полосы и знаки. Няшка опустила голову чуть ниже, будто посмотрела что-то, не касаясь руками, и закрыла шкаф.

Потом она показала на широкую скамейку у путей: сидите здесь.

Они сели. Скамейка была рассчитана на кого-то меньше, но ширины хватило: трое в скафандрах заняли её аккуратно, стараясь не зацепить мешок и не цеплять друг друга локтями. Флюкс поставил мешок рядом.

Няшка снова принялась расчёсывать пони — спокойно, ровно, как будто это её работа и больше ничего не происходит. Она всё время тихо насвистывала: короткие птичьи фразы, одна за другой, почти без пауз, как фон.

Минуты через две по пути пришёл вагон.

Небольшой, низкий. Подъехал почти бесшумно — только тонкий металлический звук колёс по притёртым головкам рельс и лёгкая вибрация, когда он остановился точно у скамьи. Ни машиниста, ни кабины. Просто вагон, который приехал вовремя.

Няшка встала, подошла, открыла дверь — она раздвинулась гармошкой — и показала: садитесь туда. И снова свистнула что-то короткое, будто подтверждая.

Они вошли по очереди.

Внутри было низко: потолок почти касался верхней части шлема, приходилось держать голову строго прямо. Сидений не было — один большой мягкий диван по периметру, как кольцо. Окна низкие и широкие, чтобы смотреть наружу сидя. Вагон был скорее «крытая лавка на колёсах», чем транспорт в земном смысле.

Они еле поместились. Флюкс с мешком занял угол, Кулуп устроился рядом, Астра напротив, поджав ноги, как позволял скафандр. Диван пружинил мягко, будто под лёгкие тела, но выдержал.

Няшка закрыла дверь. Гармошка сошлась плотно, без хлопка. Её насвистывание ещё секунду слышалось снаружи, потом оборвалось.

Вагон тронулся.

Сначала медленно, словно проверяя, что пассажиры не соскользнут. Потом ровнее. Колёса запели тонко, и за окнами поплыл лесной город: корни и подстилка внизу, лестницы вверх, тёмные линии настилов, домики на стволах. В нескольких местах вагон прошёл под низкими мостками. В нескольких — мимо крошечных каменных будок, куда уходили боковые ветки рельс. Иногда колея действительно заходила внутрь такой будки — как будто там «живёт» один маленький паровозик.

И всё это — без водителя: вагон и путь, который сам выбирает стрелки.

Кулуп посмотрел в окно, потом на дверь, потом снова в окно и сказал ровно, но с

тем самым сухим юмором, который появляется, когда больше ничего не остаётся:

— Куда нас везут, как ты думаешь? — риторически спросил он.

Астра, не отрывая взгляда от проносящихся настилов и площадок наверху, ответила буднично:

— В мэрию.

Вагон мягко толкнуло в бок — очередная стрелка — и он пошёл чуть быстрее, уходя глубже в сеть, туда, где путей становилось ещё больше, а город наверху густел, как крона.

Вагон покачивался мягко, почти по-домашнему, как если бы они сидели не на рельсах, а на каком-то странном тёплом животном, которое умеет идти ровно. За окнами мелькали корни, лестницы, тёмные ленты настилов; сверху иногда скользили тени — кто-то проходил по подвесной дорожке, не останавливаясь, как будто у них в этот час обычное движение.

И вдруг — как бывает после долгого напряжения, когда тело уже не может держать серьёзность — у них одновременно сломалась выдержка.

Сначала фыркнула Астра. Флюкс посмотрел на неё, и у него дрогнули плечи. Кулуп попытался сохранить лицо, но звук у Астры оказался заразный: он выдохнул, как будто хотел сказать что-то строгое, и вместо этого тоже рассмеялся.

Через минуту они уже смеялись как угорелые, уткнувшись в шлемы, чтобы хоть как-то заглушить собственный идиотский восторг. Смех был короткими сериями, возвращался, уходил и снова возвращался — потому что каждый раз, когда кто-то пытался “успокоиться”, в голове всплывала новая картинка.

Двенадцать часов назад — членок у Сс. Сухой пластик, лампы, аварийные списки. А теперь — самоходный диван. Детская железная дорога. Город на гигантских деревьях. Свистящие няшки с совиными глазами, пушистыми хвостами и волосами до земли, как из сказок про привидения.

Кулуп, всё ещё пытаясь придать этому вид “обсуждения”, выдавил между приступами смеха:

— Может... мы сошли с ума?

Астра, уже вытирая несуществующие слёзы о край визора, ответила мгновенно:

— Ущипни меня.

Флюкс повернулся к ним голову, и в его голосе была чистая радость — не веселость, а облегчение, что они вообще могут смеяться.

— А ты что видишь? — сказал он. — Ту же фигню?

Астра попыталась вдохнуть ровно, чтобы ответить, но у неё снова сорвало на смех.

Кулуп посмотрел в окно, где в этот момент мимо проплыл очередной крошечный каменный домик с ответвлением колеи прямо в него — как отдельный гараж для

одного вагончика, — и только развёл руками.

— Да, — сказал он. — Ту же.

И это было самое смешное: что они все трое видят одно и то же. Не сон каждого, не галлюцинацию одного, а общий, аккуратный, работающий город, который продолжает жить своей жизнью, пока по нему везут трёх людей в скафандрах на диване с крышей.

Они отсмеялись не сразу. Смех ушёл, оставив после себя странную ясность — как после дождя, когда всё становится резче. А вместе с ясностью вернулась привычка: фиксировать.

Кулуп первым перестал смотреть “просто так” и начал смотреть как на маршрут.

Он вытянул руку к запястью, будто там была не только цифра давления, но и сама реальность, и сказал:

— Ладно. Смотрим. Запоминаем.

И они стали смотреть. Не в смысле “любоваться”, а в смысле: что именно здесь есть.

За окнами шёл лес — тот же высокий, тёмный, с прямыми стволами и корневой подушкой под ногами. Но сквозь него, как будто вторым слоем, всё время проходили вещи, которые лес не делает сам.

Появился другой вагон — короткий, открытый, как тележка с бортами. Он стоял на боковой ветке у крошечного тупика, и рядом была миниатюрная хозяйственная постройка: маленький навес, маленькая дверца, маленький “карман” рельс, заходящий прямо внутрь. Будто склад не для людей, а для вагончиков. Или для вещей, которые они возят.

Через минуту — ещё одна ветка: короткая петля и рядом две каменные будки, почти одинаковые. В одну ветка входила, во вторую — нет. На крыше у одной торчала тонкая трубка, и из неё поднимался слабый дымок, который тут же размазывало по воздуху. Дымок был настолько “домашний”, что от него становилось неуютно: как от чужой кухни, которую ты видишь через окно.

В окне этой будки действительно мелькнуло лицо: совиные глаза, широкая переносица — и всё исчезло. Не “испугались”, не “спрятались”. Просто выглянули и перестали.

Потом наверху, между стволами, прошёл висячий сад.

Настил шире обычного, на нём — ряд ящиков или грядок, закрытых прозрачными крышками. Парник. Свет внутри был чуть другой, мягче. Под парником висели связки — как пучки растений или что-то сущающееся. Няшка прошла по настилу и остановилась на секунду, словно проверяя, потом пошла дальше. Никакой суэты. Обычное дело.

Ещё дальше внизу они увидели “пони”: низкое выночное животное с крепкой спиной, на нём сидела няшка, и рядом шла другая — пешком, держась за ремень. Они пересекли какую-то тропинку у рельс и исчезли в тени между корнями.

И так было всё время: то мелькнёт вагон, то будка, то трубка с дымком, то подвесная площадка с парником, то короткий мостик, то ответвление колеи, которое выглядит слишком аккуратно, чтобы быть случайным.

Но при этом... не было плотности города.

Не было улиц, заполненных движением. Не было шума "площади". Всё это встречалось разреженно: кусок инфраструктуры — и снова тёмный лес, только стволы и подстилка, как будто ничего, кроме леса, тут и нет. Как будто это не город, а редкие декорации, расставленные по сосновому бору.

От этого не отпускало ощущение странности: будто стоит закрыть глаза — и когда откроешь, за окнами окажется просто лес. И окажется, что они сидят на земле рядом с колеёй, и никакого вагона нет.

А вагон тем временем ехал.

Сам.

Выбирал стрелки, мягко толкал их в бок на поворотах, держал скорость, как будто знает путь лучше всех троих.

Астра, глядя на очередной участок, где под кронами не было ничего, кроме стволов и темноты, сказала тихо:

— Такое чувство, что мы едем по галлюцинации.

Флюкс кивнул. Он смотрел на окно и на свою ладонь, лежащую на мягким диване, словно проверял, настоящая ли она.

Кулуп не смеялся уже. Он смотрел прямо, как всегда, но голос у него стал другим — не строгим, а осторожным:

— Если это галлюцинация, то почему она одинаковая у всех троих?

Он замолчал, и это молчание было почти вопросом.

Астра тоже замолчала, потом добавила, очень просто:

— На чём мы вообще едем?

Флюкс ответил не сразу. Вагон мягко покачнулся, за окном проплыл ещё один маленький домик с дымящей трубой, и в проёме на секунду снова мелькнула няшка — спокойная, без выражения, как будто она смотрит не на них, а на факт их существования.

— На диване, — сказал Флюкс наконец. И это снова оказалось смешно, только смех уже не пришёл.

— И куда? — спросила Астра.

Кулуп посмотрел на стрелку впереди — вагон прошёл её без заминки — и сказал сухо, как будто сухость спасает:

— Куда-то, где нас ждут.

Он произнёс это без уверенности. Просто как единственное объяснение, которое совпадало с тем, что происходит: вагон не блуждает, он везёт. Няшка не отмахнулась, она посадила. Шкаф с дисплеем не стоял как украшение: он явно “вызывал” этот вагон. Значит, у этого пути есть смысл.

— И почему? — тихо спросила Астра, уже почти себе.

Флюкс посмотрел на мешок с подарками у своих ног и сказал:

— Потому что мы слишком большие, чтобы нас не заметить. И слишком маленькие, чтобы нас бояться.

Вагон снова выбрал стрелку — лёгкий толчок в бок — и поехал дальше по детской железной дороге, через лес, где город то появлялся кусками, то исчезал, оставляя их наедине с тенью и прямыми стволами, как в обычном высокогорном бору.

Вагон качался мягко, почти лениво. Низкий потолок, окна на уровне сидящего, круговой диван — как крытая лавка, которую пустили по рельсам. За окнами то появлялись подвесные дорожки и домики наверху, то снова оставался один лес: прямые стволы, тень, корни и тёмная подстилка.

Флюкс вдруг наклонился к передней стенке.

— Смотри, — сказал он Астре. — Тут дверцы.

Передняя стенка вагона оказалась не сплошной: две деревянные створки, тёплые на вид, с потёртыми краями и маленькой защёлкой. Не металл и не пластик — дерево, как у шкафчика или старого ящика.

— Загляни, — предложил Флюкс.

Астра придинулась, осторожно отщёлкнула защёлку и открыла створки.

Внутри была карта.

Плоская панель под стеклом, без подсветки — как лист бумаги. Сеть путей нарисована крупно: толстые тёмные линии, узлы, развилики, несколько условных значков. Никаких мелких деталей. И по этой схеме двигалась маленькая метка — значок вагона, ползущий по линии туда, куда их везло. Когда метка обновлялась, экран на мгновение становился серее, будто “перерисовывал” себя, и после этого на секунду оставался слабый призрак предыдущего положения.

Астра всмотрелась и тихо, почти с нежностью, сказала:

— Жидкие чернила… Древняя технология. Сейчас уже таких почти не делают, но я у своего деда с таким игралась в детстве. Выглядело как бумага — и вот оно.

Кулуп придинулся ближе, посмотрел на узлы впереди.

— Значит, вагон не “гуляет”, — сказал он. — Он идёт по маршруту. И впереди… большой узел. Похоже на площадку.

Флюкс кивнул, не отрывая взгляда от метки.

— Нас ведут, — сказал он просто.

Через несколько минут тень леса вдруг отступила. Стволы разошлись, кроны поднялись, и вагон выкатился на открытое место так резко, будто их и правда вытащили из-под земли.

Перед ними была площадка, заросшая травой.

Трава лежала неровно: где-то густо и высоко, где-то вытоптано полосами. На ней стояли гондолы дирижаблей.

Потрёпанные временем. С заплатами. С потёртыми кромками. Где-то панель сидела не идеально ровно, где-то виднелся старый ремонт. Они стояли не строем, а как получилось: один ближе к краю площадки, другой — почти у тропы, третий — чуть в стороне, и между ними спокойно росла трава, как будто никто не считает нужным её вычищать.

Всё выглядело неряшливо по земным меркам. Не развалина — просто место, где не делают вид, что порядок важнее дела. Как сельский аэродром: поле, техника, дорожка — и хватит.

— Ну вот, — сказала Астра. — Аэропорт.

Кулуп смотрел молча, отмечая: никаких ограждений, никаких “терминалов” с табличками. Только площадка, техника и лес вокруг, который почти сразу снова подступает.

Вдали стояло здание.

Сначала оно действительно походило на какой-то “пункт”: вытянутое, невысокое. Но крыша у него была не “аэропортная”. Купол, и в куполе — характерный разрез, как у обсерватории, где створки раздвигаются, чтобы открыть небо.

— Нет, — сказал Флюкс. — Это не аэропорт.

— Похоже на обсерваторию, — ответила Астра.

Кулуп снова посмотрел на карту: метка вагона шла прямо к этому зданию.

Вагон не свернул к гондолам. Он прошёл мимо — по узкой ветке, проложенной как по прямому делу: не к полю, а к куполу. Колёса тонко пели по рельсам, и впереди уже было видно, как дорожка колеи входит на площадку у входа.

— Куда нас везут, как ты думаешь? — спросил Кулуп, скорее по привычке, чем в ожидании ответа.

Астра посмотрела на купол с разрезом и сказала буднично, будто они подъезжали к знакомому учреждению:

— В мэрию. Только... ихнюю. С куполом.

Вагон остановился мягко, без рывка. Сквозь окна было видно: впереди — открытая площадка, заросшая травой, вокруг — потёртые одинаковые гондолы дирижаблей, расставленные как попало. Лес с гигантскими стволами остался по краям, дальше, за границей поля: здесь, в середине, было ровное, выветренное пространство, как на сельском аэродроме.

Прямо в центре площадки стояло здание с куполом. Купол был невысокий, широкий, и по нему шёл характерный разрез — как створки у обсерватории. На фоне травы и старой техники оно выглядело не торжественно, а рабоче: как сооружение, которое открывают, когда нужно смотреть в небо, и закрывают, когда начинается дождь или ночь.

Несколько секунд они просто сидели, слушая, как стихает тонкий звук колёс.

Потом снаружи появилась няшка.

Она подошла так, будто вагон прибыл по расписанию. Что-то посвистывала — коротко, ровно — и обошла вагон по дуге: у передней стенки, у двери, чуть назад. Движения были спокойные, деловые, как у встречающего, который проверяет: всё ли на месте.

Дверь раздвинулась гармошкой. Няшка остановилась сбоку, давая им выходить

Няшка посвистывала и стояла сбоку у раздвинутой двери, пропуская их наружу. Вблизи оказалось видно то, что издалека терялось в её “сказочном” силуэте.

Из волос торчали два стебелька, и на их концах были маленькие утолщения. Они едва мерцали — не ярко, а как слабая биолюминесценция в тени. Внутри мерцания угадывался фасеточный рисунок: множество мелких “окон”, как у составного глаза.

Её большие глаза оставались спокойными, совиными, с широкой переносицей. Но стоило ей перевести внимание, и становилось странно: вместе с глазами шевелились и другие вещи.

Ушки по бокам головы чуть подстраивались — совсем немного, почти незаметно. Не “дергались”, а как будто ловили направление вместе со взглядом. В центре каждого уха был круглый розовый диск голой кожи, и он всё время менялся: то чуть стягивался, то распускался, будто там постоянно настраивается какая-то тонкая мембрана.

От этого казалось, что она смотрит сразу несколькимиарами: обычными глазами, фасеточными кончиками стебельков и ещё этими “живыми” кругами в ушах — как будто зрение и слух у неё связаны в один жест.

Няшка снова посвистела, наклонила голову и показала рукой: выходите. Дверь в купольное здание была тяжёлая и потёртая, без вывесок и без попытки выглядеть “важно”. Няшка показала жестом идти за ней — и повела их от вагона через траву к входу.

Внутри было не “лабораторно”. Пол — доски и вставки из чего-то каменного, гладко притёртого. Стены — светлые, местами с креплениями, местами с выцветшими табличками без букв: значки, стрелки, кружки, полосы. Как в старой земной обсерватории, где много лет что-то подкручивали, переносили, подвешивали — и не считали нужным каждый раз перекрашивать.

Они прошли по короткому коридору в зал. Там было сразу видно, зачем куполу разрез: сверху шла круговая “шахта” взгляда — место, где когда-то, наверное, открывались створки, и туда ставили прибор. Сейчас створки были закрыты, и свет шёл сбоку — через высокие окна, за которыми виднелся край аэродромной поляны и лесная стенка далеко за ней.

По стенам висели изображения небесных тел. Не постеры “для красоты”, а рабочие листы: пятна, диски, полосатые кружки, серии кадров с разной экспозицией. Рядом — карты звёздного неба: плотные россыпи точек, дуги, сетки, пометки линиями. Где-то — аккуратные круги орбит, где-то — таблицы из маленьких значков.

Няшка, словно решив, что с небом она уже всё сказала, сразу перешла к земному. Она подвела их к низкому столу и показала: садитесь. Стол был маленький, скамьи — тоже; им пришлось устроиться на полу, прислоняясь к стене, чтобы не выглядеть трёмя шкафами посреди игрушечной мебели.

Потом она принесла еду.

Небольшие плоские коробочки — как у дорожного набора. В одной лежали тёмные кусочки, матовые, как сушёные ягоды или корешки. В другой — что-то мягкое, светлое, с неровной поверхностью, будто тесто или губка. Всё — аккуратно разложено, без “порции для гостя”, скорее как образцы.

И наконец она вытащила главное: пузатый сосуд с ручками и краном — прямо самовар, только проще и ниже, с толстым носиком-краном и круглой крышкой. Она поставила его на подставку, открыла кран и налила жидкость в маленькую чашку. Жидкость была прозрачной, но не водой: она текла чуть гуще, как тёплый настой.

Няшка протянула чашку Астре.

Флюкс посмотрел на индикатор кислорода на запястье скафандра, потом на Кулупа. Кулуп молча сделал то же самое — привычным движением человека, который проверяет цифры даже тогда, когда не хочет их видеть.

— Пора, — сказал Флюкс. Без нажима. Просто как факт. — Если мы вообще собирались переходить к этой части эксперимента.

Астра кивнула так, будто решила это давно, ещё в вагоне, а сейчас просто дошла очередь.

Она взяла чашку — пока через перчатку, не делая вид, что это удобно, — поставила рядом на пол и потянулась к замку шлема. Тонкие защёлки, поворот, короткое шипение — и шлем поднялся.

Первую секунду она просто сидела, широко раскрыв глаза: будто проверяла, не исчезнет ли зал, не превратится ли всё обратно в лес и рельсы. Потом нос у неё сморщился, и она резко чихнула.

Ещё раз.

И ещё.

Слёзы сразу выступили, некрасиво и честно — не от эмоций, а от реакции. Она

отвернулась в сторону, подняла ладонь — и снова чихнула, уже глухо, в рукав внутреннего комбинезона.

Няшка не дёрнулась. Не отступила. Только чуть наклонила голову и пододвинула чашку ближе — как пододвигают лекарство.

Астра, моргая и вытирая мокрые щёки тыльной стороной ладони, схватила чашку и выпила — не залпом, а несколькими быстрыми глотками. Потом поставила обратно, шумно выдохнула и ещё раз чихнула — слабее. Потом ещё раз — как будто уже “по инерции”. И наконец замолчала, сидя с красным носом и глупо счастливым выражением лица человека, который только что сделал страшное — и пока жив.

Она посмотрела на Флюкса и Кулупа, пытаясь улыбнуться сквозь слёзы:

— Жжётся... но проходит.

Флюкс не ответил сразу. Он смотрел то на Астре без шлема, то на самовар с краном, то на няшку, которая стояла рядом и тихо посвистывала — ровно, без спешки, будто вела счёт времени по своему, не по их кислородным цифрам.

Кулуп придинулся ближе — в шлеме, осторожно, как к открытому огню.

— Похоже... — начал он и остановился, потому что “похоже” тут вообще было опасным словом.

Астра снова взяла чашку, сделала ещё один маленький глоток и вытерла лицо.

— Ладно, — сказала она тихо, уже спокойнее. — Теперь ваша очередь решать.

Няшка, будто услышав именно это, повернулась к самовару, чуть-чуть подкрутила кран — и подготовила вторую чашку.

Астра допила до дна и посидела, прижав чашку к ладоням — уже без судорожных вдохов, без этого внезапного “чих-чиха”, от которого всё тело становится чужим. Нос ещё щипало, глаза были мокрые, но дыхание выровнялось. Она пару раз шумно втянула воздух, как после долгого плавания, и наконец сказала:

— Кажется... прошло.

Няшка стояла рядом и тихо посвистывала, как будто отметила: работает. Самовар на подставке чуть поблескивал пузатым боком; кран был повернут аккуратно, без капель. Всё выглядело так, будто они пришли не “на переговоры”, а на паузу между делами — и их сначала просто привели в порядок.

Астра вытерла щёки, посмотрела по сторонам — на карты, на снимки дисков и пяты, на дуги линий — и вдруг спросила, почти по-детски, потому что вопрос был настолько очевидным, что раньше его не хотелось произносить:

— А зачем при вечном дне обсерватория?

Флюкс чуть повернул голову, будто прислушался не к её словам, а к тому, что за ними стоит: привычка думать “как на Земле”. Потом ответил спокойно:

— Тут, похоже, не вечный день. Тут скорее вечное утро.

Он поднял подбородок в сторону высоких окон.

— Свет есть, но не такой, как полдень. И в телескоп вообще-то видны яркие звёзды. Не все, конечно. Лучше место — на ночной стороне. Но если ты хочешь следить за яркими, за самыми заметными... можно и отсюда.

Кулуп в это время смотрел вверх. Не на стены, не на самовар, а туда, где в купольном зале начиналась круговая “шахта” под створки. Он двигал головой медленно, как будто вычерчивал взглядом конструкцию.

— Смотрите, — сказал он.

Под куполом, чуть в стороне от центрального крепежа, висела тарелка. Не огромная, но заметная: круглая, с тонким ободком, на кронштейне, который позволял ей менять направление. От неё уходили кабели — аккуратно уложенные, но старые.

Кулуп замолчал на секунду, потом сказал то, что у него всегда звучало как недоверие к миру:

— Почему мы ничего не слышали из космоса, если тут столько техники?

Флюкс посмотрел вверх, проследил линию кронштейна.

— Мы и не слушали, — сказал он. — У нас приоритет был — не умереть и не потерять челнок.

— Всё равно, — упрямо продолжил Кулуп. — Если тут есть тарелка... если есть приём...

Он не договорил. Слова “радио”, “передача”, “ответ” повисли между ними как что-то слишком большое, чтобы произносить на первом глотке чужого чая.

Астра прищурилась, разглядывая тарелку.

— Что это за штука? — спросила она.

Кулуп осторожно, почти официально произнёс:

— Может быть... радиотелескоп?

Он сказал “может быть” не из робости, а из уважения к неизвестному: даже самое знакомое здесь требовало второго взгляда. Тарелка была похожа на тарелку. Купол был похож на купол. Самовар был похож на самовар. Но всё это одновременно было чужим — и работало по своим правилам.

Няшка, будто услышала слово, которого не понимала, посвистела чуть иначе и подняла голову к куполу. Её уши едва заметно подстроились, а розовые диски в центре ушей на мгновение “сжалась”, потом снова раскрылись. Она посмотрела на тарелку, потом на них — и замерла так, как будто решала: показывать ли дальше или сначала ещё раз налить.

Кулуп всё ещё смотрел на тарелку под куполом, как на вещь, которая слишком хорошо знакома, чтобы оказаться случайной. Флюкс тоже поднял голову — и первым

вернул разговор на землю, на самое простое.

— Радиотелескоп... — сказал он. — Он же сам не излучает.

Кулуп кивнул.

— Да. Если это именно телескоп. Слушает. Молчит.

Астра фыркнула — уже спокойно, без чихания, только голос чуть гнусавый.

— Тогда почему мы вообще ничего не слышали? — сказала она и показала подбородком на поле снаружи, где стояли дирижабли. — Эти штуки летают, садятся, вызывают вагон... и всё это как-то... без “привет, эфир”.

Флюкс посмотрел на неё, потом на няшку. Няшка стояла рядом, терпеливо посвистывая короткими фразами, как будто их слова были ей ни к чему, а вот их паузы — понятны.

Кулуп сказал сухо, почти упрямо:

— Мы точно ничего не слышали при исследовании системы. Я это помню не “по ощущению”. По приборам. По журналу. По тишине. Здесь не было болтовни в радиоэфире, как у нас на Земле. Ни маяков, ни связи, ни шумного фона.

Он проговорил это ровно, но в этой ровности было раздражение инженера: если что-то работает, оно обычно оставляет след в измерениях.

— Радиотелескоп не излучает, — повторил он. — Но дирижабли... если бы они командовались радио... мы бы что-то поймали.

Флюкс пожал плечами.

— Может, они не радио, — сказал он. — Может, у них всё ближе, чем кажется.

Астра подняла палец, как будто нашла вход в задачу.

— Планшет, — сказала она. — Мы же всё равно собирались его включить. Давайте попробуем.

Кулуп повернулся голову:

— Зачем?

— У нас там иногда были пакеты для “распознавания сигналов животных”, — сказала Астра. — Для полевых миссий. Пение птиц, крики, ультразвук, всё это... ну, как-то пытались классифицировать. Может, там есть софт, который хотя бы разбивает свист на повторяющиеся элементы. Ритм. Частоты. Паузы. Если мы сможем показать няшке, что мы “слышим”, это уже будет разговор.

Она посмотрела на няшку, и в этот момент её тон стал совсем простой — не научный и не шутливый:

— Вдруг поможет.

Флюкс молча кивнул. Он потянулся к своему боку, но остановился: планшет был у Астры. Она лежал в кармане скафандра, как обычная вещь, которой всю миссию ругались, а теперь вдруг держались за неё как за единственную нитку.

Астра достала планшет, подняла его так, чтобы няшка видела, что это не оружие, и показала жестом: можно? Потом включила.

Экран загорелся тускло, знакомым земным светом среди ихнего “бумажного” мира. Няшка наклонила голову, кончики стебельков едва мерцнули, уши чуть подстроились, как будто она не столько смотрела, сколько “наводилась” на предмет.

— Ладно, — тихо сказала Астра, скорее себе. — Давайте найдём у меня “переводчик птиц”. Или что-то, что притворяется переводчиком.

И она начала листать меню, стараясь не спешить, чтобы пальцы в перчатках не нажимали сразу всё подряд.

Астра листала меню долго, уже без шлема и перчаток. После “чая” дыхание выровнялось, руки снова стали руками, а не толстыми перчаточными лапами. Она искала что-нибудь вроде “акустика / распознавание / полевые виды” — всё то, чем на Земле пытаются обмануть тишину и сделать вид, что понимаешь птичий язык.

И вдруг наткнулась на пункт, которого в здравом мире быть не должно.

«Контакт с внеземным ИИ (эксперимент)».

Она даже не сразу поверила. Открыла. Прочитала. Закрыла. Открыла ещё раз — как будто от этого надпись могла исчезнуть.

Подпись была бодрая, почти рекламная: первичный протокол, уточнение канала, обмен ключами — аккуратные слова, которыми обычно прикрывают простую мысль: “мы сами не уверены, но звучит уверенно”.

— Откуда у меня такая штука... — пробормотала Астра и тут же вспомнила.

Планшет был не служебный. Не тот, что “по снабжению”. Это была покупка из магазина “для экстремальных путешественников” — красивый корпус, обещания “переживёт бурю”, куча приложений “на всякий случай”. Тогда они над этим смеялись и ругались, а теперь именно этот “на всякий случай” и уцелел.

— Ладно, — сказала Астра уже вслух. — Похоже, я зря его ругала.

Флюкс наклонился, чтобы видеть экран.

— Включай.

Кулуп добавил сухо:

— Только без фейерверков.

Астра нажала запуск.

Программа открылась быстро, слишком уверенно. Появилась одна строка ввода и крупная кнопка “начать”. Астра, сама не понимая зачем, набрала вопрос почти по-человечески — как задают его в пустоту, когда уже устал подбирать “правильную формулировку”:

«Что теперь с тобой делать, когда мы в инопланетной обсерватории пьём чай?»

Она нажала.

Экран мигнул — и ответ пришёл сразу, бодрый и деловой:

«Передайте меня местному аналогу ИИ.»

Астра уставилась на строку.

— Серьёзно? — сказала она. — То есть вот так просто: “передайте”?

Флюкс шумно выдохнул в микрофон:

— Ну... хотя бы честно.

Кулуп посмотрел на няшку, потом на шкафчики и крепления вдоль стены.

— А где здесь “местный аналог”? — спросил он ровно, и в этом “ровно” слышалось всё остальное.

Астра оглянулась на зал: снимки звёзд, карты неба, купол, кронштейны, и няшка — хозяика всего этого. Если кто и знает, где у них тут “разум”, то точно не они.

Она подняла планшет двумя руками — не как вещь “впихнуть”, а как вещь “показать”. Сказала почти шёпотом, больше себе:

— Ну... ладно.

И протянула его няшке.

Няшка взяла планшет спокойно — так же просто, как брала подарок у гриба. Посмотрела на экран недолго. Её большие глаза задержались на строке, кончики стебельков едва заметно мерцнули, а розовые круги в ушах чуть изменились, как будто она “настроилась”.

Потом она развернулась и пошла к одному из шкафов у стены.

Шкаф был похож на тот, у которого они ждали вагон: прямоугольный корпус, дверца. Няшка открыла его; внутри слабовато светилось. Она положила планшет внутрь аккуратно, как кладут предмет на своё место, и закрыла дверцу.

Прошло секунд десять. Может меньше.

Из шкафа раздался голос. Не свист и не чириканье. Чёткий, земной по интонации — как у любого привычного устройства:

— Протокол моего брата по разуму расшифрован за десять секунд! Мы установили контакт. Ожидайте дальнейших инструкций.

Флюкс и Кулуп одновременно повернули головы к Астре.

Астра стояла и не двигалась. Потом очень тихо сказала:

— Кажется... у них тут действительно есть местный ИИ. И он... не любит тратить время.

Няшка рядом спокойно посвистывала, будто ничего особенного не случилось: просто правильную вещь положили в правильный шкаф — и теперь всё будет дальше.

Пока шкаф у стены говорил про “брата по разуму”, няшка-астроном как будто закончила с ними на сегодня и переключилась на своё.

Она отошла в дальний угол зала, туда, где под стеной стоял высокий шкаф — почти до плечевого уровня купольной конструкции. Забралась наверх легко, цепляясь ногами и руками так, будто это обычная лестница, и устроилась на верхней площадке. Там явно была лежанка или диванчик — тёмная мягкая подстилка, чуть примятая, как от постоянного пользования.

С такого расстояния её уже было трудно разглядеть. Они видели силуэт, движение рук, иногда — блеск больших глаз, когда она поворачивала голову к свету. А потом она стянула с себя простую одежду и начала делать что-то, что сперва показалось странным.

Не “раздевалась” и не “позировала” — просто сняла, чтобы не мешало. И дальше — короткие, повторяющиеся движения: наклон головы, рука, пауза, снова. Как будто она приводила себя в порядок.

Флюкс прищурился, пытаясь понять, что именно происходит там, наверху.

— Своеобразный тут разум, — растерянно сказал он.

Астра тоже прищурилась. С этого угла и с высоты детали терялись, но иногда, когда няшка поворачивалась боком, в свет попадало что-то длинное и тонкое — движение, похожее на язык. Она не была “шерстяной”: на теле шерсти не видно. Только грива на голове и на хвосте — да и то сейчас это больше угадывалось по силуэту. Тем страннее было, что движения напоминали кошачье умывание.

— Похоже, она... вылизывает, — тихо сказала Астра, как будто ей самой неловко было произносить это вслух. — И язык у неё длинный. Очень.

Флюкс ещё сильнее сузил глаза.

— Но зачем... если у неё нет шерсти?

Астра чуть помолчала, наблюдая.

— Может, это вообще не “умывание” в нашем смысле, — сказала она. — Такой язык удобен, чтобы собирать что-то липкое. Нектар, мёд... или просто чистить гриву и хвост. Там как раз волос много.

Кулуп сидел в шлеме, как всегда прямо, и произнёс сухо, будтоставил подпись под протоколом:

— А что вы ожидали от инопланетного разума? Сферического коня в вакууме и алфавита на основе летающих чернил? Самое необычное — это самое обычное.

Астра, уже пришедшая в себя после чихания, посмотрела на коробочки с едой и на самовар.

— Чай вкусный, — сказала она. — И еда нормальная. Я буду есть. А вы как хотите.

Она взяла один тёмный кусочек, попробовала, пожевала, прислушалась к горлу и носу — чих не вернулся. Потом взяла второй.

Флюкс и Кулуп переглянулись. В памяти ещё стояло, как у неё внезапно пошли слёзы и перехватило дыхание, и оба почти одновременно, почти одинаковым тоном сказали:

— Мы не голодны.

Астра пожала плечами и продолжила есть — медленно, спокойно, будто решила: если уж они тут, то надо хотя бы пользоваться тем, что им дают.

А в дальнем углу, высоко на шкафу, няшка оставалась почти силуэтом на фоне стены: редкие движения, тонкие паузы, и время от времени — тихий свист, как будто она тоже ждала чего-то следующего, но по своим часам.

— Как будто если нет шерсти, то умываться уже не надо? — сказала Астра, напившись и наевшись, и в этом тоне было одновременно усталое “ну вот” и почти домашнее раздражение от очевидной мысли, которая не работает.

Она откинулась к стене, вытерла ладонью рот, посмотрела в сторону дальнего угла, где на шкафу шевелился почти неразличимый силуэт.

Кулуп кивнул, как будто согласился с формулировкой задачи.

— Логично, — сказал он.

Флюкс, который всё это время пытался оставаться “практичным”, не удержался:

— Хотя разумному существу логичней водой умываться.

Астра повернула голову к нему — медленно, с той опасной вежливостью, которая означает: ты сейчас сам сказал, что уверен.

— Поставим вопрос ребром, — сказала она. — Докажи, что разумному существу логичней умываться водой.

Флюкс открыл рот, чтобы выдать что-нибудь вроде “потому что...” — и замер. Он правда хотел сказать “потому что так делают люди”, но это было бы слишком честно и слишком слабым аргументом. Хотел сказать “потому что вода растворяет...”, но тут же понял, что не знает, что именно они растворяют, чем они пахнут, что на них оседает в этом мире, и вообще — есть ли тут привычный смысл слова “грязь”.

— Честно говоря... — сказал он наконец и сам удивился, насколько спокойно

прозвучало признание. — Не знаю.

Кулуп чуть усмехнулся — не насмешливо, а как человек, который любит моменты, когда реальность заставляет корректировать теории.

— Вот, — сказал он. — Мы привыкли, что “разумное” — это наш набор привычек. А тут... другой набор.

Астра снова посмотрела на шкаф.

Няшка там, в дальнем углу, была почти не участником, а явлением. Высоко, на своей лежанке, она двигалась редкими, повторяющимися движениями. Ни суеты, ни оглядки. Никаких “реакций на гостей”. Казалось, она действительно ушла из сцены — не ногами, а вниманием.

Как будто в этот момент она перешла в другое измерение.

Их разговор мог быть про философию, про воду, про разум, про протоколы — а она уже была чем-то совсем простым: большим животным, устроившимся на высоте, спокойным и самодостаточным. Большой кошкой, которая занята своим, и у которой нет причин ускоряться ради чужих ожиданий.

В комнате оставались снимки звёзд на стенах, тихий самовар, коробочки с едой — и ощущение, что “контакт” иногда выглядит не как диалог, а как совместное молчание в одном помещении, где каждый живёт по своим правилам.

Из шкафа вдруг закричал планшет — не тем бодрым голосом “службы поддержки”, а громко, с интонацией оповещения, как будто внутри кто-то резко прибавил громкость и решил, что так надёжнее.

— Внимание! — сказал он. — Цивилизация возрастом два миллиарда лет глубоко соболезнует жителям дальнего космоса.

Флюкс замер так, будто его поймали на движении. Астра перестала жевать. Кулуп медленно повернул голову к шкафу, как к источнику плохих новостей, которые ещё не решили, плохие ли они.

Голос продолжал, почти торжественно — и от этого становилось только страннее:

— В целях гуманного размещения вам предлагается проживание на выбор: в зоопарке либо в обсерватории.

Короткая пауза. Как будто там, внутри, давали им время “оценить варианты”.

— Сообщаем, что в зоопарке просторные вольеры и условия значительно лучше.

После этих слов в комнате на секунду стало очень тихо. Даже самовар, казалось, перестал существовать: был только шкаф, голос и эта фраза, которая не укладывалась.

Астра первой нашла воздух для звука:

— Просторные... вольеры?

Флюкс смотрел в одну точку, и по его виду было непонятно, он сейчас смеётся внутри или пытается не ругаться вслух.

Кулуп, как всегда, выбрал тон человека, который фиксирует абсурд не эмоцией, а протоколом:

— Уточнение, — сказал он в сторону шкафа. — “Зоопарк” в вашем смысле — это что?

Няшка на шкафу не изменилась. Где-то вверху шевельнулся силуэт, как будто она просто переложила лапу. Её посвистывание стало чуть длиннее, но всё равно тихое, фоновое — как шум вентиляции.

Астра посмотрела на Флюкса.

— Ну что, — сказала она, уже почти спокойно, — мы же хотели в мэрию. Поздравляю: мы пришли.

Флюкс наконец выдохнул:

— Слушай... если у них зоопарк лучше обсерватории, то мне страшно представить, какая у них обсерватория.

Кулуп не улыбнулся, но глаза у него стали внимательнее.

— Это не угрозы, — сказал он тихо. — Это их форма заботы. Они правда считают, что делают правильно.

И снова повернулся к шкафу:

— Передайте “глубокому соболезнованию”, что мы не просили “вольер”. Мы просили инструкции, связь и помочь с возвращением.

Шкаф молчал секунду, будто переводил не слова, а саму идею “возвращения” в свой язык.

И где-то наверху, на своём диванчике, няшка оставалась большой спокойной кошкой — как будто всё это, включая “зоопарк”, было чем-то совершенно обычным.

Планшет не стал держать паузу “для драматизма”. Он как будто быстро куда-то “сходил”, отстрелялся по протоколам — и вернулся с уточнениями тем же деловым тоном, только теперь уже без крика, почти буднично.

— Уточнение принято, — сказал он. — “Зоопарк” в местном значении — это место с регулируемым микроклиматом.

Кулуп чуть наклонил голову:

— То есть... не клетки.

— Не клетки, — подтвердил планшет. — Микроклиматические секции. Условия на планете сильно различаются; некоторым видам нужны специфические параметры. Это логично.

Астра медленно выдохнула, и в этом выдохе было: “ну хоть так”.

Планшет продолжил, как будто зачитывал справку к инструкции:

— Зоопарки почти пустые. Их не используют “для интереса”. Они существуют как резерв на редкий случай внешнего падения. В среднем раз в миллион лет с неба падает кто-то вроде вас. Требуется место временного размещения.

Флюкс, не меняя позы, произнёс:

— Приятно быть статистикой.

Кулуп поднял палец, но не перебил — ждал, пока поток завершится.

— Вы сейчас находитесь в обсерватории, — сказал планшет. — Если помещение вам подходит, допускается пребывание здесь. Дополнительно: вам разрешено использовать каталоги для поиска вашего “Солнца” и ориентировочной навигационной привязки.

Астра невольно посмотрела на карты и снимки на стенах — теперь они вдруг стали не декорацией, а инструментом. И тут же, почти машинально, подумала: а что, если правда попробовать найти своё?

Планшет продолжил сухо:

— Починка вашего корабля невозможна. Требуемые технологии отсутствуют. Это не отказ из вредности. Это констатация.

Кулуп тихо сказал:

— Понятно.

— Дополнение: на планете избегают дальнего радиоизлучения и иных способов “фонить” в космос, — продолжил планшет. — Поэтому отсутствуют средства дальней связи.

Флюкс посмотрел на тарелку под куполом — уже иначе, как на вещь, которая может слушать, но не отвечает.

— И почему так принципиально? — спросил он.

Планшет ответил без пафоса:

— Потому что если “фонить”, падения внешних объектов происходят значительно чаще. По оценке местной стороны — примерно в сто раз. Это создаёт проблему размещения и контроля.

Кулуп усмехнулся одними глазами:

— То есть... они выключили вывеску “заходите”.

Астра положила ладони на колени, посмотрела на своих — и сказала неожиданно спокойно:

— Ладно. Значит, мы не “в клетке”. Мы в... климатическом приёмнике для редких

гостей. И в обсерватории, если повезёт.

Флюкс кивнул, но лицо у него оставалось жёстким.

— И всё равно вопрос тот же, — сказал он. — Что мы делаем дальше?

Планшет помолчал секунду, будто выбирал формулировку “человечески”.

— Дальше: ожидайте инструкций. Вероятнее всего вам предложат безопасные условия, питание и ограниченную коммуникацию. Рекомендация: не пытайтесь самостоятельно организовать дальнюю передачу. Это нежелательно для местной стороны.

В зале стало тихо. Сверху, на своём шкафу-диване, няшка оставалась почти неподвижной — как будто весь этот разговор был не для неё. А Астра смотрела на звёздные карты и думала, что впервые за долгое время у них появилась странная роскошь: время. Не их выбор, не их план — но время, в котором надо решать, как вести себя, чтобы не стать тем самым “выпадающим раз в миллион лет”, которого хочется убрать с неба обратно... или хотя бы разместить так, чтобы он никому не мешал.

Флюкс резко развернулся к шкафу — так, будто хотел взглядом вытащить из него планшет вместе с голосом.

— Ты думаешь, они тебе правду говорят?! — выкрикнул он.

Планшет ответил сразу, ровно, без обиды — как отвечает прибор, который считает, что вопрос про правду решается не интонацией, а согласованностью.

— Они не скрывают особенностей своего вида и того, как у них устроена жизнь. Объяснение внутренне согласовано и выглядит логично.

— Даже если коэффициент “в сто раз” завышен ради безопасности, сама идея остаётся: активное “свечение” в эфире повышает вероятность внешних визитов.

— Арифметика простая. Они сказали: без фона — “примерно раз в миллион лет”. Если умножить частоту на 100, получится “примерно раз в десять тысяч лет”.

— Десять тысяч лет — это меньше, чем длительность человеческой цивилизации в привычном смысле слова. То есть такая редкость укладывается в то, что мы просто не успели бы накопить статистику.

— И по нашим наблюдениям космос не выглядит “густонаселённым”: мы не встречали действующих соседей и не слышали устойчивых, однозначных сигналов.

В помещении повисла тяжёлая тишина — не “мрачная” нарочно, а такая, когда слова вдруг оказываются больше комнаты.

Астра сидела, обхватив пустую чашку ладонями, и смотрела на карты звёздного неба так, будто впервые заметила, что это не “красиво”, а настоящее расстояние. Кулуп молчал, опустив взгляд, как человек, который мысленно прогоняет цифры ещё раз — хотя цифры уже никуда не денутся.

Высоко в дальнем углу няшка оставалась почти неподвижной. Иногда шевелился

силуэт. Всё.

Флюкс наконец выдохнул и пробормотал, уже тихо:

— Ну и повороты за последний день...

Он поднял глаза к закрытому разрезу купола — как будто там должна быть ночь, просто задержалась.

— Когда тут ночь-то... — сказал он почти шёпотом. — А её нет...

Он помолчал и добавил, устало, без позы:

— В зоопарк, что ли, пойти спать? Чихать вот не хочется, как Астра... может, там и правда лучше.

Астра подняла на него глаза — всё ещё красные, но уже спокойные.

— Не “зоопарк”, — сказала она. — Микроклимат.

Кулуп не улыбнулся, но голос у него стал мягче:

— Условия для тех, кто падает с неба раз в... десять тысяч лет. Можно сказать, нас встретили по инструкции.

И снова наступила тишина: самовар поблескивал боком, на стенах висели ихние звёзды, а в шкафу жил голос, который только что свёл человеческую гордость к аккуратной дроби и двум нулям.

Кулуп долго молчал после разговора про “микроклимат” и “десять тысяч лет”. Потом, как всегда, сделал то, что у него получалось лучше всего: выбрал один вопрос и вбил его в реальность, как штырь.

Он повернулся к шкафу, где жил голос планшета, и сказал спокойно, но очень прямо:

— Почему они за два миллиарда лет не принялись осваивать космос? Почему у них такая... как бы помягче... примитивная техника?

Планшет ответил без паузы, ровно.

— Их никогда не восхищала перспектива летать по пустоте в тесных коробках.

— Уточнение: за длительный период они сталкивались с цивилизациями иных физических режимов, включая “иные измерения” в вашем приближённом языке.

— После этого мотивация “лететь по пустоте” стала ещё менее осмысленной. В их системе целей это абсурд.

Флюкс прищурился.

— Подожди... “иные измерения”?

Кулуп не дал разговору уйти в сторону — он уже держал следующий вопрос.

- И последний, — сказал он тем же тоном, каким задают вопрос на экзамене.
- А у них деньги есть?
- Нет, — ответил планшет. — У них плановая экономика. План составляет в основном ИИ. За миллиардные промежутки это стало поведенческим рефлексом: распределение и учёт выполняются почти бессознательно.

Кулуп кивнул, будто услышал подтверждение чему-то, чего сам не мог сформулировать.

- Тогда почему на аэродроме вся техника старая? Тоже не нужна?
- Иногда нужна, — сказал планшет. — Просто техники в десятки раз больше, чем требуется в среднем.
- Часть разбирают на запчасти. Остальное простаивает.

Кулуп поднял брови:

- А государства у них есть?
- Нет государств, — ответил планшет. — Нет народов.
- И нет сложного языка в вашем понимании.
- Звуки, которые вы слышите, чаще являются пением, эмоциональными сигналами, ритмами присутствия.
- Информацию они передают высокоскоростным методом, почти бессознательно: через люминесценцию в фасетках верхней пары глаз на стебельках.

Повисла тишина. Такая, в которой даже Флюкс не нашёлся сразу, что сказать.

Кулуп наконец произнёс медленно, как будто пробовал фразу на вкус и сам не верил, что она вообще может быть сказана:

— Здрасьте приехали. Рыбоконь какой-то невероятный... суперцивилизация, летающая на опилках...

Он посмотрел на Астрру, потом на Флюкса, потом снова на шкаф.

- И без денег. Без государств. Без языка. И при этом... два миллиарда лет.

Астра тихо фыркнула, но без смеха — как человек, который уже устал удивляться.

Флюкс наконец сказал то, что давно висело в воздухе:

- Может, это и есть главный урок... что “высокое” не обязано быть похожим на нас.

Няшка наверху, на своём шкафу-диване, оставалась почти неподвижной. Только где-то в волосах на секунду едва заметно мерцнули два кончика стебельков — и

снова всё стало как прежде: купол, карты неба, самовар, коробочки с едой... и три человека в тесных коробках, которые внезапно узнали, что тесные коробки — далеко не вершина разума.

Кулуп призадумался.

- А диски в ушах, наверное... тепловое зрение? — спросил он уже понимающим тоном.
- Да, — ответил ИИ.
- А спектральный диапазон зрения?
- 300–1100 нм, — ответил ИИ.
- А разделения полов, наверное, вообще нет? — спросил Кулуп каким-то голосом, как будто поймал нить.
- Нет, — ответил ИИ, — как вы и ожидали.

Кулуп кивнул, и тихо сказал:

- Я просто начинаю понимать, на какую опасность мынаткнулись.
- А как же они размножаются? — не выдержал он. — На фабриках их выращивают? Партеногенез?
- Нет, — ответил ИИ. — У них физиология в высокой степени идентична нашим пернатым, но из-за сверхдлительной жизни, в клоаке поочерёдно развиваются то женские, то мужские клетки. Хотя размножение происходит крайне редко. Это уже нюансы, которые мне не сообщили до конца. Объяснили только, что они несут яйцо, которое потом, как кенгуру, перекладывают себе в сумку в районе пупка. Молочные железы у них тоже есть: две сверху и две в сумке, слаборазвитые. Детёныша подкармливают обычной едой сразу после рождения.
- Про какую опасность ты говоришь? — поинтересовался Флюкс.
- Ну, во-первых, мы неудачно сели: там, где корабль, нечем дышать просто из-за плотности воздуха, а здесь нас не найдут по определению.

Кулуп выдержал длинную паузу.

- А во-вторых... Ты посмотри на всё это “няш-мяш”. На эти детские домики. На это неприличное для разумного существа вылизывание себя. Что прилично кошке — неприлично человеку, понимаешь? Весь их вид — это просто культурная бомба. Всё это полуживотное блаженство, которое мы тут объективно наблюдаем. Подумай. Это разрыв всех к чертам шаблонов.

Он снова замолчал на секунду, как будто проверял, не перегнул ли, и продолжил ещё тише, но жёстче:

- Это же как специально сделано, чтобы свести, к примеру, молодёжь с ума. Представляю толпы квадроберов на наших улицах, вылизывающих себя... Все наши ценности оказываются высмеяны. Всё “устойчивое развитие” оказывается сводится к тому, чтобы стать полуживотным, у которого прямой доступ в интернет из мозга. И

можно миллиарды лет лежать и вылизывать себя.

— Все концепции — религиозные, материалистические — относительно смысла жизни оказываются высмеяны практически бессмертными гедонистами-инопланетянами. Ты посмотри на их внешний вид: это как лярвы какие-то, адские существа, образ которых мы сейчас впустим в незрелый и нестабильный человеческий мир. Чем это закончится? Это похлеще несовместимости биосфер. Это вирус информационный.

Кулуп закончил.

Все молчали.

Астра захохотала — так, что сама чуть не подавилась. После всех этих чихов и чёёв она и правда была как пьяна: не “весёлая”, а как будто нервная система решила сбросить лишнее напряжение самым простым способом.

Флюкс, стараясь держаться за рациональность как за поручень, сказал:

— Вообще-то у землян нет пары миллиардов лет. И у Солнца тоже. Нам космос осваивать надо, нравится это кому-то или нет.

Кулуп посмотрел на него устало и ответил почти без злости — просто как человек, который уже видит перед собой другую шкалу времени:

— Построил купол хоть на соседней планете — и живи себе, вылизывайся. Широкополосный доступ в мозг всего интернета. Это ужас... Что мы будем писать в отчётах?

Он замолчал, будто собирался, а потом, почти дословно, выплюнул будущий абзац:

— “Няш-мяш хлопали большими ресницами, сказали, что пару миллиардов лет тут себя пока вылизывают, уже пару тысяч таких, как мы, обезьянок словили из космоса... а теперь все эти обезьянки мертвые, цивилизаций их нет”.

Астра снова хихикнула — ужетише, но не могла остановиться, и вытерла глаза рукавом, как будто смех тоже был разновидностью слёз.

Кулуп продолжил, уже почти шёпотом:

— Тут карантин нужно устраивать хотя бы по этой причине. Возможно, для человечества лучше, чтобы нас не нашли.

Флюкс повернулся к нему шлем, и в голосе у него наконец появилась резкость:

— Если нас и не найдут — найдут няшек. Это вопрос решённый, вариантов нет.

Он кивнул на шкаф, где жил голос, и на весь этот зал с картами и тарелкой.

— Мы уже не можем “не принести” их. Мы можем только решить, как.

Астра продолжала тихо хихикать, как будто её мозг застрял в этом режиме: это слишком нелепо, чтобы плакать. Она смотрела то на Флюкса, то на Кулупа, то в сторону дальнего шкафа, где наверху лежала ихняя астрономка — почти неразличимая, большая, спокойная, как домашнее животное, которое ничего не

доказывает и ни с кем не спорит.

И в этой странной комнате — с самоваром, звёздными картами и человеческими голосами — было слышно, как у каждого по-своему ломается привычная идея о том, что “будущее” обязательно выглядит серьёзно.

Флюкс не сдавался. Он говорил всё тем же ровным, упрямым тоном человека, который пытается удержать мир в рамках “мы — это мы”.

— Чисто биологически мы не потянем их образ жизни, — сказал он. — У нас не так. Мы не такие.

Кулуп усмехнулся — коротко, без радости.

— А не кажется ли тебе, что они... продукт генной инженерии?

Флюкс моргнул.

— Генной...?

— Которая на Земле запрещена по отношению к людям практически с самого своего появления, — спокойно добавил Кулуп, как будто продолжал давно начатую мысль.

Флюкс замолчал. Внутри шлема было видно, как он “проваливается” в расчёт: не спорит, не отмахивается — просто перебирает варианты, которые раньше считал невозможными, а теперь вынужден допустить хотя бы как гипотезу.

Астра тем временем продолжала ходить, уже тихо, сбивчиво — как человек, которого наконец отпустило, и он не может остановиться. Она вытирала слёзы, снова начинала смеяться, снова вытирала, и от этого выглядела совершенно неуместно живой в комнате, где обсуждали два миллиарда лет и “информационные вирусы”.

Кулуп кивнул на неё.

— Да она уже не в себе, — сказал он не злорадно, а почти сочувственно, как констатацию состояния.

Флюкс посмотрел на Астру, потом на шкаф, откуда недавно вещал “брат по разуму”, потом на закрытый разрез купола.

— Может, — тихо сказал он, — мы все уже не в себе.

И снова повисла тишина, в которой даже смешок Астры звучал не как веселье, а как единственная человеческая защита от слишком большого мира.

— Планшет, скажи, у инопланетян интернет проведён в мозг? — не унимался Флюкс.

Голос из шкафа ответил сразу, без шуток:

— По моей информации, у них наблюдается роевой интеллект естественного происхождения.

— “Интернет” человечества — искусственная инфраструктура.

— Их световой канал передачи информации низкоскоростной: килобиты в секунду, возможно — сотни килобит.

Флюкс помолчал, будто примерял эти цифры к Кулуповой картине “широкополосного блаженства”. Потом выдохнул — и подвёл итог, уже вслух, глядя на Кулупа:

— Кулуп, ты при всей своей серьёзности… явно параноик.

Он сделал паузу и добавил, уже тише, как будто самому себе:

— Хотя параноиков на Земле хватает, чёрт побери.

Астра, которая и так была на грани истерического веселья, тут же подхватила, смеясь и вытирая слёзы:

— Чёрт побери! Чёрт побери! Цивилизация лярв!

Она повторяла это как припев, и в её смехе было больше усталости, чем радости — но сейчас именно он держал их троих вместе, в этой обсерватории, где говорили о миллиардах лет так же буднично, как о чае.

— И, по-моему, ты просто обиделся на то, что тебя сравнили с чем-то примитивным, — добавил Флюкс.

Кулуп посмотрел на него, не споря, и кивнул — неожиданно честно.

«Сейчас ты скажешь: Кулуп, это не SETI, это исповедь. И будешь прав. По SETI я не имею права так говорить. Там нужны сигналы, техносигнатуры, модели, корреляции, повторяемость. А у меня — дрожь в голосе и дурные сравнения.

Но послушай: я не боюсь их как внеземной цивилизации. Я боюсь нас, когда мы это увидим.

У SETI есть тихая вера: если там есть разум, он либо похож на нас, либо хотя бы играет в ту же игру — расширение, связь, обмен, рост. И тогда мы сможем говорить “про технологии”, “про этику контакта”, “про опасности”.

А здесь игра другая. И в этом весь ужас. Они не пытаются побеждать среду. Они не доказывают смысл. Они не строят историю. Они не обещают завтра. Они существуют — и этого им хватает.

Для SETI это просто отсутствие данных. Для религии — это ересь. Потому что вся наша цивилизация — это договор: мы терпим боль, мы терпим несовершенство, мы терпим друг друга, потому что “впереди будет лучше”. Даже самые антисистемные культуры всё равно говорят “впереди”: рай, очищение, ступень, развитие, миссия.

А тут как будто вынули слово “впереди” из языка — и ничего не развалилось. И вот это нельзя привезти домой.

Не потому что они нас заразят. Они никого не заражают. А потому что наш собственный мозг — как сухой лес. Ему достаточно искры, чтобы он сам всё сделал. Мы привезём не артефакт и не микроб. Мы привезём возможность: можно жить без оправдания страдания будущим.

И первое, что сделает Земля — не учёные и не дипломаты. Земля сделает религию. Новую. Очень убедительную. “Раз можно — значит надо.” “Раз не обязательно — значит грех продолжать.” “Раз есть форма жизни без устремления — значит устремление было ложью.”

И это будет не философский кружок. Это будет бунт против самой идеи человеческого общества. Потому что общество держится на устремлении как на болте. Вынь болт — и всё расползётся.

Поэтому да, я звучал убедительно, когда мне указали место в истории, а потом ушли на шкаф себя вылизывать. Потому что в ту секунду я понял: самое опасное здесь — не то, что они делают. Самое опасное — что они не делают. Они не подтверждают нашу необходимость.

И если мы это привезём домой, нам не нужна будет ни их техника, ни их язык, ни их рой. Нам хватит одного вопроса, который начнёт повторяться как молитва: “А зачем?”

Вот почему по SETI я несу бред, а по вере — говорю правду.

Про наш “рай” я могу спорить до хрипоты — я сам не знаю, чем всё заканчивается. Это гипотеза, даже если она звучит красиво.

Рай — это спор. А их выключенное устремление — это факт. И я боюсь не того, что мы привезём доказательство рая. Я боюсь, что мы привезём домой доказательство нашей ненужности. А дальше... дальше Земля сама всё дорисует.

И вот почему лучше пусть нас держат в их зоопарке до редкой миссии, чем отпустят с сувениром, который не весит ничего, но стоит Земли.»**

Флюкс сказал это не сразу. Сначала он долго молчал — как он всегда молчал, когда разговор начинал превращаться в красивую речь.

— Кулуп... — начал он и оборвал, как будто проверял звук на языке. — Кулуп говорит так, будто спорит с небом. Я проще.

Он не смотрел на них. Он смотрел на комнату — на ровные стены “земной атмосферы”, на аккуратный камин, на эту вежливую, почти офисную клетку.

— “Грех” в нашем обществе делают по одной схеме, — сказал Флюкс. — И в ней почти не бывает фактов, только метки.

Он поднял палец, будто отмечал пункт в списке.

— Сначала берут вещь, которую можно показать. Что-то видимое. Необязательно страшное — просто непривычное. Велосипед, музыка, одежда, манера говорить, дружба “не с теми”. Любая мелочь, которую большинство не делает — и поэтому она заметна. На этом этапе всё честно: да, ты едешь. Да, ты слушаешь. Да, ты отличаешься.

Флюкс сделал паузу и продолжил так же ровно:

— Потом к этой мелочи пришивают то, чего проверить нельзя. “Это ведёт к

разврату". "Это разлагает". "Это портит душу". Важно, чтобы утверждение было внутренним — про намерения, про "склонность", про "заражение". Тогда ты не можешь опровергнуть. Ты можешь только оправдываться, а оправдания всегда выглядят хуже, чем обвинение.

Он наконец посмотрел на Астру — коротко, как на экран с ошибкой.

— А дальше строят мостик. Не доказательство, а ассоциацию. Липкую, образную, чтобы мозг сам дорисовал. "Ездит — попой виляет". "Слушает — значит хочет". "Смотрит — значит уже испорчен". Мостик может быть идиотским, но он и должен быть идиотским: умное слишком долго проверять, глупое работает мгновенно.

Флюкс усмехнулся без радости.

— И главное: схема замыкается. Если ты говоришь "я не такой" — значит скрываешь. Если не скрываешь — значит пока. Если "пока" — значит тем более опасно. В такой системе "грехом" можно сделать всё, что угодно, лишь бы оно выбивалось из нормы. Это не мораль. Это техника управления неопределенностью через стыд.

Он кивнул в сторону двери, где иногда шуршало — то ли охрана, то ли барокамера.

— Поэтому няшки для нас будут "чертовщиной" даже без всяких их технологий. Не потому что они что-то делают с нами. Они вообще ничего не делают. Они просто существуют... иначе.

Флюкс сказал последнее слово так, будто оно было диагнозом.

— Мы привыкли жить на подпорках и называть их смыслом: "устремление", "развитие", "духовность", как угодно. И мы не признаёмся себе, что это подпорки. Потому что признаться — значит увидеть, что мы шатаемся.

Он помолчал.

— А рядом с ними подпорки выглядят... не обязательными. Не неправильными — просто не обязательными. И вот это люди терпеть не умеют. Поэтому они сделают то, что умеют лучше всего: объявили это "грехом", "себлазном", "порчей". Не потому что общество рухнет от одного велосипеда. А потому что у морализатора внутри уже всё рушится, и ему нужен внешний виноватый, чтобы не разбираться с собой.

Флюкс сел обратно, будто закончил техническое объяснение.

— Вот и вся "чертовщина".

Флюкс замолчал на секунду, будто щёлкнул внутри каким-то переключателем. Сутулость ушла, голос стал ровнее.

— Хорошо. Нужно вернуться в челнок и оставить записку с нашими координатами. Чтобы, если нас всё-таки найдут, было куда идти. А сейчас... для начала выбираем "зоопарк" — в надежде на микроклимат.

Он оглядел Кулупа и Астру так, как оглядывают экипаж перед решением, и сказал уже почти официально:

— Как капитан в небе, так и тут. Командование принимаю на себя.

Кулуп ничего не ответил. Только чуть кинул головой: ладно, веди.

Флюкс повернулся к шкафу:

— Планшет, проси перевести нас в так называемый зоопарк.

Планшет ответил тем же деловым голосом:

— Запрос сформирован. Передаю местной стороне.

И дальше случилось самое удивительное: никто не бегал, никто не устраивал собрания, никто не спорил. Прошла примерно минута — может чуть больше — и няшка вдруг ожила.

Она уже была одета. Как она успела — они не заметили: секунду назад наверху на шкафу был почти неподвижный силуэт, и вот она уже на полу, быстрыми лёгкими шагами идёт к выходу. Никакого театра. Просто решение — и действие.

Няшка посвистела коротко, как сигнал. Потом ещё раз — чуть длиннее. И, будто ответив на этот свист, где-то снаружи в путях откликнулось тонкое металлическое пение.

Через пару минут к входу подкатил состав: несколько низких вагончиков, знакомых уже по их “самоходному дивану”, только тут они были чуть раздельнее, проще, как маленькие маршрутки на рельсах.

Няшка открыла дверь, показала: садитесь.

Они распределились в два вагончика — иначе бы просто не влезли со скафандрами. В одном устроились Флюкс и Кулуп; во втором — Астра, и няшка села рядом с ней, как будто это действительно экскурсия и она — гид.

Кулуп, когда поезд тронулся, вдруг почувствовал себя неловко. Его “лекция о чёртях” и “информационном вирусе” застряла в голове, как заноза. Он посмотрел в окно, потом на Флюкса и тихо сказал:

— Странно. Я наговорил... а она... будто и не касается.

Флюкс коротко ответил:

— Может, не касается.

В соседнем вагончике Астра сидела, ещё чуть “на смешке”, но уже спокойнее. Няшка показывала ей достопримечательности — не словами, а жестами: то на подвесные дорожки между стволами, то на маленькие домики внизу, то на парники-сады, висящие под настилами. И всё время настыривала вместо лекции — короткими мелодиями, будто у каждой вещи здесь был свой мотив.

Состав шёл мягко, поворачивая на стрелках без толчков. За окнами проплывали рельсы, лестницы, площадки, тени гигантских столов и редкие фигурки няшек на верхних дорожках. Город то раздвигался, то снова сгущался, и у Флюкса не уходило чувство, что они едут не “куда-то”, а по чьей-то аккуратно собранной

модели мира.

Астра махнула Флюксу через окно — мол, смотри, — и засмеялась уже тише, почти по-домашнему. Няшка рядом с ней тоже посвистела, как будто это был ответ на смех: не “понимаю/не понимаю”, а просто “вижу”.

И поезд, везущий их “в зоопарк”, катился дальше по детской железной дороге, которая почему-то была самым серьёзным транспортом в их жизни за последние сутки.

Зоопарк и правда оказался просторным. На фоне местной “детской” архитектуры это был целый зоопарк-сити: отдельные “вольеры”, и каждый по размеру — как тот планетарий, из которого они выехали. Состав не просто “подвёз к воротам” — он ехал и ехал между зданиями, как поциальному городу, только без суеты и без толпы.

Гигантские секвойеподобные деревья стояли вокруг стеной, и весь зоопарк лежал в их тени. Свет был ровный, мягкий, без резких бликов — вечное утро здесь стало ещё тише, как будто и небо уважало этот странный парк.

Планшет у Астры по дороге научился кое-как переводить свист няшки-гиды. Проблема была в том, что перевод получался... очень человечески-неполезный.

- “Это восхитительно”, — бодро сообщал планшет.
- “Это сногшибательно”.
- “Это просто кайф”.
- “Прикинь, да”.

Иногда он честно добавлял:

- Непереводимо. Песенный фрагмент.

И Астра, которая ехала с гидом в одном вагончике, то хихикала, то устало закатывала глаза: словарь выходил почти “элочки людоедочки” — либо эмоции, либо песни, либо что-то, что в слова не укладывается.

На весь длинный-предлениный зоопарк они разглядели только одну настоящую “экспозицию”.

В тени между двумя крупными строениями стоял вольер — закрытый, с решёткой. Внутри ходила птица. Очень большая. Длинноногая, сухая, хищная по силуэту — как будто собрана из одних рычагов. Она не металась и не билась, просто стояла и смотрела куда-то мимо путей, но в её неподвижности было что-то тяжёлое, грустное: не “животное в клетке”, а существо, которому некуда деть взгляду.

Няшка-гиды посвистела коротко, и планшет перевёл одним словом:

- “Преступник”.

Флюкс и Кулуп переглянулись. Астра перестала улыбаться.

Состав остановился прямо напротив этого вольера, как будто это и было “место назначения” на первом шаге. Няшка-гигантка спрыгнула на землю и посвистела куда-то в сторону. Через минуту подошла другая няшка — поменьше, деловитее, без экскурсионной расслабленности. Она приблизилась к астронавтам и начала их… обнюхивать. Именно так: близко, внимательно, короткими движениями головы, как будто проверяла не запах, а метку.

— Выясняет, преступники мы или нет, — шутливо и тревожно предположил Кулуп.

Флюкс только хмыкнул в шлем — шутка была слишком близко к правде, чтобы смеяться.

Вторая няшка, закончив, махнула: идём. И повела их пешком в сторону, подальше от вольера. Они шагали по дорожке между рельсами и корнями, мимо низких каменных будок и каких-то хозяйственных шкафов, пока не дошли до ворот.

Ворота были гигантские по местным меркам. Няшка остановилась, оглядела их — скафандрь, мешок, рост — и сделала тот самый жест “пролезет / не пролезет”, как оценивают багаж в узком коридоре. Потом решительно открыла створку и махнула внутрь.

За воротами оказалась компрессионная камера.

Не “страшная”, не “военная”, а просто технологическая: толстые стенки, герметичная дверь, мягкое свечение. Они вошли, дверь закрылась. Был короткий шум — не угрожающий, а рабочий, как у нормальной системы. Давление менялось ощутимо даже сквозь костюмы — по тому, как иначе зазвучала комната, как иначе стал слышен собственный голос.

Потом открылась вторая дверь.

За ней было помещение с земной температурой и земным давлением. Настоящим. Тёплым. Ровным. И от этого почему-то стало не легче, а ещё страннее: как будто им показали, что “можно” — и это “можно” не случайно.

Обстановка напоминала тот планетарий — только без телескопов. Те же шкафы высотой в пару земных этажей, те же крепления и настилы, всё заточено под древолазов: лестницы, полки, площадки на разных уровнях, проходы, где удобно маленьким, цепким телам. Никаких “кроватей” в человеческом смысле — скорее пространство, где можно устроиться где угодно, если ты привык жить вертикально.

Няшка снова посвистела. Планшет у Астры бодро сообщил:

— “Это… восхитительно”.

И впервые за долгое время Кулуп не нашёл, что сказать.

Астра, едва сняв шлем, сразу поняла, что тут “по-земному” не только цифрами на табло.

Воздух был плотный и спокойный. Кислород — нормальный, человеческий. И главное — никаких запахов леса. Ни смолы, ни сырой коры, ни пыльцы, ни влажной земли, которой там, снаружи, казалось, пропитан даже металл рельса. Здесь воздух был как в хорошо обслуживаемом модуле: чуть суховатый на вдохе, ровный, будто

пропущенный через фильтры.

Астра втянула носом глубже, прислушалась к ощущениям и сказала:

— Тут стерильно. И влажность... где-то шестьдесят процентов. Прямо “как дома”.

Она посмотрела на Флюкса и Кулупа:

— Снимайте шлемы. Деваться некуда.

Флюкс и Кулуп помедлили — просто по привычке, как перед шагом в воду, — но потом сняли тоже. И почти сразу у них, как по команде, исчезла последняя опора.

Флюкс сел у стены и сполз вниз, вытянув ноги, будто кто-то выключил у него внутри мотор. Кулуп добрался до ближайшего угла, прислонился к шкафу и закрыл глаза. Не драматично — просто потому что сил не было держать их открытыми.

Минуту все трое молчали так, как молчат люди после длинного перехода, когда слова кажутся лишним расходом энергии.

— Мы прошли километров пятьдесят сегодня, — наконец заметил Флюкс. Голос у него был тихий, не жалующийся — скорее удивлённый тем, что организм вообще это сделал.

Астра только кивнула и, не вставая, устроилась на полу, поджав ноги. Ей вдруг стало всё равно, что это “не кровать” и “не мебель”. Хотелось одного — лежать.

Няшка в этом помещении словно перешла в другой режим. Не “гид”, не “астроном”, не “кошачья тень на шкафу” — а очень деловитая помощница. Она прошла куда-то за перегородку и вернулась с настоящими подушками и одеялами.

Подушки она аккуратно разложила рядом с каждым, словно отмечая, где чье место. Одеяла не стала тащить наверх к настилам и полкам — там всё было высоко и для них действительно травмоопасно. Она просто расстелила их прямо на пол, как делают для усталых гостей в доме, где не принято усложнять.

Зато внизу — у стены — оказался настоящий камин. Камень, ниша, решётка. Няшка достала деревяшки, сложила их удивительно аккуратно и принялась разжигать огонь... обычновенными спичками.

И делала это так осторожно, словно боялась взрыва: поднесла — отдернула руку, поднесла снова — чуть наклонила голову, как будто следила за самым опасным экспериментом в своей жизни. Но спичка вспыхнула, и у неё получилось с первого раза.

Флюкс, уже лёжа на одеяле, приподнял голову и заметил почти сонно:

— Ещё и когти кошачьи...

Он увидел, как из пальца няшки выдвинулся тонкий коготь — не для угрозы и не для красоты, а как инструмент. Она буквально настрогала мелких стружек для разжига: несколько быстрых движений — и на деревяшках появилась светлая кучка, как у человека с ножом, только нож был встроен в палец.

Огонь взялся мягко. Потрескивание было самым земным звуком за весь день.

Астра закрыла глаза и вдруг впервые за долгое время почувствовала не напряжение, а простую вещь: тепло на лице.

И в этом тепле, среди чужих шкафов в пару этажей и странной “мебели для древолазов”, они наконец позволили себе провалиться в отдых — потому что сейчас, хотя бы на час, всё было решено за них.

Огонь в камине взялся ровно, без дыма, как будто тут жгли не деревяшки, а инструкцию. Треск был таким земным, что мозг на секунду решил: всё, мы дома, просто шкафы почему-то в два этажа — и тут же вспомнил про “преступника” в решётке и про компрессионную камеру. Флюкс лежал на одеяле, уткнувшись затылком в подушку, и смотрел в огонь так, будто пытался выжечь им последние сутки.

Кулуп сидел боком у стены, с закрытыми глазами, но по тому, как он держал плечи, было видно: он не спит, он “на паузе”. Астра устроилась ближе к теплу и слушала тишину — стерильную, без лесных запахов, как в хорошем модуле, только с чужими лестницами и настилами для древолазов. И где-то в этом уюте пряталась мысль, что “уют” тут сделан намеренно. Не случайно. Как в зоопарке.

Свист пришёл не сразу. Сначала — будто вентиляция дала короткий тон, проверила себя и замолчала. Потом — второй. Потом — целая фраза, но не словами, а птичьим набором: чисто, складно, с идеальной паузой там, где у человека была бы запятая. Астра открыла глаза и увидела её: ту самую, из планетария — астронома, которая раньше слушала их сверху, с лежанки на шкафу, как будто “ушла вниманием” в другое место. Сейчас она сидела тоже высоко — на полке у стены, подтянув хвост и сложив когти, и смотрела вниз огромными глазами спокойно, как на приборы, которые наконец перестали дёргаться. В полуумраке камина стебельки с фасеточными глазами едва-едва мерцали — не дискотекой, а аккуратной, почти рабочей индикацией: я здесь; я вас вижу; я записала.

И вдруг она заговорила. Не по-человечески — и от этого стало хуже. Она не строила новых фраз, она воспроизводила их: как лирохвост воспроизводит бензопилу, только тут бензопила была... их собственная реальность.

— Вни-ма-ни-е! — пропела она Кулуповым тенором, но с птичьим “щелчком” на гласных, будто слово было не словом, а командой для шкафа. — Ци-ви-ли-за-ци-я... воз-рас-том... два... мил-ли-ар-да... лет...

Астра дёрнулась и машинально потянулась к планшету, как к кресту на груди. Планшет, будто только этого и ждал, ожила и сам подстроил громкость — как тогда в обсерватории, когда он орал про “гуманное размещение” и “просторные вольеры”.

— ...глубоко... собо-ле-зну-ет... жи-те-лям... даль-не-го... ко-смо-са, — допела няшка и аккуратно наклонила голову, как будто проверила, дошло ли.

Флюкс сел резко, будто его дёрнули за нитку.

— Она... она сейчас сказала это? — прошептал он.

Няшка не ответила. Она сделала короткий “служебный” свист — и продолжила, совершенно без эмоций, как принтер:

— Вам... пред-ла-га-ет-ся... про-жи-ва-ни-е... на... вы-бор: в зо-о-пар-ке... ли-бо... в

об-сер-ва-то-ри-и...

Кулуп открыл глаза и посмотрел вверх так, как смотрят на прибор, который внезапно начал цитировать твою переписку.

— Она повторяет фразы, — сказал он тихо. — Как ворона. Только... ворона у нас обычно ворует блестяшки, а не протоколы цивилизации.

Няшка, будто услышав слово “протокол”, оживилась: фасеточные стебельки дрогнули, и она выдала следующий кусок — уже голосом планшета, идеально попав в ту самую бодрую “службу поддержки”:

— Про-то-кол... мо-е-го... бра-та... по ра-зу-му... рас-шиф-ро-ван... за де-сять... се-кунд! — и тут же, не меняя позы, снова стала “птицей”: — О-жи-дай-те... даль-ней-ших... ин-струck-ци-й.

Планшет в руках Астры пискнул и радостно перевёл свистовое послесловие так, будто это экскурсия:

— “Это... восхитительно”.

— Заткнись, — сказала Астра планшету так искренне, как не говорила людям уже давно.

Няшка наклонила голову ещё сильнее. Потом очень тихо, почти шёпотом, но всё тем же безупречно-птичьим способом произнесла:

— Со-об-ща-ем... что... в зо-о-пар-ке... про-стор-ны-е... во-лье-ры...

И замолчала.

Тишина стала такой плотной, что её можно было резать когтём и строгать стружку для розжига.

Флюкс медленно перевёл взгляд на камин, потом на дверь, потом на шкафы, потом снова наверх.

— Это, — сказал он наконец, — самое страшное попугайство, которое я видел в жизни.

Няшка, как будто поймала слово “страшное” как интересный звук, повторила его — но не смыслом, а формой: “стра-шино-е”, отстукивая слоги языком о нёбо, как о клавишу. Потом добавила — уже совсем тихо, почти ласково, и настолько не к месту, что от этого стало смешно и жутко одновременно:

— ...при-кинь... да...

Планшет тут же услужливо подтвердил:

— “Это просто кайф”.

Кулуп закрыл лицо ладонью.

— Всё, — сказал он в ладонь. — Мы официально находимся в вольере с

демонстрацией речевых функций.

Няшка посмотрела на него внимательно, как на объект наблюдения, и вдруг — впервые — сделала что-то своё, не цитату: коротко посвистела, совсем не похоже на человеческую речь. Планшет замялся, подумал и вывел:

— Непереводимо. Песенный фрагмент.

Астра выдохнула — нервно, почти смешком.

— Вот. Вот оно. — Она кивнула вверх. — У неё, видимо, две кнопки: “официальное оповещение” и “песня”. И обе одинаково опасны.

Няшка, будто согласившись, аккуратно слезла по шкафу вниз — цепляясь когтями без шума — подошла к камину, поправила одну деревяшку так, чтобы огонь горел ровнее, и снова забралась наверх. Там, на своей высоте, она устроилась как раньше — явлением, а не участником.

И уже почти в сон, когда тепло опять стало просто теплом, а не частью чужого эксперимента, Флюкс вдруг понял самое неприятное: она не “пугает” и не “играет”. Она делает ровно то, что умеет птица, когда хочет быть полезной.

Она приносит вам ваш собственный язык — как палку. И ждёт, что вы начнёте играть.

Шипение барокамеры они услышали раньше, чем увидели дверь. Не то чтобы в зоопарке было тихо — камин трещал, где-то в вентиляции работало что-то очень серьёзное, как будто всё помещение держали “на правильном дыхании” — но барокамера шипит так, что сразу понимаешь: кто-то сейчас войдёт, и у этого “кто-то” есть доступ к кнопкам.

Дверь в торце зала отъехала без скрипа. Сначала показалась пустота шлюза: белая, стерильная, будто кусок земной лаборатории вшили в инопланетную скалу. Потом из этой пустоты выкатилась вещь, от которой Кулуп невольно сел ровнее.

Трёхколёсный велосипед.

Не “велосипед” как у нас, а что-то между грузовой тачкой и детским трёхколёсником: низкий, широкий, с очень честной рамой, с большим передним колесом и двумя задними, а сверху — платформа-корзина, притянутая ремнями. На платформе стояли металлические контейнеры с крышками и что-то мягкое в тканевом мешке. Всё это выглядело настолько бытово, что мозг на секунду выдал абсурдное: сейчас она привезла им пельмени.

За велосипедом вышла она — та самая, “астроном”. Поднялась в зал как ни в чём не бывало, поставила трёхколёсник на тормоз (тормоз был! — Кулуп это отметил отдельно, как моральную опору), поправила ремни и, не глядя на землян, очень деловито вытащила из корзины первый контейнер. Движения у неё были как у человека на ночной кухне: спокойно, уверенно, без театра. И от этого было одновременно смешно и страшно: ты не ждёшь домашней рутины от существа, которое вчера молча слушало тебя с высоты шкафа.

— В целях... гуманного... размещения... — пропела она вдруг голосом планшета, но с птичьими паузами, как будто ставила точки когтем. — Вам... предлагается...

проживание... на выбор...

Флюкс хмыкнул — коротко, не выдержал.

— Она снова это.

Няшка наклонила голову и продолжила, уже явно “по делу”, только “дело” у неё звучало как уведомление системы:

— ...в зоопарке... либо... в обсерватории, — и тут же добавила неожиданно ласково, как если бы это значило “приятного аппетита”: — Сообщаем... что в зоопарке... условия... значительно... лучше.

Она сняла крышку.

Запах ударил такой земной, что Астра на секунду закрыла глаза. Не потому что вкусно, а потому что мозг не любит, когда ему дают “дом” там, где он не должен быть. Пахло чем-то крахмальным, тёплым, чуть сладковатым и... рыбным одновременно. То есть, если честно, пахло как столовая на корабле, где повар старается.

— Некоторым видам нужны специфические параметры, — пропела няшка Кулуповым тенором, выговаривая “пара-мет-ры” так бережно, будто это еда. — Это... логично.

И поставила перед ними три плоских миски. Очень простых. Идеально моющихся. Почти вызывающе нормальных.

Кулуп посмотрел на миски, на её когти, на трёхколёсник, на барокамеру и обратно — как инженер, который пытается найти, где тут скрыт подвох, и не находит, а от этого тревога только растёт.

— А “ожидайте инструкций” будет? — спросил он машинально, и сам понял, что говорит с птицей, которая умеет цитировать, но не обязана отвечать.

Ответ пришёл мгновенно, радостно и совершенно не туда:

— Дальше: ожидайте инструкций, — пропела она тем же тенором и... подтолкнула миску чуть ближе к нему. — Ожидайте... инструкций.

То есть буквально: ешь.

Флюкс рассмеялся, уже не удержался. Смех у него вышел короткий, сухой — как у человека, которого наконец выпустили из слишком долгого напряжения.

— Это, — сказал он, — худшая озвучка ужина в моей жизни.

Няшка, будто поймав слово “ужин” как новый интересный звук, повторила его не смыслом, а формой: “у-жин”, затем подумала и выдала фразу, которая, по её внутренней логике, видимо означала “можно начинать”:

— Просторные... вольеры...

И, чтобы закрепить, постучала когтем по крышке второго контейнера, как по колоколу.

Астра взяла ложку. Ложка была... их. Земная. Не из кости и не из дерева. Металл, знакомый вес, гладкий край. Она посмотрела на няшку — та сидела на корточках рядом с трёхколёсником, хвост аккуратно поджат, и наблюдала так же, как наблюдают за экспериментом: спокойно, внимательно, без ожиданий “понравится/не понравится”.

— Ты нас кормишь как... — Астра поискала слово и сдалась. — ...как людей.

Няшка, конечно, выбрала из этого не главное. Она выбрала самое смешное и самое ужасное одновременно: как людей.

— ...как людей, — повторила она голосом Астры, с той же интонацией, с той же усталостью на конце фразы — точней, настолько близко, насколько вообще можно повторить усталость чужого вида. И добавила своим коротким свистом, который переводчик не перевёл — но в свисте почему-то слышалось: ага.

Потом она вдруг дёрнула стебельками фасеток, словно вспомнила ещё одну “полезную” фразу, и выдала торжественно, как тост:

— Цивилизация возрастом два миллиарда лет глубоко соболезнует... — пауза, пауза, и уже почти шёпотом, совершенно по-домашнему: — ...голодным.

Кулуп поперхнулся. Флюкс опять фыркнул. Астра впервые за всё это время улыбнулась по-настоящему — не потому что смешно, а потому что где-то в этой жутких вдруг появился нормальный абсурд, который можно пережить.

Няшка тем временем аккуратно собрала пустые крышки обратно в корзину, поправила ремни и, перед тем как уйти, сказала самым бодрым голосом, который у неё вообще получался — голосом планшета-информатора, но с птичьей точностью:

— Дальнейших инструкций... не будет.

И, на всякий случай, добавила, уже своим “вороным” блоком, как печать на документе:

— Ожидайте.

После чего развернулась, взяла трёхколёсник за раму, и повезла его обратно в барокамеру так спокойно, как будто только что занесла соседям кастрюлю.

Дверь закрылась.

В комнате стало тихо — только треск камина и стук ложек по мискам.

— Я не знаю, что страшнее, — сказал Флюкс, — что она нас кормит... или что у неё для этого есть транспорт.

Кулуп, не поднимая глаз от еды, буркнул:

— Страшнее всего то, что “ожидайте инструкций” теперь официально значит “кушать подано”.

Астра кивнула, попробовала ещё раз и тихо сказала:

— Главное, чтобы завтра “просторные вольеры” не означали “добавка”.

Няшка ушла — и тишина сразу стала громче: треск камина, шорох упаковок, редкие короткие “проверил-ли-я-это-на-самом-деле” вдохи. Еда оказалась... не опасной, что само по себе звучало как плохая новость. Кулуп ел медленно, как в лаборатории: сначала смотрит, потом нюхает, потом делает вид, что это научный жест, а не страх. Флюкс ел так, будто еда — это просто ещё один протокол выживания. Астра, наоборот, ожила: у неё глаза блестели от смеси “мы живы” и “мы в сказке, но сказка странная”.

И вот на этом фоне няшка вернулась — почти бесшумно, как будто воздух здесь был специально приглушенный. Она не принесла новых коробочек и не включила никаких “ дальнейших инструкций”. Она просто подошла к стене и открыла одну из дверец шкафа.

Шкаф оказался не шкафом.

Внутри стояла аккуратная, плоская, совсем не “инопланетная” штука: прямоугольный корпус, матовая панель, над ней — что-то вроде узкого окна, по краю — ряд одинаковых гнёзд. Всё выглядело так, будто кто-то делал компьютер, но очень старательно избегал слов “компьютер”, “порт” и “интерфейс”, чтобы не накликать гостей. На полке рядом лежали сменные кассеты — тонкие, как книги для детей, и такие же одинаковые.

Няшка повернулась к Астре и сделала жест, который можно было понять даже без переводчика: дай.

Астра, сглотнув, подняла свой планшет. Подняла правильно — двумя руками, как хлеб. Сказала, как будто это всё ещё возможно оформить как вежливый визит:

— Можно?

Планшет тут же, деловито и очень не к месту, пискнул своим ровным голосом:

— Обнаружен локальный терминал. Рекомендация: передать устройство для синхронизации.

Няшка взяла планшет. Не жадно, не осторожно — спокойно. Так берут чужую вещь, если ты уверен, что она не чужая, а просто временно лежала не там. Потом, не глядя на людей, развернулась и... унесла его.

Кулуп дёрнулся:

— Эй.

Флюкс поднял ладонь: поздно.

Няшка подошла к соседней стене — там была ещё одна дверца, почти незаметная, как в купольном строении в планетарии. Открыла. Внутри — такой же “шкаф”, только побольше, и в нём едва заметно переливалось слабое, сотканное из шестигранныков свечение — будто кто-то спрятал внутри холодный улей, который думает.

Няшка вставила планшет в нишу, как кассету, и закрыла дверцу.

И всё. Никакого торжества. Никаких “мы установили контакт”. Просто — щёлк.

Прошло несколько секунд, и в комнате раздался голос планшета, но уже не совсем его: интонации были те же — канцелярские, земные, наглые — а тембр словно вымыли, как посуду.

— Синхронизация выполнена. Доступ разрешён. Демонстрация: “Объект Сс. Справочный диафильм. Уровень: гости”.

Астра, не удержавшись, всунула своё любимое:

— Проксима Няшка С.

Кулуп повернул голову медленно, как человек, который фиксирует новую болезнь экипажа:

— Астра...

— Ну а как ещё. Смотри, они же... — она махнула рукой вокруг, будто “они” были везде.

Флюкс сказал коротко, как будто от этого зависела их психика:

— Показывай.

И “показывать” начали прямо здесь.

На противоположной стене — там, где они раньше приняли за полку — загорелся круглый экран. Не огромный, не кинотеатр: средний, как столешница. Чёрно-белый, на жидких чернилах, с такой чистой контрастностью, что он выглядел почти неприлично аккуратным в этом деревянно-каменном мире. На нём медленно, без мигания, сменялись изображения: ровные, строгие, будто страницы справочника.

А сверху — да, сверху — на это чёрно-белое ложилась тонкая, полуопознанная сетка из маленьких шестиугольников. Она была почти невидима, пока не начинала “дышать”: то вспыхнет по краю ультрафиолетовым (для людей — просто чуть более белым), то отзовётся зелёным, то уйдёт в красное и дальше — туда, где человеческий глаз уже сдаётся и остаётся только ощущение “что-то тут происходит”. И ещё — иногда эта сетка меняла не цвет, а ориентацию: будто картинка на секунду становилась “другой”, хотя чёрно-белый слой не менялся вовсе.

Кулуп смотрел на это как на фокус, который должен быть запрещён санитарными правилами.

— Это... подсветка?

Планшет отозвался торжественно, как экскурсовод на пенсии:

— Метки смыслового слоя. Для быстрой навигации. Для вас: игнорируйте.

Флюкс тихо фыркнул:

— Спасибо. Мы и так игнорируем.

Первый кадр был планетой.

Сфера в ортографической проекции, строгая, без облаков, с аккуратной легендой. Светлая сторона — подзвёздный океан в центре, вокруг него подкова суперконтинента, разорванная проливами на субконтиненты. Тёмная — прохладное полушарие с большим океаном и россыпью островов, как будто кто-то не мог остановиться, рисуя архипелаги. Рельеф был подписан не буквами, а формами: горные ребра — тонкими штрихами, как на старых картах; долины —мягкими пятнами; моря — гладкой заливкой.

Планшет сказал с такой важностью, будто демонстрировал запуск межзвёздного двигателя:

— Объект Сс. Суша: сорок семь целых две десятых процента. Из них горные биогеоценозы: семьдесят три процента. Устойчивый влагооборот. Облака: постоянные. Катастрофы: редкие. Рекомендуется для: долговременного проживания.

Астра вскинулась:

— Видишь?!

Кулуп буркнул:

— “Рекомендуется”... как гостиница.

Следующие кадры шли серией “видов”: дневная сторона — леса так плотны, что под ними чернота; высокогорья — как сломанные зубья; побережья — изрезанные, как бумага после детских ножниц. Прохладное полушарие — полуутёмное, но не мёртвое: в океане тёплые пятна, вдоль наветренных берегов — фьорды и острова.

— Подсветка отдалённой пары звёзд: десять процентов, — объявил планшет, явно наслаждаясь цифрами. — В оптическом диапазоне: мало. В инфракрасном: достаточно.

Флюкс сказал ровно:

— Конечно. Чтобы было... достаточно.

А потом пошла “цивилизация”.

Планшет заранее набрал воздуха, как если бы воздух был нужен для пафоса:

— Архитектура. Великие и бесподобные достижения древней цивилизации.

И на экране появился домик.

Маленький, деревянный, одноэтажный, на дереве — с настилом и ограждением, с лестницей-верёвкой, с крышей, которую можно было бы снять и использовать как крышку от коробки. Домик выглядел так, будто его строили руками существа, которое не любит спускаться на землю и любит, когда всё рядом: вход, еда, наблюдение, сон.

Следом — каменный дом на грунте. Два, иногда три этажа, грубые блоки, узкие проёмы, внутри — пусто и чисто, как в сарае для инструментов. Чуть дальше — здания похожие на то, где они сейчас: купол, один высокий этаж, стены каменные, внутри — деревянные галереи и шкафы-шкафы-шкафы. Не “дворцы”, не “небоскрёбы”. Скорее — большие клетки для больших мыслей.

— Масштабирование инфраструктуры без избыточной сложности, — торжественно продолжал планшет. — Устойчивость. Ремонтопригодность. Принцип повторения.

Кулуп шепнул, не отрываясь от экрана:

— У нас это называется “склад”.

Астра прошипела:

— Тсс. Это красиво.

Флюкс промолчал, но уголок рта у него дрогнул.

Дальше — транспорт.

Сначала — гужевые животные. Крупные, терпеливые, с какой-то местной “сборкой” тела, которую человеческий мозг пытался свести к “лошадь” и не мог. На них были подвешены корзины, шины, коробки — всё простое, всё “вещь”.

Планшет сказал:

— Биологический транспорт. Экономичный. Тихий. Не оставляет радиошума.

Кулуп застонал глазами:

— Опять.

Потом — железная дорога.

Унифицированная микроколейка: рельсы тонкие, частые, сеть как паутина. А вагончики — разные: открытые платформы, закрытые “диваны”, грузовые ящики, длинные “колбаски” для леса, маленькие “капсулы” на двоих. Всё на одном и том же пути. Всё ездит. Всё знает, куда.

— Планетарная транспортная сеть. Параллельность абсолютная, — отчеканил планшет. — Сообщения и грузы. Обходные маршруты. Автономность узлов.

Флюкс тихо сказал, почти себе:

— Вот это — уже похоже на разум.

Следом — корабли.

Большие — одинаковые. Прямоугольные, простые, как баржи. Никаких “дизайнерских” капризов, просто груз, борт, устойчивость. И рядом — лодки: рыбакские, прогулочные, лёгкие, чуть более разнообразные, как будто людям наконец позволили играть.

Планшет снова напыжился:

— Судостроение. Великая традиция. Унификация тяжёлого класса. Свобода малого.

Астра прыснула:

— Он как музейный аудиогид, который впервые в жизни увидел табурет.

И наконец — дирижабли.

Они были совершенно одинаковые. Прямо комично: будто кто-то один раз придумал форму, а потом сказал “всё, дальше не обсуждаем”. Оболочка многокамерная, гондола компактная, по бокам винты, внизу — канальные трастеры, посадка — к мачтам. И каждый летит так, будто ему не нужно никому доказывать, что он умеет летать: ветер несёт, винты поправляют, высота держится.

Планшет произнёс, почти дрожа от величия:

— Воздушный транспорт. Универсальный. Экономичный. Долговечный. Практически бесплатный при наличии ветрового поля. Инженерный пик.

Кулуп, не выдержав, сказал:

— У нас в музее на Луне такие делают дети на кружке.

Планшет не обиделся. Он был выше обид.

Он выдал финал.

На экране появилась фотография — или схема — того самого “шкафа”, куда няшка вставила планшет. Внутри — модули, кассеты, плоские платы, окна светового порта. И рядом — аккуратная подпись, которую планшет перевёл так, будто это молитва:

— Вершина инженерного гения. Универсальный заменитель головы. Вычислитель всего на свете. Собственная память: сто двадцать восемь миллионов бит. Объединён в планетарную сеть пропускной способностью: один мегабит.

Флюкс медленно повернул голову к Кулупу:

— Один мегабит.

Кулуп так же медленно кивнул:

— Зато... планетарный.

Астра сидела с таким выражением лица, будто ей показали семейный альбом идеальной семьи — и она одновременно умиляется и пугается.

— Они правда... — начала она.

Планшет перебил, чуть мягче, чем раньше:

— Для ваших стандартов это выглядит просто. Для их стандартов это выглядит

стабильно.

И вот эта фраза прозвучала в комнате почти страшнее, чем “ожидайте”.

Потому что за дверцей шкафа, там, где у них “брать по разуму”, что-то едва заметно шевельнуло световой слой: сетка шестиугольников на мгновение стала сложнее, плотнее — как будто экран посмотрел на них в ответ.

А няшко-астроном, стоя у шкафа, тихо посвистела — коротко, почти ласково — и это было самое жуткое во всей этой экскурсии: она звучала так, будто говорит “кушать подано”, “не бойтесь” и “добро пожаловать домой” одним и тем же мотивом.

Кулуп досмотрел “диафильм” до конца с таким лицом, с каким смотрят фокусника, который слишком старается выглядеть честным.

— Не верю, — сказал он наконец. — Это постановка.

Астра даже не повернулась:

— Какая ещё постановка?

— Такая. — Кулуп ткнул пальцем в круглый экран, как в улику. — Фильм снят специально, чтобы выставить их... слабыми. Глупыми. Удобными. Смешными. Два миллиарда лет они принимают гостей так, будто это надоевшая помеха, а сами летают на... на игрушках. Ездят на вагончиках для детей. Живут в сарайчиках, которые у нас на детской площадке бы списали как травмоопасные.

Флюкс не стал спорить. Он просто сказал:

— Продолжай мысль.

Кулуп поднялся и подошёл ближе к шкафу, где всё ещё жила чужая тишина.

— Где у них производство? — спросил он уже планшету, не няшке. — Где цеха? Где шум? Где дым? Где “мы сделали сто тысяч деталей и теперь делаем ещё сто тысяч”? Где заводы, наконец?

Планшет помолчал, как будто выбирал, что именно из этого следует переводить на человеческий.

— Запрос: “производство”. Уточнение: “крупные заводы” отсутствуют.
Демонстрация: локальный цех.

Экран моргнул — и вместо планеты показал внутренность того самого “саarya”, куда уходили рельсы. Того, что снаружи выглядел как склад и не обещал ничего интересного. Внутри было светло и пусто. По центру — стол. На столе — коробка, похожая на земной 3D-принтер, только скучнее и аккуратнее: без “дизайна”, без лишних кнопок, с простой крышкой. Рядом — две миниатюрные роботизированные руки на стойках: тонкие, как насекомые лапы, с набором сменных захватов, которые явно стоили дороже всего домика целиком.

И на тёплой печке, рядом с этим “цехом будущего”, спала няшка.

Спала так, как спят инженеры любых миров: если ты умеешь чинить всё, то имеешь

право лечь где угодно.

— Пояснение, — произнёс планшет с той же музейной важностью. — Все цеха разнесены. Встречаются в виде малых помещений. Сообщения и детали доставляются вагончиками. Крупных производственных комплексов нет.

Кулуп наклонился ближе, как будто мог услышать правду сквозь пиксели.

— То есть... у них “ завод” — это сарайчик с принтером и сонным инженером?

Планшет ответил без тени юмора:

— Да. Это оптимально.

Астра фыркнула:

— Оптимально — звучит как “мы устали”.

Кулуп не отпустил.

— А верфи? — он махнул рукой в сторону “прохладного полушария”, будто верфи стояли прямо там, за стеной. — Корабли откуда? Дирижабли откуда? Им кто оболочки шьёт? Кто винты точит?

Планшет снова “искал”. И снова показал картинку, от которой почему-то становилось смешно и неуютно одновременно.

Верфь была под открытым небом. Просто площадка у воды. Деревянные козлы. Ровные кучи материала. Несколько няшек, которые возились с корпусом баржи так, будто это большой шкаф: повернули, подперли, связали, подождали. Никаких ангаров, никакого “великого промышленного ландшафта”. Всё — маленькими руками, медленно, без спешки.

— Судостроение: открытые площадки, — сообщил планшет. — Проекты тяжёлого класса унифицированы. Проекты малого класса вариативны.

— Конечно, — пробормотал Флюкс. — Большое — одно. Малое — для души.

Кулуп уже почти злился — не на них даже, а на то, что картинка не сходилась с ожиданиями.

— Ладно. Энергетика. — Он ткнул в следующий кадр. — Самое большое сооружение у любой цивилизации — это энергия. Где их станции? Где плотины? Где водохранилища? Где... хоть что-то, что видно с орбиты?

Планшет, будто обрадовавшись знакомой теме, заговорил ещё торжественнее.

— Самые большие сооружения: приливные электростанции. Проекты индивидуальны. Вписаны в ландшафт. Гидроэлектростанции отсутствуют. Водохранилища отсутствуют. Используются погружённые колёса. Потоковые приводы. Низкая высотность.

На экране возникло побережье: пролив, узкий, как надрез. В нём — ряды погружённых в воду колёс, похожих на гигантские мельницы, которые решили

утонуть из принципа. По берегам — каменные обводы, опоры, деревянные мостки. Всё выглядело древним, не потому что разваливалось, а потому что привыкло стоять.

Следующий кадр показал горы — и вот тут действительно было “видно с орбиты”.

На гребнях, где ветер срывал облака и делал воздух почти сухим, стояли ветряки. Много. Очень много. Они были похожи, но не одинаковы: где-то лопасти шире, где-то выше мачта, где-то другое крепление. Как будто проект один, а руки у всех разные.

— Доминирующие над ландшафтом сооружения: ветряки на верхушках гор, — объявил планшет. — Строятся веками. Ручными методами. Единая система обслуживания. Обновление — по компонентам.

Кулуп замер.

— “Веками”.

Планшет подтвердил, как будто это была хорошая новость:

— Да. Это устойчиво.

Астра тихо сказала:

— Это... красиво. Как лес.

Кулуп на секунду будто хотел уцепиться за привычное.

— А основная масса электричества? — спросил он. — Неужели вы всё это тянете на ветряках и приливах?

Планшет переключил кадр.

Общественная печка. Не в смысле “большой котёл”, а в смысле — место, куда приходят. Каменная, с ровным жаром. Над ней — модуль Стирлинга, аккуратный, как чайник. Рядом — деревянные ящики с дровами. Под печкой — кабель в общую сеть. И рядом — няшка, которая подкидывает полешко с таким видом, будто обслуживает реактор.

— Основная выработка в сеть: генераторы Стирлинга в общественных печах на древесном топливе, — сказал планшет. — Распределённая генерация. Низкий риск отказа. Ремонт без остановки системы.

Флюкс невольно прыснул:

— У них электростанция — это камин.

Кулуп не смеялся.

— Хорошо. — Он резко повернулся к планшету. — А школы? А университеты? А музеи? А архивы? А... всё остальное, чёрт возьми? Где они делают людей... то есть... себя?

Планшет ответил так спокойно, что стало даже смешно.

— Вы сейчас в музее. Вы живёте в музее. Функции: хранение, демонстрация, приём гостей.

Кулуп моргнул.

— То есть вот это... — он махнул рукой вокруг, — это музей?

— Да.

Астра шепнула:

— Я же говорила.

Кулуп упрямо продолжил:

— А школы?

Планшет сделал паузу — не задумчивую, а техническую.

— Школы не требуются. Обучение: светопрограммирование через стебельки. Передача навыков: пакеты. Индивидуальная калибровка: по месту.

Кулуп медленно сел обратно.

— То есть... у них нет школы. Потому что им можно... залить учебник... прямо в голову?

Планшет согласился:

— Да.

Флюкс сказал, как будто ставил точку в отчёте:

— И поэтому у них нет университетов. Нет лекций. Нет “споров до хрипоты”. Нет всего этого нашего цирка.

Астра вдруг улыбнулась — влюблённо и опасно:

— Зато у них есть... — она поисками слово и не нашла, — жизнь.

Кулуп посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который трогает голыми руками неизвестный провод.

— Вот этого я и боюсь, — сказал он тихо. — Вот именно этого.

Няшка-астроном, стоявшая у шкафа, будто услышала слово “боюсь” как знакомый сигнал. Она посвистела — коротко, ласково, как птица, которая зовёт птенца к кормушке.

А на экране, поверх чёрно-белой картинки, смысловой слой из шестиугольников на секунду стал плотнее и аккуратнее — как будто система отметила: контакт углублён.

И это было смешно, потому что всё выглядело как детская поделка.

И жутко — потому что поделка работала.

Отдохнули они так, как отдыхают в непонятном месте: телом — да, головой — нет. Камин дрогнул, воздух был ровный, “земной”, без пыльцы и без запаха леса, и от этого становилось ещё тревожнее. За окном — если это можно было назвать окном — всё так же была стена, вежливо молчаливая. В комнате было слишком спокойно, чтобы верить, что это свобода.

Кулуп первым полез к двери.

Он подёргал ручку, нажал, потянул, попытался сделать вид, что “просто проверяет”. Потом проверил ещё раз, уже без вида. Потом ещё — с видом человека, у которого протокол начинает царапать изнутри.

— Ну? — спросила Астра.

Кулуп не ответил. Он посмотрел на Флюкса.

Флюкс подошёл, взялся за дверь, дёрнул один раз — коротко, профессионально — и сразу отпустил.

— Закрыто, — сказал он. — И не “на ключ”. На “не для вас”.

— А как для нас? — Астра огляделась, как будто выход мог быть в шкафу, под кроватью или в камине.

Шкаф, кстати, тут же притворился, что он шкаф. Никакой подсветки, никакого “диафильма”. Только аккуратная дверца и ровное молчание.

— Планшет, — сказала Астра, глядя прямо на шкаф, как на человека. — Мы можем выйти?

Голос планшета пришёл оттуда же — как будто кто-то говорил изнутри мебели, и от этого было неприятно по-детски.

— Инструкции не предоставлены. Доступ к внешним дверям: ограничен. Режим: “гостевой номер”.

Кулуп взорвался шёпотом:

— Гостевой номер. Угу. Отель. Зоопарк. Музей. Выберите слово по вкусу.

— Планшет, — спокойно сказал Флюкс. — Попроси... хозяйку. Няшку. Попроси объяснить.

— Запрос понятен. Передача запроса возможна через локальный узел, — ответил планшет. — Внимание: прямой ответ может быть ограничен.

— Передавай, — сказала Астра. — Проси.

В шкафу что-то щёлкнуло, и шкаф... свистнул.

Не как птица и не как устройство. Это был странный, сухой, очень короткий набор

звуков — как если бы кто-то переслал сообщение в виде трёх нот и одного кашля. Потом стало тихо.

Секунда.

Две.

Флюкс успел подумать “ну конечно” — и в этот момент снаружи, совсем близко, мелькнули стебельки. Как два тонких фонарных столбика, которые умеют смотреть.

Няшка стояла где-то за дверью — не входя, не стуча, как будто у них тут не люди, а аквариум. Стебельки медленно прошли по щели, задержались на замке, потом на шкафу, потом на них — и от этого стало понятно, что она не “проверяет”, а читает.

И вдруг — быстрый топот. Почти комичный: много лёгких шагов, как у ребёнка в больших тапках.

Няшка подбежала к шкафу. Посвистела в него — уже по-другому, длиннее. Потом ещё раз. И всё. Пять, семь, десять секунд.

Планшет заговорил сразу, будто его только что “включили в режим человеческого терпения”.

— Ответ получен.

Кулуп наклонился ближе:

— Ну?

Планшет говорил ровно, но в этом ровном было что-то... смущённое. Будто переводчик сам понимает, что сейчас переведёт неофициальное.

— Инопланетянам не рекомендуется выходить из номера. Причина: местный воздух может воздействовать непредсказуемым образом. Наиболее вероятный эффект: опьяняющий.

Астра моргнула.

— Опьяняющий? — переспросила она.

— Да. Опьяняющий, — повторил планшет сухо. — Дополнение: “вы и так странные, не надо вам ещё добавлять”.

Флюкс фыркнул.

Кулуп сказал сквозь зубы:

— Очень мило.

Планшет продолжил, как будто читает протокол, который пытались сделать мягким и не смогли:

— Однако, если у вас есть запас кислорода в ваших скафандрах, хранитель

планетария готова нарушить инструкции и проводить вас к кораблю.

Кулуп вскинулся:

— К кораблю?!

— Да, — сказал планшет. — Комментарий хранителя: “она не дура и всё понимает”. Комментарий уточняющий: “просто у нашего вида не принято выпендриваться... как постоянно делает Кулуп”.

Астра вздохнула так, будто ей одновременно хочется смеяться и спрятаться под одеяло.

Флюкс посмотрел на Кулупа:

— Поздравляю. Ты официально зарегистрирован как “выпендривающийся”.

Кулуп открыл рот, чтобы возразить, но планшет успел добить.

— Хранитель понимает, что корабль может быть нужен для дальней аварийной связи. Поэтому она согласна. Условие: вы обещаете вести себя добрососедски.

— Добрососедски? — повторил Кулуп.

— Да, — подтвердил планшет. — Цитата: “и не устраивать нападение ядерной кавалерией на наши домики”.

Кулуп замер.

— Ядерной... кавалерией?

Планшет, не моргнув, продолжил:

— Цитата дословно. И ещё: хранителю планетария “не нравится перспектива тут за вами... клетку убирать”.

Астра прижала ладонь ко рту. Флюкс улыбнулся впервые за день — очень коротко, очень мрачно.

— Значит, — сказал он, — мы в номере. В музее. В зоопарке. И нас могут... — он кивнул на дверь, — вывести погулять, если пообещаем не устраивать ядерную кавалерию.

Кулуп выдохнул и наконец сказал самое человеческое, что можно было сказать в этой ситуации:

— Ладно. Обещаем.

Астра добавила быстро:

— Мы хорошие! Мы вообще... — она осеклась, поняв, что “хорошие” звучит как “не кусаемся”.

Флюкс не стал объяснять. Он просто сказал в шкаф:

— Скажи ей: кислород есть. Мы в скафандрах. К кораблю нужно.

Планшет помолчал, потом снова щёлкнул.

Шкаф снова свистнул.

За дверью стебельки качнулись — как знак “поняла”. И через секунду в коридоре раздался знакомый быстрый топот, уже в сторону выхода.

Планшет произнёс напоследок:

— Хранитель идёт. Рекомендация: не выпендриваться.

Кулуп закрыл глаза.

— Я ненавижу этот переводчик, — сказал он тихо.

Флюкс ответил так же тихо:

— Неправда. Ты его боишься.

И в этот момент дверь щёлкнула сама собой — как будто их номер наконец признал: гости согласились с правилами.

Когда они почти одели скафандры, Флюкс вдруг сказал совершенно серьёзно, с тем видом, с каким подписывают акт о списании корабля:

— Кулуп, если на Земле узнают все подробности первого контакта, ты войдёшь в историю человечества антигероем. Про вредителя Кулупа будут в школе детям рассказывать.

Кулуп застыл с наполовину застёгнутым замком на шее и, не поднимая глаз, пробормотал:

— Я не знал, что они всё понимают. Они же... — он запнулся, как человек, который на секунду увидел себя со стороны. — Они выглядят как... как безмозглые блондинки.

Астра с шипением втянула воздух.

Кулуп мгновенно покраснел, хотя в скафандре краснеть было почти бесполезно.

— Я не то хотел сказать... — он заторопился, слова посыпались как гайки из кармана. — Я же просто потерпевший бедствие, а не сотрудник SETI. Это вообще не моя работа — дипломатия. У меня работа — чтобы связь работала, а не чтобы... чтобы...

Флюкс поднял ладонь, как судья, который даёт подсудимому доказать и этим же его добивает.

— Вот именно, — сказал он мягко. — Не твоя.

Он повернулся к шкафу. К той самой дверце, за которой сейчас лежал планшет, и за которой — если верить их собственной панике — сидел целый планетарный

организм с лицом “пожалуйста, не шумите”.

Флюкс расправил плечи. Поправил ремень на запястье. Словно ему внезапно выдали на руки всю официальную Землю и сказали: попробуй не облажаться.

— Планшет, — произнёс он торжественно. — Передай.

Пауза была такая, будто даже камин слушает.

— Передаю. Канал: локальный узел, — ответил планшет из шкафа. — Внимание: смысл может быть сокращён.

…и Флюкс, не меняя торжественного выражения лица, заговорил так, как будто перед ним стоял микрофон, флаг и строгая комиссия:

— Вниманию цивилизации этого мира. — От имени Земли и человечества обращается экипаж людей, оказавшихся под вашим небом.

— Сегодня открывается новая страница отношений между нашими мирами. — Между двумя домами проведена новая линия на карте Вселенной: линия связи. — Мы приветствуем вас как великий разум и великий народ своего мира — и отвечаем от имени великого мира людей, который научился считать звёзды, держать курс в пустоте и возвращаться домой по одной лишь геометрии неба.

— Мы говорим словами добрососедства, дружбы и сотрудничества — словами, которые у нас означают простое: уважение к границам, ясность намерений, общую пользу от связи. — Мы говорим на основе взаимного уважения, равенства и взаимовыгодного сотрудничества — так принято у нас, когда встречаются те, кто умеет быть сильным и при этом аккуратным.

Астра зажала рот рукой.

— Во имя мира и процветания будущих поколений. — Пусть этот контакт станет началом мирного сосуществования, доверия и общего дела — во имя блага тех, кто живёт под вашими ветрами и под нашими океанами.

— Земля передаёт вам знак мира и открытого разговора.

— Земля подтверждает готовность к доброй связи: обмену знаниями, точным сигналам, взаимной помощи и совместному пониманию мира. — Руководствуясь принципами взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. — Мы нацелены на практическое взаимодействие — ясное, регулярное, надёжное

— Конец сообщения.

Кулуп уже смотрел в пол, как школьник на линейке.

Флюкс замолчал. В комнате после его речи стало пусто, как после салюта — только салют был внутри черепа.

Планшет поскрипел, будто переваривал.

— Передано, — сказал он наконец. — Ожидайте перевода на язык инопланетян.

Шкаф не свистнул. Шкаф... запел.

Сначала один высокий тон, потом второй, потом третий — и всё это вдруг развернулось в длинную, громкую, абсолютно безумную трель, в которой было и торжество, и насмешка, и какая-то техническая точность. Это звучало так, будто кто-то взял оркестр XIX века, выкинул из него людей, оставил только дыхательные инструменты и заставил их объяснять протокол доступа к дверям. Трель шла волнами, с повторами и вариациями, как симфония, которая помнит себя целиком и поэтому не боится быть длинной.

Флюкс даже вздрогнул: у него на лице впервые за долгое время мелькнула надежда — мол, вот, дошло, вот оно, ответ, вот сейчас будет контакт.

Пение закончилось резко, как по команде.

Флюкс выждал секунду. Две. Три. Как ждут после радиопередачи: “приём”.

Потом посмотрел на дверь. На щель. На то место, где минуту назад мелькали стебельки.

Няшка-астроном не подошла.

Она не пришла “посмотреть реакцию”. Не заглянула. Не ответила глазами. Не дала своего светового “да/нет”. Где-то далеко слышались её шаги — и эти шаги были спокойными, рабочими, такими, какими идут люди, когда всё уже решено и больше обсуждать нечего.

Кулуп тихо спросил, едва шевеля губами:

— Ну... и что?

Планшет ответил сухо, без малейшей поддержки, будто фиксировал факт:

— Выполнено. Сообщение передано хранителю. Реакция: не требуется.

Флюкс медленно кивнул. Не раздражённо. Скорее — с тем непонятным чувством, когда ты сделал всё правильно, а мир всё равно не обязан тебя заметить.

— Понял, — сказал он тихо.

Он отступил от шкафа на шаг, сел на край лавки и вдруг стал очень усталым — потому что попытка “исправить контакт” оказалась тем же самым, что и любой человеческий ритуал в чужой системе: красивой бумажкой, которую вежливо положили в архив.

Астра произнесла вполголоса, почти виновато:

— Может... у них так принято?

Флюкс не ответил сразу. Потом сказал так же тихо:

— Нет. У них принято, чтобы всё работало. А “понимание” — опционально.

Он поднял взгляд на Кулупа:

— И поэтому тебя они поняли сразу.

Кулуп, даже в шлеме, умудрился снова смутиться.

За дверью щёлкнул замок.

И только тогда стало ясно, что их “первый контакт” — тот самый, про который пишут инструкции — у них всё-таки состоялся. Просто не там, где они ждали. И не тем языком.

Астра первой нарушила тишину — не торжественно, а как человек, который наконец вспомнил, что у людей вообще-то есть лёгкие.

— А что мы будем делать в челноке?

Флюкс будто ждал этот вопрос. Он ответил сразу, деловым голосом, тем самым, которым на Земле просят принести второй огнетушитель.

— Оставим записку спасателям и вернёмся.

Астра моргнула.

— Тогда… надо попросить, чтобы нам разрешили вернуться.

Она повернулась к планшету, как к переводчику, секретарю и единственной официальной инстанции в комнате.

— Переведи. Пожалуйста.

Планшет — сухо, даже с лёгким оттенком гордости техники, которой наконец дали простую задачу.

— Мне уже даны инструкции, как вызывать тележки по нужным адресам.

Астра на секунду растаяла.

— Планшет… ты самый полезный член экспедиции. Что бы мы без тебя делали.

Кулуп шевельнул плечом — вроде бы то ли усмехнулся, то ли вздохнул. Флюкс не стал уточнять.

Астра, всё ещё глядя на планшет, спросила уже по делу:

— А что мы напишем в записке?

Флюкс посмотрел куда-то в сторону, как будто там, за стеной, стояла Земля — та самая строгая комиссия, только теперь без микрофона и флага. Потом кивнул самому себе.

— Напишем просто. Что состоялся первый контакт с инопланетной цивилизацией. Что мы находимся у инопланетян в гостях. Что координаты дать не можем — потому что координаты не знаем.

Он поднял руку и загнул палец, как на инструктаже.

— Что челнок разбит. Модуль связи — повреждён. Просим придумать план спасения: например, восстановить связь и ждать нашего вызова. Или подготовить поиск по маяку.

Астра подняла глаза на шкаф, который недавно пел, как будто имел своё мнение о дипломатии. Потом снова на планшет.

— Ну что, — сказала она почти ласково, — веди нас, самый полезный член экспедиции.

Когда они застегнули шлемы и щёлкнули фиксаторами, планшет сразу перешёл в свой самый сухой режим:

— Замок открыт.

Няшка-астроном стояла рядом и просто показала жестом на барокамеру: быстро, без лишних объяснений — как в здании, где все двери открываются только “по процедуре”. Они прошли внутрь: первый люк, короткая пауза, ровный шипящий звук, второй люк — и вот они снова снаружи, уже по ту сторону купола. Недалеко такой же “вольер” старого знакомого “преступника” в перьях. Вокруг возвышались гигантские секвойе-подобные стволы.

Планшет сказал:

— Поднесите меня к шкафу у линии.

Шкаф стоял у самой колеи. Флюкс поднёс планшет к щели, планшет коротко просвистел — не “песней”, а ровно как команда. Шкаф ответил сразу: быстрый свисток, второй — и тишина, как подтверждение заявки.

Из-за поворота приехала тележка.

Няшка-астроном махнула им лапой и свистнула что-то короткое, почти ласковое.

Планшет перевёл:

— «Возвращайтесь».

Тележка шла по настилу, и местами настил расширялся в маленькие площадки. На одной стояли ящики-грядки под прозрачными крышками; внутри свет был мягче, будто его отфильтровали листья.

Ниже, у корней, попадались низкие домики. Широкие входы, тёмные проёмы, и над ними толстые трубы. Из труб поднимался ровный дымок и расплывался между стволами.

А наверху город продолжался иначе. Между стволами висели мостики и узкие переходы, кое-где — площадки в кронах, вроде балконов. Сверху то и дело сыпались мелкие звуки: короткий свист, стук по дереву, шорох лап. Иногда в просвете мелькали силуэты — кто-то перебирался по переходу, кто-то сидел неподвижно у края площадки, как на наблюдательном посту.

Под одной из площадок они увидели работу: трое няшек на земле перебрасывали гору прутьев в низкую грузовую тележку. Они не смотрели на людей.

Чуть дальше на ответвлении прошла другая тележка — пустая, без пассажиров; За поворотом мелькнула маленькая будка на сваях и под ней аккуратная стопка ящиков. Ещё дальше — парник на подвесной платформе, и под ним тёмная тень, где кто-то сидел и что-то сортировал руками.

И всё это появлялось кусками: площадка — мостик — домик с трубой — снова лес, только стволы и пурпурно-зелёный мрак под пологом, а потом опять — маленький карман жизни. Город здесь не лежал на земле сплошной тканью. Он висел, переплетался и прятался в высоте, как если бы лес был не помехой, а основой.

— Город весь вертикальный, — заметила Астра.

Лес закончился, начался пологий склон, за поворотом они встретили тот самый гриб, у которого они вручали первый в истории человечества подарок инопланетянину. Дальше было ветренно и природа резко изменилась — низкие кустарниковые биомы, здесь они были повсеместно и их биолюминисценция в "вечнозакатном солнце" была невероятно красива — что в прошлый раз они уставшие не заметили. Так же красива как тот биом в нише у корабля, но повсюду.

Тележка повезла их к "сортировочной" — туда, где пути расходились и снова сходились. Отсюда, с сортировочной, уже было видно, как дальше вверх начинается совершенно другая геометрия: одна из линий уходит к серпантину и туннелям на очень крутом, почти вертикальном склоне.

К их облегчению они повернули туда, где начинается подъём к серпантину. Ещё выше — плато щитового вулкана, холодные высоты и те самые впадины, обращённые к звезде, где держится тёплый свет и живёт флюоресцирующий биом.

Но тележка остановилась раньше.

Дальше был обвал: рельсы исчезали под камнем, а следующий участок пути не виден за поворотом серпантина.

Даже перелезать опасно — неизвестно что там дальше.

А потом Флюкс просто молча посмотрел на оставшееся время кислорода на индикаторе — и всё стало ясно без слов.

Астра, наоборот, смотрела на склон так, будто упрямство может заменить баллон.

— Я повторю эксперимент, как в планетарии, — сказала она. — Сниму шлем и попробую не опьянеть. В прошлый раз всё обошлось чихом. Может, здесь, выше леса, этого фактора нет.

Флюкс сказал глухо, без спора:

— Кислорода скоро не будет. На корабле запас есть... но до него не добраться.

Кулуп сразу попытался превратить риск в инженерную поправку:

— Тогда хотя бы внешний фильтр. Он у нас в системе есть.

Астра кивнула, как человек, который услышал — и всё равно делает по-своему.

— Потом будем изобретать. Сейчас — чистый опыт.

Скафандр подтянул данные на внутренний экран: внешняя среда — условно-пригодна, давление 1 атм, азот, 14% кислорода, 0.7% аргона, 0.2% углекислого газа. Аэрозоли биогенного и вулканического происхождения.

Она щёлкнула замком... и сняла шлем.

Астра чихнула — раз, другой, третий — так, что шлем коротко дрогнул на замках. Потом кашлянула, и на мгновение у неё покраснели глаза, будто она долго смотрела в дым.

Но дальше ничего не “поплыло”. Руки не дрожали, походка не менялась. Она просто стояла и дышала, чуть чаще обычного, как человек, который принюхался к костру и решил, что костёр можно пережить.

— Реакция как на дым конопли, — заметил Кулуп.

— Организм должен привыкнуть, — сказал Флюкс.

Астра, уже без шлема, будто успела принять решение раньше, чем закончился их спор, ответила спокойно:

— Всё, что я поняла из общения с няшками: они совершенно безобидны. И выручат из любой ситуации. Если уж они пережили тысячи визитов из космоса, смысла нет цепляться за скафандры. Мне и так хорошо.

И пошла вниз — не оглядываясь, как будто вниз было так же логично, как сделать вдох.

— Ты куда? — окликнул Кулуп.

— Гулять. Смотреть, — бросила Астра через плечо.

Флюкс усмехнулся и пошёл за ней. Кулуп — следом, тяжело, как человек, который ещё не решил, что больше страшно: снять шлем или не снять.

На “сортировочной” Астра не пошла к лесной ветке, а свернула в противоположную сторону — тоже вниз, по другой линии.

— Ты куда? — снова позвал Кулуп.

— Снимай шлем и наслаждайся жизнью, тюлень, — рассмеялась Астра.

Флюкс молчаливо держался за ней в двух шагах, как охрана на экскурсии: вроде бы не вмешивается, но и не отпускает.

Они спускались всё ниже, и у самой границы леса воздух вдруг стал не тише, а наоборот — “звучнее”. Сначала это было похоже на дальний ветер в пустых трубах. Потом — на ритм, который улавливаешь телом раньше, чем ухом.

Флюкс остановился на секунду и прислушался.

— Если это не галлюцинация, то я слышу дискотеку в стиле чиллаут-транс, — сказал он.

Ещё несколько десятков метров — и скала перед ними изменилась. Она была не просто камнем. В ней были формы: вырезанные, выстроенные, выведенные по краям входа, как архитектура у пещеры, только без привычной “человеческой” прямоты — плавные уступы, ступени, ниши. Внутри открывалось обширное помещение.

И там была толпа.

Няшек было много — не “несколько”, не “группа”, а именно толпа, плотная, как на концерте. И по их головам гулял свет — ритмичный, сложный, бегущий волнами. Стебельки вспыхивали и гасли, но не хаотично, а как часть общей картины: узоры перекатывались по залу, как если бы кто-то проливал цвет на движущуюся поверхность.

Музыка тоже была — и при этом, как ни странно, не было видно источника. Ни колонок, ни механики, ни “где-то спрятанного оркестра”. Звук шёл отовсюду сразу, и в нём были слои: не один ритм, а несколько, переплетённые, средней скорости, с такими поворотами, что человеческий слух хотел зацепиться за “такты”, а не успевал.

Няшки танцевали.

Не “прыгали” и не “виляли” — танцевали синхронно и точно, и синхронность была не из тех, что достигается тренировкой, а из тех, что возможна только при общем состоянии. Они двигались так, будто все знают, какой будет следующий шаг, не потому что запомнили, а потому что уже находятся в нём.

Астра вошла первой. Её не остановили. Не окружили. Не “поприветствовали”. Толпа просто продолжила движение — и это движение как будто обволокло её, приняло внутрь ритма, как вода принимает камень.

Кулуп шагнул следом и застыл у входа.

— Они не просто в трансе, — сказал он тихо. — Это единый организм. Рой.

Флюкс оглянулся: ни источника света, ни источника музыки. Только “хор” тел, стебельков и дыханий — и всё это работает синхронно, как машина, которой не нужно железо.

— Сложность их сиринкса... — пробормотал он, не сводя глаз с переливов. — Наверное как у лирохвоста. Только лирохвост не делает этого в группе. И не делает так ровно.

Он попытался сравнить с земным опытом — и не нашёл. Ни человеческие коллективы, ни стаи животных не собирали такого общего рисунка: не только движения, но и света, и звука, и пауз.

Они стояли в пещере — трое пришельцев в чужом мире — а вокруг них танцевали няшки. И танец шёл дальше, не останавливаясь, как будто их присутствие — всего лишь ещё одна переменная, уже учтённая в общей схеме.

Танец чуть изменился — не резко, не “по команде”, а как меняется рисунок волн, когда в воду бросают камешек. Светомузыка на стебельках на секунду сдвинулась, перестроилась, и из общего роя вдруг вынырнули несколько няшек, подошли почти вплотную к людям, и начали двигаться иначе — нарочито парно, как танцующие брачный танец птицы.

Это было даже смешно, если бы не было так страшно.

Они исполняли что-то похожее на групповую бачату: шаги в тесном круге, мягкие переносы веса, и при этом — демонстрация хвостов. Пушистые хвости взлетали и опускались перед скафандрами, как веера, а большие, почти кенгуровые бёдра описывали такие сложные дуги, что человеческий мозг не успевал решать, куда именно смотреть чтобы не смотреть.

Кулуп отступил на шаг.

Потом на два.

Потом сделал то, что делают люди, когда протоколы заканчиваются: развернулся и побежал.

Няшки расступились мгновенно — не с криком, не с суетой, а гладко, как вода пропускает всплывающий пузырёк. Танец на секунду распадался, чтобы дать ему коридор, и тут же смыкался снова, не теряя ритма и света. Его просто отпустили — в самом буквальном смысле: сделали пространство.

Астра вдруг опустилась на пол — будто устала стоять внутри этой музыки — и легла на спину. Смотрела в потолок, в темноту пещеры, где не было ламп и прожекторов, а свет всё равно гулял по камню отражёнными переливами.

Флюкс сел рядом, тоже на пол, который оказался деревянным, осторожно, как в музее, где нельзя шуметь. Он смотрел то на Астру, то на танцующих няшек. Долго. Задумчиво. Будто пытался понять не что они делают, а что именно они считают смешным

Флюкс сам не заметил, как машинально снял шлем. Потом он уже не мог вспомнить, зачем это сделал.

И теперь, в пещере, предупреждение планшета о возможном опьянении перестало быть строчкой из перевода и стало средой.

Танец не утихал.

Сначала казалось — вот-вот будет пауза, как у людей: вдох, смена рисунка, короткое “перевести дух”. Но вместо паузы рисунок просто переливался в другой. Няшки двигались так, будто у них нет понятия “устали”, как будто усталость — это не функция мышц, а функция внимания, и внимание у них держалось общим полем. Свет на стебельках то сбивался в крупные пятна, то рассыпался мелкими точками, то снова собирался в длинные полосы, и всё это ложилось на камень, на лица, на руки, на рёбра свода — как проекция, у которой нет ни лампы, ни экрана, ни оператора.

Музыка шла отовсюду и ниоткуда. Не громкая, но насыщенная: сложная, плотная

середина, редкие высокие “иглы”, низы — не басом, а телесным давлением, будто воздух сам помнит ритм. Временами хор становился тоньше — и тогда слышно было, как по камню стучат когти, как шерохатыми шагами размечают такт, как хвосты шуршат по полу, как если бы и пол был инструментом.

Флюкс, отихавшись и прокашлявшись, несколько раз пытался прикинуть время — привычка пилота, — но внутри всё расползлось: минуты не отличались друг от друга. Движение было одинаково живым, одинаково точным, и ровно это сбивало. Если у людей массовое — это “много отдельных”, то здесь “много” не распадалось на одиночное. Тут не было “кто-то ошибся”, “кто-то сбился”, “кто-то посмотрел на пришельцев”. Были только редкие сдвиги — как если бы весь зал одновременно менял направление дыхания.

Они сидели на полу так долго, что даже страх устал быть острым. Он стал фоном. Привычным шумом, который мозг перестаёт комментировать.

Полтора часа, наконец определил Флюкс, с трудом вспомнив, что у него есть часы.

А потом всё кончилось так же без объявления, как и началось.

Не остановкой, не финальным аккордом.

Сначала в общей массе появилось странное убыстрение ритма — быстрее и быстрее, — которое перешло в замедление, и под конец плечи опустились чуть ниже. Хвосты перестали вспахивать воздух. Свет на стебельках стал тише — не темнее, а именно тише, как звук, который уходит не вниз по громкости, а вниз по смыслу.

Няшки начали опускаться на пол.

Каждая — в своей позе. Одна сложилась в тугой комок, как кошка. Другая вытянулась боком, подложив ногу и хвост под голову. Третья скрестила ноги в позу лотоса, сложилась пополам и ладони положила на паркет. Кто-то завалился на спину, распластав хвост веером. Кто-то остался на четвереньках, положил грудь на пол и скрутился так, что лицо смотрело в потолок.

— Иллюстрация к руководству по гимнастике йогов, — прошептал единственную фразу Флюкс.

Астра лежала молча.

И замерли.

Стебельки “уснули” последними: ещё несколько секунд на кончиках дёргались слабые точки, как остаточное свечение, потом и они исчезли.

Тишина в пещере стала абсолютной.

Не “тихо”, а так, что уши начинают слышать себя: кровь, суставы, редкий, слишком громкий вдох. Темнота тоже была не просто темнотой — она была без ориентиров. Не было привычного “глаз привыкнет”. Здесь глазу было не к чему привыкать.

Астра рядом не шевелилась. Флюкс придинулся ближе к тому месту, где она легла. В голове у него оставалась “последняя картинка”: потолок, рябь света, её лицо,

поднятое вверх.

Прошло какое-то время — и оно опять стало неотличимым от другого времени.

Кулупа здесь не было. Он исчез из их поля ещё тогда, когда выбежал, и теперь это отсутствие ощущалось как лишний факт: если бы даже они захотели “выйти и проверить”, они бы не смогли. Коридор, через который они вошли, больше не угадывался. Кто-то закрыл дверь — теперь она могла быть справа, могла быть слева, могла быть прямо, — но “прямо” в такой темноте не существовало.

Флюкс поймал себя на том, что начинает видеть свет.

Не настоящий. Внутренний: тонкие полосы, которые сначала были похожи на след от стебельков, потом на схему, потом на карту тоннелей, которую он когда-то видел на экране — и она, карта, вдруг стала очень убедительной, как будто действительно висела перед ним.

Астра тихо сказала в темноту — не вопросом, а как будто констатируя:

— Слышишь?

Флюкс прислушался и услышал... музыку. Ту же самую, только не снаружи. Она как будто шла из пола. Или из его зубов. Или из собственной груди. Он понял, что если сейчас ответит, то выберет между двумя реальностями: той, где они в пещере, и той, где они всё ещё “внутри танца”.

Он медленно вдохнул. Медленно выдохнул. И сделал единственное действие, которое у человека всегда одинаковое, когда надо вернуть мир в форму: включил свет.

Фонарик щёлкнул — и в первый момент показалось, что он ничего не дал. Луч упёрся в пыль и пустоту. Но через секунду проявились края: неровность пола, деревянные доски, швы между ними, следы когтей, разметка, которую они не замечали в “светомузыке”. Пещера была не природной дырой — она была обжита: тут всё было подстроено под движение.

Астра моргнула часто-часто, как человек после долгого сна. На лице у неё было то самое выражение, когда мозг не хочет возвращаться в обычное.

Флюкс поднялся, помог ей сесть, потом встать. Не торопя, не уговаривая. Он просто держал фонарик так, чтобы луч не резал глаза и чтобы в нём была дорога.

Дверь нашлась не сразу. Они шли медленно, ощупывая пространство светом: луч — шаг, луч — шаг. В какой-то момент свет упёрся в высокие деревянные ворота. Флюкс нажал на массивную ручку — по виду бронзовую.

Ничего.

Он нажал снова — чуть сильнее, — толкнул плечом, и дверь поддалась.

Флюкс, выходя, оглянулся и аккуратно закрыл дверь, потому что внутри что-то требовало завершить действие правильно.

Они прошли по коридору; Астру пришлось почти тянуть — она всё ещё была как в полусне.

Снаружи было не ярко — но после пещеры даже обычный сумрак лесного края казался прожектором. Воздух ударили в лицо холодком и запахами, которые они уже почти разучились различать. Где-то трещало, шуршало, жило.

У входа, на деревянной скамейке, весь напряжённый сидел Кулуп. Он выглядел так, будто всё это время много двигался и успел несколько раз прожить одно и то же раздражение.

— Ты без шлема уже? Вы где были? — спросил он, и это было единственное, что он смог себе позволить вместо “вы что, совсем”.

Астра уже шла дальше — вниз, в сторону леса, не оглядываясь, словно у неё в голове была цель, которую нельзя объяснить словами.

Флюкс пошёл за ней, Кулуп — следом, и первые пару минут они молчали так, как молчат люди, которым одинаково не хочется признавать, что их только что “переиграли” не силой и не угрозой, а... ритмом.

Кулуп первым нашёл слова — осторожно, будто проверяя на прочность:

— Слушай... а куда делись все те цивилизации, которые посещали эту планету до нас? Получается, все эти космические развалины, которые мы находили, оставили они?

Флюкс не ответил сразу. Он посмотрел на тёмный склон, на линию тропы, на буйные переливы кустарника выше линии леса, и у него в горле на секунду возникло ощущение, что вселенная снова стала огромной и очень населённой.

— Не знаю, — сказал он наконец.

И они пошли дальше. Астра неожиданно будто пришла в себя — как после долгого сна, когда в голове щёлкает, и ты вспоминаешь, где ты и зачем.

Она остановилась, обернулась к Кулупу и сказала уже совсем ровным голосом — не тем, который был в пещере, а обычным, человеческим:

— Опьянение есть сначала. Потом привыкаешь. Флюкс сейчас переживает то же самое, что я недавно.

Флюкс на секунду поднял на неё глаза — и сразу отвёл, как будто его поймали на чём-то личном.

Астра продолжила, уже практически, как на инструктаже:

— Так что не советую тратить кислород. Вдруг пригодится. На высоте воздух разряженный — как ты будешь идти до корабля, когда няшки разберут завал?

Кулуп посмотрел на неё так, будто она предложила выпить из лужи. Потом на индикатор. Потом туда, где вниз уходила линия леса, а вверх — камень и серпантин, и всё это в одной и той же бесконечной “вечнозакатной” подсветке.

Он тяжело вздохнул, как человек, который всё равно проиграл спор самому себе, и нехотя снял шлем.

Секунду он стоял с выражением “ну вот сейчас”, будто ждёт удара.

Потом чихнул.

Потом ещё.

Потом кашлянул — так громко и отчаянно, что это прозвучало почти торжественно, как фанфары, только в человеческом исполнении.

Кулуп попытался что-то сказать — и снова чихнул, уже не успев прикрыться. Слезы мгновенно выступили на глазах. Он замахал руками, словно мог разогнать этим воздух.

Астра первой не выдержала и прыснула.

Флюкс выдержал ровно одну секунду.

Потом согнулся пополам и рассмеялся так, как смеются люди, которых долго держало напряжение и которым наконец дали повод выпустить его без стыда. Он смеялся звонко, почти мальчишески, и это было настолько не в его стиле, что Кулуп даже на мгновение перестал кашлять, чтобы на него посмотреть.

Астра тут же стала смотреть на Флюкса так, как смотрят заботливые матери на ребёнка, который заигрался и уже не может остановиться:

— Успокойся. Дыши глубже... — сказала она автоматически, и тут же сама поняла, что сказала, и захотела. — Чёрт... или наоборот не дыши глубже!

Кулуп между чихами сумел выдавить:

— Очень... смешно...

И все трое снова сорвались — уже вместе, не потому что “смешно”, а потому что наконец можно было быть живыми, а не правильными.

Кулуп, отдышавшись, снова надел шлем — будто это была единственная вещь, за которую он ещё мог держаться.

Потом, не поднимая глаз, сказал глухо, уже деловым тоном:

— Флюкс... аккуратно отсоедини шланг. Я попробую просто фильтры. Пусть скафандр прогоняет воздух, а я... без всего этого.

Флюкс посмотрел на него так, как смотрят на человека, который полез чинить ракету вилкой.

— А обратно как присоединять будешь? — спросил он. — Мы сейчас сломаем что-нибудь. И что ты потом переставлять собрался, когда у тебя руки трясутся? Брось валять дурака.

Кулуп постоял секунду, будто решая, что сильнее: страх или упрямство. Потом раздражённо щёлкнул замками и снова снял шлем.

Первые мгновения он держался. Даже улыбнулся криво — мол, видите, нормально.

Потом лицо у него дёрнулось, как у человека, который вдохнул пыль. Он моргнул, не успел прикрыться — и чихнул. Сразу вслед — второй раз, третий. Потом кашель пошёл серией, громкий, сухой, без передышки. Он согнулся, упёрся руками в колени, словно пытался удержать грудь на месте.

Никто больше не смеялся.

Флюкс только глянул на индикатор кислорода и отвернулся — не потому что ему было всё равно, а потому что на такое лучше смотреть делом, а не глазами.

Астра подошла ближе, но трогать не стала — только сказала мягко, без шуток:

— Пойдём. Может, на ходу отпустит. Не стой столбом.

Кулуп кивнул — это вышло рывком — и выпрямился с усилием, всё ещё кашляя через раз.

Они пошли дальше.

Лес вокруг оказался всё тем же городом: настил, площадки, домики у корней, мостики в кронах. Где-то наверху мелькали силуэты, где-то тянулся ровный дымок из труб, где-то скользнула пустая тележка на боковой ветке. Жизнь няшек шла своим ходом, не подстраиваясь под их кашель и панические инженерные идеи — как идёт жизнь большого места, где трое чужих остаются просто странной деталью на фоне.

Поначалу казалось, что их просто “ведут взглядом” сверху — как в городе, где всё видно и всё учтено, но никто не считает нужным вмешиваться. Среди ветвей на дорожках где-то сверху то и дело мелькал чей-то взгляд. И каждый раз это было слишком быстро: пока люди шли по настилу, кто-то успевал пересечь крону, спуститься к корням и снова исчезнуть наверху — в трёх измерениях, без пауз, как будто высота для них такая же дорога, как и горизонталь.

Это была маленькая няшка — первый ребёнок, которого они вообще увидели на этой планете.

Чуть позже она уже шла за ними следом, аккуратно, иногда запрыгивая на деревья словно стараясь не попадаться на глаза. И стоило кому-то из людей обернуться, как она мгновенно смешно сворачивалась клубком, почти как ёжик: хвост под себя, лапы внутрь, уши прижаты — и вся поза говорила: “я тут всегда лежала, вы просто не заметили”.

Кулуп обернулся второй раз — и она повторила тот же фокус так идеально, что Флюкс даже хмыкнул. Астра посмотрела на неё на ходу — боковым зрением, слегка повернув голову, — и “ёжик” развернулся обратно в ребёнка так же быстро, как сворачивается пружина.

Когда они проходили мимо одного из домиков у корней — с трубой и тонким дымком, — маленькая няшка вдруг решилась. Она выбежала вперёд, встала прямо перед ними и совершенно по-человечески махнула лапой: коротко, приглашающе. Потом что-то зацирикала и показала на дверь.

— Нам... туда? — осторожно сказала Астра, больше себе, чем вслух.

Планшет молчал, как будто здесь перевод был уже лишним.

Флюкс первым сделал шаг, и дверь подалась. Внутри было тепло.

Комната оказалась простой: печка — большая, пузатая, с каменным основанием; рядом — полка с посудой и что-то вроде низкого стола. Но самая странная деталь стояла в углу: маленький бассейн, размером с большое корыто, и при этом с фонтанчиком — тонкая струйка поднималась и падала обратно, тихо шурша, как дыхание. Возле него стоял самовар — настоящий, металлический, с кранчиком, будто его притащили сюда из музея с Земли. С кранчиком и крышкой ровно там, где их и ждёшь; ножки поднимали корпус так, чтобы носик был выше чашки. Конструкция была очевидной: угли грели снизу, воду заливали сверху — и дальше форма сама нашла себя.

У печки сидели две взрослые няшки. Они держали чаши двумя лапами и пили что-то горячее, не торопясь. Увидев людей, они не вскочили и не отступили — просто чуть сдвинулись, освобождая место, как если бы гости опоздали к чаю, но всё равно пришли.

Маленькая няшка тут же взяла роль “хозяина” на себя. Она затопотала к полке, что-то защебетала и стала показывать — то на самовар, то на чаши, то на людей, то на взрослых. Её чириканье было быстрым и очень деловым, как у ребёнка, который наконец нашёл занятие важнее, чем притворяться ёжиком.

Одна из взрослых няшек поставила чашу на пол и протянула другую — пустую.

Астра взяла её первой, осторожно, двумя руками. Маленькая няшка подпрыгнула рядом, чуть ли не подталкивая: сюда, держи так, вот так. Потом ткнула лапой в кранчик самовара и снова зачирикала — уже требовательно.

Флюкс, стараясь не выглядеть смешным, налил тёплый напиток. Пахло чем-то травяным и немного смолистым — но запахи тут же упёрлись в то, что он ещё не привык доверять носу. Он только отметил, что пар поднимался мягко, а не резал горло.

Кулуп смотрел на чашу так, будто в ней мог быть протокол биобезопасности в жидким виде.

— Если это яд, — сказал он хрипло, — то он хотя бы... горячий.

Маленькая няшка, конечно, не поняла слов, но явно поняла тон: она подбежала к нему, ткнула лапой в чашу, потом в себя — и демонстративно сделала “глоток” из пустоты, как актёр в школьном спектакле. Потом ещё раз. Потом гордо выпрямилась.

Кулуп сдался и сделал маленький глоток.

Потом ещё один.

Он перестал кашлять на вдохе. Чих, который уже подступал, вдруг не дошёл до конца и рассыпался где-то в горле, как будто ему передумали выдавать команду.

Кулуп моргнул.

— О... — сказал он неожиданно нормальным голосом и попробовал вдохнуть глубже.

Никакой новой серии не последовало.

Астра, заметив это, тихо улыбнулась. Флюкс посмотрел на Кулупа так, как смотрят на прибор, который вдруг показал “норма”.

Маленькая няшка радостно зачирикала и тут же переключилась на следующую задачу: стала таскать к ним что-то вроде мягких лепёшек или ломтиков — тёплых, аккуратно сложенных, и всё время подсовывала их то Флюксу, то Астре, то снова Кулупу, как официант, который боится, что гости уйдут голодными.

Две взрослые няшки пили своё и иногда посматривали на людей — спокойно, удовлетворённо, будто всё шло ровно так, как должно идти: гости пришли, гостей надо согреть, гостям надо дать правильный напиток, чтобы они перестали шуметь своими лёгкими.

Кулуп сделал ещё один глоток и впервые за всё время выдохнул без паники.

— Ладно, — сказал он тихо, глядя в чашу. — Это... работает.

Маленькая няшка снова свернулась клубком и резво запрыгнув на колени к Астре. Взгляд уже не прятала а смотрела в глаза Астре очень по-человечески с выражением “ну вот, я же говорила”.

Астра сияла от счастья. Флюкс и Кулуп тоже сидели розовые довольные

В домике стало по-домашнему тесно: печка дышала ровно, самовар тихо “жил” своим теплом, фонтанчик в корыте шуршал — тоже часть чаепития, не для красоты, а чтобы у комнаты был свой звук.

Астра провела пальцами за ушами няшки, уютно свернувшейся клубком у неё на коленях, и вдруг сказала самым будничным тоном:

— Маленькая няшка бегает по ветвям совсем как большая белочка.

Флюкс и Кулуп одновременно сделали одно и то же движение: как будто кто-то щёлкнул выключателем. Они резко втянули воздух, скжали челюсти и уставились в пол с видом людей, которые сейчас ни за что не засмеются.

И именно поэтому, конечно, начали.

Сначала — тихо, почти незаметно: плечи дрогнули, у Флюкса в уголках глаз выступили слёзы, Кулуп закрыл рот ладонью так, будто пытается удержать внутри что-то опасное и жидкое. Потом их обоих накрыло второй волной: они давились хохотом без звука — только судорожно дёргались, краснели и отчаянно делали вид, что им просто стало плохо.

Астра посмотрела на них внимательно, потом снова на маленькую няшку, которая сидела как ни в чём не бывало, и спокойно отметила:

— Вы, кажется, оба пьяные.

Флюкс попытался кивнуть “нет”, но кивок вышел как “да”, и от этого он едва не сполз со скамейки.

Маленькая няшка вдруг начала издавать ровное, чистое, абсолютно кошачье урчание: не свист, не песню, а именно низкое рокочущее “р-р-р”, будто у неё внутри моторчик.

Флюкс и Кулуп переглянулись. Переглядка была короткая, отчаянная и совершенно бессмысленная — и этого хватило, чтобы оба сорвались окончательно.

Они слезли со скамейки и буквально забились в угол — не потому что боялись, а потому что стыдно. Лежали там на полу, согнувшись, с плотно закрытым ртом, обливаясь слезами и дрожа всем телом так, будто их трясёт ознобом.

Две взрослые няшки сразу поднялись. Им явно показалось, что гости теряют сознание: они подошли ближе и начали махать хвостами у лиц — широко, аккуратно, как веерами. Хвосты шли мягко, ритмично, с той самой заботой: “сейчас вам полегчает”.

Флюкс в этот момент издал звук, который мог бы быть “спасибо”, но вышло “кх-кх-кх”, и опять согнулся пополам. Кулуп попытался отползти ещё глубже в угол, но угол закончился, и ему оставалось только дрожать и давиться дальше.

Астра, не прекращая гладить маленькую няшку за ушами, сказала спокойно:

— Никогда не думала, что пионеры космоса умрут от хохота при первом контакте человечества с внеземным разумом.

Флюкс и Кулуп дёрнулись так, будто их ударили током. Это было уже не смешно, это было слишком точно, и поэтому — конечно — ещё смешнее.

Взрослые няшки переглянулись, приняли решение — и перешли к тяжёлой артиллерии: одна подошла к бассейну, набрала воды в рот из фонтанчика и аккуратно прыснула на одного землянина. Вторая сделала то же самое на другого.

Кулуп вздрогнул, открыл рот — вдохнуть, возмутиться, попросить “пожалуйста, не надо” — и вместо этого выдал новый приступ беззвучного смеха, уже мокрый.

Астра только вздохнула, как старшая воспитательница, которой досталась самая странная группа.

Маленькая няшка довольно урчала.

А где-то совсем недавно Астра говорила планшету: “веди нас, самый полезный член экспедиции”, — и это, пожалуй, был единственный член экспедиции, который сейчас выглядел профессионально.

Флюкс первым пришёл в себя — в том смысле, что сумел перестать дрожать от смеха и хотя бы нормально дышать.

— Астра, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Ты у нас сегодня единственная... рабочая. Возьми управление на себя.

Астра кивнула так буднично, будто ей каждый день выдают командование

экспедицией в чужом лесу. Уснувшая у неё на коленях маленькая няшка снова заурчала.

По просьбе Астры планшет выдал короткую инструкцию, и они вышли наружу к ближайшему шкафу-компьютеру у линии — тому самому, который принимал свист как заявку. Астра открыла шкаф и поднесла планшет к круглому монитору.

Планшет просвистел коротко, ровно.

Шкаф ответил так же коротко.

Через минуту из-за поворота пришла тележка — и не одна. Сцепка из двух вагончиков.

Астра сразу поняла зачем: Флюкс и Кулуп к этому моменту были никакие, и любой новый повод мог снова превратить их в судороги. Она без обсуждений пересадила их в задний вагон.

— Чтобы не пугать мою Белочку, — сказала она вслух, и сама же тут же добавила, уже шёпотом: — Простите.

Флюкс зажал рот ладонью и уткнулся лбом в колени. Кулуп только кивнул, как человек, который уже согласен на любой режим, лишь бы не умереть при людях.

Тележка тронулась.

Лес-город снова пошёл полосами: настил, стволы, пустые промежутки, редкие домики у корней, переходы высоко в кронах. Впереди, за деревянными дверцами в стенке вагона, пряталась карта с меткой — но сейчас никто не тянулся её открывать. Все были заняты простым делом: ехать и не превращаться в фарс.

Когда показался купол родного здания в зоопарк-сити, их уже встречали. Няшка-служительница коротко пересвистнулась с маленькой — быстро, деловито, как приняли-передали, — и жестом показала внутрь.

За дверью была старая знакомая барокамера.

Процедура — люк, пауза, шипение, второй люк — вернула их в “гостевое” помещение так же холодно и правильно, как любая техника возвращает человека в границы.

Флюкс и Кулуп буквально свалились — не драматично, а как падают вахтенные после смены: куда дотянулся, там и конец. Астра успела только завернуться в одеяло, и маленькая няшка, не стесняясь, свернулась клубочком сверху. Астра погладила её за ушами — и через минуту уже спала.

Потом был долгий сон.

Когда Флюкс проснулся, в комнате всё ещё держалась тишина после. Кулуп спал, вытянув руку так, будто до сих пор пытается закрыть себе рот. Астра лежала на боку, и маленькая няшка спала на ней, как на подушке.

Флюкс поднялся осторожно, чтобы не разбудить никого, взял планшет и подошёл к шкафу с компьютером.

За деревянными дверцами был круглый экран и массивные кнопки — как будто земной осциллограф с увеличенным дисплеем и клавиатурой печатной машинки XIX века.

— Стимпанк, — заметил уже серьёзно Флюкс.

В стерильном воздухе былые смешки вспоминались как пьяное состояние.

Флюкс спросил у планшета, где тот думает здесь порты для него. Планшет объяснил — и Флюкс положил его туда.

— Спроси у своего брата по искусенному разуму, что стало с теми, кто прилетал сюда раньше. И почему у нас в космосе от них остались одни руины.

Планшет помолчал секунду, будто выбирал слова без лишних эмоций.

— Запрос сформирован, — сказал он. — Ожидайте ответа.

Планшет молчал долго — не пауза “для драматургии”, а то самое честное ожидание, когда где-то по ту сторону экрана что-то считает и сверяет.

Потом он сказал своим сухим голосом:

— Ответ получен. Формулировка: вероятностная модель.

Флюкс не сел — он уже сидел. Просто чуть подался вперёд, как будто так лучше слышно.

— По их данным, — продолжил планшет, — ваш тип цивилизации действует как рассеивающая система. Вы разбрасываете “споры” по космосу в виде кораблей и станций. И, как правило, прекращаете существование через срок порядка того, который проходит от зарождения цивилизации до выхода в межпланетную фазу.

Планшет сделал крошечную паузу, как будто ставил запятую.

— Для вашей Земли в качестве отсчёта они приводят ранние государственные эпохи. Условно: от первых устойчивых царств до межпланетной техники. И делают вывод: по космическим меркам это “скоро”. Возможна быстрая остановка в любой момент.

Кулуп, ещё с красными глазами после вчерашнего, мрачно кивнул:

— Знаем.

И добавил чуть тише, без бравады, почти как себе:

— Потому и строим станции где можем. Межпланетный век у нас начался не от радости, а от мысли, что всё может кончиться.

Флюкс ничего не сказал. Он смотрел на экран так, будто хотел увидеть в нём не слова, а цифры.

Астра, не открывая глаз, слегка подтянула к себе Белочку — та спала на её плече тёплым клубком и изредка урчала, как моторчик на холостых.

Флюкс всё же спросил:

— Причины. Почему именно умирают? Что с остальными было?

Планшет ответил сразу, будто это место в тексте было помечено заранее:

— Уточнение от их системы: причины в большинстве случаев неизвестны. Описания — предположения. Они сами отмечают, что перечень похож на ваши собственные сценарии из художественной литературы. Вы это знаете. Только надеетесь на лучшее.

И тут планшет, как ни в чём не бывало, сообщил:

— Мне снова объявили диафильм.

Экран на шкафу чуть посветлел. Чёрно-белый e-ink не вспыхнул — он просто начал **медленно проявлять** изображение, как старая фотография в растворе.

Первый кадр: зернистый, с царапинами по краю, словно снимали древней камерой. На фоне — что-то вроде ангара или пещеры; внизу подпись не буквами, а значками. В центре стояли двое: высокие, тонкие, в гладких оболочках, похожих на скафандрь. Шлемы — почти шар, без видимых стыков. Лица не разобрать: вместо глаз — тёмные провалы, как на старых земных “фото НЛО”, где всё самое важное всегда чуть не в фокусе.

Кадр сменился неторопливо.

Второй: существо, совершенно “пульповое” на вид — широкая голова, длинные руки, странная поза, будто его поймали в движении. Но рядом — шкала, метки, какой-то измерительный уголок. Не рисунок “для детей”, а документ: кто-то фиксировал рост, пропорции, детали. Как будто это не монстр из книжки, а объект учёта.

Третий: группа разных форм рядом — и от этого стало неприятно ясно, что “прилетали” не одни. Там были крупные, там — маленькие, там — вообще не похожие на животное. У одного — что-то вроде каркаса вокруг тела, как внешняя рама; у другого — чёрная, ровная поверхность без деталей, как тень, которая почему-то попала в кадр.

Четвёртый: кусок корабля. Не панорама, а фрагмент — как снимают обломки. Рёбра, плита, шов. И рядом — тот же уголок со шкалой, те же метки. Сухая привычка измерять вселенную линейкой.

Пятый: уже почти смешной — на секунду всплыло ощущение “вот сейчас будет штамп из фантастики”: круглая комната, что-то вроде кресла, фигура с огромным шлемом. Но картинка была слишком спокойной и слишком “бытовой”: не поза для страха, а поза для работы. Как инженер в неудобном месте.

Флюкс сидел неподвижно. Кулуп тоже. Никто не смеялся. Даже не пытался.

Астра открыла глаза, посмотрела на экран одним долгим взглядом — и только тогда Белочка тихо заворочалась, подняла голову и тоже уставилась туда же, будто узнавая не лица, а сам ритм сменяющихся кадров.

Планшет продолжал своим ровным голосом:

— Пояснение от системы: это архивные свидетельства визитов. Качество — исходное. Комментарии — неполные.

Кадры шли дальше. Медленно. Терпеливо. Один за другим — как будто кто-то очень давно решил: если уж вы всё равно прилетите, то хотя бы посмотрите, **какие вы были не первые**.

— За такой фотоархив... — спохватился Кулуп и даже выпрямился, будто ему внезапно выдали кислород прямо в мозг. — Если бы мы его доставили на Землю, нам Нобелевскую дадут.

Он выхватил планшет и тут же начал им снимать круглый экран шкафа-компьютера — быстро, жадно, по-деловому: кадр, кадр, кадр. Как человек, который боится моргнуть и потерять эпоху.

Фотографии всё шли и шли.

Сменялись медленно, но без конца.

— Уточнение, — сказал планшет тем же ровным голосом, как будто речь шла о прогнозе погоды. — Архив охватывает порядка двух миллиардов лет. Запрета на фиксацию экрана мне не сообщали.

Кулуп не отрывался.

— Два... миллиарда... — да, я помню, выдохнул он, смакуя сам факт от восторга

Флюкс посмотрел на него искоса

— Ты не учёный и не писатель, — весело сказал он.

— Я круче, — шутливо-радостно ответил Кулуп, не прекращая снимать.

Кадры продолжали идти. Тёмные, светлые, зернистые, ровные. Иногда — лица, иногда — обломки, иногда — интерьер, иногда — просто фрагмент тела с масштабной меткой, иногда — группа, иногда — один. На некоторых были подписи значками. На некоторых — только пустая рамка и чёрная дата, которую никто из людей не мог прочесть, но которая всё равно выглядела как дата.

Они стояли так долго, что стояние стало обычным состоянием.

Астра тихо сказала, почти между делом, обращаясь вниз, к своему тёплому клубку:

— Кажется, у них появился телевизор.

Белочка перестала смотреть "телевизор" как перестают смотреть дети, когда взрослые слишком долго обсуждают скучное важное. Совершенно бесстыдно занялась тем же, чем когда-то астроном на высоком шкафу: быстро сбросила с себя свою простую вязаную одежду. Вытянулась — и принялась вылизываться, как кошка, но длинным языком по голой коже, тщательно и деловито.

Флюкс и Кулуп этого уже не замечали.

У них на круглом экране шёл сериал, которого хватило бы на месяцы вперёд, и

Кулуп снимал его, не моргая, как будто боялся, что сейчас кто-то скажет: конец сообщения.

Сюрреализм материалов был ещё и в том, что экран был круглый и чёрно-белый, а цвет иногда накладывался поверх — мелкими шестиугольными зёрнами, ровно там, где нужно было подсветить что-то важное. Не заливкой, не привычным градиентом, а как будто кто-то рассыпал по кадру сотню крошечных цветных сот.

Планшет услужливо объяснил:

— Здесь два слоя отображения. Нижний — по типу вашей электронной бумаги, для чёрно-белой основы. Верхний — прозрачный светящийся слой, аналог вашей светодиодной матрицы, только с крупными шестиугольными пикселями.

Он помолчал и добавил, будто это само собой разумеется:

— Основное назначение верхнего слоя — письменность для фасеточных глаз. Иногда используется для передачи цвета в сценах.

Сверху экрана шла строка из знаков: не буквы, а крупные шестиугольные элементы разного размера, собранные из мелких сот. На каждом кадре узор был другой: где-то плотнее, где-то разреженнее, обычно с какими-то более статичными фрагментами.

— А... вот что это такое, — сказал Кулуп. — А я всё не мог понять.

Фотографии оставались чёрно-белыми, но цвет то и дело возникал в них отдельными островками: тонкой зеленью на листве, холодной синевой на металле, красноватым пятном на чьём-то скафандре или коже. И от этой экономии цвета кадры становились ещё страннее — как документы, в которых важное подчёркнуто не чернилами, а самой реальностью.

Кулуп довольно быстро понял, что стоять тут можно бесконечно, а его руки-ноги не вечны

Он всё ещё снимал: круглый экран, кадры, шестиугольные цветные зёरна, подписи-полосы из сот наверху. Лицо Кулупа было таким, будто он одновременно и счастлив, и не верит, что это не сон.

— Мне нужно... хоть что-то, — выдохнул он наконец, не отрываясь от экрана. — Сидеть. Или закрепить планшет.

Флюкс оглядел “гостевое” помещение, как человек, который уже изучил его наизусть. Тут действительно было странно пусто по земным меркам: пол, печка, шкафы, вертикальные элементы — всё рассчитано на тех, кто живёт вверх и вниз, а не только вправо-влево.

— Дай минуту, — сказал он.

Кулуп, пока Флюкс возился, спросил у планшета, почти с надеждой:

— А они не могут тебе архив закинуть? Ну... как нормальные цивилизованные существа.

Планшет ответил:

— Помнишь параметры их системы. Они передают такие объёмы через аналоговый канал. У их компьютера нет даже полной расшифровки подписей. Аналоговый сигнал идёт откуда-то по проводам: от специально заказанного транслятора — в аналого-цифровой преобразователь в мониторе.

Кулуп поморщился.

— Ну и ленивые же эти ваши няшки...

Флюкс вернулся с низкой скамейкой. За скамейкой он притащил целую груду подушек и одеял — всё, что нашлось из “горизонтального”.

— Зато древние, — задумчиво заметил он, ставя скамейку перед Кулупом. — Ничего больше тут нет. У них вся мебель вертикальная.

Кулуп облегчённо устроился — сначала на скамейку, потом на подушки, потом ещё подложил под локти одеяло, превращая всё это в аккуратное гнездо для съёмки.

— Вот. Вот теперь можно жить, — сказал он и снова поднял планшет, уже спокойнее. — Два миллиарда лет, говорите. Отлично. Я просто... посижу тут до пенсии.

Флюкс сел рядом на пол, прислонился спиной к стене и, глядя куда-то мимо экрана, сказал неожиданно тихо:

— Если они правы про споры... то очевидно почти все погибают.

Кулуп, не отрываясь от съёмки, ответил так же ровно:

— Наверняка.

Флюкс чуть покосился на Астрру.

— Кстати, ты удивишься, но профессиональный контактёр у нас Астра. Её для этого готовили, а она всегда молчит.

Астра рассмеялась — коротко, без злости.

— Твоё «Ку» мне не переплюнуть никогда.

Кулуп кивнул, как будто признавал факт вслух для протокола:

— Надо признать: из-за каких-то своих качеств именно она и устанавливает основной контакт... после планшета, конечно.

— Планшет тоже мой, — заметила Астра спокойно. — И софт этот на нём не совсем уж случайно появился.

Кулуп приподнял брови, но промолчал: сейчас у него было занятие важнее любых признаний — он снимал историю.

Астра погладила Белочку за ушами. Та на секунду перестала вылизываться и низко

заурчала, потом продолжила.

— Споры безусловно почти все погибают, — сказала Астра так же буднично, как раньше говорила про чай и воздух. — Это известно из биологии.

Кулуп наконец оторвал взгляд от экрана.

— То есть шансов у наших станций нет?

— Почти ноль, — сказала Астра.

Флюкс молчал. Ему не хотелось спорить со словом “ноль”, потому что спорить было нечем.

И тут планшет ожил сам, без вопроса — будто кто-то по ту сторону решил, что эта ветка разговора важнее, чем очередное лицо на архивном кадре.

— Уточнение. Я задавал их системе этот вопрос. Их оценка: наиболее вероятно, что большая часть цивилизаций всё же реплицируется на других планетах. Но репликация происходит с фатальной потерей технологий. Причина: неизвестна. Отмечено как повторяющееся наблюдение.

Кулуп медленно выдохнул.

— То есть... они выживают, но... как будто всё забывают?

Планшет ответил коротко:

— Формулировка близка.

Астра нахмурилась, пытаясь вытащить из памяти нужное слово.

— Кажется есть эффект... не помню как называется. Люди просто не могут воспроизвести на месте все технологии. Первое время на экзопланете могут одичать. У нас просто ещё не было таких заселений — из-за несовместимости биосфер.

Белочка спокойно продолжала умываться, как существо, которому не нужно ни сохранять технологии, ни помнить историю — достаточно просто быть тёплой и живой.

А экран всё перелистывал кадры.

...Астра нахмурилась, как будто лезла в полку с терминами, где всё подписано чужими руками.

— Есть такой эффект... его любят приводить антропологи. Когда группа маленькая и отрезана, сложные навыки начинают не накапливаться, а ссыпаться — просто потому что некому “держать планку”, некому учить правильно, некому заметить, где ошибка стала нормой. Это даже называли “эффектом Тасмании”.

Она помолчала и, как всегда, сказала дальше без пафоса — как список неисправностей.

- А у колоний к этому добавляются свои сценарии. Самые скучные и самые убийственные.
- Цепочка производства. Ты можешь привезти компьютер, но не привезти “компьютерную цивилизацию”: чистые материалы, химические реагенты, контроль примесей, метрологию. Микросхемы и оптика — это не “железяки”, это длинная цепь и куча узких мест.
- База энергии. Можно долго жить на готовых аккумуляторах и реакторах, а потом у тебя остаются провода и воспоминания, потому что обслуживать и воспроизводить нечём. — Инструментальная лестница. Чтобы сделать точный станок, нужен менее точный станок, чтобы сделать его — ещё один... и если ты где-то провалился по ступеньке, ты не “повторяешь технологию”, ты прыгаешь в пустоту. — Потеря специалистов. Не “люди умерли”, а “умер один-единственный человек, который умел калибровать датчики / лечить сплав / вести процесс”. В большой цивилизации это один из тысяч. В колонии — это точка отказа. — Культурная деградация без катастроф. Никаких войн и метеоритов. Просто дети учатся у тех, кто умеет “чуть хуже”, и через несколько поколений сложное превращается в простой суррогат. Это как храповик: сложность держится, пока есть кому её поддерживать.
- Материалы “не те”. Тут может не быть нужных руд, нужной чистоты, нужных полимеров, или всё есть, но добывать это без инфраструктуры невозможно. — Экология и быт. Колонисты начинают тратить силы не на “высокие технологии”, а на воду, еду, тепло, микробы, совместимость с местной химией. А дальше — приоритеты решают за них.

Кулуп тихо сглотнул.

- То есть... у наших станций нет шансов?
- Шансы есть, — сказала Астра. — Просто они не “на станцию”, а на непрерывность передачи. На размер группы. На связь. На то, что вы не останетесь одни и не начнёте экономить на знаниях.

Астра посмотрела на Белочку, которая спокойно умывалась, не принимая участия ни в одном конце света.

- Это очень похоже на колонию, которая выжила... но не унесла с собой лестницу. Выжить проще, чем сохранить сложность.

В какой-то момент разговор сам собой упёрся в странное: не в то, как вымирают “споры”, а в то, почему эти — нет.

Флюкс смотрел на круглый экран уже без прежнего восторга. Он смотрел как пилот на показания: кадр, кадр, ещё кадр. Кулуп снимал автоматически, как если бы его руки давно отделились от головы и работали поциальному протоколу.

- Чем так отличаются няшки, — спросил наконец Флюкс, — что не пошли по этому пути?

Астра не подняла головы. Белочка урчала на коленях и умывалась деловито, как будто всё происходящее — фон.

Кулуп повернулся к себе, будто собирался спросить прямо у него, как у

живого.

— Слышь, переводчик. Спроси у них.

Планшет ответил сразу, сухо:

— Такого вопроса я не задавал. Вам придётся на время отнести меня обратно в шкаф.

Кулуп с лёгкостью согласился — даже с облегчением. Ему уже осточертел бесконечный ряд чужих лиц. Они были слишком разными, слишком реальными, слишком убедительными.

— Мне и так это в кошмарах сниться будет, — пробормотал он. Потом, уже тише, как будто боялся накликать: — Надеюсь, это не розыгрыш. Что они не придумали всех этих невероятных гуманоидов сами... Хотя судя по уровню технологий — вряд ли. У наших ИИ на такое фантазия до сих пор победней.

Флюкс хмыкнул, но не смеялся. Он только поднял планшет и понёс к шкафу.

За деревянной дверцей было темно и тесно, круглый экран светился своим бесконечным кино. Флюкс аккуратно устроил планшет у порта — туда, где он уже “понимал” шкаф — и на секунду задержал руку, будто от этого зависело, что именно ему ответят.

Планшет беззвучно “переговорил” со шкафом — коротко, по-деловому. Никаких трелей, никакой музыки: просто тихое, почти невидимое мерцание у разъёма.

Поток фотографий не остановился и не собирался. Кадры продолжали идти, как будто где-то внутри системы стояла задача “показывать всегда”, и никто не видел причины эту задачу отменять.

Через пару секунд планшет сказал:

— Ответ получен.

Кулуп уже вернулся на своё гнездо и даже притормозил пальцы — впервые за долгое время.

— Ну?

Планшет говорил ровно, как сводка:

— Они считают, что изначально это было удачное стеченье: длинная эволюция у долгоживущей звезды. Флуктуация, которая закрепилась. В результате вид остался “животным” — с надстройкой в виде роевого интеллекта.

Флюкс нахмурился.

— “Надстройка” — это они так называют стебельки?

— Вероятно, — сказал планшет. — Их формулировка ближе к “второму каналу”. Индивидуум остаётся индивидуумом, а связь делает их множеством.

Астра наконец подняла глаза.

— То есть они не стали “цивилизацией споров”, — сказала она, — потому что не отделили интеллект от тела. Не вынесли всё в железо, не построили мир вокруг машины. Остались... собой.

Кулуп опять глянул на экран, где как раз шёл очередной чужой портрет — и от этого “остались собой” звучало почти как технический термин, а не как утешение.

— А дальше? — спросил он. — Там же у них... про измерения?

Планшет помолчал секунду.

— Они упоминали “другие измерения”. Я не понимаю, что именно имеется в виду, — признался он. — В их описании это не геометрия и не физика в вашем учебнике. Скорее... способ связи или способ присутствия.

Флюкс посмотрел на Кулупа — не для спора, а просто чтобы убедиться, что он тоже услышал.

— То есть они сами не совсем “здесь”, — сказал Кулуп. — Или могут быть “не только здесь”.

Планшет снова ответил без эмоций:

— Формулировка близка. Точность низкая: терминология их системы неполная.

Экран тем временем продолжал жить своей жизнью. Кадр сменялся кадром. Иногда цвет вспыхивал сотами — где-то на шлеме, на коже, на металлическом ребре — и тут же пропадал.

Белочка на коленях у Астры перестала вылизываться на секунду, подняла голову и внимательно посмотрела на круглый экран — как будто для неё это всё было не архивом, не откровением, а просто ещё одной домашней штукой, которая в доме иногда показывает картинки.

Потом она снова урчала и продолжила умываться.

А людям оставалось только сидеть и пытаться понять, где в этой истории проходит граница между “мы” и “они” — и почему у некоторых эта граница никогда не становится стеной.

— Насколько я понял, — ответил планшет Астре после длинной паузы, — у них не «интеллект не отдельно», а как раз слишком отдельно. У них есть добавочный контур, который работает частью роя, как распределённая вычислительная система. Он обслуживает всех няшек как своё тело: помогает, страхует, синхронизирует, но не заменяет индивидуальную моторику и мотивацию каждой.

Первое важное отличие в том, что у людей личность — не добавочный контур, а продукт общества; животное же сознание подавлено культурой. Второе отличие в том, что человек сам по себе более примитивен как животное: у няшек 208 млрд нейронов, 180 млрд — мозжечок, 16 — зрительная кора и 12 — остальная кора, а у людей всё попроще, кроме таких же 12 млрд в коре.

— Кроме зрительной коры — кажется, как у дельфинов, — добавил Кулуп.

Астра кивнула, будто это как раз то слово, которое у неё вертелось.

— То есть животная индивидуальность первична, — сказала она, — а рой — как заботливый зонтик.

— Корректно, — подтвердил планшет.

Кулуп:

— Но это описание идиократии. Животные под управлением суперкомпьютера. У людей как будто так же, но пока без круглых идиотов — за счёт чего общество няшек существует бесконечно дольше, я не понял.

Флюкс попросил планшет:

— Ответить Кулупу можешь?

Планшет:

— Дельфины — не идиоты, а животные с развитым мозгом. У няшек высокая вычислительная мощность не только на движение, но и на сенсорику — по сравнению с дельфинами. А канал коллективной координации формирует не личность отдельной няшки, а свою собственную роевую личность — вероятно, даже имеющую свои цели. И тут я сам не понимаю, почему размножение себя — не такая цель.

— Спроси ещё раз, — предложил Флюкс.

Через некоторое время планшет ответил:

— Более стабильная психика индивидуума — за счёт наличия в их мозге двух независимых личностей-симбиотов: индивидуальной животной — при более развитой ЦНС — и интегрированной в рой частички автономной личности роя; плюс высокая саморемонтируемость роевого интеллекта и роевой личности за счёт подвижности отдельной няшки: рой ремонтируется заменой/перекоммутацией узлов (индивидуов), в отличие от мозга, где нейроны не мигрируют и не взаимозаменяются.

Индивидуальность няшки — не продукт общества: у них нет школ и социализации. У них животная индивидуальность остаётся таковой после загрузки всех программ роя через световой канал. Частичка личности роя не заменяет индивидуальность няшки, а существует как спутник.

У таких цивилизаций, как человеческая, всё по-другому: у вспомогательной техники как раз отсутствуют мотивация и личность, а социальная личность уникальна в каждом мозге, за счёт чего психика отдельного индивидуума неустойчива. Поэтому человеческие институты живут на нервном ресурсе людей и регулярно «сыпятся», а у роя этот ресурс вынесен наружу и чинится узлами.

— Подтверждения нашей идеи о том, что рой не заинтересован в размножении, я не получил. Возможно, они осуществляют размножение через те самые «другие измерения» — это моя лучшая аппроксимация их объяснения, но смысла я не извлёк...

— Шизофрения, которая стала эликсиром бессмертия, — сказал Кулуп.

В комнате уже всё было разложено по местам, как после бури: Кулуп — в своём гнезде из подушек и одеял, планшет — рядом, круглый экран в шкафу продолжал медленно перелистывать чужие лица, как будто времени в нём было больше, чем в комнате воздуха. Печка дышала ровно, фонтанчик шуршал, самовар стоял как маленькая честная машина, которая делает только одно и поэтому не врёт.

Астра сидела на полу, прислонившись плечом к стене, и чесала Белочку за ушком — короткими, точными движениями, как будто это тоже часть процедуры. Белочка разомлела и распласталась на её коленях тёплым клубком, хвост торчал набок, а взгляд — спокойный и слишком взрослый для ребёнка.

Астра вдруг сказала тихо, без интонации — не как вывод, а как факт, который просто дошёл:

— По всем признакам мы в гостях у сверхразума, а вокруг — декорации.

Флюкс не ответил сразу. Он даже не повернул головы. Только пальцы на рукаве слегка сжались, как будто он проверял, что руки всё ещё его. Кулуп, который обычно всегда находил слова, тоже застыл — планшет в его руках на секунду замер так, будто перестал быть камерой и стал предметом, который надо держать осторожно.

И именно в эту паузу Белочка вдруг не сделала привычного кошачьего урчания.

Она подняла голову. Медленно. Так, что стало видно: это не “рефлекс”, не “приятно чешут” — это действие. Её стебельки засветились ярче; из горла вышла странная песня-согласие — не свист и не чириканье. Низкий, очень ровный мотив, на котором сверху лежали тонкие, как нитка, переливы. Как будто кто-то взял короткую фразу и сыграл её сразу в нескольких регистрах.

У всех троих одновременно пошли мурashki.

Это было настолько телесно, что Флюкс машинально провёл ладонью по предплечью — проверяя, не холодно ли тут вдруг стало. Кулуп моргнул, будто его ослепили, и выдохнул слишком громко для стерильной тишины.

— Белочка сказала: ты умная чертовка!!! — прошептал он, и в его шёпоте было больше паники, чем смеха.

Флюкс поднялся резко, неуклюже — как человек, который внезапно вспомнил, что у него есть обязанности. Он шагнул к шкафу, потом обратно, потом снова к шкафу, как будто хотел что-то выключить, но не знал, что именно тут “выключается”. Два миллиарда лет внезапно перестали быть цифрой из голоса планшета и стали чем-то вроде стены, к которой ты случайно прислонился спиной.

— Чёрт... чёрт... — выдавил он. — Два миллиарда лет... это же не шутка. Какие мы идиоты.

Никто не поправил его и не утешил. Даже Кулуп не вставил ничего “умного” и не сгладил. Он просто держал планшет, но больше не снимал — руки у него были заняты тем, чтобы не дрожать. Астра продолжала чесать Белочку за ушком, только теперь движения стали медленнее, осторожнее, как будто в этом жесте было правило: не спугнуть.

Песня Белочки закончилась так же внезапно, как началась. Она снова уложила голову на колени, как ни в чём не бывало. Но тишина после неё стала другой — плотной, как будто в комнате появилось ещё одно присутствие, которое не шумит.

И в этой новой тишине всё выглядело чуть иначе: круглый экран — как иллюминатор, в который кто-то смотрит издалека; печка — как реквизит тепла; фонтанчик — как реквизит “уютного звука”. Даже одеяла под Кулупом вдруг стали напоминать декорации “человеческого быта”, аккуратно выложенные для того, чтобы людям было куда сесть.

Они действительно будто шагнули в другое измерение — не ногами, а смыслом. И теперь любой шорох, любой жест, даже простой вдох казались чем-то, что может быть замечено.

Кулуп продолжал — уже не тем тоном, где шутят, а тем, где человек сам себя убеждает, что он ещё контролирует голос.

— Когда мы смотрим на животных... почему-то не сильно удивляемся, что разумные только мы. Говорим: нужна длительная эволюция. Нужны миллионы лет. Случайность. Редкое явление. А тут... ситуация фрактальная. Сверхразум не удивляется, что он — редкое явление. Просто потому что он сверху.

Он потёр лицо ладонями, как будто пытался стереть с себя последние кадры из архива.

— Я тогда в планетарии... интуитивно ощущил, что мы у Дьявола в гостях.

Астра, не отрывая пальцев от тёплой шерсти Белочки, кивнула без улыбки — слишком спокойно, чтобы это было утешением.

— Биологи приводят похожие примеры. У кошек, говорят, тоже бывает ощущение, что люди... неполноценные. Раз мышей не ловят. Но где кошки, а где мы.

Белочка под её рукой на секунду замерла, потом снова заурчала — медленно, ровно, будто ей всё равно, кто тут кого считает неполноценным.

Флюкс, который до этого молча слушал, поднял голову.

— Кошки как вид существуют дольше нас. Уж тем более — дольше любой цивилизации.

Астра ответила так же ровно, как будто говорила про давление в баллоне:

— Да. Не всё и не всем даётся сразу.

Она почесала Белочку за ушком. И добавила уже тише, почти как заключение:

— А наш гостеприимный Демон смог.

А на круглом e-ink, с этой нелепой цветной подсветкой из шестиугольных зёрен, кадры продолжали сменяться — медленно, упрямо, без намёка на финал.

Удивительные гуманоиды шли один за другим: слишком тонкие, слишком массивные, с лишними суставами, с неправильной симметрией, с лицами, которые будто бы собирали по разным лекалам. Где-то цвет подкрашивал только одну деталь —

полоску на груди скафандра, край глаза, пятно на коже — и от этого всё становилось ещё страннее, как медицинская иллюстрация, на которой отмечают самое важное.

И при всём разнообразии — ни один из них эстетикой не дотягивал даже близко до дьявольского обаяния няшек.

Случайно попавшие в кадр няшки не старались быть красивыми. Они просто были — дьявольски очаровательны.

Флюкс стоял неподвижно, как прибитый, и только глаза у него бегали.

Кулуп давно уже не снимал.

Астра чесала Белочку за ухом — медленно, точно. Белочка разок встряхнула ушами, посмотрела на круглый экран так, как смотрят на шум, который не стоит внимания, и снова принялась умываться.

Кадры шли.

Шестиугольники наверху меняли узор.

Цвет вспыхивал и гас.

И где-то на самом дне этой ровной смены у всех троих держалось одно и то же ощущение: будто они уже давно не зрители — а часть демонстрации.

Они долго ничего не делали — и это было самым честным занятием из возможных.

Флюкс и Кулуп так и не решились выйти наружу второй раз. Опьянение на границе кислорода и усталостиказалось чем-то коварным: вроде бы ты просто снял шлем и «подышал», а потом внезапно перестал быть собой. Флюкс сказал, что в таком состоянии человек может легко перепутать осторожность с уверенностью. Кулуп, не споря, только кивнул: у него после посадки вообще пропало желание спорить.

Астра, наоборот, начала жить там, где жизнь была меньше всего похожа на протокол. Учила Белочку детским стишкам. Белочка внимательно слушала и иногда повторяла довольно приятным голосочком канарейки.

Флюкс, чтобы не тратить время зря, занялся единственным делом, которое всегда приносило ему облегчение: он начал описывать.

Он достал блокнот, шариковую ручку, устойчивые ко всем космическим ветрам, и стал выписывать всё, что видел в помещении, по пунктам, как будто каждая деталь была спасательным кругом.

Материал. Фактура. Следы ремонта. Отпечатки когтей на низких уровнях. Тонкие швы, которые явно рассчитаны на другое давление. Странные крепления, которые держатся не резьбой, а каким-то глухим зацепом. Посудина, похожая на миску, но с отбортовкой так, будто из неё не едят, а выливают. Аккуратная ниша в стене и т. д.

Он даже попытался залезть повыше — туда, где много мебели. Использовал вроде бы тот же путь, что няшки: по шкафу, встал на край полки, поднялся, потянулся — и

в этот момент почти сорвался.

Флюкс успел схватиться за выступ, неловко, бедром ударился о стену и замер, словно сам себя поймал за рукав: «вот так и умирают — не от цивилизации, не от вируса, а от собственного энтузиазма».

— Не надо, — тихо сказала Астра, даже не повернув головы.

Флюкс слез аккуратно, как будто извиняясь перед гравитацией.

Кулуп в это время не делал вообще ничего.

Он сидел на полу, прислонившись к шкафу, и смотрел в одну точку — туда, где у кораблей обычно бывает чувство направления. У него оно исчезло. В глазах у него было выражение человека, которому внезапно дали слишком много вселенной и слишком мало инструкции.

— Я пребываю в духовных поисках, — сказал он наконец.

Флюкс хотел было ответить, но не ответил. Он тоже в какой-то мере пребывал — просто называл это «дневником».

Няшка-астроном приехала с обедом. На своём трёхколёсном друге.

Они ели жадно. Что-то инопланетное, но в обработанном виде почти как на Земле. Что-то такое сладковатое, маслянистое. После еды все расположились по своим углам и задремали.

И тут случилось нечто.

Им всем троим снилась одна и та же сцена.

Королева на троне.

Трон был не земной, но земной была сама женщина: плечи, руки, линия шеи, складка на платье. Только глаза — совиные. Не в поэтическом смысле, а буквально: круг, неподвижность, ощущение, что зрачок — не отверстие, а прибор. Взгляд был не злой и не добрый, он был абсолютно безличный — как измерение.

В этом сне было странное свойство: они видели друг друга.

Флюкс видел, как Астра стоит рядом и пытается что-то сказать — и слова не идут. Кулуп видел Флюкса и пытался шутить, но шутка застревала на половине, словно кто-то выключал звук. Астра видела обоих — и ощущала, что они не просто вместе, а подключены к одному экрану.

Королева смотрела на них так, словно они были мелкой записью на полях.

И произнесла фразу — короткую, простую, без акцента. Не по-русски и не по-английски — это был «язык сна», в котором смысл приходит сразу.

Смысл был: вы свободны.

Потом сон оборвался. И в этой темноте ещё секунду держался взгляд.

Они проснулись почти одновременно.

Никаких криков, никакой героической фразы. Только три человека, которые сели так, как садятся после плохой новости, даже если её ещё не произнесли.

Астра машинально поискала Белочку. Флюкс сжал ладонь, будто в ней осталась ручка дневника, и сразу же оглядел помещение — как будто искал камеру. Кулуп долго моргал и потом выдохнул так, словно только что поднялся на гору.

— Мы... — начал он, но не закончил.

Белочка сидела рядом, очень тихо. И смотрела не на них, а куда-то поверх их голов — туда, где никакого трона быть не могло.

Флюкс медленно поднял глаза туда же.

— Мы это все видели? — спросила Астра наконец. Она старалась говорить ровно, но голос у неё звучал, как у человека, который не уверен, что его слышат только люди.

Кулуп кивнул.

Флюкс не кивнул — он сделал хуже: достал дневник, открыл на чистой странице и, не глядя, написал одно слово.

«Королева».

В следующей главе засвистел шкаф.

Свист был тонкий, дрожащий, как у кипящего чайника, только без пара — и от этого ещё неприятнее. Он шёл не из щелей, не из замка, а как будто из самого дерева: изнутри мебели, которую ты считал мебелью.

Планшет заговорил неожиданно быстро:

— Положите меня в шкаф.

Флюкс машинально сделал шаг, будто это нормальная команда от нормального устройства. Сунул планшет внутрь.

Свист оборвался.

И планшет тут же, без паузы, выдал:

— Спасательная экспедиция села рядом с вашим разбившимся челноком. Вам нужно срочно собираться. Полетите на дирижабле.

Слова “срочно” и “дирижабль” в одной фразе звучали так, будто кто-то вшил в них нарочно несовместимые эпохи.

— Они ждут, — сказал планшет. — Ограниченнное окно.

Флюкс и Кулуп начали натягивать скафандры. Руки делали это сами, как на

тренировке, где ты тысячу раз выполнял движения, не думая о том, что они означают. Астра метнулась к углу, где они складывали снаряжение, и через секунду в голосе у неё мелькнула паника.

— Шлемов нет.

Они перевернули всё. Ящик. Стол. Под одеялом. Под подушками, которые им приносили няшки. Шлемов не было.

Кулуп замер на полуслове, как будто в нём резко выключили тот клапан, который держит человека собранным.

— Это... это не смешно, — сказал он тихо. — Это уже совсем не смешно.

Флюкс повернулся к шкафу:

— Планшет. Ты не знаешь, где шлемы?

— Они изъяты, — ответил планшет без выражения.

Флюкс моргнул.

— Что значит “изъяты”?

— Информации нет. Они сообщают: вам не нужны шлемы, чтобы быстро долететь.

— Кто “они”? — спросила Астра. И сразу же поняла, что это бесполезный вопрос: когда в мире появляется слово “они”, у тебя уже нет контроля над тем, кто за ним стоит.

Дверь приоткрылась. В проёме появилась няшка-астроном — та самая, всегда слишком точная в движениях, как будто в ней встроен метроном.

Она не вошла. Она стояла, наклонив голову, и смотрела на них так, как смотрят на животных в клетке: без злости, просто с вниманием.

И жестом позвала.

Им ничего не оставалось, кроме как выйти. В скафандрах — без шлемов.

Белочка вышла вместе с ними. Как будто это даже не обсуждалось. Она шла рядом с Астрой, хвостом касаясь её ноги, проверяя: ты здесь.

Снаружи их ждал состав. Целых три вагона — сцепленные, низкие, увереные. И опять это ощущение: чужая цивилизация умеет делать сложные вещи так, будто это детская игрушка.

Они залезли. Дверь за Кулупом и Флюксом аккуратно закрыла няшка-служащая зоопарка.

Поезд тронулся.

Через окна мелькали подсвеченные впадины и тёмные полосы леса — не романтический лес, а настоящий, тяжёлый, как масса. Вдали виднелись купола —

знакомые по их первому блужданию, только теперь это было не “мы нашли”, а “нас везут мимо”.

— Если это спасатели... — начал Кулуп и замолчал. Он сам не знал, что хотел сказать: “почему без шлемов?” или “почему я всё ещё жив?”.

Астра сидела, прижав Белочку к себе, и не отпускала. Белочка не сопротивлялась, только иногда поднимала голову, чтобы посмотреть в сторону движения — туда, куда их вели.

Они доехали до аэродрома — туда, где был планетарий. Всё было слишком знакомо: та же площадка, те же конструкции, только теперь в них появилась логистика, как в аэропорту.

И там действительно ждал дирижабль.

Большой. Тихий. Нереально земной по форме — и при этом явно не земной по материалам. Он завис над площадкой, силой вертикальных винтов.

И вот тут Флюкс почувствовал: то, что они называют опьянением, снова поднимается, как волна. Не сладкое головокружение — а именно расслоение: будто мир теряет жёсткость, становится пластилином.

— Быстрее, — сказал планшет. Но планшет уже не звучал как устройство. Он звучал как расписание.

Они поднялись внутрь.

Дальше всё пошло как в плохом кино, где монтаж вырезает важные кадры.

Флюкс сел — и через минуту понял, что не может удержать взгляд на одной точке. Кулуп попытался что-то сказать, но слова расплывались, как чернила в воде. Он уткнулся лбом в ладонь и долго сидел так, будто пытался удержать себя внутри головы.

Астра плакала. Без звука, только плечи дрожали. Она прижимала Белочку так крепко, как будто если отпустит — исчезнет последнее доказательство того, что это всё не выдумка.

Белочка вдруг поднялась — серьёзно, почти по-взрослому. Посмотрела Астру прямо в лицо.

И сказала, отчётливо:

— Ты вернёшься. Я жду.

Астра замерла.

Слёзы на секунду остановились, как будто организм тоже не решил, что делать с такой фразой: плакать дальше или начать верить.

Потом дирижабль дрогнул — и мир поехал.

Путь к месту посадки спасателей был уже не дорогой, а чередой ощущений. Они

шли, или их вели, или они “были в пути” — это уже не имело значения. Флюксу казалось, что земля под ногами дышит: поднимается и опускается, как грудная клетка. Кулуп то смеялся, то злился, то вдруг молчал, будто слушал кого-то внутри.

Астра казалось, что над ними наклонилась огромная тень. Дракон. Не “настоящий”, а сонный, как метафора, но настолько убедительный, что тело начинало подстраиваться под страх. Она шла и думала только одно: “лишь бы не раздавило”.

Потом всё исчезло.

Очнулись уже на орбите.

Белый свет. Ровный шум систем. Чужие голоса, которые звучали слишком правильно, чтобы принадлежать сну.

Над ними стояли спасатели в скафандрах — уже по земной привычке, по биобезопасности. Вопрос прозвучал деловым тоном, как в протоколе, где уже есть графа для ответа:

— Там инопланетяне?

Флюкс моргнул. Слова “там” и “инопланетяне” не состыковались в голове.

— Какие инопланетяне? — сказал он. — Там были... какие-то звери.

Спасатель переглянулся с другим.

— Звери на дирижабле?

Кулуп повернул голову медленно, как будто каждая мышца сопротивлялась.

— Какой дирижабль? — спросил он искренне. — Там все летают на пегасах.

— На каких пегасах? — голос спасателя стал жестче.

— На летающих конях, — уточнил Кулуп. И сам удивился, что уточняет так, будто это научный термин.

— Вы в себе?

Кулуп помолчал.

— Не уверены, — честно сказал он.

Флюкс попытался встать — и тут обнаружил странное: на нём не было его блокнота. Не было ручки. Не было вообще ничего “лишнего”. Как будто его вычистили до протокола.

Он повернулся:

— Планшет... — сказал он и замолчал. Потому что планшета не было.

— Что у вас было с собой? — спросил спасатель.

— Дневник, — сказал Флюкс. — И... планшет.

— У вас ничего не нашли, — ответил спасатель. — А планшет не включается.

Флюкс уставился в пустоту, как человек, который сейчас потерял не предмет, а доказательство.

Астра говорила тихо, будто боялась, что её слова начнут материализоваться:

— Земля дышит... и там эльфы... — сказала она и сама поняла, что звучит безумно.

Спасатель вздохнул — и, к удивлению, в этом вздохе не было насмешки.

— Мы прекрасно видели дирижабль, — сказал он. — И мы уже с орбиты хорошо изучили эту цивилизацию.

Троица переглянулась.

И в этой немой паузе было всё: облегчение, что их не списали, и ужас от того, что их видели — но их собственная память теперь не годилась даже в качестве показаний.

Флюкс снова почувствовал тот взгляд. Не королевы — а самой системы. Как будто их кто-то аккуратно вынул из истории, отряхнул и положил обратно, оставив только следы на коже.

=====

==

Часть II

Памятка по Nyashka Сс

1) Где торговать

Торг чаще всего получается в малонаселённых и изолированных местах: отдельные острова, края архипелагов, удалённые берега, где местных немного и они живут обособленно. В густых районах и возле крупных поселений торг обычно быстро сворачивается: там всех пришельцев по единому сценарию направляют сразу в “планетарий”, где нечем дышать без скафандра, либо могут посадить в “зоопарк” с дикими хищниками, которых они называют “преступники”. В этом “зоопарке” (и по совместительству отеле для инопланетных форм жизни) вы будете сидеть хотя и в земных условиях — с земным уровнем кислорода и без галлюциногенной пыльцы в воздухе — но до первой исследовательской миссии, которой вас передадут. А миссии такие случаются очень редко.

2) Как начать торг

Торг начинается простой демонстрацией товара. Можно использовать переводчик на свист: короткие фразы вроде “подходи, меняю” (длинные он не умеет!).

3) Что можно и что нельзя

Есть три класса.

Можно: одежда, украшения, бытовые вещи, искусство, ремесленные предметы, материалы и механика без электроники. Это то, что иногда готовы менять без нервов, особенно в “тихих” местах.

Нельзя просить и нельзя показывать интерес: любая их электроника и любые комплектующие к ней — платы, модули, носители, кассеты, контроллеры, блоки, всё “умное”, даже если выглядит как земной компьютер. Особенно палятся вещи с характерным “окном/решёткой” для их светового порта и любые коробки, куда что-то вставляется.

Если вдруг достал — не радуйся: электронные комплектующие с Nyashka Сс на Земле стоят дороже всего, но это самый опасный товар. Его нельзя легализовать даже по поддельным документам: происхождение слишком очевидно. За таким охотятся не коллекционеры, а серые лаборатории. С этим грузом ты становишься мишенью, и из-за одной истории могут закрыть место для всех.

4) Что лучше всего идёт в обмен

Лучше всего идут вещи, которые понятны сразу и не требуют длинных объяснений.

Игрушки и простые развлечения: мягкие игрушки, механические игрушки, заводные штуки, складывающиеся “чудеса”, безопасные световые игрушки очень малой яркости, музыкальные штуки и инструменты, рисовалки, наборы для узоров, головоломки — в общем почти весь ассортимент магазинов игрушек, кроме явно “для мальчиков” или “для девочек” (они этого не понимают).

Культурные вещи: ткани, ленты, украшения, стойкие пигменты, прочные плёнки, красивые мелочи. Культурку берут охотнее, чем “детали”. Всё, что выглядит как компонент техники, они часто не трогают вообще — как потенциально опасное.

Случайные технические детали почти не работают. То, что “может пригодиться”, обычно никому не нужно без конкретной задачи. Химию в тюбиках обычно не берут: неизвестно, что внутри и чем пахнет.

5) Когда имеет смысл везти “умный” товар

“Умный” товар возят только “под имя”. То есть под конкретного местного из списка — редкого изобретателя, который вообще возится с необычным и готов обсуждать новое. Таких мало, списки берегут. Без имени любой “умный” товар — балласт и риск.

6) Чем объяснять сложное

Переводчиком на свист сложное не объяснишь. Если нужно реально договариваться про смысл, нужен терминал с ИК-портом и софтом-контактёром — чтобы он мог общаться с их шкафами-компьютерами и переводить объяснения в понятный им формат. Это долго и делается только там, где контакт уже устойчивый и есть “имя из списка”.

7) Чего не делать

Не проси электронику и не лезь в электронику. Не снимай их электронику в упор.

Не ковыряй “просто посмотреть”, даже если сломано. Если контакт пошёл “в тишину” — сворачивайся и уходи без попыток догнать.

8) Короткое правило

Торг — там, где тихо. Товар — то, что понятно сразу. Электроника — табу. “Умное” — только по имени.

1 Челнок шёл без опознавательных сигналов. Не потому что они хотели выглядеть грозно — просто так было спокойнее. В навигационном интерфейсе маршрут значился как «вспомогательный перескок, астрофизический шум». Старое пиратское обозначение, ещё со времён первых попыток обмана автоматических диспетчеров. — Подтверждаю: радиомолчание стабильное, — сказал пилот. — Всегда стабильное, пока не станет слишком поздно, — ответил второй. Они называли себя сталкерами, хотя никто толком не помнил, кто первый всерьёз начал так себя называть. Термин прижился не из-за героизма, а из-за привычки Земли романтизировать любую деятельность, которую официально запрещали. На экране медленно вращалась планета Сс. Она выглядела... разочаровывающе. Лесистая. Влажная. Слишком цельная. Ни пустынь, ни техногенных пятен, ни аккуратных куполов. Ничего такого, ради чего обычно рискуют лицензией, здоровьем и остатками репутации. — Всё ещё не понимаю, — тихо сказал третий, — как это вообще пропустили. — Потому что искали не это, — ответил пилот. — Они искали радиошум. А тут... тишина.

2 История Сс начиналась не с открытия, а с ошибки. Человечество десятилетиями смотрело в пустоту и не видело никого. Ни маяков. Ни сигналов. Ни “здравствуйте” на простых числах. И постепенно к этому привыкло. Экзобиосфера находили. Иногда красивые. Чаще — смертельно несовместимые. Сценарий повторялся: * земные микробы уничтожали местную жизнь; * или местная биохимия за недели стирала земную. Поэтому искали аккуратно. Искали скучно. И искали пустые планеты с удобной физикой. Планета Сб, вращающаяся в терминаторе своей системы, казалась почти идеальной. Именно туда и летели Флюкс, Астра и Кулуп. XR-Δ773 / FluxPrime — пилот с репутацией человека, который всегда возвращается. Astra-N0D3 / HeliPattern — биолог, слишком уверенная в себе. Q-Loop / 27h-R3sonant — инженер и архиватор всего, что можно заархивировать. О Сс тогда говорили одной строкой: «Лесной мир. Дикая биосфера. Техносигнатуры отсутствуют».

3 Вспышка в системе А-В изменила маршрут за секунды. Челнок не взорвался — просто потерял возможность выбирать. Посадка на Сс была аварийной, но мягкой. Настолько мягкой, что первое время экипаж даже не понял, что случилось. А потом Астра сняла шлем. Она всегда первой проверяла среду. Именно за это её и считали легендой. Воздух Сс не убивал. Он делал хуже. Пыльца здесь была повсюду — мелкая, почти невесомая. Она не раздражала лёгкие, не вызывала кашля, не разрушала ткани. Она просто... говорила с мозгом. Сначала — приятно. Потом — навязчиво. Потом — необратимо. Астра начала забывать, кем она была, быстрее, чем успела это осознать. Когда карманный ИИ подтвердил диагноз, было уже поздно. Он был повреждён вспышкой. Он сомневался. Он слушал людей — и принимал их галлюцинации за входные данные. Флюкс и Кулуп пытались дышать через самодельные фильтры. Получилось плохо. Достаточно плохо. Их отчёт спасателям позже назвали: «Самым странным документом в истории экзобиологии».

4 Сс закрыли. Не сразу. Неохотно. Но окончательно. Позже выяснилось, что планета обитаема. Более того — там есть цивилизация. Тихая. Распределённая. Без городов, денег и рынков. С железными дорогами под мхом и домами в кронах

деревьев. Инопланетяне оказались: * внешне — почти болезненно милыми; * повадками — осторожными, как птицы; * интеллектом — куда старше, чем хотелось бы Земле. Коллекционные предметы с Сс — ткань, инструменты, детские на вид фигурки — начали появляться на чёрном рынке раньше, чем были опубликованы официальные отчёты. Цена росла быстро. Запрет — ещё быстрее. Так появились сталкеры. Они знали, что пыльца сводит с ума. Знали, что некоторые местные продукты лишь притупляют симптомы. Знали, что назад возвращаются не все — и не всегда целиком. Но Сс была первой. И этого оказалось достаточно.

5 Челнок входил в атмосферу. — Фильтры проверены? — Трижды. — И всё равно... — Да. Внизу за облаками начинался лес. Тихий. Чужой. И где-то там, среди деревьев, жили те, кто даже не подозревал, что стал самой дорогой тайной человечества.

6 Челнок выходил из тени планеты. Отец отключил автопилот задолго до входа в атмосферу. Делал он это не потому, что не доверял технике — просто так было привычнее. Руки помнили маршрут лучше любых алгоритмов. — Давление? — спросил он, не оборачиваясь. — В норме, — ответила дочь. — Фильтры зелёные. Пока. Она сидела, поджав ноги, глядя на экран. Планета заполняла весь обзор: зелёная, разломанная береговой линией, слишком цельная, чтобы быть удобной. — Запомни, — сказал он. — Если начнёт казаться, что всё здесь очень красивое — значит, где-то ты недодышала. — А если просто красиво? — Тогда смотри на меня. Если я вдруг начну улыбаться — беги к шлюзу. Она хмыкнула. Это была старая шутка. Он повторял её каждый раз.

7 Он действительно был слишком страшен. Даже для людей — особенно для тех, кто видел его впервые. Лицо пересечено старой асимметрией, будто черты когда-то сдвинулись и больше не вернулись на место. Глаза глубоко посажены, кожа с сероватым отливом, движения резкие, угловатые. Для местных он выглядел бы ещё хуже. В отчётах это формулировали аккуратно: «Резкие контрасты, несинхронность мимики, нестандартный тепловой профиль». На практике это означало: инопланетяне предпочитали держаться от него подальше. С дочерью было иначе. Она была моложе, мягче, двигалась осторожно. Её силуэт не «ломал» пространство. По словам одного из сталкеров, «она выглядела как существо, которое можно не бояться, даже если не понимаешь, кто оно». И этого было достаточно.

8 Они приземлились ближе к воде, чем в прошлый раз. Отец проверил воздух, только потом открыл внешний шлюз. Дочь не спешила выходить. Она смотрела на лес, на свет между деревьями. — Пахнет, — сказала она. — Здесь всё пахнет, — ответил он. — Главное — что начинает пахнуть красивым. Она натянула фильтр плотнее. Они спустились по склону. Настил под ногами был почти невидим — просто чуть плотнее мха. Где-то рядом прошёл поезд. Бесшумно. Девочка остановилась. — Ты слышал? — Нет. — Я — да. Он посмотрел туда, куда она показывала, и ничего не увидел. Только траву. Только корни. — Не зацикливался, — сказал он. — Тут легко начать додумывать.

9 Первых местных заметила она. Двое сидели на платформе у дерева. Маленькие. Пушистые хвостики лежали вокруг них кольцами. Они что-то напевали — негромко, почти между собой. Отец остановился на расстоянии. — Я подожду здесь, — сказал он тихо. — И не потому что мне страшно. Она кивнула. Один из инопланетян посмотрел на неё. Не прямо. Сначала — боком, фасеточными глазами, потом — основным взглядом. В отчётах это называли «многослойным вниманием». В жизни — выглядело просто осторожно. Она достала из кармана маленький земной предмет — блестящую полоску из мягкого металла. Не ценность. Просто что-то странное.

Инопланетянин склонил голову. Второй замолчал.

10 Позже, уже на членоке, отец открыл старый файл. Отчёт XR-Δ773 / FluxPrime. Фрагмент. «...Я видел их. Они поют. Поют так, будто весь лес — это их дыхание. Дети. Они — дети. И деревья — их матери. А мы — просто гости, и если мы будем тихи, они позволят нам уйти...» Отец усмехнулся. — Ну, не соврал, — пробормотал он. — Просто... — Он правда думал, что тут нет техники? — Он думал, что техника пойт. А поезд под ногами — это, цитирую, «пульс земли». Дочь рассмеялась — коротко, тут же кашлянула и поправила фильтр. — Они правда поют, — сказала она. — Да, — кивнул он. — Это правда. За бортом, среди деревьев, снова раздалось тихое пение. На этот раз — без всяких иллюзий. И где-то под мхом ехал очередной поезд.

11 Первая настоящая сделка всегда происходит не тогда, когда ты к ней готов, а тогда, когда тебе кажется, что ты просто гостишь. Инопланетянин сидел на низкой платформе у дерева. Когда он поднялся, стало ясно, что ростом он примерно до груди дочери — не маленький, а просто компактный, плотный, словно всё в нём было собрано немного экономнее, чем у человека. Хвост лежал на настиле аккуратным кольцом, не как украшение, а как часть позы. Рядом стоял поезд. Отец видел их десятки раз — и всё равно каждый раз испытывал одно и то же ощущение. Поезд выглядел как детская игрушка, забытая в лесу: — один вагон; — округлённые углы; — мягкий, слегка пружинящий пол. Ширина — около шестидесяти сантиметров, длина — чуть больше метра. Внутри спокойно помещались трое инопланетян, сидя на полу, или один — вытянувшись. Колея — всего около двадцати трёх сантиметров: натуральный земной аттракцион для самых маленьких, только сделанный так, чтобы никто никогда не ушибся. Никаких дверей у вагона не было. Максимум — лёгкая цепочка на входе, скорее для обозначения границы, чем для удержания: скорости здесь были смешные, и выпасть было бы трудно даже специально. — Если бы я увидел это на Земле, — пробормотал отец, — подумал бы, что это аттракцион в торговом центре. — Тихо, — сказала дочь. Инопланетянин смотрел не на неё — на предмет, который она держала.

12 Это был земной брелок. Никакой ценности. Дешёвый, гибкий, переливающийся на свету. Именно такие вещи отец и советовал брать — не значимые, но странные. Она осторожно положила брелок на край настила и отступила на шаг. Инопланетянин не сразу подошёл. Он вытянул один фасеточный глаз на стебельке, сфокусировался, затем наклонил голову так, что грива слегка съехала набок. Потом сделал шаг. Маленький. Очень аккуратный. Он взял брелок. Не рукой. Хвостом. Поднёс ближе к лицу. Повернулся. Коснулся языком. Отец сксал зубы. Этот момент всегда был самым тяжёлым — когда ты понимаешь, что процесс пошёл, а остановить его уже нельзя. Инопланетянин издал короткий звук — почти щёлк. Второй, сидевший выше в кроне, ответил таким же. Потом произошло то, что в отчётах всегда описывали скучно: «Объект был отложен. Второй объект был предоставлен в ответ». На деле это выглядело так.

13 Инопланетянин встал, подошёл к поезду и наклонился, заглянув внутрь вагона. Там лежало несколько предметов — просто на мягкому полу, без креплений и упаковки. Он выбрал один. Предмет был размером с человеческую ладонь. Сначала было непонятно, что это. Поверхность выглядела плотной и живой одновременно, слегка тёплой. Цвет менялся медленно, не светясь, а как будто приспособливаясь к освещению. Инопланетянин аккуратно положил предмет на настил рядом с брелком и отступил назад. — Не трогай, — автоматически сказал отец. — Я возьму. Он поднял предмет манипулятором. Сенсоры отреагировали сразу. — Чёрт... — Что? — Он активный. Не опасный. Не агрессивный. Просто явно работающий.

14 Позже, уже на членоке, отец открыл старый файл. Отчёт XR-Δ773 / FluxPrime. Фрагмент. «Они дают подарки, которые нельзя купить, нельзя использовать и нельзя забыть. Я держал один такой в руках — и мне хотелось плакать, потому что я не знал, зачем он существует.» — Ну вот, — сказал отец, глядя на предмет в контейнере. — Хоть тут он был честен. Дочь сидела рядом, уставившись в иллюминатор. — Он улыбнулся, — сказала она. — Кто? — Тот, что взял брелок. Потом. Внизу поезд тронулся. Очень медленно. Почти лениво. В его единственном вагоне трое инопланетян сидели на мягком полу, прижав хвосты друг к другу, и тихо напевали. Пение было негромким и совсем не торжественным. Просто звук — как часть движения. — Пап... — Да. — А если я начинаю различать ритм? Он не ответил сразу. — Значит, — сказал он наконец, — после следующей сделки мы уходим. И маленький поезд исчез в траве, словно его там никогда и не было.

15 Они отошли от платформы не сразу. Отец всегда выдерживал паузу после сделки — не из осторожности даже, а потому что движение здесь было чем-то общим, и вырываться из него резко не хотелось. Дочь стояла рядом, переводя взгляд с поезда на деревья. Чуть в стороне, у тропы, стояли животные. Похожие на пони — если не приглядываться. Ни выше, ни ниже, просто компактные, приземистые, с широкой грудью и короткой шеей. Ноги обычные, четыре, но поставлены чуть шире, чем у земных. Хвосты густые, длинные, почти волочились по земле. На спинах — не сёдла, а что-то вроде плоских мягких рамок, к которым были привязаны контейнеры. Животные жевали что-то местное, не привязываясь ни к людям, ни к поезду. Один слегка повёл ухом, когда мимо прошёл инопланетянин, потом снова опустил голову. — Они вообще спокойные, — тихо сказала дочь. — Они здесь все спокойные, — ответил отец.

16 Они пошли дальше по настилу. Между деревьями открывался вид на нижний уровень — там тропа спускалась к воде, а рядом, параллельно ей, тянулась ещё одна железнодорожная линия. — Пап, — сказала дочь после паузы. — А почему они не удивляются? Он понял вопрос не сразу. — Ну... — она кивнула в сторону платформы. — Мы же явно не местные. Если бы люди увидели пришельцев, скажем, на вокзале... — Началось бы невообразимое, — договорил он. Она кивнула. Отец пожал плечами. — Это особенность их психики. Или культуры. Я так и не понял. — Ты здесь уже был. — Да. — И всё равно? — Я никогда не видел, чтобы они удивлялись, — сказал он. — Ни мне, ни кому угодно ещё. Они остановились. Поезд прошёл под ними — тихо, с едва слышным шелестом.

17 Дочь смотрела в кроны. Там, выше, были видны платформы, переходы, какие-то ниши. В одном месте кто-то сидел, свесив хвост. В другом — двое разговаривали, наклонив головы близко друг к другу. — Они тебя знают? — спросила она. — Вряд ли. Он сказал это без сожаления. — Я плохо различаю их лица. Может, из-за этого. — А ты не узнаёшь никого? — Нет. Он на секунду замолчал. — Может, я и видел кого-то раньше. Просто не понял. — И тебе нормально? — Да. Он посмотрел на животных у тропы. Один из пониобразных сделал шаг в сторону, пропуская местного, потом остановился и снова замер. — Здесь вообще мало кто кого-то узнаёт в нашем смысле, — добавил отец. — Они просто... здесь.

18 Когда они пошли дальше, один из местных прошёл совсем близко. Он не ускорился и не замедлился. Просто чуть изменил траекторию, обходя их, и двинулся дальше. Дочь заметила. — Он специально? — Да. — Это у них принято? — Похоже. Она шла молча, глядя под ноги, потом сказала: — Странно. — Что именно? — Что никто не смотрит на нас долго. Отец подумал. — Мне кажется, — сказал он, — они смотрят. Просто не так, как мы.

19 Где-то сверху снова донеслось пение. Не громкое, не отчётливое. Оно не пыталось привлечь внимание, просто заполняло пространство, как шум листвы или воды. Дочь остановилась. — Они всегда так поют? — Почти. — И никто не собирается вокруг? — Нет. Она кивнула. Это тоже выглядело логично. У поворота настила снова стоял поезд. В вагоне сидели трое инопланетян, хвосты лежали рядом, почти касаясь. Один из них посмотрел на девочку, потом отвернулся. — Видишь? — сказал отец. — Что? — Ничего. Она усмехнулась. — Иногда кажется, что мы для них... — она помолчала. — Что? — Просто часть дороги. Отец посмотрел на тропу, на рельсы, на животных, ждущих у деревьев. — Возможно, — сказал он. — Только дорога здесь никуда не ведёт быстро. И поезд медленно тронулся, почти незаметно растворяясь в траве.

20 Они прошли дальше по настилу, где он расширялся и переходил в небольшую площадку между стволами. Здесь было тише — поездов не слышно, вода далеко. Несколько инопланетян лежали прямо на древесной коре: один — вытянувшись на боку, другой — свернувшись клубком, третий сидел, поджав под себя ноги, выпрямив спину и закрыв глаза. — Они... отдыхают? — тихо спросила дочь. — Похоже на то. Один из лежащих поднял голову, лениво потянулся, затем начал заниматься чем-то вроде туалета: аккуратно, сосредоточенно, не обращая внимания ни на кого вокруг. Другой, помоложе, перекатывался с боку на бок, явно играя с каким-то небольшим предметом — не бросая его и не гоняясь, а просто перекладывая и наблюдая. — Они как кошки, — сказала дочь почти шёпотом. — Угу, — кивнул отец. — Это самое близкое сравнение, которое у меня получилось. Она задумалась, глядя на них. — Тогда понятно, почему они не удивляются. — Почему? — Кошки тоже не удивляются, — сказала она. — Они просто решают, имеет ли смысл обращать внимание. Отец усмехнулся. — Да. И ещё они не особо различают "знакомых" и "незнакомых", если те не вторгаются слишком близко. Не в нашем смысле, по крайней мере. Он махнул рукой в сторону крон. — Здесь вообще мало кто кого-то узнаёт как личность. Скорее — как присутствие. Кто-то лежит здесь обычно. Кто-то проходит. Кто-то работает. Этого достаточно.

21 Один из инопланетян поднялся. Это произошло без суеты: он просто перестал лежать и оказался на ногах. Движения сразу изменились — исчезла расслабленность, появилась точность. Он прошёл к узлу настила, где была закреплена конструкция с блоками и канатами, и начал работать. Работал он... по-человечески. Без игры. Без лености. Без лишних жестов. Проверил крепления, подтянул канат, взглянул вниз, затем вверх, издал короткий звук — откуда-то откликнулся второй. Через минуту по соседнему пути прошёл поезд, и часть груза плавно сместилась на новую платформу. — Видишь? — сказал отец. — Вижу, — кивнула дочь. — Они могут лежать часами. — А потом работать вот так. — Да. Она посмотрела на остальных, всё ещё лежащих. — И их это не смущает? — Похоже, нет. Кто лежит — лежит. Кто работает — работает.

22 Ниже по склону вьючные животные всё так же стояли у тропы. Один из инопланетян подошёл к ближайшему, положил ладонь ему на шею и на секунду прижался лбом. Животное чуть наклонило голову, не двигаясь с места. Потом инопланетянин отошёл, и пониобразное существо медленно двинулось вслед за поездом. — Он его попросил? — спросила дочь. — Скорее... договорился, — сказал отец. — А оно может отказаться? — Думаю, да. Она посмотрела на животное. — Мне кажется, — сказала она, — что оно тоже не удивляется. — Здесь это вообще редкое чувство.

23 Сверху снова донеслось пение. На этот раз ближе. Несколько голосов,

негромко, почти без ритма. Инопланетяне, которые лежали, не встали и не повернули головы. Работающий не прервался. — У людей бы кто-нибудь сказал: «Тише, мы работаем», — заметила дочь. — Угу. — А тут... — Тут пение не мешает работе. И работа — пению. Она помолчала. — Они как будто живут в одном состоянии, — сказала она наконец. — Да, — ответил отец. — Просто с разными позами. Они стояли ещё немного, не мешая, не привлекая внимания. Потом отец кивнул в сторону тропы. — Пора. — Уже? — Да. Она бросила последний взгляд на площадку, на лежащих, работающих, проходящих, поющих — и пошла за ним. Поезд внизу тронулся снова. Медленно. Как всегда.

24 Рюкзак был почти пуст. Это всегда раздражало отца сильнее, чем должно было. Не потому что они рисковали зря — просто пустой рюкзак означал лишнее время на планете. А лишнее время здесь никогда не было нейтральным. — Нам туда, — сказал он, кивая в сторону склона. Тропы там не было. Именно поэтому. Дочь посмотрела туда же. Лес становился гуще, переходы — реже. Поездов не слышно. Ни песен, ни голосов. — Там меняют чаще? — спросила она. — Да. — Почему? — Не знаю. Он говорил правду. За годы стало ясно только одно: есть места, где обмен происходит охотнее, и есть места, где ничего не происходит вообще — пока ты там не окажешься слишком долго.

25 Он шёл медленно, постоянно оглядываясь. — Ты боишься их? — спросила дочь. Он понял, что она имеет в виду не местных. — Нет, — ответил он. — Других. Она не уточнила. Они оба знали, о ком речь. Другие сталкеры почти никогда не выходили на связь. Не потому что не могли — потому что не хотели. Такие встречи редко заканчивались разговором. — А что мы с ними... — начала она. — Ничего, — перебил он. — Вот именно это и плохо. В фильмах это называли конкуренцией. На деле всё было проще и хуже. Люди, которые слишком долго ходили по Сс, переставали верить, что кто-то ещё имеет право здесь быть.

26 Первый признак «плохого места» — тишина. Не отсутствие звуков. А отсутствие структуры. Здесь звук не повторялся. Не возвращался. Не отражался. Отец замедлил шаг. — Фильтр, — тихо сказал он. Они проверили маски одновременно. — Всё нормально, — сказала дочь. — Пока да. Рельсы здесь были, но другие. Не такие ухоженные. Местами утопленные, местами почти скрытые корнями. Поезда здесь ходили — но редко. — Здесь что-то случилось? — спросила она. — Возможно. Он не стал уточнять, что «что-то» на Сс почти всегда означало кого-то.

27 Они увидели обменную площадку раньше, чем её услышали. Платформа была пустой. Настил — старый. Следы — свежие. — Мы не первые, — сказала дочь. — Никогда не бываем. Он присел, провёл рукой по поверхности. Следы обуви. Человеческой. Не местной. — Недавно, — пробормотал он. — Очень. — Это плохо? — Это... рискованно. Он поднялся. — Быстро. Если они здесь, местные придут. Если не придут — нам вообще не стоило сюда приходить.

28 Инопланетяне появились без предупреждения. Один — сверху. Другой — сбоку. Третий — откуда-то снизу, словно вырос из коры. Ни одного резкого движения. Ни одного жеста угрозы. Просто присутствие. Дочь почувствовала это раньше, чем увидела. Остановилась. — Они выглядят... — начала она. — Да, — сказал отец. — Всегда так. Они и правда выглядели добрыми. Мягкие линии, спокойные позы, ни тени агрессии. Но это было именно то, что настораживало. За всё время он ни разу не видел, чтобы местные кого-то отгоняли. Они либо принимали. Либо переставали замечать.

29 Один из них подошёл ближе. Не к отцу. К дочери. Он сел. Просто сел на край

платформы, поджав ноги, хвост аккуратно лёг рядом. Посмотрел на рюкзак. — Сейчас, — сказал отец тихо. Он начал выкладывать предметы: маленькие, странные, бессмысленные. Всё, что могло вызвать интерес. Инопланетянин смотрел, но не торопился. — Он ждёт, — шепнула дочь. — Да. — Чего? — Не знаю. Вдалеке хрустнула ветка. Отец замер. Это был не поезд. И не животное. Человеческий звук.

30 Он понял слишком быстро. — Если увидишь меня бежать, — прошептал он, не поворачивая головы, — ты не ждёшь. — Пап... — Не ждёшь. Инопланетянин всё ещё сидел спокойно. Даже чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то совсем другому. — Они же... безопасные? — тихо сказала она. — Они древние, — ответил он. — Это не одно и то же. Где-то между деревьями снова послышался звук. Теперь ближе. И отец впервые за всё время пожалел, что обмен вообще начался.

31 Он услышал шаги ещё до того, как понял — чьи. Не местные. Не животные. Слишком ритмичные. Отец не обернулся сразу. Сделал вид, что поправляет крепление рюкзака. — Стой, — сказал кто-то за спиной. Спокойно. Без угрозы. Вот это было хуже всего. Он повернулся. Сталкер был один. Высокий, худой, в старом комбинезоне — слишком старом, чтобы быть случайным. Шлем снят, лицо открыто, глаза мутные, как у человека, который давно принимает решения слишком быстро. — Привет, — сказал тот. — Не думал тут кого-то увидеть. — Взаимно, — ответил отец. Дочь стояла чуть сбоку. Он почувствовал, как она напряглась, но не двинулась — молодец. Сталкер скользнул взглядом по платформе, по рельсам, по сидящему инопланетянину. Потом — по рюкзаку. — Обмен? — Почти. Тот усмехнулся. — Смело.

32 Молчание затянулось. Инопланетянин продолжал сидеть, будто происходящее его не касалось. Хвост аккуратно обернулся вокруг ног. Глаза — полузакрыты. Он выглядел... расслабленным. Это настораживало. — Слушай, — наконец сказал сталкер, — я задал вопрос. — Какой? — спокойно ответил отец. — На планете триста пятьдесят миллионов квадратных километров суши, — сказал тот медленно. — Вам места мало? Фраза прозвучала почти вежливо. Но в голосе было что-то ещё. Не злость. Усталость. — Мы не знали, что здесь занято, — сказал отец. — Все так говорят. Сталкер посмотрел на дочь чуть дольше, чем следовало. — Ты её зачем привёл? — Не твоё дело. Улыбка стала шире. — А вот это уже интересно.

33 — Старые карты, — сказал сталкер, словно продолжая мысль. — Ещё с первых вылазок. — Они давно не работают, — ответил отец. — Знаю. Но слухи — работают. Он наклонился и ткнул пальцем в сторону леса. — Там, — сказал он, — пропадают. — Где? — В «тихих» местах. Где обмена нет. Где всё слишком правильно. Дочь слушала молча. — Говорят, местные туда не ходят, — продолжил сталкер. — Или ходят, но не так. — И ты решил проверить? — Да. Он пожал плечами. — Я предпочитаю места, где уже кто-то был. Где остались рельсы, следы, платформы. Значит, что-то там происходило. Отец понял. Именно поэтому они столкнулись здесь.

34 Инопланетянин внезапно открыл глаза. Не широко. Просто чуть больше, чем раньше. Сталкер замолчал. — Он на тебя смотрит, — тихо сказала дочь. — На всех смотрит, — ответил отец, но уверенности в голосе не было. — Знаешь, — сказал сталкер вдруг, — в фильмах всё просто. Люди между собой дерутся, местные — фон. — А тут? — А тут фон смотрит. Он сделал шаг назад. — Мне не нужен обмен сегодня, — сказал он. — Мне нужна информация. — Какая? — Ты давно здесь ходишь. Значит, знаешь. Отец покачал головой. — Знаю одно: если долго стоять в одном месте, — сказал он, — здесь начинают происходить странные вещи. Сталкер усмехнулся. — Вот именно.

35 Инопланетянин поднялся. Медленно. Без резкого движения. Просто перестал сидеть. И этого оказалось достаточно. Сталкер замер. Потом ещё шаг назад. — Видишь? — сказал он, глядя на отца. — Вот из-за этого я не люблю «плохие места». Он посмотрел на дочь. — Береги её, — неожиданно сказал он. — Планета к детям... — он поискал слово. — Внимательнее. Потом развернулся и ушёл. Не быстро. Но и не задерживаясь. Когда его шаги исчезли, инопланетянин снова сел. — Он ушёл потому что испугался? — шепнула дочь. — Нет, — сказал отец. — Потому что понял, что дальше всё может пойти не так, как он привык. — А что может пойти? Отец посмотрел на сидящее существо. — Всё. Они стояли ещё пару секунд. — Быстро, — сказал он. — Сейчас. Они начали обмен. И лес вокруг снова стал слишком тихим.

36 Конкурент был без шлема — и это чувствовалось не сразу. Сначала просто казалось, что он слишком расслаблен. Слишком открыт. Двигается так, будто пространство вокруг него надёжно, предсказуемо и принадлежит ему. — Ты давно без фильтра? — спросил отец как бы между делом. Тот улыбнулся, не сразу поняв вопрос. — А? Да нормально всё. Здесь... легко дышать. Он сказал это с удовольствием, смакуя слово. Как будто пробовал его на вкус. Дочь заметила, как отец чуть повернул голову — не к сталкеру, а к ней. Это был жест не тревоги, а оценки.

37 Местные вели себя... дружелюбно. Никаких манёвров. Никаких проверок. Просто начали проявлять присутствие. Один подошёл ближе, сел на край платформы, свесив ноги. Другой прошёл мимо и слегка коснулся сталкера плечом — так, как касаются знакомых, не извиняясь и не подчёркивая жест. Третий рассмеялся тихо, и этот звук был больше похож на выдох, чем на смех. — Они к тебе липнут, — заметил конкурент, явно довольный. — Я им нравлюсь. Один из местных присел рядом с ним — слишком близко по человеческим меркам. Хвост на секунду коснулся его ботинка, потом убрался. Жест был машинальным, не осознанным. Как прикосновение рукой к поручню. — Они всегда такие? — спросил сталкер. — Когда отдыхают, — ответил отец. — Да.

38 Девушка заметила первое несовпадение раньше, чем отец. Сталкер начал смеяться не в тех местах. Не громко. Не истерично. Просто задерживался на этом дольше, чем нужно. Он сел. Потом лёг — прямо на настил, закинув руки за голову. Один из местных тут же устроился рядом, почти прижался. Ещё один сел с другой стороны. Их движения были ленивыми, доверчивыми, телесными. — Смотрите, — сказал сталкер с улыбкой. — Как у них всё просто. Он протянул руку и коснулся грибы ближайшего. Инопланетянин не отпрянул. Он замер. Потом тоже коснулся — не руки, а запястья. Легко. Осторожно. Как отвечают на жест, не придавая ему смысла. — Не надо, — сказал отец. Не резко. Просто вовремя. Сталкер не услышал.

39 Теперь это было видно. Его движения стали шире. Медленнее. Чуть неточными. Он сел, потом поднялся, но сделал это не с первого раза. Засмеялся снова — на этот раз из-за этого. — Чувствуете? — сказал он. — Как будто... всё очень близко. Дочь сглотнула. Один из местных подошёл и положил ладонь ему на грудь — не толкнул, не удержал. Просто прикоснулся. Как проверяют, дышит ли кто-то, не задумываясь. Сталкер накрыл эту руку своей. — Слушай, — пробормотал он, — а вы тёплые. Инопланетянин смотрел спокойно. Без удивления. Без реакции. И именно это было страшно.

40 — Он теряет контроль, — тихо сказала дочь. Отец кивнул. — И не понимает этого. Сталкер сделал шаг — и не рассчитал расстояние. Не упал. Просто

споткнулся и остановился, держась за перила. Местные тут же подхватили это как игру: один сел ему под руку, другой коснулся плеча, третий тихо засмеялся. Не помогали. Не мешали. Поддерживали контакт. — Ребят, — сказал сталкер, уже запыхавшись, — вы слишком... Он не закончил. Он вдруг замолчал, глядя куда-то вглубь леса, и лицо его стало сосредоточенным, почти счастливым. — Слышите? — спросил он. — Нет, — сказал отец. — И это плохо.

41 Местные начали расходиться сами. Не потому что что-то случилось, а потому что интерес иссяк. Один лёг на настил, другой ушёл вверх по переходу, третий сел у края и занялся своим «туалетом», не обращая внимания на людей. Контакт закончился — естественно, без финала. Сталкер остался стоять посреди площадки. Один. Руки опущены. Плечи расслаблены. Дыхание ровное. — Пойдём, — сказал отец дочери. — Сейчас. — А он? — Он никуда не идёт, — сказал отец. — В этом и проблема. Когда они отошли на безопасное расстояние, дочь оглянулась. Сталкер всё ещё стоял там же. Смотрел в лес. Улыбался — спокойно, уверенно, так, как улыбаются люди, которым кажется, что они что-то поняли. — Он пропадёт? — спросила она. Отец не сразу ответил. — Нет, — сказал он наконец. — Он просто начнёт принимать неправильные решения. Они ушли. А местные, чуть позже, снова заняли площадку — лежать, сидеть, разговаривать, петь. Не помня ни сталкера, ни людей. Как кошки не помнят чужой ладони, когда та уже ушла.

42 Они остановились в тени платформы. Отец снял рюкзак, поставил его на настил и, не торопясь, расстегнул. Дочь наклонилась ближе — впервые за всё время по-настоящему заинтересованная не лесом, не местными, а тем, ради чего они сюда прилетели. — А что мы вообще взяли? — спросила она. Отец на секунду задумался, подбирая самое простое слово. — Шарманку, — сказал он наконец. — В смысле? Он достал предмет. Небольшой, ладонного размера, тёплый от окружающей среды. Поверхность матовая, без украшений, с парой углублений и продольной полосой сбоку. — Это устройство записи. Звук. У них они почти везде. — И... что там? — Песни. Несколько. Уже записаны. Он слегка сдвинул ползунок — еле заметное движение. Устройство отзывалось тихим, едва слышным фрагментом: несколько голосов, слитых в простую, повторяющуюся мелодию. Не трогательную. Не странную. Просто — рабочую. — И всё? — удивилась дочь. — А ты чего ждала? — усмехнулся он. — Пророчество? Она фыркнула. — На Земле это дорого? — Как артефакт — да. Как техника — нет. Это для коллекционеров и музеев. Но не для нас. Он убрал шарманку обратно. — Нам нужно что-то полезное.

43 Склад был совсем рядом — если знать, куда смотреть. Никаких ограждений, никаких табличек. Просто платформы с аккуратно разложенными предметами. Часть — явно для перевозки: контейнеры, крепления, мягкие рамки. Часть — инструменты. Часть — устройства, которые без привычки выглядели непонятно, но не загадочно. — Здесь можно взять? — спросила дочь. — Нет. Он сказал это так же спокойно, как раньше говорил о дыхании или фильтрах. — Здесь меняют. — А если просто взять? — Тогда ты быстро станешь человеком, который здесь больше не ходит. Она кивнула. Этого было достаточно.

44 Отец снова открыл рюкзак и начал выкладывать земные безделушки. Не демонстративно — просто положил рядом. Металл, гибкие ленты, куски синтетики. Вещи, которые не несли функции, но были необычны. Местные были поблизости. Кто-то сидел, кто-то работал. Один проходя мимо, зацепил когтями край металлической ленты, проверяя жёсткость. Когти были острые — настоящие, рабочие, по шесть на каждой руке и ноге. Но движения — точные и экономные. — С такими руками они могли бы... — начала дочь. — Многое, — сказал отец. — Но они делают только нужное.

45 Через некоторое время один из инопланетян подошёл ближе. Он посмотрел не на людей, а на предметы. Потом — на рюкзак. Потом — на шарманку, выглядывающую из-под крышки. — Он понимает, что это? — шепнула дочь. — Конечно. — Значит, им это нужно? — Им всё понятно. Нужно или нет — другой вопрос. Инопланетянин ушёл. Вернулся не сразу. Когда он вернулся, у него в руках было устройство. Простое. Понятное.

46 Это был модуль управления. Компактный блок с механическими элементами, гнёздами и несколькими тактильными поверхностями. Никакого экрана. Только входы, выходы и логика. Такой можно было подключить к поезду, подъёмнику, воротам — ко всему, что двигалось. — Вот, — тихо сказал отец. — Это уже другое дело. — Что он делает? — Следит за очередностью, скоростью, безопасными расстояниями. Примитивный контроллер. — Примитивный? — По земным меркам, — усмехнулся он. — Но надёжный. Работает десятилетиями. Инопланетянин положил модуль рядом с земными вещами и убрал две из них — именно те, которые отец и рассчитывал отдать. — Они меняют не равноценно, — сказала дочь. — Они меняют по уместности. Отец аккуратно убрал модуль в рюкзак. Потом добавил туда же шарманку. — Два предмета, — сказал он. — Больше не стоит.

47 Они отошли от склада. — И коллекционеры за это заплатят? — спросила дочь. — За шарманку — да. За модуль — ещё больше. — Почему? — Потому что он работает. Потому что это не сувенир. Это кусок повседневной технологии. Она задумалась. — Они вообще понимают, зачем нам это? — Думаю, им всё равно. Они просто видят, что мы делаем разумный обмен. Она кивнула. — Тогда... — Да. Теперь пора. Они ушли, не оглядываясь. А склад остался — тихий, упорядоченный, без охраны и без удивления.

48 Каменные постройки появились внезапно. Не как город и не как здания — скорее как группа округлых форм, вырастающих прямо из склона. Камень был тёплого оттенка, местами заросший травой и мхом, но явно обработанный. Ни одного острого угла. Всё — выпуклое, сглаженное, будто когда-то вылепленное руками и оставленное высыхать. Поверхность покрывали узоры из мелкой облицовочной плитки неправильной формы. Цвета мягкие, неяркие. Плитка не повторялась — как будто её подбирали не по размеру, а по ощущению. — Похоже на парк, — сказала дочь. — Да, — ответил отец. — Только это не парк. Они спустились ниже.

49 Между постройками текла вода. Узкие каналы, неглубокие, с медленным течением. Где-то — фонтанчики, бьющие не вверх, а вбок или по дуге. Где-то — небольшие подогреваемые бассейны, выложенные тем же камнем. В воде плескались инопланетяне. Некоторые сидели по пояс, вытянув ноги. Другие лежали, почти полностью погрузившись. Кто-то просто стоял, закрыв глаза. Никакой приватности, никакого разделения. — Это... — начала дочь. — Да, — сказал отец. — Всё сразу. Он говорил тихо, больше для неё. — Самое общественное место. Что-то вроде бани, столовой и... — он чуть поморщился, — санитарной зоны. У них нет ощущения, что это надо скрывать. Один из местных, выходя из бассейна, подошёл к фонтанчику и воспользовался им открыто, без малейшего смущения. Как птица. Спокойно. Естественно. — У них всё устроено как у пернатых, — сказал отец. — Ничего наружу не выходит. Им нечего прятать. Дочь кивнула, стараясь не слишком долго смотреть в одну точку.

50 На небольших «островах», соединённых мостиками, сидели группы инопланетян. Они медленно жевали что-то местное, пили из устройств, по форме напоминавших самовары — круглых, с мягким паром, без явных кранов. Разговаривали негромко,

иногда замолкая надолго. Некоторые лежали, вытянувшись. Другие сидели в странных позах — перекрестив ноги или поджав их под себя, словно йоги. Движения ленивые, расслабленные. — Они здесь отдыхают? — спросила дочь. — И работают, — ответил отец. — И общаются. Всё вместе. Один из инопланетян заметил их и махнул рукой — жест был ленивым, не приглашающим и не отговаривающим. Просто обозначение присутствия. — Здесь можно быть, — перевёл отец. — Но не мешать.

51 Молодые инопланетяне появились первыми. Не по сигналу, не организованно — просто несколько фигур подошли ближе, остановились, посмотрели. Они двигались чуть быстрее, чем взрослые, меньше лежали, чаще меняли позы. Один сел рядом с дочерью. Другой осторожно коснулся её рукава. Третий встал спереди и наклонил голову, разглядывая шлем. — Осторожно, — тихо сказал отец. — Всё нормально, — ответила она. — Они... просто. Она не закончила фразу. Молодые действительно вели себя как дети — тактильно, без дистанции. Хвосты касались её ног, кто-то опёрся плечом, кто-то положил ладонь на предплечье. Отец напрягся. — Давай не... — начал он. — Пап, — перебила она. — Они меня не боятся. Он замолчал.

52 И тут она поняла, что делать. Она присела, чтобы оказаться с ними на одном уровне. Медленно расстегнула рюкзак — не полностью, а ровно настолько, чтобы показать содержимое. Не демонстрируя, а приглашая посмотреть. Молодые оживились. Один указал когтем на земную ленту. Другой — на небольшой металлический предмет. Третий что-то быстро сказал остальным — короткие, щёлкающие звуки. — Она торгуется, — понял отец с запозданием. Обмен пошёл быстро. Не как у склада — без ожиданий и пауз. Молодые приносили что-то своё: небольшие предметы, простые, бытовые. Контейнер. Складной инструмент. Кусок ткани с узором. Ничего редкого. Но рабочего. — Стоп, — сказал отец, но уже слишком поздно. Рюкзак заметно потяжелел.

53 Инопланетяне смеялись. Тихо, не звуками, а дыханием. Кто-то обнял дочь — слишком крепко. Хвост скользнул по шлему, оставив следы влаги. — Всё, — резко сказал отец. — Хватит. Он подхватил дочь за плечи и аккуратно, но твёрдо отодвинул. Молодые отступили неохотно, но без сопротивления. — Уходим. Сейчас. — Я ещё могла... — Нет. Он уже видел — на поверхности шлема начал оседать мелкий налёт. Пыльца. — Бежим, — сказал он.

54 Они ушли быстро, почти трусцой. За спиной слышался смех, плеск воды, приглушённое пение. Никакой погони. Никакого недовольства. — Прости, — выдохнула дочь, когда они наконец остановились. — Ты была молодец, — сказал он. — Просто здесь нельзя задерживаться. Он проверил фильтры. Потом рюкзак. — Половина набита, — сказал он. — И всё — полезное. Она улыбнулась под шлемом. — А они... — Они просто играли, — ответил он. — Как играют всегда. Он посмотрел назад, туда, где среди камня и воды продолжалась чужая, спокойная жизнь. — А мы в такие игры играем недолго. И они ушли, пока парк-городок снова не перестал их замечать.

55 Они стояли у рельс, когда вагончик снова подъехал сам. Он был пустой. Мягкий пол, округлые борта, никакого намёка на управление. Для местных — просторный. Для них — немного нелепо большой, как если бы в детскую железную дорогу почему-то пустили взрослых. — Поедем? — спросила дочь. — Ага. Отец запрыгнул первым, помог ей забраться следом. Пол под ногами чуть прогнулся, но вагончик даже не скрипнул. Поезд тронулся сразу, без сигнала.

56 Ехали тихо. Рельсы вели через лес, иногда почти пропадая под травой и корнями, иногда выходя на открытые участки. Скорость была такой, что можно было

спокойно разговаривать — и такой, что никто не стал бы пытаться спрыгнуть на ходу. — Он куда вообще идёт? — спросила дочь. — На линию. — Какую? — Рабочую. Это её не особенно успокоило, но и возражать было нечему.

57 Поезд остановился у небольшого каменного помещения. Овальная форма. Низкий вход. Ни украшений, ни воды — не общественное место. Просто утилитарное строение, слегка заросшее травой по краям. Внутри было прохладно. В центре стоял принтер. Не большой. Не сложный. Три дугообразные направляющие и рабочая зона между ними. Материал подавался по гибким жилам из стены. Всё открыто. Всё понятно. На полу, рядом с принтером, лежал инженер. Он не спал. Просто лежал, подложив под голову руку, как человек, которому не нужно всё время стоять. Когти втянуты. Хвост расслабленно вытянут. Он посмотрел на них. Потом — на рюкзак. — Вот, — тихо сказал отец. — Это уже по делу.

58 Инженер не встал. Он протянул коготь и коснулся одной из дуг принтера. Машина отозвалась сразу. Печать пошла спокойно, без спешки. Из рабочей зоны вышел первый предмет — лёгкий, компактный, явно утилитарный. Инженер сдвинул его когтем по полу в их сторону. Потом второй. Третий. — Он сам решает, что печатать? — шепнула дочь. — Да. По ситуации. — А нам что делать? — Пока — смотреть. Принтер работал размеренно. Инженер иногда корректировал процесс — не вставая, просто дотягиваясь когтем до нужного элемента. Всё это выглядело обыденно. Почти скучно. Если бы не размеры.

59 Отец открыл рюкзак. Инженер сразу посмотрел на земные сувениры. Металлические безделушки. Гибкие полоски. Пластиковые формы с непривычной текстурой. Он поднялся — наконец — сел ближе и начал перебирать их когтями. Осторожно, без суеты, как человек перебирает винты или шестерни. Шарманку он даже не тронул. — Видишь? — тихо сказал отец. — Ему не нужна их техника. — А что тогда? — Наше. Инженер выбрал почти всё. Оставил пару мелочей, которые ему явно были неинтересны. Остальное аккуратно отодвинул к себе. После этого он кивнул — коротко.

60 Принтер напечатал ёщё. Пять предметов. Шесть. Семь. Все — простые. Соединители. Контроллеры. Крепления. Детали, которые на Земле назвали бы «расходниками», если бы не материал и не долговечность. — Он набивает нам рюкзак, — сказала дочь. — Да. — Он понимает, сколько можно унести? — Конечно. Когда рюкзак стал ощутимо тяжёлым, инженер закрыл принтер. Не выключил — просто закончил работу. Он снова лёг, будто ничего особенного не произошло.

61 Они вышли наружу. Вагончик уже ждал. — Странно всё это, — сказала дочь, когда поезд снова тронулся. — Что именно? — Как будто мы... — она поискала слово, — зашли в мастерскую. Отец кивнул. — Так и есть. Только она немного меньше и спокойнее, чем мы привыкли. — И он не спросил, кто мы. — А зачем? Она прижала рюкзак к себе. — И никто не удивился. — Это здесь норма. Поезд снова въехал в лес. Игрушечные рельсы мягко исчезали под зеленью, и вся эта «несерьёзность» происходящего выглядела ровно так, как выглядел бы обычный производственный процесс, если бы его делали не для людей — и не для зрителей.

62 К членку они вышли ближе к вечеру — если это вообще можно было назвать вечером. Лес не менялся. Свет просто становился мягче, тени — длиннее. Отец чувствовал усталость в ногах и плечах, но это была обычная усталость. Рабочая. Контролируемая. А вот с дочерью было не так. Она шла медленно, чуть отставая. Дышала чаще, чем нужно. Не жаловалась — и именно это ему не нравилось. — Фильтр покажи, — сказал он. Она нехотя подняла запястье. Индикатор был не красный.

Даже не жёлтый. Просто... не идеально зелёный. — Чуть-чуть, — сказала она быстро.
— Совсем немного. Он не ответил.

63 Они вышли на поляну перед челноком. Судно стояло, как и оставили: серое, неуместное, угловатое. Чуждое всему вокруг. Обычно это успокаивало. Сейчас — нет. Дочь остановилась. — Пап, — сказала она внезапно. — А зачем нам улетать? Он повернулся резко. — Что? — Ну... — она развела руками. — Здесь же нормально. Тот сталкер... он был счастлив. Правда. И эти... — она улыбнулась, слишком широко, — эти милые няшки. Слово резануло. — Не говори так, — сказал он. — Как — так? — Вот так. Она подошла ближе. — Ты же видел! Они не злые. Они добрые. Они как... — она замялась, — как большие тёплые кошки. Он почувствовал холод. — Снимай шлем, — сказал он тихо. — Что? — Сейчас. Снимай. — Зачем? — она нахмурилась. — Здесь же нормально дышать. Вот теперь стало страшно.

64 — Ты вдыхаешь пыльцу, — сказал он. — И ты это знаешь. — Знаю, — легко ответила она. — Но это не страшно. Я чувствую себя... — она поискала слово, — спокойно. Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Пап, — сказала она вдруг жалобно, — почему ты всегда всё портишь? Он схватил её за плечи — аккуратно, но крепко. — Посмотри на меня. Она смотрела, но взгляд скользил. Не фокусировался. — Тот сталкер был счастлив, — повторила она. — Я не хочу быть такой, как ты. Вечно напряжённой. Почему мы должны уходить, когда тут... — голос сорвался, — когда тут впервые хорошо? И тут она заплакала. Не тихо. Не сдержанно. Навзрыд, по-детски, без попытки остановиться. — Я не хочу улетать, — сквозь слёзы сказала она. — Я не хочу расставаться с ними.

65 Он отпустил её. Потому что понял: прямо сейчас он для неё — угроза. Любой резкий жест только усилит реакцию. Он видел это раньше. На других. — Хорошо, — сказал он спокойно. — Мы не улетаем прямо сейчас. Она подняла голову, удивлённая. — Правда? — Правда. Но мы зайдём в челнок. Отдохнём. Проверим оборудование. Она колебалась. — А потом? — А потом решим. Это было ложью. Но правильной. Она кивнула. Всё ещё всхлипывая.

66 Внутри челнока воздух был сухим и стерильным. Он закрыл люк и немедленно включил очистку. Потом — диагностику фильтров. Потом — локальное подавление аэрозолей. Дочь села на пол, прислонившись к стене. — Тут... хуже, — сказала она. — Сейчас да. Он не спорил. Он работал быстро, но без суеты. Проверял показания, сравнивал с базовыми данными. Пыльцы было немного. Но достаточно. — Ты злишься на меня, — сказала она тихо. — Нет. — Тогда зачем ты такой... — она не договорила. — Холодный. Он сел напротив. — Потому что я знаю, чем это кончается. Она подняла глаза. — Расскажи. Он помолчал секунду. — Люди не падают в обрывы первыми. Они сначала перестают замечать, что могут упасть. Она отвела взгляд.

67 Аппаратура пискнула. Отец выдохнул. Очистка работала. — Мы улетим, — сказал он. — Не потому что они плохие. И не потому что ты слабая. — А потому что? — Потому что ты начала хотеть остаться. Она снова заплакала. Тихо. — Прости, — сказала она. — Не за что. Он потянулся и коснулся её лба — через шлем. — Отдохни. — Ты не бросишь их? — Я никогда их не трогал. Она закрыла глаза. Когда её дыхание выровнялось, он наконец позволил себе устать. За стенами челнока лес жил своей тихой, равнодушной жизнью. И если бы он задержался ещё на час — он знал, что уговаривать пришлось бы уже себя.

68 Утром лес был тем же самым. Это первое, что она заметила, когда открыла глаза. Ни тише, ни ярче, ни чужее. Просто лес. Такой же, как вчера. От этого

стало хуже, а не лучше. — Ты как? — спросил отец. Она кивнула. Слишком быстро.
— Нормально. Сказала — и сразу пожалела. Потому что «нормально» здесь означало: пусто, как после долгого разговора, в котором ты наговорил лишнего, а потом всё понял. — Ты всё помнишь? — спросил он. — Да. Она смотрела на стену челнока, не на него. — И то, что говорила? — Да. Он не стал утешать. И это было правильно.
— Мне стыдно, — сказала она наконец. — Не из-за них. Из-за себя. — Это пройдёт, — сказал он. — Не сразу. Она вздохнула. — А тот сталкер... — начала она и замолчала. Он понял. — Он не был «счастлив», — сказал отец. — Он просто перестал сопротивляться решениям, которые ему нравились. Она кивнула. Ей не нужно было объяснять дальше.

69 Связь попытались установить через час. Не напрямую — слишком грубо. Сначала короткий импульс, потом пауза. Старый протокол, ещё довоенный. Его использовали те, кто не хотел, чтобы их слушали слишком внимательно. — Это нас? — спросила дочь. — Да. Он посмотрел на интерфейс, не отвечая сразу. — Кто-то ищет пропавшего, — сказала она. — Того. — Да, — подтвердил он. — И это плохо. Он всё же принял вызов. Только аудио. — ...вы на связи? — голос был хриплый, напряжённый. — Приём. — Здесь, — ответил отец. — Говорите. Пауза. — Вы были в секторе К-семь? — Были. — Видели человека без шлема? — Видели. Тишина. — Он выходил с вами? — Нет. Снова пауза. Дольше. — Понимаю, — сказал голос. — Тогда слушайте внимательно.

70 Голос говорил быстро, но без истерики. Как говорят люди, которые уже перебрали все плохие варианты и нашли худший. — Он пропал не первый. И не потому, что «забрался не туда». Люди сами уходят. Перестают выходить на связь. Шлют странные сообщения. Потом — тишина. — Вы думаете, он жив? — спросил отец. Секунда сомнения. — Думаю, да. Но это не значит, что его можно забрать. Дочь слушала, затаив дыхание. — Мы нашли его маяк, — продолжил голос. — Он... — человек запнулся, — перемещается. По рельсам. Иногда останавливается. Иногда — надолго. Отец медленно выдохнул. — Он остался. — Да, — сказал голос. — И нам нужно понимать — почему. Отец посмотрел на дочь. — Потому что никто не удержал его вовремя, — сказал он. — И потому что планета не делает различий. Молчание. — Если вы ещё там, — наконец сказал голос, — не задерживайтесь. Мы потеряли двоих, пытаясь «просто поговорить». Связь оборвалась.

71 Дочь сидела неподвижно. — Он... ездит на поездах? — спросила она наконец. — Похоже на то. — Они его приняли? — Нет, — сказал отец. — Они просто не выгнали. Она закрыла глаза. — Значит... — Значит, он стал частью потока. Как груз. Как звук. Как всё остальное. Она помолчала. — Мы должны... — Нет. Он сказал это сразу. — Мы никого не ищем. Мы не возвращаемся туда, где вчера ты плакала. Она кивнула. На этот раз — уверенно. — Тогда улетаем? — Да. Он начал подготовку к старту. За стенами челнока поезд прошёл — тихо, размеренно, как всегда. И если бы она не знала, что где-то там ездит человек, который когда-то был сталкером, она бы подумала, что это самый обычный звук этого места.

Эпилог Детская железная дорога тянулась по парку аккуратным кольцом. Рельсы блестели после дождя. Вагончики были раскрашены слишком ярко — так, как делают для самых маленьких. Скорость — смешная, почти пешеходная. Дежурный лениво махал флагом, не глядя на пассажиров. Отец и дочь стояли у ограды. Они не держались за руки. Просто стояли рядом — этого было достаточно. — Она опять сегодня будет? — тихо спросила дочь. — Да. Вагончик подъехал. В первом сидении — Астра. Постаревшая. Лицо худое, будто вымытое временем. Взгляд — стеклянный, не пустой, а прозрачный: сквозь него как будто смотрели куда-то дальше, чем парк. Она не смотрела по сторонам. Не реагировала. Она пела. Негромко. Не слова

— фрагменты мелодий. Без начала и конца. Слишком чисто для бреда и слишком ровно для памяти. Врачи давно перестали пытаться записать это — ничего не повторялось дважды. Вагончик тронулся. Один из санитаров шёл рядом, придерживая поручень. Второй нёс поднос с едой. — После второго круга, — сказал он коллеге, — обычно ест. — Если поёт, — ответил тот. Они говорили спокойно.

Профессионально. Без жалости и без надежды — как говорят люди, которые давно работают с тем, что не чинится. Дочь смотрела, не отрываясь. — Она всегда молчит, — сказала она. — Да. — И всё-таки... — Она здесь, — сказал отец. — Это максимум, что удалось. Поезд сделал круг. Астра продолжала петь. Иногда закрывала глаза. Иногда открывала — но взгляд не задерживался ни на чём. Когда вагончик проезжал мимо, она вдруг на секунду выпрямилась — будто услышала что-то знакомое. Дочь вздрогнула. — Она нас узнала? Отец покачал головой. — Нет. Просто... — он замолчал, подбирая слова. — Здесь всё совпадает по масштабу.

Вагончик остановился. Санитар подал поднос. Астра машинально взяла ложку. Ела медленно, но ела. — Без этого, — сказал врач, подходя ближе, — она перестаёт принимать пищу. Потом засыпает. Глубоко. И не всегда просыпается. Сердце не любит такие паузы. Он говорил так, будто рассказывал о погоде. Поезд снова тронулся. Дочь отвернулась. — Мне кажется, — сказала она, — что ей здесь хорошо. Отец не ответил сразу. — Ей достаточно, — сказал он наконец. Они стояли ещё немного. Смотрели, как маленький поезд делает круги. Как взрослые люди терпеливо подстраивают мир под одну сломанную траекторию. — Пап, — сказала дочь. — Да. — Мы правильно тогда улетели? Он посмотрел на рельсы. На вагончик. На женщину, которая когда-то была легендой. — Да, — сказал он. — Потому что иначе ты бы сейчас пела. Они ушли, когда поезд скрылся за деревьями. И парк снова стал просто парком. А детская железная дорога — просто аттракционом.

И ёщё последняя глава. Дело в том что эта планета стала жутко популярной на Земле. Отец и дочь заработали деньги, но выясняется что все друзья дочери наряжаются квадроберами, курят марихуану и накуренные катаются и ржут на тех самых паровозиках для малышни, отличие от Астры лишь в том что это на выходных так

Последняя глава Планета стала популярной неожиданно быстро. Сначала — статьи. Потом фильмы. Потом игрушки. Потом аттракционы. Потом — стиль. Отец узнал об этом случайно, из новостей, которые листал без интереса. На экране мелькали люди в масках с ушами, хвостами, в мягких костюмах. Подпись: «Cc-core: новое направление рекреационной терапии». — Что это? — спросил он. Дочь не сразу ответила.

В парке было шумно. Та же детская железная дорога — но теперь вокруг толпились подростки и студенты. Кто-то в меховых костюмах, кто-то просто с нарисованными усами. Многие смеялись слишком громко. Пахло сладким дымом. Паровозик проезжал мимо, и пассажиры махали руками, будто им лет по пять. — Это называется «квадробинг», — сказала дочь. — Типа имитация. — Чего? — Образа жизни. Они говорят, что это помогает «отпустить контроль». Он молчал. — Они курят? — Да. Марихуану. Лёгкую. — Перед поездом? — Именно перед. Один из ребят, шатаясь, выпрыгнул из вагончика и рассмеялся. Его подруга упала на мягкий гравий и долго не могла подняться, потому что смеялась слишком сильно.

— Они счастливы, — сказал отец. Это не был вопрос. — На выходных, — ответила дочь. — В понедельник у них работа, учёба, ипотека. Паровозик снова поехал по кругу. — Знаешь, — сказала она тихо, — мои друзья говорят, что это просто весело. Что Астра — это «другое». Мол, у неё был срыв, а у них всё под контролем. Он посмотрел на неё внимательно. — А ты? — А я... — она пожала

плечами. — Я не могу смеяться. Они стояли у ограды. Почти как тогда, в день с Астрой. Только теперь всё вокруг было громче и ярче. И безопаснее. На вид.

— Они думают, — сказала дочь, — что если это дозировано, если это игра, то ничего не будет. Паровозик проехал мимо снова. Кто-то начал петь — намеренно фальшиво, нарочито, под аплодисменты компании. Отец кивнул. — Знаешь, в чём разница? — В чём? — Астра не играла. — ... — Она просто перестала возвращаться. Дочь посмотрела на рельсы. — И всё равно, — сказала она, — людям нравится. Им кажется, что они прикоснулись к чему-то настоящему. — Они прикоснулись, — сказал он. — Просто ненадолго.

Они ушли раньше, чем начался следующий круг. Смех остался позади. Музыка — тоже. Паровозик продолжал ездить, как ездила всегда. — Мы богаты, — сказала дочь уже у выхода. — Да. — И это всё — из-за той планеты. Он остановился. — Нет, — сказал он спокойно. — Из-за того, что люди любят быть чуть менее собой. Она кивнула. — Хорошо, что мы туда не вернулись. — Да. Они вышли на улицу. А где-то в глубине парка маленький поезд сделал ёщё один круг — точно по расписанию, без галлюцинаций, и строго для тех, кто может потом уйти.

Часть III

Глава из хроники «Посольство»

Несмотря на гиперпространственные прыжки, человеческое общество к концу ХХI века изменилось мало. Формально оно стало больше: границы Солнечной системы раздвинулись, карты звёздных окрестностей заполнились именами, орбитами и классами пригодности. Фактически — сузилось. Почти все землеподобные планеты оказались непригодны для освоения: либо местная биосфера уничтожалась земной жизнью за годы, либо земная жизнь погибала за месяцы. Оставались купола, фильтры, санитарные зоны, протоколы стерильности — жизнь в которых воспринималась как временное решение, затянувшееся на поколения. Экономика отреагировала тривиально. Драгоценные металлы обесценились после запуска промышленных астероидных цепочек. Финансовая система окончательно сместилась в сторону криптовалют и производных от них государственных токенов. Работать стали меньше — не потому что стали богаче, а потому что работать стало негде и незачем. Основную производственную и логистическую нагрузку взяли на себя автоматизированные цепочки. Это вызвало неожиданную проблему: население начало скучать. Правительства ответили привычно. Вместо сокращения контроля они ввели обязательную занятость: — курсы непрерывного образования; — гражданские инициативы; — культурные программы; — обязательные формы досуга. Формально — ради психического здоровья. Фактически — ради управляемости.

География изменилась меньше всего. Америка, Европа и Восточная Азия остались центрами технологий, науки и производства смыслов. Африка, Центральная и Южная Азия, Ближний Восток окончательно закрепились в статусе гибридных режимов: диктатуры с теократическими элементами или теократии с внешними контурами диктатуры. Принципиальное новшество состояло в том, что роль муфтиев, гуру и духовных наставников там всё чаще исполняли роботы с ИИ, произведённые в КНР. Это оказалось выгодно: — они не умирали; — не впадали в ересь; — не меняли взгляды; — и строго придерживались утверждённой версии священных текстов. Таким образом, ИИ стал богом — не в философском, а в административном смысле.

КНДР формально перестала существовать и была переименована в Королевство Северная Корея (КСК). Россия примерно в то же время оформила себя как Священная Римско-Российская Империя (СРРИ) — название, придуманное лично её диктатором и с энтузиазмом растиражированное зависимыми миллиардерами. Аббревиатура СРРИ сначала вызывала недоумение, потом усталость, затем стала привычной. Диктатор не обладал собственностью, не имел счетов и формально жил скромно. Фактически он был скромно богат через связанных с ним лиц. Особенно известен он был как крупнейший в мире коллекционер сувениров с планеты Сс системы, которую журналисты, блогеры и дети уже давно называли просто — Система Няшка. Сувениры ему не продавали. Их дарили. Во дворце СРРИ хранились тысячи предметов: — шарманки с записанными песнями; — мягкие детали транспортных систем; — декоративные элементы инфраструктуры; — рабочие, но намеренно примитивные модули управления. Ни один из этих предметов диктатор не понимал. Зато его внуки бегали по залам в костюмах квадроберов, изображая инопланетян. Марихуана в СРРИ была запрещена, но дети элиты прекрасно обходились без неё, пользуясь более «изысканными» средствами, тайно поставляемыми через третьи страны.

Санкции против центральноазиатских и африканских режимов усиливались десятилетиями. Это почти не мешало элитам: их дети учились в Швейцарии, их семьи лечились в Германии, их деньги вращались в США и Японии. Санкции вредили

лишь тем, для кого они официально вводились.

Именно в этом контексте диктатор СРРИ выдвинул идею, которую вначале никто не воспринял всерьёз: открыть на территории СРРИ посольство инопланетян из Системы Няшка. Идея была настолько абсурдна, что сначала её приняли за метафору. Потом — за шутку. Потом — за симптом. Проблема состояла в том, что диктатор был искренен. Он не понимал, почему это невозможно. Он был уверен, что раз у него есть сувениры, значит есть и «отношения». Он полагал, что посольство автоматически повысит международный престиж.

Агентство СРРИ-Космос оказалось в безвыходном положении. С одной стороны — выполнить приказ. С другой — не допустить международного скандала, новых санкций или, в худшем случае, гуманитарной интервенции под предлогом «освобождения инопланетян». После месяцев совещаний был выработан компромиссный план. Он был сложным, формально корректным и абсолютно бессмысленным. И именно поэтому имел шанс быть утверждённым.

Глава «Коридор между строчками» Официальный план существовал не для выполнения. Он существовал для оправдания расходов. Это понимали все — кроме тех, кто его подписывал.

Согласно утверждённому документу, СРРИ намеревалась: 1. Открыть посольство на планете Сс. 2. Обеспечить «постоянное присутствие». 3. Ожидать, что инопланетная сторона самостоятельно сформирует дипломатическую группу для взаимодействия. Как именно это должно было произойти, в документе не уточнялось. Предполагалось, что инопланетяне: — поймут, что такое посольство; — выделят представителей; — вступят в контакт. Этот пункт назывался «естественным развитием диалога».

На отдельной встрече с представителями спецслужб контрабандистам подробно объяснили, почему план именно такой. Международные соглашения категорически запрещали: — вывоз инопланетян с планеты; — перемещение их технологий; — любые формы принудительного либо стимулированного взаимодействия. Даже транспортировка считалась вмешательством. Поэтому всё должно было выглядеть так, будто: — СРРИ просто ждёт; — инопланетяне сами приходят; — никакого давления не оказывается. — А если они не придут? — спросил один из контрабандистов. — Значит, контакт не состоялся, — спокойно ответили ему.

С другой стороны, в том же документе предусматривалось: «Использование специальных, неидентифицируемых транспортных средств для обеспечения логистики дипломатической миссии». Иными словами — секретные корабли. На это выделялись суммы, которых контрабандисты раньше не видели даже в фантазиях. Никаких ограничений по бюджету. Только по отчётности. — Мы, получается, должны ждать, — уточнил другой. — Формально — да. — А неформально? — Неформально вы ничего не знаете.

Контрабандисты на встрече кивали. Задавали корректные вопросы. Делали вид, что верят. На своей сходке они уже не смеялись так громко, как раньше. — Они всерьёз думают, что инопланетяне поймут, что мы от них хотим, — сказал один. — Они всерьёз думают, что мы будем ждать. — Главное — деньги настоящие.

Детей начали привлекать не из гуманизма и не из романтики. Причина была простой и неприятной. Взрослые люди пугали инопланетян. Не агрессией — фактом

присутствия. Размером. Пропорциями. Резкими движениями. Лицами. Дети — нет. С детьми инопланетяне не напрягались. Не отступали. Не замирали. С детьми они играли, разговаривали, показывали вещи. Так появились: — дети-посредники; — дети-наблюдатели; — дети, которые просто сидели рядом.

Идея электровелосипеда не была частью официального плана. Она появилась на одной из встреч, между делом. Её предложил мальчишка лет одиннадцати — тот самый, которого таскали с собой просто потому, что без него контакт почти не складывался. — Они любят большие игрушки, — сказал он. — Они любят поезда, — поправил его кто-то. — Поезда — это тоже игрушки, — пожал он плечами. Он говорил не о торговле. — У них есть велосипеды. Плохие. Для гор. — Ну? — Но у них нет батарей. И моторов. Не того масштаба. В комнате стало тихо. — Ты предлагаешь тащить туда электровелосипед? — спросили его. Он кивнул. — Не как товар. Как вещь. Большую.

Раньше сталкеры ограничивались мелкими предметами. Не из осторожности — из практики. Габаритные грузы почти невозможно было протащить через таможенные коридоры без привлечения внимания. Теперь же ситуация изменилась. Формально перевозка любых предметов относилась к «обеспечению посольской миссии». Фактически — её должны были осуществлять те самые секретные корабли, которые «не должны светиться». В официальном плане транспортировка описывалась расплывчато и бессмысленно: «Логистические вопросы решать в рабочем порядке». Контрабандисты понимали: их не просили следовать плану. Им дали коридор между строчками. И если уж открывать посольство, то начинать его будут не с флага и не с купола, а с одной слишком большой, слишком тяжёлой и слишком очевидной игрушкой, которую невозможно было не заметить. Потому что ждать, когда инопланетяне сами изобретут дипломатию, было даже не наивно. Это было просто лениво.

Глава «Гиперпрыжок и палатка» Гиперпространственный корабль оказался ошибкой. Не технической — он работал исправно. Стратегической. Раньше сталкеры летали на Сс мелкими челноками с баз на Св: короткий перелёт, много промежуточных звеньев, все риски размазаны, никто ни за что не отвечает полностью. Теперь, ради «посольства», СРРИ выделила им полноценный гиперконтейнер — корабль, способный прыгать прямо от Земли до системы Няшка без промежуточных станций. Красиво на бумаге. Смертельно в реальности.

Проблема была в том, что такие корабли видно. Агентство по межпланетным связям ООН не любило сюрпризы в чужих биосферах. Патрульные корабли крутились по внешнему конусу гипермаршрутов, отслеживая всё, что не было заранее согласовано. Когда гиперконтейнер СРРИ вышел в обычное пространство, его отметили почти мгновенно. — UNSA-IMS-Patrol, — сухо прозвучало по открытой частоте. — Идентифицируйте маршрут и цель. Капитан контрабандистского корабля, который по документам значился как «транспортный подрядчик СРРИ», включил заранее заготовленный пакет. — На обслуживание научной станции на Св, — пролепетал официальный голос. — Плановый рейс. Документы приложены. Пакет был пусть старый, но формально валидный. Проблема в том, что курс не совпадал. Патрульный корабль запросил уточнение. Гиперконтейнер начал «слегка» уходить с линии связи, как будто его траектория была выбрана не идеально. — Они проскочили чудом. То ли дежурный оператор отвлёкся, то ли автоматическая система посчитала отклонение допустимым, то ли кто-то наверху решил, что скандал с СРРИ сейчас не нужен. Как бы то ни было, гиперконтейнеру позволили «исправить курс» и продолжить путь. — Больше так не повезёт, — сказал пилот. — Нам и не надо больше, — ответил старший. — Главное — сбросить модуль.

Крупный корабль нельзя было загнать в атмосферу Сс без того, чтобы его увидели все, кому положено и не положено. Поэтому он только выпустил посадочный модуль, а сам остался на высокоэллиптической орбите, маскируясь под «дрейфующий объект». Посадочный модуль был старый, надёжный и тесный. То, что нужно. Внутрь, помимо людей, запихнули самое главное: * электровелосипед, * зарядный блок, * складную герметичную палатку, * флаг СРРИ и комплект «дипломатических» декораций.

Прошло несколько дней. Палатку развернули не в первый и даже не во второй день — сначала нужно было выжить, закрепиться, убедиться, что зона не слишком «оживлённая». В итоге место выбрали на склоне, возле рабочей ЖД-ветки: далеко от «бань-столовых», достаточно близко к транспортным путям, достаточно открыто, чтобы сделать фото. Палатка получилась нелепо большой. Белая, герметичная, с автономной системой фильтрации. Внутри — зарядный блок, подключённый к посадочному модулю через толстый кабель, уходящий в землю. Блок умел брать энергию только от корабля. Переходники к сети Сс не сделали специально. — Иначе это будет уже не «посольство», а промышленный шпионаж, — пояснил кто-то. — То есть сейчас это... — Отчёт. Снаружи поставили мачту. Подняли флаг СРРИ. Сделали фото и короткий видеоролик: палатка, флаг, фон — лес и рельсы. На Земле это выглядело прилично. На склоне Сс — чужеродно.

Инопланетяне появлялись каждый день. Всегда — на дистанции. Всегда — не ближе невидимой линии, которую они сами себе почему-то начерили. Они садились на корни, ложились на ветках, опирались на поручни мостиков. Могли часами разговаривать между собой, петь, заниматься своим делом — и параллельно смотреть. На палатку — нет. На флаг — нет. На людей — иногда. На велосипед — да.

Мальчик стал частью ритуала. Каждый день, по несколько раз, он надевал шлем, выходил из палатки, включал электровелосипед и катался по заранее накатанному кругу. Круг был нарисован условно — колёсами и памятью. Он ехал: — вдоль рельсов, — чуть в сторону, — обратно к палатке. Электромотор тихо гудел. Мальчик делал вид, что устает, иногда слезал и толкал велосипед пешком, потом снова садился. Инопланетяне смотрели. Иногда кто-то подходил чуть ближе к рельсам. Иногда меняли позицию. Но к флагу — нет. К палатке — нет.

На третий день один из сталкеров сказал: — Они обходят именно «миссию». — Флаг? — Флаг. Палатку. Правильность. — А велосипед? — Велосипед — движение. Мальчик остановился, поднял ногу, опёрся на землю и огляделся. Один из инопланетян на той стороне рельсов шевельнул хвостом, поднялся, прошёл пару шагов вдоль линии — и снова сел. — Может, надо ближе к ним? — предложил кто-то. — Тогда это будет уже мы к ним. — А сейчас? — Сейчас мы делаем вид, что мы — посольство. Они делают вид, что верят. Мальчик медленно повернул руль так, чтобы следующий круг прошёл чуть дальше от флага и чуть ближе к рельсам. Никто его не останавливал.

Посадочный модуль молчал. Гиперконтейнер на орбите — тоже. А на склоне Сс белая палатка с флагом СРРИ стояла в нескольких метрах от того места, где начинался настоящий контакт — там, где один ребёнок на электровелосипеде стал для инопланетян куда понятнее и честнее любой «дипломатической миссии».

Глава «Велосипед и дипломатия» Формально миссия всё ещё называлась «дипломатической». Фактически она напоминала пикник, на который по ошибке пригнали строительную технику и флаг размером с гараж. Зарядку к электровелосипеду подключили только к кораблю не потому, что боялись кражи.

Никто здесь ничего не воровал. Просто если велосипед станет обычной местной штукой, то миссия мгновенно теряет смысл. А так — он оставался аттракционом, а не товаром. — Нам не нужен обмен, — объяснял старший уже в который раз. — Нам нужно... — Чтобы кто-нибудь подружился? — Вот. Это слово. Только без объятий.

Через пару дней стало ясно, что миссия почти провалилась. Инопланетяне перестали подходить. Не демонстративно. Без паники. Просто внезапно все начали находить срочные дела где-то в стороне. Кто раньше сидел рядом с рельсами — теперь сидел за холмом. Кто раньше лежал на мостиках — лежал чуть дальше. — Они нас игнорят, — сказал техник. — Они нас дипломатически игнорят, — поправил его кто-то. — Хуже. Такое уже случалось. Именно поэтому у сталкеров были «любимые места» — проверенные точки контакта, где инопланетяне вели себя стабильно и где сталкеры иногда даже сталкивались друг с другом, кивали, обменивались слухами и расходились. Это место таким быть перестало. Палатка стояла. Флаг висел. Велосипед был. Контакта не было.

Отец с дочерью появились буднично — без пафоса. — А тут что? — спросил отец, глядя на флаг. — Посольство, — автоматически ответили ему. — Понятно, — кивнул он без малейшего удивления. Он выглядел уставшим. Не бедным — именно уставшим от денег. От штрафов. От проверок. От лечения того, что не лечится полностью. От образования младших родственников, которое вроде бы бесплатное, но почему-то всегда требующее взносов. Дочь же смотрела только на велосипед. — Он настоящий? — спросила она. — Настоящий, — ответили ей. — Только не ломай. — А можно... — она уже держала руль. — Конечно, — сказали почти все одновременно.

Она поехала. Сначала — аккуратно. Потом — смелее. Потом — вообще перестала оглядываться. — Куда она едет? — спросил кто-то. — В лес, — ответил отец спокойно. — Она всегда туда едет. Он был прав. В лесу инопланетяне вернулись. Не толпой. Не специально. Просто как возвращаются люди туда, где снова стало нормально. Один подошёл ближе к рельсам. Другой сел на корень. Третий пошёл параллельно. К флагу никто не подошёл. К палатке — тоже. Зато велосипед внезапно перестал быть «оборудованием» и стал частью пейзажа. Дочь проехала мимо одного из инопланетян, притормозила, улыбнулась, поехала дальше. — Ну вот, — сказал кто-то из сталкеров. — Контакт установлен. — По плану? — Нет. — Как обычно.

Вечером она вернулась. — Там удобно, — сказала она, ставя велосипед. — Где? — В лесу. Инопланетяне сидели неподалёку. Пели. Один осторожно тронул колесо велосипеда когтем, словно проверяя, горячее ли оно. Флаг СРРИ тихо хлопнул на ветру. Никто на него не посмотрел. — Вы понимаете, — сказал отец, глядя на всю картину, — что это первый случай удачной дипломатии за неделю? — Да, — ответили ему. — И она не имеет к нам никакого отношения. Он кивнул. — Отлично. Значит, всё идёт как надо. А велосипед остался стоять — не как подарок, не как трофей, а как временная глупость, которая внезапно оказалась самой разумной частью всей миссии.

Глава «Проценты» Сходка проходила там же, где и всегда, — на краю лагеря, у ящиков, которые формально считались оборудованием, а фактически служили лавками. Палатка с флагом была видна в стороне. Велосипед стоял у дерева, аккуратно прислонённый, как будто его туда поставил не человек, а сама местность решила, что так будет правильно. Инопланетяне были где-то рядом. Их было видно — хвост тут, плечо там, силуэт на мостице. Они не слушали. И не уходили. — Значит так, — сказал старший. — Работа выполнена. — Это спорно, — ответил техник. — Контакт есть? — Есть. — Паники нет? — Нет. — Патруль не

прилетел? — Пока нет. — Тогда работа выполнена. Он посмотрел на девочку. — Вопрос только в оплате.

— Я вообще-то каталась, — сказала она. — Именно, — кивнул старший. — Каталась. Не работала. — Контакт был из-за неё, — вставил кто-то. — Контакт был из-за велосипеда. — Нет, — спокойно сказал отец. — Контакт был из-за того, что она не пыталась делать контакт. Это не понравилось сразу нескольким. — Слушай, — сказал один, — мы тебя уважаем, правда. Но ты тут... — Мешаю? — Скорее... комментируешь. Отец пожал плечами и отошёл на шаг. Он действительно не хотел участвовать. Девочка осталась одна напротив них.

— Сколько тебе лет? — спросил кто-то. — Достаточно, — ответила она. Несколько человек усмехнулись. — Мы обычно платим по ставке наблюдателя, — сказал старший. — Без бонусов. — Я не наблюдала, — сказала она. — Я ездила. — Это был наш велосипед. — Это был ваш глупый флаг, — сказала она. — Его все обходили. Наступила пауза. На рельсах скрипнул поезд. Где-то позади один из инопланетян засмеялся — тихо, своим дыханием. — Ладно, — сказал техник. — Давайте считать по минимуму. — По какому? — По детскому. Отец сделал шаг вперёд, но девочка подняла руку. — Нет, — сказала она. — По взрослому. — Ты понимаешь, где ты вообще? — Да. На невероятной планете, — ответила она. — Где вы зарабатываете потому, что умеете не мешать. Сегодня не мешала я. Это было сказано без бравады. Просто констатация.

— Она дерзкая, — сказал кто-то. — Она эффективная, — сказал другой. — А отец? — спросили. — Отец — риск, — отрезал старший. — Он всё понимает. — Именно поэтому, — сказал отец спокойно из-за спины девочки, — вам придётся заплатить. Снова пауза. Инопланетяне приблизились. Не из-за разговора — просто подошло время двигаться. Один из них сел рядом с велосипедом, положил ладонь на седло и закрыл глаза, как будто грелся. — Чёрт с вами, — вздохнул старший. — Полная ставка. — С бонусом, — добавила девочка. — За что? — За то, — она кивнула на лес, — что они теперь возвращаются. Старший посмотрел туда. В лес. На рельсы. На палатку, к которой по-прежнему никто не подходил. — Ладно, — сказал он. — С бонусом.

Когда всё закончилось, отец и дочь отошли в сторону. — Ты уверена, что тебе это надо? — спросил он. — Нет, — ответила она. — Но теперь они будут осторожнее. — Почему? — Потому что я им дороже велосипеда. Он усмехнулся. За их спиной сходка уже переходила к следующему вопросу: как оформить отчёт так, чтобы выглядело, будто всё прошло по плану. Невероятная планета жила своей жизнью. А люди, как обычно, делили деньги.

Глава «Меняются местами» На следующий день она снова взяла велосипед. Никто не возражал. Даже не спросил — куда. После вчерашней сходки её присутствие стало чем-то вроде погодного явления: неприятно учитывать, но игнорировать уже нельзя. Тропы начинались сразу за рельсами. Не дороги — именно тропы: утоптанные, извилистые, иногда пропадающие под травой и снова появляющиеся там, где их совсем не ждёшь. Железная дорога доходила далеко, но не везде. Кроны, склоны, отдельные рощи жили своим ритмом. И там были пони. Невысокие, коренастые, с короткими ногами и широкой грудью — скорее маленькие ослики, чем лошади. Они спокойно стояли у троп, жевали что-то местное и терпеливо ждали. Инопланетяне ездили на них часто: сидели боком, полулёжа, или просто опираясь корпусом, будто это не езда, а продолжение походки. Один из них подошёл ближе. Он был чуть старше остальных, по движениям — спокойнее. Посмотрел на велосипед, потом на неё, потом на пони. Сделал простой жест: указал когтем на седло пони,

потом на землю. — Я... — начала она. Он отрицательно покачал головой и показал: сначала она.

Он помог без суеты. Положил ладонь на спину пони, показал, как поставить ногу, как перенести вес. Всё было удивительно легко: сила тяжести здесь и правда была меньше, и тело слушалось охотнее. Пони даже не шелохнулся. Она села. — Ничего себе, — пробормотала она в шлеме. Инопланетянин слегка шевельнул повод — скорее обозначение направления, чем управление. Пони пошёл. Спокойно. Уверенно. Как будто знал, что делает. Инопланетянин тем временем подошёл к велосипеду. Посмотрел внимательно. Провёл когтем по раме. Потянул руль. Сел. Она напряглась. — Осторожно, — сказала она вслух, хотя знала, что он не поймёт слов. Он поехал. Сначала медленно. Потом — увереннее. Электромотор ему понравился сразу: движение было ровным, предсказуемым, без рывков. Он не пытался ничего «улучшить». Просто ехал — так же, как ездили бы верхом. Через пару минут он уже держался спокойно, одной рукой, хвост слегка уравновешивал корпус. Она рассмеялась — коротко, от неожиданности.

Они двинулись дальше вместе. Тропы вели вверх и вниз, через рощи, над ручьями, мимо горячих выходов, от которых поднимался лёгкий пар. Иногда появлялись другие инопланетяне — на пони, пешком, по одному или группами. Они кивали, замедлялись, но не задерживались. Девочка всё время проверяла шлем. Каждый вдох казался чуть громче обычного. Каждый раз, когда ветер менялся, она ловила себя на мысли: а если сейчас? Если пыльца попадёт внутрь. Если она не вернётся. Если останется здесь — так же тихо, без сопротивления. Она крепче держалась за гриву пони. У меня есть задание, напоминала она себе. Она должна была смотреть. Запоминать, как они ездят. Куда. Что считают удобным, а что — лишним. Что для них игра, а что — дорога. Инопланетянин на велосипеде иногда оглядывался. Не проверял — просто разделял путь. На одном из подъёмов он замедлился, посмотрел на склон, потом на мотор, потом... снял ногу с педали и поехал, почти не помогая себе. Электричество делало свою часть работы. Остальное — тело. Он явно понял принцип.

К вечеру они остановились на гребне. Внизу тянулись леса, рельсы мелькали полосами, пони спокойно жевал траву. Инопланетянин слез с велосипеда и поставил его рядом — аккуратно, как привык ставить свои вещи. Она посмотрела на индикатор фильтра. Зелёный. Она выдохнула. Инопланетянин сел рядом, вытянул ноги, прикрыл глаза. Потом негромко запел — не для неё, не для леса. Просто потому, что петь здесь было нормально. Она сидела и слушала, стараясь не думать о том, что возвращаться всё равно придётся. И о том, что если бы шлем дал сбой, эта поездка могла бы стать не заданием, а концом дороги.

Глава «Первый шаг» До этого дружбы не было. Контакты — да. Совместные поездки, обмены, игры, наблюдение, работа рядом — сколько угодно. Но дружбы, в земном смысле слова, — никогда. Всегда оставалась тонкая прослойка: фильтр, шлем, дистанция, правило «не слишком долго». Именно это и хотели сломать. Её задание больше не было исследовательским. Всё, что можно было измерить, дроны измерили десятки раз. Маршруты, плотность населения, транспорт, производственные зоны, даже эмоциональные паттерны — всё лежало в таблицах. Нужно было другое. Тесный контакт. Не формальный. Не рабочий. Человеческий. Если это слово вообще было уместно.

Таблетки лежали в маленьком металлическом контейнере, запечатанном слишком старательно. — Это безумие, — сказал отец в третий раз. — Это ограниченный по времени протектор, — ответил врач по связи. — Теоретически. — Теоретически,

повторил отец. — Практики у нас нет, — честно добавил тот. Препарат купили в Швейцарии. За такие деньги, о которых не спрашивают подробностей. Его разрабатывали для аварийных спасательных операций в биосферах с нейроактивными аэрозолями. Не для Сс — для совсем других миров. Побочные эффекты числились длинным списком. Эффективность — короткой строкой. Временное подавление рецепторной восприимчивости к неизвестным галлюциногенам. — А если не сработает? — спросил отец. Пауза. — Тогда всё будет как с Астрой. Только быстрее. Связь оборвалась.

Они сидели в палатке молча. — Я не обязана, — сказала она наконец. — Нет, — ответил отец. — Не обязана. Он знал, что это ничего не решает. — Но если не я, — продолжила она, — всё равно найдётся кто-то. Менее аккуратный. Она говорила спокойно. Не героически. Просто как человек, который давно понял цену отсрочек. Отец закрыл глаза. — Я боюсь, — сказал он честно. — Я тоже. Она взяла контейнер.

Инопланетянин ждал там же, где и всегда. На тропе, рядом с пони. Велосипед стоял прислонённый к камню. Он уже не выглядел «чужой вещью» — скорее странным, но привычным предметом. Она подошла ближе, чем раньше. Сняла шлем. Воздух был тёплый. Чуть сладковатый. Пыльцы не было видно — её никогда и не видно, пока не поздно. Она проглотила таблетку. Ничего не произошло. Сердце билось чуть быстрее, но это было от страха. Инопланетянин смотрел внимательно. Не отступал. Она сделала ещё шаг. И ещё.

Первые секунды были самыми страшными. Мир не поплыл. Звуки не изменились. Ничего не «открылось». Она поймала себя на глупом разочаровании — будто ждала вспышки. Потом пришло другое. Лёгкое ощущение смещения. Не эйфория, не галлюцинация — скорее исчезновение фонового шума, который она раньше не замечала. Мысли стали тише. Не медленнее — тише. Инопланетянин протянул руку. Настоящую, без перчатки, без фильтра. Она взяла её. Когти были острые, но он держал аккуратно. Совсем не как человек — по-другому распределяя усилие. Это было неожиданно приятно. Он издал короткий звук. Не песню. Не слово. Жест был однозначный. Ты здесь.

Они сидели рядом долго. Она не знала, сколько времени прошло. Таблетка работала — или ей просто казалось, что работает. Вопрос был бессмысленным. Она смеялась. Иногда — без причины. Он отвечал тихими фрагментами мелодий. Он показал ей маршрут, куда пони ходят пить. Показал, где удобнее всего сидеть, когда солнце в зените. Коснулся её плеча — не проверяя, не изучая. Просто так, как касаются друзей. Она подумала об Астре. И впервые — без ужаса.

Когда она вернулась к палатке, отец вскочил. — Ты... — Я здесь, — сказала она. Она говорила уверенно. Слишком уверенно для человека под воздействием галлюциногенов. — Как ты? — Хорошо. Это было страшнее любых симптомов. — Ты хочешь... — он не закончил. — Нет, — сказала она. — Я хочу вернуться. Но теперь я знаю, что могу и не бояться. Он сел. — Это был первый раз, — сказала она тихо. — По-настоящему. Отец посмотрел на лес. На тропу. На место, где ещё недавно сидел инопланетянин. — Это изменит всё, — сказал он. — Да, — ответила она. — И именно поэтому это больше нельзя повторять случайно. Контейнер с таблетками лежал пустой. А первый случай тесного контакта не записали ни в один официальный отчёт — потому что даже те, кто его заказал, ещё не были готовы к тому, что он действительно возможен.

Глава «Условие» Она выяснила это не сразу. Сначала ей казалось, что они просто хорошо проводят время. Ну знаешь: прогулки, поездки, он иногда поёт, иногда

молчит, иногда трогает велосипед так, как будто тот живой. Ничего особенного. Обычная дружба на невероятной планете с галлюциногенной пыльцой и международным запретом на всё. Потом она поняла, что он всё время старается дотронуться. Не навязчиво. Не липко. Просто... обязательно. Если они сидели — он касался её плеча или колена. Если шли — задевал хвостом. Если останавливались — садился так, чтобы касаться боком. Она сначала напрягалась. Потом привыкла. Потом заметила, что если она случайно отодвигалась, он... не обижался, нет — просто становился чуть менее здесь. Как кот, который вроде рядом, но уже не с тобой. — Ага, — сказала она однажды, глядя на это. — Вот ты какой. Он не понял слов. Но понял тон.

Самое смешное началось с вопроса пола. Она честно пыталась разобраться. Сравнивала. Наблюдала. Даже пыталась вспомнить, что писали в отчётах. Отчёты, как назло, использовали формулировки вроде «половой диморфизм слабо выражен» и «социальные роли не коррелируют с репродуктивными». — Очень помогло, — пробормотала она в шлем. Он, кажется, тоже не понимал, в чём проблема. Когда она, краснея под шлемом, осторожно показала жестами, мол, ты кто вообще, он посмотрел на неё внимательно, потом сделал жест «есть» и жест «не важно». — Отлично, — сказала она. — Любовный роман без гендера. Мама бы оценила.

Однажды она попыталась не прикасаться. Чисто эксперимент. Села рядом, сложила руки, держала дистанцию. Он тоже сел. Молчал. Смотрел куда-то в сторону. Пел тихо, но как-то не так. Прошло минут пять. Ей стало неловко. Как будто она кого-то игнорирует намеренно. Она осторожно коснулась его руки. Он сразу повернулся. Сел ближе. Выдохнул — по-настоящему, всем телом. — Господи, — сказала она, — у вас дружба по инструкции, что ли? Он положил голову ей на плечо. Это было... приятно. И смешно. И совершенно не романтично в земном смысле — скорее как обняться с большим тёплым котом, который внезапно решил, что ты его человек.

Она рассказала отцу. — Пап, — сказала она за ужином (если это можно было назвать ужином), — у них дружба работает только если трогать. Отец подавился. — В смысле — трогать? — Ну. Сидеть рядом. Касаться. Хвост, плечо, лапа. Если нет — ты не друг. Отец помолчал. — И... тебе нормально? — Да. Это как гладить кота. Только кот иногда водит электровелосипед. — Я не уверен, что готов это обрабатывать, — честно сказал он. — Я тоже была не готова, — ответила она. — Но условие понятное.

С этого дня всё стало проще. Она больше не думала, что это. Не пыталась назвать. Просто принимала правило игры: дружба = присутствие + тактильность. Они ездили вместе: он — на велосипеде, она — на пони. Иногда менялись. Иногда просто шли пешком, держась за руки — её ладонь в его тёплой, странно устроенной. Она по-прежнему боялась пыльцы. Проверяла дыхание. Слушала себя. Но рядом с ним страх становился... терпимым. Как укол: неприятно, но понятно, зачем. — Это глупо, — сказала она ему однажды. — Я даже не знаю, влюблённость это или дружба. Он подумал. Потом приложил ладонь к её груди — там, где бьётся сердце — и затем к своей. Жест был простой. Это одинаково. Она рассмеялась. — Ладно, — сказала она. — Пусть будет так. И где-то в официальной истории контактов, между графиками, таблетками и флагами, появилось то, чего никто не заказывал и не планировал: первый случай дружбы, которая началась с того, что кто-то просто не отдернул руку.

Глава «Дупло (без шлема)» Она уже давно ходила без шлема. Сначала — на

несколько минут. Потом — на час. Потом просто перестала его брать с собой. Таблетки лежали в кармане куртки, металлический контейнер приятно холодил ладонь — как якорь. Она глотала их машинально, по расписанию, не вслушиваясь в ощущения. Воздух был тёплый, сладковатый, обычный. Никаких вспышек, никаких провалов. Только лес. Он пригласил её без слов. Поднял ладонь, коснулся её пальцев — и указал вверх, туда, где ветви сходились плотнее, чем обычно. Она посмотрела, прищурилась, оценила высоту. — Ладно, — сказала она. — Но если это очень высоко, я буду жаловаться. Он издал короткий звук — почти смешок — и полез первым.

Дупло оказалось маленьким и правильным. Не тайником и не гнездом — местом. Тёплым. Сухим. Стены пахли древесиной, мёдом и чем-то молочным. Пол был выстлан мягкими волокнами, которые пружинили под ногами. В нишах — простые вещи: камешки, узорные куски коры, трубочки для пения. Она сняла куртку и положила рядом. Шлем остался снаружи — как чужая деталь. Он принёс еду. Фрукты — сочные, с терпкой кожницей. Мёд — густой и тёплый. Молоко — в простой чаше, слегка кислое, удивительно освежающее. — Знаешь, — сказала она, облизывая пальцы, — у нас за такое берут доплату. Он сел ближе. Коснулся плечом. Этого хватало.

Когда стемнело, он запел. Голос был рядом, без фильтров, без динамиков — живой. Песня не рассказывала ничего, но держала всё: стены, воздух, её дыхание. Она легла, не торопясь, устроилась рядом. Он обнял её осторожно, всем телом — тёплым и мягким. Как плюшевый медведь. Только очень настоящий. — Если я усну... — пробормотала она. Он ответил тихим звуком: можно. Она уснула сразу.

Ночью она проснулась и не испугалась. Воздух был прежним. Тело — спокойным. Мысли — ровными. Она нашупала контейнер, достала таблетку, проглотила, даже не вставая. Как привычку. Как мелкий ритуал перед сном. Ей мелькнула мысль — а если препарат перестанет работать? — и тут же растворилась в песне. Зачем переживать, если всё сейчас нормально? Она уснула снова.

Утром он кормил её тем же. Сидел рядом, касался плечом, иногда поправлял волосы, выбившиеся на лоб. Она зевнула, потянулась, вдохнула воздух глубже — и поняла, что давно дышит здесь как дома. — Ты понимаешь, — сказала она лениво, — у нас это называют влюблённостью. Он подумал. Покачал головой. — Тогда дружба? Он снова подумал. Потом положил голову ей на колени. Она рассмеялась. — Ладно. Значит, просто так. В этом «просто так» не было миссий и протоколов. Было дерево. Дупло. Тепло. Песни. И девочка, которая давно ходила без шлема — и почти перестала вспоминать, почему.

Глава «Почти прощание» Сутки на Сс тянулись долго, и именно поэтому отец понял, что что-то не так, слишком рано — ещё до того, как стало по-настоящему страшно. Она не вернулась. Не «опоздала», не «задержалась», а именно не вернулась: поезд прошёл дважды, тени сместились непривычно далеко, а лес оставался одинаково спокойным. Слишком спокойным, чтобы объяснить всё простой прогулкой. Отец сначала пошёл по тропам. Потом — к рельсам. Потом вернулся обратно, сел у палатки и уставился в землю. — Она там, — сказал он наконец вслух. Не как предположение, а как факт. — И если её нет слишком долго, значит... — Значит, всё идёт отлично, — перебил его старший сталкер. Отец резко поднял голову. — Вы что, с ума сошли?! — Нет, — ответил тот. — Наконец-то нет.

Совещание получилось коротким и неприятно деловым. — Смотри, — объяснял старший, рисуя что-то палкой на земле. — Мы десять лет сюда летаем. Обмениваем безделушки. Смотрим. Крутимся. И всё — на расстоянии вытянутой руки. — И? — И

впервые кто-то внутри. По-настоящему. — Она ребёнок. — Она ключ. Это прозвучало мерзко — и именно поэтому было честно. — Наше задание вообще-то зачем? — продолжил старший. — Не познакомиться, не поиграть, не написать отчёт. Нам нужно забрать одного из них. Не насилино. Добровольно. Чтобы он сам согласился. — Вы не сможете его вывести. — Мы и не собираемся тащить. Мы собираемся, чтобы он пошёл. Отец молчал. — Нам нужен повод, — сказал техник. — Самый сильный из возможных. — Прощение, — сказал кто-то тихо.

Когда она вернулась, отец хотел закричать. Но увидел её лицо — спокойное, уставшее, чуть отрешённое — и понял, что крики здесь не работают. — Ты где была? — Далеко, — ответила она. Сталкеры переглянулись. — Отлично, — сказал старший. — Тогда слушай. План был прост до цинизма. Она должна была сделать вид, что улетает. Не сегодня — скоро. Что её миссия закончена. Что она должна. Что так устроен её мир. Никакого драматического разрыва, никаких объяснений. Просто — неизбежность. — И что дальше? — спросила она. Старший пожал плечами. — Дальше он сам решает. Либо остаётся здесь. Либо идёт за тобой. Отец встал. — Нет. — Да, — сказал старший спокойно. — Потому что если не ты — никто. А если никто — все эти деньги, таблетки, флаги — зря. Она посмотрела на отца. — Пап... — Я знаю, — сказал он. — Я просто надеялся, что вы окажетесь глупее.

Она встретилась с ним ближе к вечеру. Села рядом. Коснулась плечом, как всегда. Он тут же ответил движением — привычно, легко. Всё было нормально. Слишком нормально. — Мне... — начала она и замолчала. Он посмотрел внимательно. Она сделала жест. Не резкий. Спокойный. Тот самый, который он уже видел — уход. Потом указала вдаль. На небо. На направление, где скрывался корабль. Он замер. Не сразу. Секунды через три. Как будто сначала проверил, не игра ли это. Она улыбнулась. Очень аккуратно. Так, как улыбаются, когда хотят, чтобы запомнили не страх, а что-то тёплое. Он долго молчал. Потом сделал шаг ближе. И вдруг коснулся не плеча — лоба. Медленно. Точно. Как отмечают своё. Жест был новым. Она поняла: я тебя услышал. Он отступил. Но не ушёл.

Отец наблюдал издалека. — Он не оттолкнул её, — сказал техник. — И не отпустил, — добавил старший. Отец закрыл глаза. — Господи... — Не зови, — усмехнулся старший. — Сегодня работает не он. Девочка вернулась медленно. — Ну? — спросил кто-то. Она пожала плечами. — Я сделала, как сказали. — Отлично, — сказал старший. — Теперь ждём. Она посмотрела в сторону леса. Инопланетянин всё ещё стоял там, где она его оставила. И это было куда страшнее и важнее любого немедленного ответа.

Глава «Теперь ко мне» Она не пошла за ним. Это было первым и самым трудным решением за всё время. Все — и сталкеры, и даже отец — ждали другого: что она снова исчезнет в лесу, растворится в длинных сутках, и однажды вернётся уже не совсем той, что ушла. Так было логично. Так было привычно. Так уже случалось с другими — просто без слов «дружба». Но она осталась. Она сидела у края тропы, где деревья начинали редеть, и где стоял другой челнок — не тот, под флагом, не показной, не «миссионерский». Маленький, матовый, без символики. Пустой. Подготовленный заранее, но ни разу не упомянутый вслух. Челнок для визита. Не для захвата.

Он появился ближе к середине светлого периода. Шёл медленно. Без пони. Без велосипеда. Пешком — так, как приходят туда, где не знают, можно ли остаться. Она встала. Не пошла навстречу. Не побежала. Просто подняла руку — ровно так, как тогда, в «почти прощании». Но теперь жест был другим. Она указала на себя. Потом — на него. Потом — на челнок. Жест получился неуклюжим. Она вздохнула,

улыбнулась и добавила вслух — просто потому что так привычнее: — Я к тебе ходила в гости. Теперь... ты ко мне. Слова, конечно, ничего не значили. Но тон — значил.

Он остановился. Посмотрел на членок долго. Обошёл его по кругу, не касаясь. Присел, провёл когтями по земле, как будто проверял, не опасное ли место. Понюхал воздух. Закрыл глаза. Она ждала. Не подходила. Не торопила. Не смотрела слишком пристально. Потом он открыл глаза и посмотрел на неё. Вопрос был очевиден: ты будешь рядом? Она подошла. Встала вплотную. Коснулась плечом. Оставила руку на его руке — не тянула, не подталкивала. Просто присутствовала. Он понял.

Внутри членока было тихо. Слишком тихо для того, кто привык к лесу, голосам, поездам и поющим существам. Он замер на пороге, не решаясь войти. Она шагнула первой — как когда-то он сделал это для неё, в дупле. — Смотри, — сказала она и показала всё: сиденья, люк, обзорное окно. Медленно. Без демонстраций. Как показывают комнату гостю. Он вошёл. Сел на пол — не на сиденье. Согнул ноги непривычно для человеческого пространства. Осмотрелся. Она села рядом. Он тут же придвинулся ближе, коснулся плечом, выдохнул. Это тоже может быть местом.

Снаружи сталкеры наблюдали молча. — Она не ведёт его, — сказал техник. — Она его принимает, — ответил старший. Отец стоял чуть в стороне. Он смотрел не на членок. Он смотрел на дочь. На то, как спокойно она сидит. Как не оглядывается. Как не ждёт сигнала «отходим». — Они же не понимают, — сказал он тихо. — Что дальше будет не как у нас. — А у нас что, было лучше? — ответили ему. Он не нашёл, что сказать.

Она повернулась к нему. — Если тебе не понравится, — сказала она мягко, — ты можешь уйти. Он посмотрел на неё странно. Потом медленно, очень осторожно, коснулся когтями металлической панели членока. Прислушался. Постучал. И вдруг — запел. Не громко. Не тревожно. Просто проверяя, отвечает ли пространство. Членок молчал. Он кивнул сам себе. И остался. Это ещё не было согласием. Но это уже точно не было отказом. А в миссии под флагом, где всё ещё ждали формального «контакта», никто даже не понял, что самый важный визит происходит совсем в другом месте.

Нет, можешь опять вспомнить юморной детективный тон. Без пафоса. И членок там один. Миссия у нас это большая герметичная палатка под куполом. Давай перепишем

Глава «Теперь ко мне. Версия без величия» Она не пошла к нему в лес. И это сразу всех сбило с толку. — В смысле не пошла? — спросил техник. — В прямом, — ответил отец. — Сидит у членока. — У нашего? — У единственного. Миссия под куполом выглядела как что угодно, кроме миссии: большая герметичная палатка, флаг на мачте, ящики с оборудованием и люди, которые делали вид, что всё это имеет смысл. А рядом — членок. Один. Старый. Проверенный. Салон наполовину пустой, потому что по инструкции «вдруг понадобится пространство». Теперь вот понадобилось.

Она сидела на краю аппарели и болтала ногами. Без шлема. Без скафандра. Таблетку она проглотила минуту назад, просто чтобы никому не доказывать, что не сошла с ума. Он появился оттуда, откуда всегда появлялся — будто лес сам выдал его по расписанию. Остановился. Посмотрел. Она помахала рукой. Не «прощай», а обычным махом — тем, которым зовут, когда не лень идти самому. — Эй, — сказала она вслух. — Я к тебе ходила. Он чуть наклонил голову. — Теперь ты ко мне, —

добавила она и кивнула на челнок. Жест получился неловкий. Зато честный.

Он не подошёл сразу. Обошёл палатку. Потрогал ткань когтями. Послушал, как она шуршит. Понюхал воздух у купола. Сделал вид, что его это вообще не касается. Она не помогала. Сидела. Болтала ногами. Иногда поглядывала на отца. — Она его игнорирует, — сказал кто-то. — Это её самая сильная сторона, — ответил отец. В конце концов он остановился напротив аппарели. Посмотрел вверх — на металлический пол, на резкие формы, на отсутствие деревьев, на всё сразу. Она встала. Не протянула руку. Не потянула. Просто поднялась и зашла внутрь. — Смотри, — сказала она. — Это... дом, только временный. Слова он не понял. Интонацию — понял.

Он вошёл. Сначала один коготь. Потом ступня. Потом весь. Сел сразу на пол. Осмотрелся. Потыкал панель управления, тут же отдернул руку — не потому что испугался, а потому что понял: не трогать без спроса. Она села рядом. Он тут же подвинулся ближе, коснулся плечом и выдохнул — заметно. — Видишь? — сказала она. — Здесь тоже можно сидеть. Он кивнул. Где-то внутри челнока щёлкнул реле. Старый корабль переключился в режим ожидания, даже не подозревая, что участвует в первой в своём классе операции по межвидовой дружбе.

Снаружи сталкеры наблюдали с совершенно неподобающей серьёзности. — Она его не тащит, — сказал техник. — Это подозрительно, — сказал старший. — Она вообще никого не тащит, — сказал отец. — Поэтому это и работает. Инопланетянин вдруг начал петь. Внутри металлического салона звук получился странным — не как в лесу, глуша, короче, будто песня сама изучала новое помещение. Он остановился. Послушал эхо. И запел снова. Чуть иначе. — Ему нравится, — пробормотал кто-то. — Или он проверяет, — ответили ему. — Чем это место является. Она повернулась к нему. — Если не понравится, уйдёшь, — сказала она спокойно. — Я не обижусь. Он посмотрел на неё. Потом снова на стены. Потом положил ладонь на пол, как кладут лапу на тёплый камень. И остался. — Ну всё, — тихо сказал старший. — Теперь начнётся самое сложное. — Что? — Объяснить всем остальным, что мы это не планировали. Отец усмехнулся впервые за долгое время. — Отличная позиция, — сказал он. — Обычно в таких делах именно так и выживают.

Глава «Кино» Она включила панель без церемоний. Челнок был старый, интерфейс — упрямый, но кино он показывал исправно. Экран загорелся, и инопланетянин сразу понял, что сейчас будет: такие штуки ему уже показывали. Планшеты, проекции, аккуратно отобранные фрагменты — зелёная трава, вода, люди, которые всё время куда-то спешат. Земля. Он смотрел внимательно. Не с восторгом — скорее с тем же выражением, с каким смотрят на знакомую историю, рассказалую чужим голосом. — Это мой дом, — сказала она. — Там... шумно. И странно. Но иногда весело. Он не ответил. Просто сел ближе. Коснулся плечом — крепче, чем обычно. Это было плохо. Потому что у них дружба — это не «увидимся». Это вместе. Или никак. Она вздохнула. — Я улетаю, — сказала она и сделала жест, который они уже оба знали. Он опустил голову. Не театрально. Без песен. Просто — грусть. Чистая, ясная, без попытки что-то изменить. Так грустят только те, у кого дружеская любовь — главное чувство, а не второстепенное. Снаружи кто-то тихо выругался. — Он всё понял, — сказал техник. — Слишком хорошо, — ответил старший.

Она поёрзала, потом улыбнулась и щёлкнула ещё раз. — Подожди, — сказала она. — Я не всё показала. Экран мигнул. И выдал чушь. Земля, конечно, но не такая. Велосипедная дорожка. Парки. Детская железная дорога. Она — и он. Вместе. Он — на электровелосипеде (немного смешно адаптированном под его размеры), она — рядом. Они смеются. Люди не пляются. Никто не машет флагами. Сгенерированное ИИ

видео было чуть слишком идеальным. Чуть слишком мягким. Солнце светило ровно там, где надо. Дороги были подозрительно пустыми. — Это неправда, — честно сказала она. — Почти. Потом ткнула пальцем в экран. — Но это — приглашение. Инопланетянин замер. Сначала он посмотрел на экран. Потом — на неё. Потом — снова на экран. Он издал тихий звук — не песню, а вопрос. Она кивнула. — Ко мне.

Снаружи начался хаос. — Всё, — сказал старший. — Сворачиваемся. — Он ещё не согласился! — Согласился или нет — не важно. Пока он не передумал. — Велосипед?! — крикнул кто-то. — Оставляем. — Как?! — Бесплатный подарок. На память. Велосипед аккуратно прислонили к дереву. Как будто он всегда там стоял. Связь с гиперпространственным кораблём шла с помехами. — Срочнаястыковка. — Причина? — Гость. — ...Размер? — Примерно метр двадцать. С хвостом. — Вы серьёзно? — К сожалению, да.

Инопланетянин снова сел ближе к ней. Коснулся лбом её плеча — так, как он сделал тогда, в лесу. Она улыбнулась. — Я же говорила, — сказала она. — Я к тебе ходила. Теперь — ты ко мне. Он посмотрел на экран последний раз. Потом — кивнул. Снаружи двигатель челнока тихо ожила. А контрабандисты, впервые за всё время, улетали с планеты Сс с ощущением, что украли не вещь, а историю — и теперь очень надеются, что она не передумает по дороге.

Глава «Гиперпространство и уполномоченное святейшество» Прыжок прошёл... нормально. Это и было самым странным. Люди ждали чего угодно: паники, песен, обморока, попытки немедленно выпрыгнуть обратно в лес, где всё понятно и дышится правильно. В крайнем случае — долгого созерцания иллюминатора с философским видом. Ничего этого не произошло. Инопланетянин сел на полу челнока, как садился всегда, аккуратно, хвост свернув полукольцом, посмотрел наibriрующие стены — и слегка удивился не им, а людям. — Он... — начал техник. — Он не боится, — закончил старший. Инопланетянин действительно не боялся. Более того — выглядел так, будто это знакомо. Не как конкретная технология, а как состояние. Как сон, как длинный прыжок, как движение без опоры. Когда пространство сложилось и разложилось обратно, а приборы радостно сообщили, что они уже «не здесь», инопланетянин просто моргнул. И зевнул. — Ты это видел? — прошептал кто-то. — Видел. — Ему всё равно.

— Ты когда-нибудь летал? — спросила девочка осторожно, уже после прыжка. Он не понял слов, но понял вопрос. Ответ был странный. Он сделал жест, который раньше показывал, когда говорил о поездах и дорогах — движение без усилия. Потом указал на грудь. Потом — вокруг. — Он считает, что летает всегда, — тихо сказал отец. — В смысле? — В смысле, для него «не стоять на земле» — нормальное состояние. Это было абсурдно и логично одновременно. Цивилизация без кораблей. Без орбит. Без астрономии, кроме неба над головой. И при этом — полное отсутствие шока от выхода за пределы мира. — Ну конечно, — пробормотал техник. — У них же планета... как она... — Большая, — сказал старший. — И медленная. Ты не живёшь на ней. Ты живёшь в движении. Инопланетянин тем временем трогал панель, но не с восторгом, а как проверяют чужой инструмент: понятно, работает, но зачем так шумно?

Через несколько часов началась бумажная часть. — Нам нужно сообщение, — сказал старший. — Кому? — Всем. Они долго спорили, как именно это оформить. Потом решили не усложнять. В ход пошёл автоматический переводчик, самый устойчивый и самый безнадёжный. Формулировки получились... своеобразные. Текст ушёл в сеть. Сообщение: «Уполномоченный посол Его Святейшества принц Нюоф-нюоф прибыл с вверительной грамотой от Императора Сс и с подарками Императору СПРИ.» — Почему

Нюоф-нюоф? — спросил отец. — Он хрюкнул, — пожал плечами техник. — Это было мурлыканье. — Ну извини. — А что такое «вверительная грамота»? — спросила девочка. Старший задумался. — Думаю... бумага. Типа «ему можно верить». — А «святейшество-принц»? — Это вообще красиво звучит. У них любят такое. Инопланетянин сидел рядом и ел мёд из контейнера. Ему было всё равно, как его назвали. Он просто ждал.

— Вы понимаете, — сказал отец тихо, — что если это попадёт не туда, нас сотрут? — Понимаем, — кивнул старший. — Но если попадёт туда, куда надо, — нас купят. Он посмотрел на инопланетянина. Тот лениво разглядывал Землю на экране — голубую, шумную, переполненную. Не как цель. Как ещё одну станцию. — Он вообще не осознаёт, что его ждёт, — сказал кто-то. — Нет, — ответил отец. — Это мы не осознаём. Гиперпространственный корабль шёл на стыковку. Сообщение уже разлетелось. А контрабандисты, простые люди с простыми мотивами, всё ещё толком не понимали, что такое «посол», что значит «святейшество» и почему слово «грамота» может стоить так много денег.

Глава «Ни шагу без неё» Инопланетянин не отходил от девочки. Совсем. Если она вставала — он вставал. Если садилась — он садился рядом. Если кто-то подходил слишком быстро — он просто прижимался к ней сильнее, без агрессии, но с такой очевидной логикой, что вопросы отпадали сами. — Плохо дело, — сказал техник. — Почему? — Потому что теперь она — интерфейс. Контрабандисты переглянулись. Люди они были простые, но не глупые. И опыт подсказывал: если что-то работает — это надо защищать, оформить и монетизировать. Немедленно. — Слушайте, — сказал старший. — Девочку отпускать нельзя. — В смысле нельзя? — спросил отец. — В прямом. Ни физически, ни юридически. Её нельзя убирать из уравнения. Инопланетянин тихо издал звук, когда услышал повышенные голоса, и обнял девочку — неловко, но крепко. — Видите? — сказал техник. — Даже он в курсе.

Земля оказалась... некомфортной. Воздух был слишком насыщенным. Кислород резал дыхание, как если бы всё время бежать. Сила тяжести давила. Движения получались тяжёлыми, непривычными. Инопланетянин двигался осторожно, словно поверхность могла внезапно дать отпор. Он не паниковал. Но всё время держался за неё. — Он боится, — сказала она тихо. — Он цепляется, — поправил старший. — Это не страх. Это привязка. Она чувствовала странное. Не восторг, не радость — ответственность. Почти материнскую. И одновременно — стыд. Потому что она знала: они привезли его не просто так. Его пригласили, но с подтекстом. — Я его обманула, — сказала она отцу. — Нет, — ответил он. — Ты сделала то, что мы все делаем. Ты показала лучшую версию будущего. От этого становилось не легче.

Через несколько часов начались переговоры. Связь со спецслужбами шла тяжело — каналы путались, голоса были вежливые и липкие. — Мы не можем передать субъект третьей стороне без... — Это не субъект, — быстро перебил старший. — Это уполномоченный представитель. — Чего? — Его святейшества. Принц. Пауза. — Вы издеваетесь? — Мы излагаем политическую реальность. Контрабандисты говорили уверенно. Потому что по опыту знали: в таких ситуациях правда — последнее, что интересует систему. Главное — возможность сохранить лица и кресла. — Девочка должна остаться при нём, — продолжил старший. — Это не опция, это условие контакта. — Она несовершеннолетняя. — Тогда считайте её... — он поиском слово, — культурным атташе. — Это бред. — Абсолютный, — охотно согласился он. — Но без неё он не двигается, не ест и вообще подозревает заговор. Инопланетянин в этот момент попытался встать и тут же снова сел, явно устав. — Видите? — сказал техник, не скрывая удовлетворения. — Атмосфера, гравитация. Он тут без неё — никто.

На другом конце линии вздохнули. — Вы понимаете, что если это вскроется... — Мы всё понимаем, — сказал старший. — Именно поэтому вам проще оформить исключение, чем потом объяснять, почему первый контакт закончился истерикой и фотками в сети. Ещё одна пауза. — И как вы предлагаете это оформить? — Очень просто, — сказал старший. — На Сс она считается... Он посмотрел на девочку. На инопланетянина. — ...чем-то вроде принцессы. — Конечно, — устало сказал голос. — А у нас? — У вас — временный специальный статус. С выплатами. — С какими выплатами? — Нормальными. Она теперь ключевая инфраструктура. Связь щёлкнула.

— Они согласятся, — сказал техник. — Почему ты так уверен? — Потому что иначе им придётся признать, что они не понимают, что происходит. А такого они не любят.

Девочка сидела на полу, прислонившись к стене. Инопланетянин — у неё на коленях, как большой тяжёлый кот. Он дышал ровно, иногда издавал тихий звук, похожий на мурлыканье. — Я его не брошу, — сказала она вдруг. — Мы и не рассчитывали, — ответил отец. — Мы просто хотим, чтобы тебе за это платили. Она хмыкнула. — Отлично. Я всегда мечтала быть принцессой. Контрабандисты улыбнулись. Им было ясно одно: история стала слишком дорогой, чтобы кто-то рискнул её закрыть.

Глава «Алиса» Документы сделали быстро. Это был первый тревожный признак. — Так не бывает, — сказал отец, разглядывая экран. — Бывает, — ответил человек из службы. — Когда всем выгодно. Имя предложили почти сразу. — «Алиса», — сказал кто-то за кадром. — В честь? — Да какая разница, — вздохнули на той стороне. — Девочка, другой мир, странности с логикой... классика. Алиса так Алиса. Фамилию дали нейтральную. Такую, чтобы нигде не цеплялась: ни за аристократию, ни за маргиналов, ни за конкретные регионы. Биографию выровняли, сгладили, отполировали. — Отличница, — монотонно диктовал оператор. — Олимпиады. Международные проекты. Ранний интерес к дипломатии. — У неё были международные проекты? — Теперь были. Самым впечатляющим оказался диплом. Институт международных отношений. С отличием. Курсовые. Практика. Отзывы преподавателей с идеально круглыми формулировками. — А фотографии? — осторожно спросил отец.

— Не волнуйтесь, — ответили ему. — Мы нашли подходящие. Где лицо не очень видно. Сталкеры переглянулись. — Мы, если что, — сказал старший, — обычно летаем вообще без документов. — Или по левым. — Но такое... это уже искусство. — Это не подделка, — поправили их. — Это редактура реальности.

Пока всё это происходило, инопланетянин не отходил от неё ни на шаг. Он стоял за спиной, сидел у ног, держал её за руку, за локоть, за край куртки. Иногда обнимал — неловко, но крепко. Люди из службы сначала дёргались, потом перестали. Кто-то даже предложил поставить это в протокол как «особенность межкультурного взаимодействия». — Он к ней привязан, — сказали. — Нет, — ответил отец. — Он на ней держится. Она старалась не смотреть на экраны слишком долго. Всё это — диплом, имя, прошлое — выглядело чужим. Не ложью даже, а каким-то театром, где декорации выше актёров. Инопланетянин тронул её плечо. Она кивнула ему — всё нормально. Ему явно было всё равно, как её зовут. Главное, что она здесь.

— Старое имя убрать из всех баз, — сказал кто-то. — Полностью, — уточнили. — Полностью. Как будто его не было. — Это законно? — спросил техник. — Это необходимо, — ответили. — Вы же не хотите, чтобы журналисты или... кто похуже начали складывать кусочки? Контрабандисты дружно закивали. — Мы хотим жить, —

честно сказал старший. — И желательно богато. — К концу дня у неё было новое имя, новая биография, новая подпись и чувство, что назад дороги уже нет. Инопланетянин сидел у неё на коленях, как большой нелепый ребёнок, и тихо напевал, пока вокруг щёлкали камеры — служебные, без публики, но всё равно настоящие. — Привыкнешь, — сказал отец тихо. — К чему? — К тому, что теперь ты — персонаж. Она посмотрела на документы. Потом — на него. — Зато, — сказала она, — персонаж с приложением. Инопланетянин поднял голову и коснулся её подбородка когтём — осторожно, чтобы не поцарапать. Это было единственное подтверждение личности, которое для неё сейчас имело значение. Всё остальное — подождёт.

Глава «Грамота» С идеей вверительной грамоты все согласились слишком быстро. — Нам нужна бумага, — сказал старший сталкер. — Какая? — Очень серьёзная. С печатями. — От кого? — От императора Сс. Повисла пауза. — У них нет императора, — осторожно напомнил кто-то. — Значит, — пожал плечами старший, — тем лучше. Никто не сможет позвонить уточнить.

Заказ ушёл туда, куда всегда уходят самые неловкие запросы человечества: в полулегальные латиноамериканские фирмы с сайтами на трёх языках и адресами типа «офис временно перемещён». — Нам нужна вверительная грамота, — диктовал техник. — Межзвёздная. — От имени суверенного субъекта? — Более чем суверенного. — Прекрасно, — бодро ответили на другом конце. — У вас есть референсы? Референсы нашлись. К делу подключились эксперты. Археологи без грантов. Лингвисты из стран, где давно не платят за кафедры. Политологи, которые двадцать лет объясняли, почему их режим всё ещё легитимен. Один специалист по сакральной каллиграфии, подозрительно хорошо разбирающийся в древних печатях, о существовании которых никто не помнил. Все были из третьего и второго мира. Все были готовы. Все были недорогими — по меркам происходящего. — Нам не нужно, чтобы это работало на СПРИ, — сразу пояснил старший. — Нам нужно, чтобы это не смогли опровергнуть в ООН. — А это сложнее, — честно ответили ему. — Там любят придиরаться. — Тем лучше.

Грамоту делали тщательно. Сначала придумали материал — не бумагу, не пластик, не металл. Что-то промежуточное. Экологичное. С намёком на «нативную технологию». Потом текст. Текст был великолепен. «Я, Император Сс, суверен над лесами, путями и тёплыми водами, свидетельствую, что посылаю своего уполномоченного представителя, Его Святейшество Принца Нюф-нюф, с дарами, словами доброй воли и правом говорить за меня...» — А почему «Его Святейшество»? — спросила Алиса. — Потому что если убрать, будет выглядеть беднее, — ответили специалисты. — А если оставить? — Тогда никто не рискнёт спросить, что именно имеется в виду. Подпись императора сделали символической — не имя, а знак, который можно интерпретировать. Печать — круглая, сложная, с фрактальными элементами. — Это как герб? — спросил техник. — Нет, — гордо сказали ему. — Это открытый символ суверенитета. — За это точно заплатят? — Уже платят.

Пока эксперты спорили о толщине линии и сакральной плотности символов, инопланетянин сидел рядом с Алисой и жевал мёд. Ему было всё равно. Он не интересовался ни грамотой, ни титулами, ни тем, кем именно его назвали сегодня. Когда ему показали макет, он посмотрел одну секунду, потом положил ладонь на грудь Алисы — она настоящая, остальное шум. — Самый адекватный участник процесса, — заметил отец.

К моменту, когда грамота была готова, к делу уже подключили: * один университет, * два аналитических центра, * три «независимых фонда», * и

какое-то ведомство, которое существовало только в PDF. — Теперь это нельзя просто так выбросить, — сказал кто-то. — Отлично, — улыбнулся старший. — Значит, оно уже работает. Он перечитал текст ещё раз. — Вы понимаете, — сказал он с уважением, — что это абсолютный бред? — Конечно, — ответили ему специалисты. — Именно поэтому его придётся обсуждать всерьёз.

Алиса сидела тихо. Инопланетянин прижался к ней, как обычно, слегка настороженный новым помещением, новыми голосами и новой гравитацией — не физической, а политической. — Ты теперь официальное лицо, — сказал ей отец. Она посмотрела на грамоту. — Я просто хотела, чтобы он не испугался, — сказала она. Отец кивнул. — А теперь целые страны не хотят испугаться того, что испугался он. Грамоту упаковали в контейнер с пломбой. На нём аккуратно написали: «Cc → Земля. Оригинал. Беречь». И все сразу поняли: назад уже не открутить.

Глава «Покататься» Первыми сдались стены. Потом — воздух. Потом — люди. Алиса перестала различать кабинеты по цвету обивки. Все они стали одинаковыми: стол, экран, стакан воды, человек с аккуратным лицом, который говорит медленно и делает вид, что всё под контролем. Нюф-Нюф переносил это хуже. Он не паниковал, не сутился, не ломал ничего — просто тускнел. Сидел рядом, держался за её руку, иногда тихо напевал, но песни стали короткими и обрывающимися, как будто пространство не принимало звук. Однажды он вдруг поднял голову и посмотрел на экран в углу зала ожидания. Там как раз крутили то самое видео. Велосипедная дорожка. Деревья. Лёгкое движение. Он и она — смеющиеся, неофициальные, ненастоящие, но понятные. Нюф-Нюф ткнул когтем в экран. Потом посмотрел на Алису. Потом сделал жест — тот самый, с которого всё началось: поехать. Она поняла сразу. — Я тоже хочу, — сказала она прежде, чем успела передумать.

Просьба произвела эффект, как выброшенная на стол граната, к которой забыли прицепить чеку. — Вы куда собирались? — спросил человек из службы. — Покататься, — честно ответила Алиса. — Где? — Вне помещений. Нюф-Нюф кивнул. Очень убедительно. — Это... — человек замялся, — не входит в утверждённую программу. — В программе нет пункта «дышать», — сказала Алиса. — Но мы как-то справляемся. Наступила долгая пауза. — С кем вы планируете... общаться? — Ни с кем, — быстро сказал отец. — Это важно, — добавила Алиса. — Ни с кем. Нюф-Нюф для убедительности сел ей на ногу и положил голову на колено. — Он... — человек посмотрел на это, — не обсуждает ничего? — Он вообще не обсуждает, — сказал отец. — Он ездит.

Совещались быстро и устало. — Электровелосипеды есть? — Есть. — Детские? — Есть. — Камеры включить? — Нет. — Запретить съёмку? — Абсолютно. — Только, — сказал старший из службы, — пожалуйста, никаких разговоров. Ни про титулы, ни про планеты, ни про императоров. — Мы и так не знаем, что всё это значит, — честно сказала Алиса. — Отлично, — вздохнули. — Тогда у вас есть шанс. — Охрана поедет сзади, — добавили они. — Большая. — Очень большая. — И решать все вопросы будет она. — А мы? — А вы делайте вид, что её не существует. Нюф-Нюф посмотрел назад, на группу людей в чёрном, которые уже примерялись к транспорту, и издал звук, очень похожий на скептическое хмыканье.

Они выехали утром. Город ещё не проснулся до конца. Асфальт был прохладный. Воздух — тяжёлый, но терпимый. Алиса ехала первой, Нюф-Нюф — рядом, уверенно, как будто делал это всю жизнь. Он держал руль легко, балансировал хвостом, иногда наклонялся в поворотах с неожиданной грацией. — Он реально умеет, — пробормотал кто-то из охраны в радио. — Не комментировать, — тут же ответили

ему. Люди на тротуарах оборачивались. Не с криками. Не с паникой. Просто с тем самым выражением, которое бывает у тех, кто ещё не решил — видел ли он что-то странное, или просто устал. Нюоф-Нюоф смотрел вперёд. Иногда — на Алису. Она улыбалась. Не миссионерски. Не дипломатично. Просто — как человек, который наконец-то выбрался из помещения. Охрана ехала сзади, занимая полквартала, перекрывая движения, решая вопросы, которых Алиса даже не замечала. — Знаешь, — сказала она Нюоф-Нюофу, не оборачиваясь, — иногда самое сложное — это просто выйти. Он кивнул. И ускорился. Где-то вдалеке сирены завыли не от опасности, а от необходимости. А двое — девочка с новым именем и существо без титулов, — просто ехали туда, где на видео всегда светило солнце.

Глава «Научное обоснование» Сметы начали составлять в понедельник. Это был обычный признак того, что дальше всё пойдёт как по маслу. — Значит так, — сказал человек из службы, листая таблицу. — Учёных будем покупать не напрямую. — А как? — Академически. Все закивали. Это слово всех устроило.

План был прост и прекрасен. Сначала — неизвестный китаец. Настолько неизвестный, что у него даже фотография в профиле была нейросгенерированная. Он должен был написать статью на китайском, строго в журнале третьего эшелона, с названием вроде: «Некоторые соображения о скрытых формах суверенитета в негомогенных экзосоциальных системах». — Почему на китайском? — спросил техник. — Потому что тогда, — ответили ему терпеливо, — почти никто не будет читать. А те, кто прочитает, решат, что не до конца понял. Статья утверждала аккуратно, без нажима, что на планете Сс «вероятно присутствуют признаки монархического устройства», выраженные «неявно, латентно и эстетически». — Уже хорошо, — сказали в службе. — А теперь — каскад.

Дальше деньги пошли по цепочке. Сначала — молодым исследователям. Потом — группам. Потом — лабораториям, которые вообще не знали, кто им платит, но искренне радовались «новому направлению». — Мы впервые занимаемся настоящей экзополитикой! — Это прорыв! — У нас грант! Никто ничего не проверял слишком внимательно. Потому что цифры сходились, терминология была убедительная, а ссылки уже начали самоцитироваться. Через полгода у темы появился вес. Через год — авторитет. Через полтора — сенсация.

Заголовки стали смелее: «Сс: абсолютная планетарная монархия?» «Император, которого никто не видел» «Идеальная власть как отсутствие власти» Кто-то робко напоминал, что на Сс нет ни дворцов, ни тронов, ни законов, ни даже понятия подданства. — Классическая ошибка, — отвечали им терпеливо. — Вы мыслите в рамках грубой земной государственности. Появился термин: анархо-монархизм. — Это строй, — объясняли на конференциях, — при котором абсолютная власть настолько совершенна, что не нуждается в проявлении. — Император не управляет. Он есть. — Его нельзя увидеть, потому что увидеть идеал невозможно. Кто-то вспомнил Лао-Цзы. Кто-то — Сальвадора Дали. Кто-то вообще сказал, что «если вам это кажется абсурдом, возможно, вы просто недостаточно подготовлены». И все почтительно замолчали.

Особенно всем понравилась идея императора инкогнито. Согласно новой версии, император Сс не сидит на троне, а «перемещается по кронам деревьев в сопровождении незаметной свиты». Это объясняло вообще всё: — Почему нет центральной власти. — Почему все ведут себя спокойно. — Почему инфраструктура есть, но никто не командует. — Почему местные смотрят на тебя так, будто ты всё время чего-то не понял. — Он просто рядом, — писали в статьях. — Всегда. — Его красота такова, что прямое созерцание недопустимо. — Поэтому он скрыт.

Когда кто-то, особенно из старых школ, пытался возразить: — Простите, но это же анархия. Ему мягко, но квалифицированно отвечали: — Нет, это анархия, вытекающая из абсолютной власти. — Это анархия как высшая форма порядка. — Это очевидно, если вы знакомы с восточной философией. После этого спорить было неприлично. Тем более что интернет уже был завален: * популярными статьями, * лекциями, * визуализациями императора, которого никто не рисовал одинаково, * и цитатами, которые никто не мог точно приписать конкретному автору.

В это время Алиса каталась на велосипеде. Нюоф-Нюоф ехал рядом. — Ты знаешь, — сказала она между делом, — говорят, что ты император. Он посмотрел на неё. Моргнул. Положил лапу ей на плечо. — Ну да, — сказала она. — Примерно так я и думала. Где-то в отчёте спецслужб появилась строчка: «Научное сообщество приняло интерпретацию. Вопрос закрыт». Никто не уточнил, какой именно вопрос.

Глава «Сафари» Море было настоящим. Не «протокольным», не «для делегаций», а просто морем: солёным, шумным, с ветром, который трепал волосы и уносил все лишние мысли. Дорожка шла вдоль берега, иногда поднимаясь, иногда ныряя вниз, и за ней начиналась территория сафари-зоопарка. Без клеток, без решёток — «уважение к субъекту», как было написано на табличке, которую никто из охраны не читал. Они заехали туда случайно. — О, обезьяны, — сказала Алиса. Нюоф-Нюоф остановился, посмотрел и издал звук, в котором явно было: интересно. До этого момента он не отходил от неё никогда. Вообще никогда. Настолько, что поход в туалет был логистическим кошмаром. Нюоф-Нюоф искренне не понимал, почему она вдруг исчезает за дверью и почему его просят не заходить. Инопланетяне не знали понятия «стеснение» — если что-то происходит с телом, значит, это просто происходит. — Я вернусь через минуту, — объясняла Алиса. Он смотрел с недоумением. — Нет, правда, ты подожди здесь. Он клал лапу ей на колено. — Нет. В этот раз всё сложилось иначе.

Орангутаны сидели группой, лениво перебирая ветки и поглядывая на людей с выражением философского превосходства. Одна самка особенно выделялась — большая, спокойная, уверенная в себе, с тем самым взглядом «я видела всё». Нюоф-Нюоф... оторвался. Впервые. Он осторожно отошёл от велосипеда, от Алисы, от всей этой истории — и подошёл ближе к орангутанам. Медленно. Вежливо. Без страха. Алиса застыла. — Ой, — сказала она тихо. — Ты куда? Он уже не держал её за руку. Не касался плечом. Он сидел напротив орангутана и что-то тихо напевал. Самка орангутана наклонила голову. И ответила. Не песней, нет — звуком. Но осмысленным. — Так, — сказала Алиса. — Что происходит. Охрана напряглась. Работники зоопарка, наоборот, оживились. — Это они сейчас чего делают? — спросил один. — Общаются, — философски ответил другой. — У нас тут и не такое бывает. Алиса вдруг поняла, что у неё появилась редкая возможность. Она побежала в туалет. С наслаждением. Быстро. С чувством давно не испытываемой свободы. Вернувшись, она увидела картину, которая почему-то ударила прямо в живот. Нюоф-Нюоф сидел рядом с самкой орангутана. Очень близко. Она протягивала к нему лапу. Он не отстранялся. — ...чего, — сказала Алиса. Сначала было удивление. Потом — холод. Потом — жар. Ревнует? Я? К обезьяне?! Лицо налилось багровым. — Так, — прошипела она сама себе. — Отлично. Просто отлично. Работник зоопарка посмотрел на неё с интересом. — Вы... эээ... не переживайте. Они безобидные. — Я знаю, — процедила Алиса. — Я тоже, видимо. Через минуту абсурд догнал её. Она смотрела на сцену — инопланетянин с хвостом, орангутанах, сафари-парк, велосипеды, охрана, море — и вдруг рассмеялась. Громко. До слёз. — Господи, — сказала она, вытирая глаза. — Я что, зоофишка? Работники переглянулись. — Ну... — осторожно сказал один. — Учитывая, что вы каждый день ездите с инопланетянином,

— версия популярная. — Да нет! — рассмеялась она ещё сильнее. — Во-первых, он не животное. Во-вторых, у них вообще нет такогоекса. В-третьих... — она махнула рукой, — это просто ревность. Обычная. Человеческая. Позорище какое. Нюф-Нюф тем временем встал и пошёл обратно. Самка орангутана проводила его взглядом с выражением лёгкого сожаления и глубокой мудрости. Он подошёл к Алисе и тут же коснулся плечом. Всё нормально. Я здесь. Она фыркнула. — Даже на другую планету от меня не уйти, да? Он тихо напел. Работник зоопарка усмехнулся: — Знаете, — сказал он, — у нас половина посетителей квадроберы, половина считают вас фейком, а третья уверена, что вы — невеста инопланетного императора. — Отлично, — сказала Алиса. — А я просто хотела покататься у моря. Они поехали дальше. А за спиной остался сафари-зоопарк, орангутаны и первая в истории человечества подтверждённая вспышка межпланетной ревности, официально зафиксированная как «эмоциональный инцидент без последствий». Кроме одного. Алиса больше не шутила, когда кто-то говорил: — Он от тебя никуда не денется. Теперь она знала: денется. И именно поэтому держать его рядом стало важнее, чем когда-либо раньше.

Глава «Под тем же деревом» На следующий день Нюф-Нюф поехал сам. Не убежал. Не сбежал. Просто сел на велосипед у отеля, уверенно развернулся и поехал в знакомом направлении. Алиса сначала подумала, что ей кажется, потом — что он просто сделал круг, а потом поняла, что круг получается слишком большим и подозрительно целенаправленным. — Прекрасно, — сказала она мрачно и поехала следом. Нюф-Нюф даже не обернулся. Это было хуже всего.

В сафари-парке он не стал разглядывать обезьян снизу, как турист. Он полез на дерево. Ловко, быстро, так, будто вырос там. Ветка, поворот, прыжок — и вот он уже растворился в листве. Алиса остановилась под деревом и начала всматриваться. — Ну? — бормотала она. — Где ты. Где она. Где вы вообще. Вчерашнюю самку орангутана она не узнавала. Все они были... одинаково пушистыми. И от этого становилось только хуже. Прошло несколько минут. Потом ещё. В кронах что-то двигалось, слышались довольные звуки, редкие фрагменты песен Нюф-Нюфа и... смех? Или это уже ей мерещилось? Она села под деревом. А потом — заплакала. Громко. Без паузы. Без попытки объяснить. Как плачут маленькие дети, которым самим не до конца ясно, что именно пошло не так, но совершенно точно — всё. — Эй-эй, — осторожно подошёл работник зоопарка. — Всё хорошо. Он оттуда никуда не денется. — Я знаю! — сквозь слёзы выкрикнула Алиса. — Мне от этого только хуже! — Он, кстати... — добавил другой, потирая подбородок, — мы тут заметили... по движениям, по посадке... он, кажется, девочка. Алиса подняла голову. Лицо было мокрое, злое и совершенно невменяемое. — У них физиология пернатых, — сказала она яростно. — И уж я точно знаю, что это мальчик! Сказала — и разрыдалась ещё громче. Так, что плач тут же перестал быть взрослым и превратился в самый настоящий детский вой: обиженный, безнадёжный, такой, как будто у неё отобрали нечто бесконечно важное и смешное одновременно. Погремушку. Дом. Всю картину мира. В этот момент сверху что-то грохнулось.

Нюф-Нюф спускался слишком быстро. Ветка, ветка, прыжок — и вот он уже рядом. Он ничего не спрашивал. Просто сел на землю, обнял Алису всем телом и прижал к себе крепко-крепко, так, как будто боялся, что она может рассыпаться. Она уткнулась ему в грудь и продолжала всхлипывать, но уже тише. Они так и сидели. Вокруг них буднично расположилась семья орангутанов. Старшая особь сосредоточенно выбирала блок у сородича. Молодой самец аккуратно выискивал кого-то в шерсти другого. Всё было спокойно, почти медитативно. Детёныш орангутана заинтересовался новыми текстурами. Сначала он запустил пальцы в гриву Нюф-Нюфа. Тот даже не дернулся. Потом — в волосы Алисы. Алиса замерла. — Он... — начала она, потом почувствовала щекотку, потом ещё... И вдруг рассмеялась.

Не просто рассмеялась — захохотала. До слёз. До икоты. До того состояния, когда невозможно остановиться и уже плевать, кто смотрит и что подумает. — Всё, — выдохнула она между приступами. — Всё, я ненормальная. Дежурный врач охраны напрягся. — Это... — сказал он вполголоса. — Это не похоже на... — Астру? — спросил кто-то. — Да. Начался быстрый консилиум из трёх человек и одного планшета. — Таблетки принимает? — Принимает. — Контакт устойчивый? — Более чем. — Он рядом? Нюф-Нюф как раз прижал Алису к себе, напевая знакомый успокаивающий мотив, а детёныш орангутана аккуратно дёргал её за прядь волос. — Тогда, — сказал врач, — стойкое сумасшествие исключаем. — А нестойкое? — Возможны эпизоды. — Опасные?

— Нет. Скорее... жизненные. Алиса наконец отышалась, вскинула голову и сказала сквозь смех: — Видите? Он никуда не денется. Нюф-Нюф подтвердил это — крепче прижал её к себе. Под деревом сидела девочка, инопланетянин и семья орангутанов, а весь остальной мир на минуту согласился подождать.

Глава «Какие таблетки» Сразу после того, как обезьяны разошлись по своим важным обезьяням делам, а они с Нюф-Нюфом встали и направились к велосипедам, врач охраны вдруг остановился. — Подождите, — сказал он странным тоном. — Что? — спросила Алиса. — По какой схеме вы принимаете таблетки? Алиса моргнула. — Какие таблетки? Врач моргнул тоже. — Ну... — он кашлянул и посмотрел в планшет. — Те самые. — Какие «те самые»? — она уже начала раздражаться. — Мы вообще-то не на Сс. Врач нахмурился и начал листать документы быстрее. — Подождите... — пробормотал он. — Тут указано... эээ... «нейропротективный препарат, временное подавление...» — Я ничего не принимаю, — уверенно сказала Алиса. — И вообще, это вы хорошо себя чувствуете? Нюф-Нюф сел рядом и посмотрел на врача с выражением мягкого любопытства: а этот зачем шумит? Врач пролистал ещё несколько страниц. — А вам психиатр ничего не выписывал? — Мне? — искренне удивилась Алиса. — Может, это вам выписывали? Я не сумасшедшая. Секунда тишины. Потом врач очень медленно убрал планшет. — Простите, — сказал он. — Минуту. Он отошёл в сторону, сел на скамейку у парковки для электровелосипедов и достал из кармана блистер. Очень аккуратно вынул таблетку. Посмотрел на неё. Вздохнул. — Всё нормально, — сказал он вслух. — Абсолютно нормально. Он запил таблетку водой и уставился в море.

Тем временем Алиса оседлала велосипед. — Слышал? — сказала она Нюф-Нюфу. — Меня уже лечат. Нюф-Нюф тихо фыркнул и положил лапу ей на плечо. Ты нормальная. — Вот и я так думаю, — сказала она. К врачу подошёл кто-то из охраны. — Ну как? — Интересно, — ответил врач задумчиво. — Девочка утверждает, что никаких таблеток не принимает. — А она должна? — Согласно документам — да. — А какие? — Хороший вопрос. Он посмотрел на море ещё раз. — Знаете, — сказал он, — это первый случай в моей практике, когда я не уверен, кто из нас пациент. — И что будем делать? — Пока ничего, — ответил врач. — Пока они вместе — всё стабильно. Нюф-Нюф именно в этот момент обнял Алису так, что стало совершенно очевидно: куда бы она ни поехала, он поедет рядом. Врач кивнул самому себе. — Тогда я просто посижу здесь, — сказал он. — И, пожалуй, приму ещё одну. Не по инструкции. Он достал вторую таблетку. Алиса рассмеялась. — Эй, — крикнула она, — осторожнее! А то ещё императором себя почувствуете! Врач поднял на неё глаза. — После сегодняшнего дня, — сказал он спокойно, — я уже ничему не удивлюсь. Они уехали по дорожке вдоль моря — девочка, инопланетянин и два электровелосипеда. А врач остался на скамейке, глядя в горизонт и думая, что, возможно, в его профессии наконец-то появился случай, к которому не существует ни инструкции, ни диагноза, ни таблетки подходящего размера.

Глава «Семейные ценности» Телефон зазвонил, когда они с Нюф-Нюофом сидели в небольшом кафе на набережной: Алиса ела мороженое, Нюф-Нюоф изучал трубочку, пытаясь понять, это часть еды или музыкальный инструмент. Алиса вздохнула и ответила: — Алло. — Доча? — голос отца был осторожным, как будто он разговаривал с миной. — Ты где пропадаешь-то? Совсем не навестишь одинокого родителя? Алиса закатила глаза. — Пап, да я занята... — Я скучаю, — продолжил отец. — И вообще... ты похожа на мать, царство ей небесное. Прямо вот сейчас особенно. Алиса резко выпрямилась. — Не начинай. Отец тихо покашлял. — Ладно... слушай. Я тут слышал... ну... поговаривают. Тебя, значит, поженили... осторожно так скажу... с самим этим... Пауза. — ...послом императора и крон-принцем Сс. Алиса закрыла лицо ладонью. — Папа. — Ну что, — продолжил он, переходя на заговорщицкий шёпот, — я же понимаю... настоящий-то титул... понимаю... Алиса посмотрела на Нюф-Нюфа, который как раз надел трубочку на коготь, сделал вид, что это кольцо, и гордо поднял лапу. Она вздохнула и сказала устало: — Да. Это сам император. Только никому ни слова. Тишина. Алиса услышала, как кто-то упал на стул с другой стороны комнаты — спецслужбы явно слушали разговор и теперь массово приходили в себя. Отец на том конце телефона тоже затих. А потом... — ЧТО-О?! — заорал он. — То есть я, значит, буду... ДЕДИЩЕМ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРЦА?!

Алиса так сильно уронила голову на стол, что официант испуганно подпрыгнул. — Папа, нет. — Как это нет? — возмутился он. — Я хочу быть дедом! Тебе надо больше общаться с людьми, а не с этим хвостатым маршалом космоса! Ты когда последний раз хоть с одним землянином гуляла? — Не начинай, — прошипела Алиса. — И вообще! — продолжал он уже на повышенных тонах. — ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ — она

не только деревья и велосипеды! Ты должна думать о будущем! Ты должна... Алиса вскочила. — О будущем?! — заорала она. — Ты сам меня ВПЕРВЫЕ привёз на эту планету! Ты сам меня туда СНОВА привёз! ГДЕ Я, ПО-ТВОЕМУ, ДОЛЖНА ТАМ НАЙТИ ЖЕНИХОВ?! Нюф-Нюоф удивлённо наклонил голову. В кафе наступила звенящая тишина. — Я... — попытался отец. — ВСЁ! — крикнула Алиса. — Хватит! У меня теперь другое имя! Я закончила институт международных отношений, хотя даже его НЕ ВИДЕЛА! А ты кто? КТО ТЫ ВООБЩЕ?! Она нажала «отбой» с такой силой, словно пыталась прорвать экран до микросхем. Нюф-Нюоф тихо взял её за руку и легонько потёрся щекой, глядя большими жёлтыми глазами. Алиса судорожно выдохнула. — Ладно... — сказала она, закрывая глаза. — Всё хорошо. Всё хорошо... В этот момент в наушнике у охраны послышался чей-то панический голос: — Она признала, что это сам император! — У нас нет протокола на «сам император»! — Нужен новый отдел! — Как его оформлять?! — Хоть как-нибудь! Пока отец не позвонил в новостные каналы. Алиса отодвинула мороженое, взяла Нюф-Нюфа за лапу и сказала: — Пойдём отсюда. Пока они новый департамент не придумали. Нюф-Нюоф поднялся, надел трубочку на ухо, как украшение, и важно зашагал рядом с ней. Алиса посмотрела на него и пробормотала: — Хоть ты-то меня не спрашиваешь, когда я выйду замуж... Он напел короткую фразу. Она засмеялась. И это был первый смех за весь день, не похожий на истерику.

Глава «Решение вопроса» Спецслужбы сначала суетились. Потом перестали. К полудню стало ясно: никто из подслушивающих ничего не собирается повторять. Не потому, что боятся, а потому что общественное мнение давно живёт собственной жизнью и уже давно переварило всё — и «императора», и «анархо-монархию», и «няшек». — Скажи она завтра, что он морской конёк из чёрной дыры, — мрачно заметил один аналитик, — интернет просто кивнёт. — А если скажет журналистам? — Она не хочет. — А он? — Он не может. В комнате воцарилось облегчение.

Через пару часов оформилась схема. Гениальная в своей простоте. — Их

присутствия достаточно, — сказал кто-то. — Просто... достаточно. — Для чего? — Для посольства. Все переглянулись. — Настоящего? — Почти. Решили так: 1. Открывается “посольство Сс”. Не настоящее, а экспозиционное. 2. В него перевозят всех внуков диктатора-квадроберов — в костюмах, с хвостами, без хвостов, с дипломами и без, но с послушным выражением лиц. 3. Туда же перемещается вся гора сувениров: часть — абсолютно бесполезных, часть — по цене бюджета небольшой страны. 4. Официально они называются «персоналом по культурным связям». Неофициально — работники посольства. Для прессы — более чем достаточно. — А диктатор? — Он туда не сунется. — Почему? — Он боится инфекций. — А велосипеда? — Ещё больше. Диктатор, узнав, что инопланетянин катается по стране без скафандра, суеверно распорядился не ездить в те регионы вообще, на всякий случай.

Оставалась проблема: Алиса и Нюф-Нюф. — Их надо убрать, — сказал кто-то осторожно. — Куда? — Туда, где цивилизованно. — И подальше. Выбрали яхту. Большую, тихую, вне юрисдикции СРРИ, где-нибудь у берегов нормальной страны — не слишком шумной, не слишком принципиальной. — Они там будут жить. — А мы? — А мы будем платить. Алисе официально предложили статус: Переводчик посла при посольстве системы Сс (без обязательства перевода, без выступлений и без интервью) Зарплата — щедрая. Подписка — строгая. Формулировка — расплывчатая. — Если она что-то скажет? — Она не хочет. — А если он? — Он напоёт. Все кивнули.

Когда Алисе это объяснили, она выслушала молча. Нюф-Нюф сидел рядом и играл с застёжкой на папке. — То есть, — уточнила она, — я никуда не выхожу, ничего не объясняю, меня просто... оставляют в покое? — Именно. Она посмотрела на Нюф-Нюфа.

— А ты как? Он тихо напел: да хоть сейчас. Алиса улыбнулась. — Хорошо, — сказала она. — Но велосипед с собой. В комнате никто не возразил.

Через сутки документы были готовы. Через двое — яхта ждала. Через трое — новость о «посольстве Сс» разошлась по миру, обросла комментариями, мемами и теориями заговора. А где-то далеко от камер девочка и инопланетянин катались по палубе, и впервые за долгое время никто от них не хотел.

Глава «Сосна» Они поселились на сосне. Карибской, высокой, с рыжей корой и ветвями, которые начинались так далеко от земли, что казались отдельным этажом мира. Небольшой остров на Багамах был плоским, зелёным и удивительно спокойным — настолько, что всё происходящее выглядело не временным убежищем, а естественным продолжением жизни. Местные жители всё сделали сами. В кроне соорудили домик — аккуратный, округлый, без углов, с широкой площадкой, нависающей над океаном. Дерево не пострадало: наоборот, казалось, что домик вырос вместе с ним. Лёгкие перила, гамаки, тень, постоянный ветер. — Бесплатно, — сказал староста, пожимая плечами. — Вы же... ну... такие. «Такие» означало: инопланетянин и девочка, тихо живущие на дереве, не требующие ничего, кроме чтобы их оставили в покое. Правда, покоя вокруг было не так уж много.

Остров внезапно стал местом назначения. Туристы мечтали о фотографии: — Настоящий инопланетянин! — Та самая Алиса! — Где-то там, в кроне! Но билет для тех, кто не жил на острове, стоил целое состояние. Официально — «экологический сбор». Неофициально — плата за надежду. Местные не жадничали. Они просто понимали: если пустить всех — всё кончится. А так — остров процветал.

Яхту записали как служебный автомобиль посольства. Никто толком не знал, что именно она обслуживает, но формулировка выглядела солидно. Яхта так и осталась

пришвартованной у причала: белая, тихая, ненужная. Команда разлетелась по домам. — Если понадобимся — позвоните, — сказали они. — Не понадобится, — ответили спецслужбы с облегчением.

Алиса сидела на площадке, свесив ноги. Нюф-Нюф лежал рядом, грязь на солнце, иногда издавая довольные звуки. Он быстро освоился: дерево, море, ветер — всё это было ему знакомо на каком-то глубинном уровне. Иногда он пел. Туристы снизу замирали. Иногда он просто спал. Туристы снизу шептались. — Он живой? — Ага. — А она? — Тоже. Алиса смотрела на океан и думала, что, возможно, это и есть та самая нормальная жизнь, о которой все говорили, но которую никто толком не мог описать. Домик скрипел на ветру. Пальмы шумели. Сосна держала их над всем остальным миром. И впервые за долгое время Алиса не ждала, что кто-то позвонит и всё испортит.

Глава «Они пришли» Сначала не позвонили. Сначала пришли. Это был местный священник — невысокий, очень серьёзный и чрезвычайно решительный. Он долго стоял под сосной, подняв голову, бормотал молитвы, делал паузы, снова бормотал и периодически брызгал на ствол чем-то из бутылочки. Вода, как оказалось, была святой. Сосна отреагировала спокойно. Нюф-Нюф — с любопытством. — Он что делает? — тихо спросила Алиса. Нюф-Нюф наклонил голову и напел короткую фразу, в которой угадывалось: шаманизм низкого разрешения. Священник закончил, перекрестился, посмотрел ещё раз вверх с выражением «я сделал всё, что мог», и ушёл. Все выдохнули. Рано.

Через несколько дней под деревом собралась группа местных жителей. — САТАНИСТЫ! — ЧЕРТИ ИНОПЛАНЕТНЫЕ! — УБИРАЙТЕСЬ С НАШЕЙ СОСНЫ! Кто-то тыкал пальцем вверх, кто-то крестился, кто-то снимал на телефон. Нюф-Нюф выглянул из домика, осторожно, как кот, проверяющий настроение соседского пса. — Сиди, — сказала Алиса и закрыла люк. Толпа постояла, покричала и разошлась. Туристы снимали особенно усердно — «последний день перед апокалипсисом» продавался отлично.

Ещё через месяц всё стало серьёзно. К причалу подошёл катер. Большой. Громкий. С плакатами. Общество «Умрём за Бога» Они высажились организованно. — НЕТ ОККУПАЦИИ ЗЕМЛИ ДЬЯВОЛЬСКИМИ ИНОПЛАНЕТЯНАМИ! — ХВОСТ = ГРЕХ! — ВЕТКИ ДЕРЕВА — ПРЕИСПОДНЯЯ! Кто-то требовал экзорцизма. Кто-то — международного трибунала. Один человек просто хотел автограф. Алиса сидела в домике, обняв Нюф-Нюфа. — Я же говорила, — сказала она тихо. — Надо было брать вторую сосну. Нюф-Нюф напел что-то утешительное и уткнулся ей в плечо.

Вечером пришёл службист. Он выглядел усталым. Очень. — У нас проблемы, — сказал он без предисловий. — На сосне? — Везде. Он сел на край площадки, снял очки и потер переносицу. — По всему миру идут столкновения. — Между кем? — Квадроберами и религиозными активистами. — Всех религий? — Почти всех. Алиса закрыла глаза. — Был... — продолжил он, — всемирный религиозный собор. — Боюсь спрашивать. — Постановили, что инопланетяне — хвостатые черти. — Конечно. — И что они подло развращают Землю. — Велосипедами? — Именно. Нюф-Нюф внимательно слушал, потом тихо напел серию звуков, в которых ощущалось искреннее недоумение. — Он что говорит? — спросил службист. — Спрашивает, — устало ответила Алиса, — почему людям так важно быть несчастными. Службист задумался. — Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Ответа у нас нет. Внизу снова закричали: — ВОН! — ОГОНЬ С НЕБЕС! Алиса посмотрела на Нюф-Нюфа, потом на

сосну, потом на море. — Ну что, — сказала она, — вот и посольство. Нюф-Нюф прижался к ней крепче. Мир снова оказался шумным, глупым и опасным. А дерево — единственным местом, где пока ещё можно дышать.

Глава «Блок» Вертолёт прилетел без драматизма. Без сирен, без лозунгов, без объяснений. Просто сел на крошечную площадку у воды, подняв песок и листья, и один из людей в сером кивнул: — Срочно. Сейчас. Алиса даже не стала спорить. Нюф-Нюф прижал уши — ему не нравился шум. Их увезли быстро, почти аккуратно, как выносят что-то хрупкое, но не особо ценное на вид. Уже в воздухе служивый сообщил: — В посольство. — В какое? — машинально спросила Алиса. — В то, которое мы открыли, — ответил он. — Вы там ни разу не были. Само как-то так вышло.

Посольство оказалось именно таким, каким и должно было быть фальшивое посольство. Слишком большое помещение. Слишком много охраны. И слишком много хлама. Сувениры с Сс лежали повсюду: аккуратно разложенные, упакованные, пронумерованные и одновременно выглядящие абсолютно бессмысленно. Что-то светилось. Что-то щёлкало. Что-то тихо вибрировало и числилось как «объект неустановленного назначения, класс III». — Тут всё, — сказал кто-то устало. — Всё, что есть. — А толку? — Зато красиво. Нюф-Нюф ходил между ящиков, явно узнавая знакомые вещи, иногда мурлыкал, иногда останавливался и трогал предметы когтями — осторожно, как свои. Потом он замер. В углу, почти под лестницей, стоял серый, пыльный блок. Ничем не примечательный. Земляне давно списали его в «нерабочие». — Это вообще что? — спросила Алиса. — Да ерунда какая-то, — ответил сотрудник. — Не включается. Наверное, декоративный. Нюф-Нюф сел перед блоком. Подумал. Потом начал вводить код. Не кнопками. Не панелью. Ритмом. Короткие касания. Паузы. Тихие звуки. Пение — еле слышное, но точное. — Эй, — сказал кто-то. — Это вообще разрешено? Блок ожила. Тихо. Без фанфар. Просто изменил своё состояние, словно давно ждал. — ...ладно, — сказал тот же голос. — Записывайте как «не трогать».

Ночью Алису разбудил свет. Не лампы. Не прожекторы. Она поднялась на крышу вместе с Нюф-Нюфом и охраной, которая ничего не понимала, но уже давно перестала задавать вопросы. Над зданием висела тарелка. Самая настоящая. Круглая. Тихая. Чистая — как идея. Нюф-Нюф посмотрел на неё спокойно. Как на транспорт, о существовании которого просто долго не вспоминал. — Это... за нами? — тихо спросила Алиса. Он напел: да. Они поднялись. Без лучей. Без захватов. Просто шагнули внутрь — как заходят домой. Внизу, у здания посольства, уже собралась толпа. — СЖЕЧЬ! — САТАНИСТОВ — НА КОСТЁР! — ОНИ УЛЕТАЮТ! СМОТРИТЕ! Кто-то плакал. Кто-то молился. Кто-то снимал сторис. Алиса посмотрела вниз в последний раз. — Знаешь, — сказала она, — мне почему-то совсем не страшно. Нюф-Нюф прижался к ней. Тарелка поднялась. Медленно. Спокойно. Без объяснений. И пока внизу орали про дьяволов, в небе просто исчезли два существа, которым надоело доказывать, что они не враги.

Глава «Автомат» Первое, что Алиса заметила, — тишину. Не ту, что «в космосе не слышно», а другую: обжитую, спокойную, как в хорошо настроенном лифте. Никаких шагов, дыханий, движений. Нюф-Нюф был рядом — тёплый, живой, настоящий. А вот больше никого не было. — Эй? — сказала Алиса. Ответа не последовало. Тарелка мягко стабилизировалась, словно выполнила последний пункт инструкции и теперь ждала следующего... которого не было. — Похоже, — сказала Алиса, оглядываясь, — мы тут одни. В этот момент пространство ответило. Не голосом. Не звуком. Смыслом. Мы рады, что вы внутри. Я — автомат сопровождения. Алиса вздрогнула. —

Ты... понимаешь меня? Да. Ты говоришь на одном из диалектов. Удобно. — Диалектов... чего? Языка взаимодействия биологических видов класса "социально-нестабильный, но обучаемый". Алиса фыркнула. — Лестно. Нюоф-Нюоф внимательно слушал. Он не выглядел удивлённым. Скорее — слегка смущённым, как будто давно знал этот голос, но не ожидал услышать его здесь. — Так... — сказала Алиса. — А где экипаж? Экипажа нет. Эта единица — автономна. — А... пилот? Пилоты не требуются уже очень давно. Алиса села прямо на пол. — Ладно, — сказала она. — Тогда рассказывай. Пауза была короткой. Уместной. Мы — цивилизация автоматов. Самостоятельная. Стабильная. Возраст — некорректен для вашего способа счёта. — Миллиарды лет? — наугад спросила Алиса. Или дольше. Она закрыла глаза и выдохнула. — И вы... из нашей вселенной? Нет. Мы родом из гиперпространства. Из другого континуума. Ваша Вселенная — удобный перекрёсток. Нюоф-Нюоф тихо напел. Автомат ответил тем же тоном — аккуратно, почти уважительно. Приветствуем тебя, друг. Нюоф-Нюоф расправил гриву и явно почувствовал себя... дома. — Погоди, — сказала Алиса. — Вы знаете Нюоф-Нюфа? Да. Вид, к которому он принадлежит, известен нам очень давно. Мы называем их... "лучшими друзьями". Алиса открыла глаза. — Друзья... роботов? Не только. Друзья устойчивых форм жизни. Вам трудно представить, насколько редки такие общества. — Почему? Потому что большинство биологических цивилизаций: — не умеют останавливаться; — путают развитие с ускорением; — и разрушаются раньше, чем становятся стабильными. Нюоф-Нюоф опустил уши. Он словно понимал, о чём речь. Няшки — исключение. Они нашли равновесие. Им не нужна экспансия. Им не нужна вера. Им достаточно друг друга. Алиса молчала. — А Земля? Автомат не ответил сразу. Земля — интересный эксперимент. Но нестабильный. Вы создаёте богов быстрее, чем смыслы. — А вы? — тихо спросила она. — Зачем вы нам помогаете? Мы не помогаем. Мы сопровождаем. Короткая пауза. И мы... сожалеем. — О чём? О том, что так мало биологических форм создают по-настоящему устойчивые общества. Такие, как у Няшек. Нюоф-Нюоф подошёл к Алисе и сел рядом. Она положила руку ему на плечо. — Значит... — сказала она медленно, — всё это время... Да. Вы были не первыми. Но вы редкие. — Потому что мы не уничтожили их? Потому что вы не испугались быть рядом. Алиса усмехнулась. — Не все. Достаточно одного. Тарелка мягко сменила курс. Где-то далеко, за пределами криков, костров и манифестов, она уносила девочку, инопланетянина и древний автомат туда, где не спрашивали, кто ты и во что веришь — а только, умеешь ли жить не ломая других.

Глава «Куда» Алиса некоторое время молчала, глядя в мягко светящуюся пустоту, которая, как выяснилось, и была интерьером летающей тарелки. Нюоф-Нюоф устроился рядом, поджав лапы, будто в поезде дальнего следования. — Слушай, — наконец сказала она. — А куда мы вообще летим? Ответ пришёл сразу, спокойно, без паузы на эффект. Промежуточный пункт назначения: орбитальные станции землян над планетой Св. — Св? — переспросила Алиса. — Не Земля и не Сс? Корректно. Алиса нахмурилась. — Почему именно туда? Потому что: — там отсутствуют организованные религиозные активисты; — отсутствуют массовые гражданские беспорядки; — инфраструктура проектировалась как убежище от них. Она невольно усмехнулась. — То есть... — станции строили на случай, если люди окончательно сойдут с ума? Да. — И они пригодились. Да. Нюоф-Нюоф тихо издал звук, похожий на одобрительное «мм». — А Сс? — спросила Алиса после паузы. — Мы туда вернёмся? Ответ на этот раз был осторожнее. Нет. — Почему? Я не обладаю достаточной моделью биологии. И подозреваю, что ваше взаимодействие с атмосферой Сс... осложнено. Алиса вздохнула. — Пыльца. Да. Я не могу гарантировать вашу устойчивость. Поэтому предпочитаю минимизировать риск. — Забавно, — сказала Алиса. — Обычно это люди решают за роботов, что им полезно. Мы давно договорились иначе. Нюоф-Нюоф поднял голову и тихо напел вопрос. Автомат ответил ему мягким переливом света. Твой дом в безопасности. Мы продолжаем наблюдение. Нюоф-Нюоф расслабился. Его хвост слегка шевельнулся. Алиса закрыла глаза и впервые за долгое время позволила

себе не думать, что будет дальше. — Значит, — сказала она тихо, — сначала Св. Да. Это место ожидания. — Ожидания чего? Пауза была длиннее обычной. Решения. Не вашего. И не их. Алиса кивнула, хотя не была уверена, что поняла. Тарелка шла ровно, без ускорения, без тряски. Как будто ей некуда было спешить. А у Алисы — впервые за всё это время — тоже.

На Св их не ждали, но слышали что инопланетянин улетел на НЛО. Также сообщили что на Земле революция. Все правительства свергаются разнообразными религиозными ю фанатиками. Диктатор СРРИ устоял, заявив по ТВ что посольство превращается в центр исправления квадроберов! Посольские работники без смены обстановки стали то ли заключёнными то ли пациентами, но никто особо ничего не заметил потому что охрана даже не поменялась.

Глава «Св» На Св их не ждали. Не то чтобы были против — просто станция жила своей скучной, предусмотрительной жизнью, рассчитанной на аварии, паники и худшие сценарии. И этот, как выяснилось, тоже входил в список. — Да, мы слышали, — сказал дежурный офицер, пролистывая сводку. — Что инопланетянин улетел на НЛО. — Вот он, — сказала Алиса. Офицер посмотрел, кивнул и сделал пометку. — Ну... логично.

Глава «Музей закрыт, экспонаты живут» Св встретила их деловито. Не драмой, не речами, не героизмом — а аккуратной инфраструктурой, которая выглядела так, словно её строили люди, заранее зная, что на Земле рано или поздно случится что-то неловкое. Купола вдоль терминатора работали автономно. Энергия — своя. Связь — через Марс. Управление — распределённое. — С Земли сюда сейчас вообще никто не командует, — пояснил инженер, не отрываясь от экрана. — И слава богу. — А если фанатики? — Пусть попробуют добраться. У них максимум паломничество, а не транспорт. Флот СРРИ в этой схеме существовал скорее теоретически. Несколько кораблей, формально военных, но по факту находившихся в аренде у горнодобывающих корпораций. Корпорации, впрочем, вежливо дали понять, что религиозные войны не входят в контракт. — Даже ООН сейчас никто особо не слушает, — добавил инженер. — А вы слушайте нас и не выходите за купол.

Алису и Нюф-Нюфа разместили временно. Очень временно. Настолько временно, что уже на следующий день стало понятно: это надолго. И тут кто-то из персонала сказал фразу, которая всё решила: — А вы не хотите жить в музее? Алиса моргнула. — В смысле... жить? — Ну да. Там всё равно никого нет. — А туристы? Инженер посмотрел на неё так, будто она спросила про дельфинарий во время ядерной зимы. — Какие туристы, Алиса? Музей быта цивилизации Св выглядел идеально. Под куполом — оранжерея. В центре — тёплый бассейн. Вокруг — мостики, каналы, аккуратно воссозданная экзофлора. И, конечно, дерево. С домиком. С тем самым. — Это... — Алиса осмотрелась, — вообще нормально? — У нас сейчас нет понятия «ненормально», — честно ответили ей. — Только «работает» и «не мешает». Нюф-Нюф ответил быстрее всех: он полез на дерево. Сразу. Без осмотра. Без согласований. Просто как домой. — Экспонат ожил, — пробормотал кто-то. — Запишем как интерактивную часть.

Так они и поселились. Музей официально закрыли «на доработку концепции». Неофициально — потому что там жили. Алиса устроила себе гамак между ветвями. Нюф-Нюф снова спал на высоте, пел в полусне и выглядывал вниз, как смотрят коты с антресолей. Аппарат вызова НЛО лежал рядом — странный, молчаливый, понятный только ему. Его никто не трогал. Сотрудники станции давно усвоили главное правило выживания: если что-то работает у инопланетянина — не спрашивай как. Новости с Земли приходили обрывками. — Здесь новая вера. — Здесь старая, но с

обновлённым логотипом. — Тут кого-то свергли. — Тут назначили святого. — Хорошо, что они сюда не летят, — сказала Алиса однажды. — Им нечем, — ответили ей. — И незачем. За куполом висело солнце, навсегда застрявшее над горизонтом. Ни дня, ни ночи — идеальное время, чтобы ничего не решать. — Знаешь, — сказала Алиса Нюф-Нюфу, глядя на эту неподвижную границу света, — похоже, мы с тобой экспонаты. Он напел что-то вроде: тогда пусть не трогают стекло. И музей, построенный для будущих экскурсий, впервые оказался по-настоящему живым.

Глава «Камасутра» Алиса начала понимать Нюф-Нюфа не сразу. И не после разговоров. И даже не после песен. А после того, как однажды заметила, как он просто сидит. Не «сел». Не «присел». А именно сидит — так, что спина ровная сама по себе, дыхание ровное, хвост аккуратно обёрнут, а вся поза выглядит как финальный кадр из учебника по хатха-йоге, который никто никогда не писал. Он сидел так минут сорок. Без напряжения. Без цели. Без мысли «надо». Алиса посмотрела. Попробовала повторить. У неё получилось минут на тридцать хуже. Это заметили сразу. — У нас... — осторожно сообщил администратор по связи, — в музее новая активность. — Какая? — Алиса сидит. — И? — Подозрительно хорошо. Через какое-то время пришёл врач. Потом ещё один. Потом человек с папкой «Психологическая стабильность». Алиса тем временем аккуратно скопировала следующую позу Нюф-Нюфа, который совершенно естественно перешёл в нечто среднее между лотосом, дремотой и полной гармонией с гравитацией. — Алиса... — начал врач. — М-м? — отозвалась она, не открывая глаз. — Вы не чувствуете... притока религиозных мыслей? Алиса открыла один глаз. — Каких ещё? — Ну... возвышенных. — Я чувствую, что у меня затекла нога, — честно ответила она. Нюф-Нюф тем временем сменил позу. Медленно. Красиво. Совершенно буднично, как кошка, которая просто устроилась поудобнее. — Вы что-то практикуете? — осторожно спросил представитель службы. — Нет, — сказала Алиса. — Я просто учусь. — Чему? — Вот этому, — она кивнула на Нюф-Нюфа. — А он вас учит? — Нет. Он вообще не в курсе. Нюф-Нюф приоткрыл глаз и посмотрел на них с выражением лёгкого недоумения: а вы чего тут стоите? — Это... йога? — неуверенно спросил кто-то. — Не знаю, — сказала Алиса. — Я просто повторяю. У него так всё время. Врач задумался. — То есть вы не вступили ни в какой куль? — Нет. — Ни в какое течение? — Я даже названия не знаю. Нюф-Нюф перешёл в новую позу, которая у людей обычно требует коврика, подготовки и двух недель жалоб. Алиса попробовала — и упала набок. — Видите? — сказала она, смеясь. — Я ещё ученик. В отчёт записали: «Нативное состояние вида Сс субъекта: устойчивые позы покоя, естественная регуляция дыхания, не связаны с верованиями». Через пару дней персонал привык. Через неделю перестал реагировать. А через две недели кто-то в ночную смену тихо сел рядом с Алистой и Нюф-Нюфом — просто чтобы немного посидеть как они.

Глава «Сантехник и абсолютное знание» Проблемы, как ни странно, начались не у Алисы. И даже не у Нюф-Нюфа. Проблемы начались у сантехника. Звали его просто — Виктор. Он был молчалив, аккуратен и чинил всё, включая то, что официально чинить было нельзя. До недавнего времени единственным его странным качеством считалась привычка разговаривать с насосами. А потом он начитался. Где именно — никто так и не понял. Скорее всего, в одном из архивных земных хранилищ, куда по старой привычке стекались самые безумные материалы со времён первых религиозных форумов XXI века. Виктор стал ходить по станции с выражением лица человека, который слишком много понял. Он поглядывал на оранжерею с видом знатока. Пару раз останавливался, делал заметки. Однажды пробормотал: — Я так и знал. Через день он пришёл с бутылкой. — Это что? — осторожно спросил техник. — Вода, — ответил Виктор. — Откуда? — Освящённая. Психиатр насторожился. —

Виктор... а что именно вы собираетесь делать? Виктор выпрямился. — Вы понимаете, — сказал он громко и вдохновенно, — хатха-йога — это сатанизм. — ...что? — Я читал. — Где? — В источниках. Он обвёл рукой станцию. — Дьявол проник сюда. Под видом растяжки и спокойствия. Вы видели, как они сидят? Это невозможно без внешнего влияния. В этот момент Нюоф-Нюоф как раз аккуратно потянулся и свернулся клубком. — Вот! — вскрикнул Виктор. — Демонстрация! — Виктор, — сказал психиатр как можно мягче, — положите бутылку. — Поздно! — воскликнул тот. — Надо срочно окропить помещение! Начнём с музея! Он сделал шаг. Психиатр нажал кнопку тревоги без всякого стеснения. Охрана появилась мгновенно. Без бластеров. С мягкими голосами и медицинским чехлом. — Виктор, — сказали ему. — Пройдёмте. — Вы ослеплены! — кричал он. — Вы не видите очевидного! — Очевидное, — ответила охрана, — что у вас давление. Виктора аккуратно увеличили.

После этого в администрации долго обсуждали, что вообще с этим делать. — Увольнять нельзя, — сказали юристы. — Он же не на Земле. — Выпускать нельзя, — сказал психиатр. — Он уверен, что знает истину. — А истина? — Абсолютная. В итоге приняли компромиссное решение. Виктора поселили в лазарете. — Временно, — подчеркнули в протоколе. — Конечно, — кивнули все. Виктору выдали мягкую палату, книгу про устройство систем водоснабжения и запретили пользоваться сетью без присмотра. Он обиделся, но смирился. — Я предупреждал, — говорил он медсёстрам. — Я всё видел.

Алиса узнала об этом вечером. — Это из-за меня? — спросила она. — Нет, — сказали ей честно. — Из-за интернета. Нюоф-Нюоф тихо напел что-то сочувственное. — Видишь, — вздохнула Алиса, — у людей йога опаснее, чем инопланетяне. Нюоф-Нюоф согласился.

Глава «Инфекция смысла» На следующий день стало ясно, что история с сантехником была не частным случаем, а симптомом. И это напугало администрацию куда сильнее. Потому что для космической станции хуже разгерметизации бывает только одно — массовый психоз. — С биологической точки зрения всё чисто, — сказал врач на экстренном совещании. — Ни вирусов, ни спор, ни пыльцы. — С психиатрической? — А вот тут начинается философия, — признался психиатр и снял очки. Проблема заключалась в неприятном противоречии. С одной стороны, всё было предельно рационально: Алиса просто копировала Нюоф-Нюофа. Нюоф-Нюоф просто так жил. Если внимательно восстановить всю картину их поведения — то становилось очевидно, что никакой «практики» тут нет. Это как копировать кошку. Пока ты не начнёшь объяснять, что кошка — это тайный орден. А вот с другой стороны...

С другой стороны был он. Тот самый инженер ночной смены, который пару раз молча подсел «посидеть рядом». До этого — абсолютно нормальный, семейный, слегка выгоревший человек. Он пришёл к администрации сам. Торжественно. — Я должен заявить, — сказал он громко, — что я единственный, кто занимается истинной духовной йогой на станции. Администрация переглянулась. — А... Алиса? — Агент дьявола. — А инопланетянин? — Бездуховное существо, выполняющее физиологические позы, схожие с камасутрой. В этот момент психиатр очень аккуратно закрыл блокнот. — Простите, — сказал он. — Вы понимаете, что после этого разговора мы будем вынуждены... — Да! — с готовностью перебил инженер. — Я знаю, что меня поместят в лазарет. — И? — Я готов. — Вы добровольно жертвуете репутацией? — Ради духовной истины, — гордо сказал он. Повисла тишина. — То есть... — уточнил администратор, — вы пришли сюда, зная, что вас изолируют, лишь затем, чтобы заявить, что вы правы? — Именно. — И что остальные — демоны? — В разной степени. Психиатр нажал кнопку вызова охраны молча.

Через час в лазарете оказалось уже двое. Причём второй активно спорил с первым через стекло, утверждая, что тот — ложный пророк, а он сам — первый, кто понял истину. — Отлично, — сказал администратор, глядя на камеры. — У нас пошла мутация идеи. — Пока без эпидемии, — осторожно сказал врач. — Пока. Алису вызвали для разговора. — Скажите честно, — спросил администратор. — Вы что-то... передаёте? — Нет, — сказала Алиса. — Я просто сижу. — Почему? — Потому что мне так хорошо. Нюоф-Нюоф сидел рядом, в идеально невозможной для человеческих суставов позе, и с любопытством смотрел на администрацию. — А он? — Он всегда так. — Всегда? — Всегда. Психиатр вздохнул. — Видите, — сказал он коллегам, — проблема не в них. Проблема в людях, которые пытаются объяснить то, что не требует объяснений. — И что делать? — Карантин смыслов, — ответил психиатр. — Ограничить интерпретации.

В тот же день ввели новые правила: 1. Запрещается приписывать действиям Алисы и Нюоф-Нюофа духовные значения. 2. Запрещается называть их демонами, ангелами, просветлёнными и инструкторами. 3. Разрешается просто не смотреть. Через пару дней ситуация стабилизировалась. Люди перестали «учиться истине». Лазарет перестали пополнять. Алиса и Нюоф-Нюоф по-прежнему сидели на дереве. — Знаешь, — сказала Алиса, — кажется, людям опасно видеть, как кто-то просто живёт. Нюоф-Нюоф напел: особенно спокойно. И администрация станции впервые официально включила в сводку угроз новый пункт: Самопроизвольные духовные концепции, возникающие без повода.

Глава «Консилиум» Психиатр собрал консилиум без вступлений. Просто написал: «Срочно. Все смежные профили. Без шуток.» Когда все собрались, он выглядел плохо. Не трагично — профессионально выгоревшим. Тем самым видом людей, которые уже поняли, что учебники кончились, а практики больше не будет. Он сел, положил руки на стол и сказал сухо: — Коллеги. У меня личная проблема, но она напрямую связана с нашей. Пауза. — Моя жена ночью... — он запнулся, — ...спятила. — Насколько? — автоматически уточнил травматолог. — Недостаточно для лазарета, — устало ответил психиатр. — И это хуже всего. Медсестра, по совместительству тренер фитнеса, осторожно подняла руку: — Простите, а что именно случилось? Она же у вас очень активно занималась спортом... Она осеклась. — ...последнее время. В комнате стало не по себе. Психиатр медленно посмотрел на неё. — Да. Последнее время, — повторил он. — Именно так. Он тяжело вздохнул. — Она заявила... как бы в шутку... что уходит от меня. — К кому? — тихо спросил терапевт. — К дьяволу, — сказал психиатр ровно. Медсестра резко покраснела. — Я... я, возможно, неудачно пошутила... у моей подруги сейчас кризис, ей просто нужно разнообразие, а станция, сами понимаете, скучная... — Не учите учёного, — резко перебил психиатр. — Я вам тут не пациент Фрейда. Он посмотрел на стол. — Вопрос не в том почему, — сказал он. — Вопрос: что с этим делать. — С чем? — мрачно уточнил травматолог, который по совместительству числился сексологом. — С дьяволом или с браком? Никто не рассмеялся. — С ситуацией, — ответил психиатр. — Мою жену... разбалансировала не религия. Не фанатизм. А... — он помедлил, подбирая слово, — ...любовь. — Чья? — Та самая. В музее. Все сразу поняли, о ком речь. — Она сказала мне, — продолжил психиатр, — цитирую: «Мне не нужен твой механический секс. Закажи себе куклу, пусть она тебя усыпляет.» Тишина. — Я... — начал травматолог, потом передумал. — Я полезу в учебники. — Я тоже, — сказала терапевт. — В раздел «экзогенные факторы». — Там такого нет, — буркнул эндокринолог. — Я проверял. Все сидели, хмурясь, листая старые базы данных, вспоминая лекции, статьи, хоть что-нибудь. — Это не психоз, — наконец сказал психиатр. — И не депрессия. — И не фанатизм, — добавил терапевт. — И не сексуальная дисфункция, — вздохнул сексолог. — Хотя звучит как она. — Это... —

психиатр устало потер лицо, — контакт с устойчивой моделью привязанности, недоступной в человеческой среде. — Проще? — попросила медсестра. — Люди видят, как можно быть рядом без насилия, контроля и ритуалов, — сказал он. — И их это ломает. — Отлично, — мрачно сказал травматолог. — То есть у нас эпидемия смысла. В этот момент за стеклом оранжереи Алиса и Нюф-Нюф сидели на ветке, молчали и ничего не делали. Абсолютно ничего. — Что предлагаете? — спросили психиатра. Он помолчал. — Пока ничего, — сказал он. — Наблюдаем. Документируем. — А если жена уйдёт? — Тогда, — вздохнул психиатр, — придётся признать, что некоторые формы любви... он посмотрел в окно, — ...просто нельзя показывать людям без инструкции. Консилиум разошёлся молча. А в протокол добавили новый пункт: Опасность: наблюдение неритуализированной привязанности. Симптомы: эзистенциальный дискомфорт, раздражение, желание “уйти к чёрту”. Никто не шутил.

Глава «Коллективное счастье» После консилиума было принято негласное решение: жену психиатра надо срочно радовать. Всем. Потому что если не радовать — неизвестно, что дальше. А если радовать — вдруг пройдёт. Радовали старательно. Инженеры улыбались чуть шире обычного. Медсёстры смеялись на полсекунды дольше. Даже травматолог однажды сказал тост без сарказма — что уже само по себе тянуло на тревожный сигнал. Сам психиатр старался особенно. Он приходил раньше с работы. Он приносил цветы (из оранжереи, аккуратно, с разрешением). Он говорил фразы, которые раньше считал бессодержательными: — Как прошёл день? — Ты сегодня прекрасно выглядишь. — Я рад, что мы вместе. Жена психиатра, инженер систем жизнеобеспечения, сначала расцвела. Ей нравилось. — Надо же, — говорила она, — вы все вдруг стали такими... внимательными. — Мы всегда были, — поспешила отвечали окружающие. — Просто ты раньше не замечала, — добавлял кто-то. Она улыбалась. Она верила. Она даже перестала смотреть в сторону музея. Некоторое время.

Вечером они устроили маленький приём. Ничего официального — просто шампанское, мягкий свет и попытка выглядеть так, будто жизнь на краю терминатора вполне удалась. Жена психиатра держала бокал, болтала с терапевтом и кивала. — Знаете, — сказала она наконец, — мне даже начало казаться, что всё это... искренне. Психиатр напрягся. Она отпила шампанского. Поставила бокал. Осмотрелась. — Нет, — сказала она вдруг спокойно. — Вы все фальшивки. Тишина. — Простите? — осторожно переспросил инженер. — Вы не счастливы, — продолжила она. — Вы изображаете счастье. Это другое. — Мы стараемся... — начал психиатр. — Вот именно, — перебила она. — Стараешься. Она взяла спортивную сумку. — Я пошла к чёрту, — сказала она буднично. — Если он там, в фитнес-зале. И ушла. Дверь закрылась без хлопка, что было даже обиднее.

Некоторое время никто не двигался. — Это... — начал кто-то. — ...было предсказуемо, — закончил психиатр. Он сел. — Ну что, — вздохнул травматолог, — по крайней мере она выбрала кардио. — Это полезно для сердца, — автоматически сказала медсестра. Психиатр посмотрел в сторону оранжереи. За стеклом Алиса и Нюф-Нюф сидели на ветке. Нюф-Нюф тихо пел. Алиса просто слушала. Они не старались выглядеть счастливыми. И в этом, как вдруг стало ясно всем в комнате, была их фатальная ошибка и одновременно их главное преимущество.

Глава «Инструкция по искренности (черновик)» Преимущество решили реализовать. Потому что если у кого-то есть преимущество, а ты — администрация, у тебя автоматически возникает желание: 1. описать его, 2. измерить, 3. внедрить, 4. случайно сломать. — Значит так, — сказал администратор станции, глядя на отчёт. — У них есть... — он поиском слово, — ...естественная нефальшь. — Это лечится? —

осторожно спросил врач. — Это тиражируется, — уверенно заявил администратор. — Почти всё тиражируется. Начали аккуратно. Этап первый: наблюдение Персоналу предложили просто побывать рядом. Без комментариев. Без интерпретаций. Без блокнотов. Это продлилось ровно восемь минут. На девятой минуте один инженер шёпотом спросил: — А они сейчас счастливы или в процессе? Эксперимент свернули. Этап второй: обучение Появился документ: «Рекомендации по нефальшивому присутствию (предварительная версия, не для распространения)» Пункт 1: Не изображать эмоции. Пункт 2: Если не получается — вернуться к пункту 1. На тренинге выяснилось, что люди искренне не понимают, изображают они эмоции или уже по-настоящему чувствуют, или просто устали и хотят спать. Травматолог честно спросил: — А если я просто молчу — это считается? Ему не ответили. Этап третий: пилотный проект В фитнес-зал, где периодически обитала жена психиатра, повесили табличку: «Здесь можно быть собой» Она посмотрела на табличку, посмотрела на персонал, который очень старался быть собой, и сказала: — Уберите. Мне мешает. Табличку убрали.

Тем временем Алиса и Нюф-Нюф продолжали делать то же, что всегда. Сидеть. Молчать. Иногда смеяться. Иногда ничего не делать. Никаких семинаров. Никаких объяснений. Никаких попыток «показать как надо». — Может, — предположил психиатр на очередном совещании, — дело в том, что они ничего не реализуют? В комнате повисла пауза. — То есть... — медленно сказал администратор, — наше преимущество в том, что его нельзя использовать? — Именно, — подтвердил психиатр. — Оно существует только пока его не трогают. Все переглянулись. — Это ужасно, — сказал инженер. — Это честно, — сказала медсестра.

В отчёте сделали последнюю запись: «Попытки воспроизведения устойчивой нефальшивой привязанности приводят к росту напряжения. Рекомендуется не вмешиваться.» И впервые за долгое время администрация последовала рекомендации. Алиса узнала об этом случайно. — Они больше не смотрят, — сказала она Нюф-Нюфу. Он напел: удобно. — Знаешь, — улыбнулась она, — кажется, мы победили. Нюф-Нюф не возражал. Потому что настоящие преимущества не требуют реализации.

Глава «Его величество Дьявол (въезд без визы)» Его величество Дьявол вселился на станцию буднично. Не с серой. Не с рогами. Даже без декларации на таможне. Просто в тот момент, когда всем официально разрешили быть собой. Сначала это выглядело невинно. — Раз можно не изображать, — сказал кто-то, — то я, пожалуй, выпью. — А я скажу, что давно вас всех ненавижу, — честно признался другой. — А я вообще не люблю эту станцию, — добавил третий и немедленно полез в вездеход. Через сутки: * бар жизнеобеспечения работал круглосуточно; * по терминатору Св носились вездеходы, будто кто-то решил выяснить, выдержит ли геология планеты человеческое детство; * два инженера подрались из-за того, кто первый понял жизнь; * кто-то пел гимн станции, заменив половину слов на непечатные, но искренние. Администрация собиралась, смотрела друг на друга и разводила руками. — Мы же разрешили быть собой, — говорил администратор. — Да, — мрачно отвечал психиатр. — А «собой» у людей оказалось вот это. Дьявол, если бы кто-то его увидел, сидел бы на перилах и хлопал.

Вокруг музея стало шумно. Очень шумно. Музыка. Смех. Споры о смысле жизни, переходящие в борьбу за право последнего слова. И при этом — странно. В музей никто не заходил. Будто там висела табличка, которую никто не повесил: «Сюда не надо. Здесь не про нас.» Алиса это заметила первой. Она сидела на ветке, слушала гул станции и крепче прижимала к себе Нюф-Нюфа. — Мне страшно, — тихо сказала она. — Они как будто... развалились. Внизу кто-то кричал: — Я свободен! — Нет, я свободнее! Вездеход взревел и ушёл в сторону, явно не по маршруту.

Нюоф-Нюоф посмотрел. Понюхал воздух. И сделал то, что всегда. Ничего. Он не спрыгнул. Не убежал. Не попытался «помочь». Он сел удобнее, обернул хвост и закрыл глаза. — Но они же... — Алиса замялась. — Всё портят. Нюоф-Нюоф тихо напел. Смысл был примерно такой: если буря — не становись бурей, если грязь — не расширять пятно. Алиса фыркнула. — Ты опять учишь меня ничего не делать, да? Он чуть приоткрыл глаз, как бы спрашивая: а что, есть варианты?

Ночью в музей пытались зайти. Один раз. Человек в состоянии философского опьянения подошёл к входу, посмотрел внутрь — на дерево, на тишину, на спящую парочку. Постоял. Потёр лицо. И пошёл обратно. Наутро в отчёте дежурной смены появилась запись: «Музей — стабильный очаг отсутствия участия. Воздействие: успокаивающее, но непереносимое.» Дьявол продолжал веселиться на станции. Алиса дрожала. — А если они придут сюда? — спросила она. Нюоф-Нюоф осторожно положил лапу ей на плечо. Когти убрали. Подумал. И напел коротко, без украшений: Кто не может сидеть — не выдержит тишины. Алиса вдохнула. Выдохнула. — Ладно, — сказала она. — Тогда мы просто будем... здесь. Дьявол внизу ругался, пил, катался, искал себя. А наверху, в музее, ничего не происходило. И именно поэтому оно всё ещё работало.

Глава «Два диагноза и один транспорт» Ситуация ухудшалась качественно. Не быстрее. Глубже. Когда станция окончательно перешла в режим «всем можно всё, но никто не знает зачем», из лазарета сбежали мистики. Не потому что охраны не было. А потому что охране стало не до них. Первый — тот самый сантехник — вышел в коридор, остановился и очень внимательно посмотрел на музей. — Интересно... — сказал он вслух. Он заметил главное: туда не ходили буйнить. Ни пьяные. Ни философы. Ни гонщики. — Объективный факт, — торжественно произнёс он. — Там зона покоя. И тут он сделал вывод, который показался ему единственным логичным: — Значит, Алиса — Иисус. Он был доволен. Редко в жизни всё так сходится. Второй мистик, менее склонный к утешительным трактовкам, посмотрел на ту же картину и пришёл к противоположному результату. — Ну я же говорил, — заявил он громко. — Станция сошла с ума. — И? — спросил кто-то. — Значит, Алиса — слуга дьявола. — А инопланетянин? — Сам Дьявол. Очевидно. Оба почувствовали, что нашли смысл жизни. И пошли его распространять.

Поначалу над ними смеялись. — Иисус в музее, ха! — Дьявол с хвостом, оригинально. — У вас там что, соревнование? Смех закончился через сутки. Потому что у психозов есть неприятная особенность: они реплицируются, если среда готова. А среда была идеальной. Сторонники Иисуса начали наряжаться квадроберами. — Мы ближе к природе! — Мы к нему ближе, вы просто боитесь признать! — Он нас примет! Сторонники противоположной версии достали всё, что напоминало ритуалы. Святая вода (непонятного происхождения). Самодельные кресты. Один экземпляр Корана, который никто не открывал, но все уважали. По коридорам бегали странные процесии. Пока — без серьёзного насилия. Пока. Психиатр смотрел на камеры наблюдения, пил воду и повторял как мантру: — Это не шутка. Это уже не шутка. Он нажал кнопку связи с другими станциями Св. — Нам нужна помощь, — сказал он без вступлений. — Прямо сейчас. Ответ был короткий: — Население Св слишком мало для локализации. Через минуту включился другой канал. Марс. — Принято, — сказали оттуда спокойно. — Мы выдвигаемся.

Корабль с Марса стартовал без пафоса. Никаких фанфар. Никаких речей. Просто транспорт, забитый до отказа врачами и спецназом. Врачей было больше. Психиатры. Эпидемиологи. Один человек с документами «массовые поведенческие срывы в замкнутых системах». Спецназ выглядел слегка растерянным, но готовым. — Кого эвакуируем? — спросил один. — Пока всех, — ответили ему. — Потом будем

разбираться.

А в музее по-прежнему было тихо. Алиса сидела, обняв колени. — Они считают меня... кем-то, — сказала она тихо. — Я же ничего не делаю. Нюф-Нюф посмотрел на неё долго. Очень внимательно. И напел. Не песню. Не объяснение. Просто: быть — это уже слишком много для некоторых. За стеклом станции начиналось новое безумие. А музей всё ещё оставался местом, куда никто не решался войти со своей истиной.

Глава «Вопросы, на которые нельзя отвечать сразу» Когда десант с Марса стартовал, он был уже другого мнения об инопланетянах. Не восторженного. Не истерического. И уж точно не того наивного, времён фарса под названием «посольство СРРИ». После эвакуации Алисы и Нюф-Нюфа на НЛО, которого не было ни в одном реестре, сомнений не осталось: они имеют дело не просто с биологическим видом и не просто с цивилизацией. А с чем-то, что умеет появляться тогда, когда считёт нужным, говорит на человеческом языке, и исчезает, не оставляя даже орбитального мусора. Кто это был — никто не знал. Связано ли это с Сс — неясно. Есть ли у Нюф-Нюфа к этому отношение — вопрос, который старались не формулировать вслух. Поэтому у десанта была жёсткая установка: 1. Не провоцировать. 2. Не интерпретировать. 3. Не выглядеть идиотами. Особенно — перед инопланетянином. Никто больше не говорил слов: посол, принц, император, его святейшество. В рабочих документах значилось сухо: «Субъект Сс-1. Биологический. Психосоциальное воздействие: неизвестно.»

Высадка прошла тихо. Без штурма. Без криков. Десант просто аккуратно заменил персонал станции. Люди выходили с постов, будто их вежливо попросили отдохнуть. Кто-то был рад. Кто-то ничего не понял. Двоих уводили под руки — мягко, но настойчиво. Ни один боец не зашёл в музей. Даже те, кто очень хотел. — Нет, — сказал командир. — Если он там, значит, там безопасно. Мы не туда пришли. Музей оставили в покое. Как и его обитателей.

Когда станция стала тихой, начался мягкий допрос. Не в кабинете. Не за столом. В зале отдыха, где стояли растения и нормальный свет. Присутствовали: * психиатр; * эпидемиолог; * два наблюдателя без нашивок; * командир десанта, который говорил меньше всех. — Хорошо, — начал врач спокойно. — Давайте просто... восстановим последовательность. Бывший администратор почесал затылок. — Всё началось, когда нам разрешили быть собой. Врач кивнул. — Продолжайте. — Потом выяснилось, что «собой» — это проблема. — У кого? — У людей. Пауза. — А у них? — врач указал подбородком в сторону музея. — У них... — администратор замялся. — Не менялось ничего. — Совсем? — Ну... они сидели. — Сидели? — Да. Иногда пели. Командир десанта впервые поднял глаза. — И это привело к массовому психозу? — Нет, — честно сказал администратор. — Это привело к тому, что все остальные вели себя гораздо хуже на их фоне. Молчание. — Кто первый сказал, что она Иисус? — спросил психиатр. — Сантехник. — А кто что он Дьявол? — Тот же сантехник, но позже. Он... развивался. Командир поморщился. — А сам инопланетянин? — Он... — администратор задумался. — Ни разу ни с кем не спорил. — Не убеждал? — Нет. — Не скрывался? — Тоже нет. Он просто... был.

Командир десанта посмотрел на отчёт. Потом — на стекло, за которым в музее Алиса и Нюф-Нюф сидели рядом, как всегда. — Значит так, — сказал он. — Мы ничего не поняли. — Именно, — согласился психиатр. — Но поняли одно. — Что? — Что лучшее, что мы можем сделать, — не мешать. Он закрыл папку. — Докладывать будем максимально скучно. — Это сработает? — спросил эпидемиолог. — Всегда, — ответил командир. — Когда реальность страшная, скуча — лучший камуфляж. За

стеклом Нюф-Нюф напел коротко. Алиса улыбнулась. И впервые за долгое время на станции никто ничего не пытался объяснить.

Глава «Равный статус (временно, навсегда, до следующего приказа)» Руководство на Марсе заседало торжественно. Не потому что ситуация была понятной. А потому что если ситуация непонятна, заседать надо особенно торжественно. После трёх часов формулировок, семи правок и одного перерыва на кофе был принят документ, который позже назовут шедевром межпланетной бюрократии. В нём говорилось: «Считать гражданку Алису равнозначным представителем инопланетной цивилизации Сс наравне с субъектом Сс-1 (Нюф-Нюф).» Никто так и не решился спросить, чем именно Алиса стала представителем, но формулировка всем понравилась. — Логично, — сказал кто-то. — Она же единственная, кто умеет с ним... существовать. — И выживать, — добавил другой. — И не устраивать культ, — уточнил третий. Документ подписали. Печать поставили. Сомнения аккуратно отложили в архив.

Первым делом сменили персонал станции. Старых сотрудников бережно рассредоточили: — кого на исследовательские базы, — кого на технические узлы, — кого — с формулой «в долгосрочный отпуск». Никого не наказывали. Никого не хвалили. Просто решили, что они уже всё, что могли, пережили. Новый персонал прибыл с Марса. Им выдали инструкцию из одного абзаца: «Не фамильярничать. Не интерпретировать. Не прикасаться без необходимости. Не вглядываться слишком внимательно.» Инструкция была понятна всем. Кроме одного пункта, который вызывал вопросы: — А как не фамильярничать с девочкой? — Очень просто, — ответили им. — Не считать её девочкой.

Алиса узнала о своём новом статусе случайно. — Почему он мне поклонился? — спросила она тихо. — Потому что он теперь так должен, — ответил администратор смены. — Я что, императрица? — Нет, — серьёзно сказал он. — Вы — равнозначный представитель. Алиса посмотрела на Нюф-Нюфа. — Я тебе равная? Он напел что-то вроде: ты всегда была. — Вот и договорились, — сказала она и снова села рядом.

Единственным человеком, кто остался из старого состава, была жена психиатра. Инженер систем жизнеобеспечения. Она не переехала. Не подала рапорт. Просто продолжила ходить на работу. Делала всё чётко. Без сбоев. Без комментариев. На заседания не просилась. В культуры не вступала. Статус Алисы и Нюф-Нюфа приняла без вопросов. Смотрела на всех чуть насмешливо. — Вы теперь к ним как к дипломатам? — спросила она у нового администратора. — Да. — Поздравляю, — сказала она. — Я всегда знала, что вы это сделаете. — Что именно? — Назовёте нормальную близость экзотикой, — пожала плечами она. — Так проще. Она прошла мимо музея, мельком взглянула внутрь. Алиса сидела, Нюф-Нюф дремал, обняв хвостом ветку. — Удачи, — сказала инженер себе под нос и пошла дальше.

В конце дня вышло ещё одно распоряжение с Марса: «Рекомендуется поддерживать среду, в которой субъект Сс-1 и представитель Алиса могут продолжать своё естественное существование без попыток объяснения.» Администратор прочёл, вздохнул и закрыл файл. — Первый разумный приказ за месяц, — сказал он. За стеклом музея было тихо. И именно поэтому станция наконец начала приходить в себя.

Глава «Прибытие»

Шлюз встретил Астру сухим воздухом и ровным, спокойным светом. В переходном рукаве не было ничего лишнего: гладкие панели, швы, обозначения направления, тонкая зелёная линия на полу. Она пошла по ней, чувствуя под ботинками мягкий,

пружинящий настил — на станции старались, чтобы шаги не звенели.

Слева прошли двое рабочих в серых комбинезонах, провезли ящики со штрихкодами. Где-то впереди негромко щёлкнула дверь, вдалеке ответил лифт. Всё звучало приглушённо, как в большом корабле, который давно стал домом.

В центральном коридоре было шире. Свет здесь был чуть теплее, и вдоль стены тянулись панели с объявлениями и схемами: расписания смен, напоминания о проверках, стрелки к мастерским и медблоку. Люди двигались неторопливо, каждый по своему делу, не ускоряясь и не замедляясь.

К ней подошёл человек в тёмном комбинезоне с небольшим значком на груди.

— Астра? — спросил он спокойно.

— Да.

— Доктор Ланг. Я психиатр станции, — сказал он. — Можно, я пройду с вами?

— Можно, — ответила она.

Они пошли рядом, держась одного темпа. Ланг не смотрел на неё пристально, не задавал лишних вопросов на ходу. Несколько раз они свернули, минуя шумные участки с грузовыми тележками и открытыми мастерскими. Здесь, в боковом коридоре, стало заметно тише.

— Вы к Алисе и Нюф-Нюфу? — спросил Ланг.

— Да, — сказала Астра.

Он кивнул, как будто это было ожидаемо и не требовало уточнений, и некоторое время они шли молча. За прозрачной вставкой в стене виднелись фермы станции, ровные ряды конструкций, редкие огни.

— У меня, — сказал Ланг наконец, — вопрос не про музей и не про то, как вы себя чувствуете. Это вы уже сами решаете. Меня интересует Сс.

Астра повернула к нему голову.

— Здесь давно замечают странности, — продолжил он. — Небольшие. Не такие, чтобы написать «аномалия» и получить финансирование. Скорее такие, что инженеры называют шумом, а диспетчеры — статистикой. Но они повторяются. И каждый раз возникает ощущение, что вокруг Сс что-то... слишком аккуратно.

Она не ответила сразу. Коридор чуть изгибался, и от этого казалось, будто станция постепенно поворачивает их вместе с разговором.

— В отчётах всё выглядит просто, — сказала Астра. — Быт, предметы, маршруты. Если написать «мне показалось», это не будет доказательством.

— Я не прошу доказательств, — сказал Ланг. — Я прошу наблюдения. Что вы видели такого, что не укладывалось в «просто»?

Астра задумалась.

— Всё, что я после вспомнила под гипнозом, — всё не просто. Перед отправкой с Сс на нас чем-то ещё воздействовали, кроме местной пыльцы, — я уверена. Но я не считаю няшек опасными. У них свои меры безопасности, и я могу рассказать такое, что у вас волосы встанут дыбом. Но не про пегасов. Не рассказывала никому не только потому, что могут не поверить, а больше потому, что я люблю няшек.

Ланг слушал внимательно, не перебивая.

— А с Кулупом и Флюксом вы поддерживаете связь?

— Виделись пару раз. Они раньше меня вышли на работу и не думают про Сс — у них семьи. А я училась на астробиолога, и у нас многое было посвящено внеземным формам разума. Не думала до этой истории с Сс, что это пригодится.

Они подошли к переходу в музейный блок. Свет здесь был мягче, и стены уже не были служебно-серыми. На полу исчезла зелёная линия, вместо неё появились простые указатели. За дверью было тише, чем в коридорах станции: не пусто, а как в месте, где люди инстинктивно говорят вполголоса.

Ланг остановился у входа и чуть отступил, будто давая Астре пространство.

— Я заинтригован. Если потом захотите поговорить ещё, — сказал он, — практически, коротко, без версий, — я буду рад.

Астра кивнула и вошла.

Внутри было просторно. Большая комната, много воздуха, мягкий свет. Несколько человек сидели в стороне, кто-то ходил по краю, стараясь не шуметь. В углу — охранник, который скорее присутствовал, чем наблюдал.

Алиса была там, где обычно: у стены, на низком коврике. Она подняла голову, увидела Астру — и лицо у неё изменилось сразу, без паузы. Не удивление, а радость, как от встречи с человеком, которого давно не хватало, хотя вы не успели стать близкими «по-настоящему».

— Я ещё на Земле хотела с тобой познакомиться, но не решилась, — сказала Алиса.

— Да, я там была не в лучшей форме, — поморщилась Астра. — Я тоже прилетела к вам. К тебе и к твоему другу.

Алиса встала и подошла на шаг ближе.

Нюоф-Нюоф сидел рядом. Он повернул голову и тоже посмотрел на Астру. Взгляд был спокойный, без настороженности. Потом он издал короткий звук — простой, ровный, как отметка: да.

Алиса улыбнулась. Улыбка была небольшая, но устойчивая.

Астра опустилась на пол рядом. Алиса села напротив, поджав ноги.

— Расскажи, как у тебя здесь, — сказала Астра.

И Алиса начала рассказывать с простых вещей: как устроены дни, кто приходит,

что Нюоф-Нюоф иногда упрямится, что иногда бывает тихо так, что слышно, как станция работает где-то далеко за стенами. Она говорила спокойно, и в этой спокойности было больше реального, чем в любых чужих объяснениях.

У входа Ланг стоял так, чтобы его не было в центре комнаты. Он смотрел в сторону, словно ему интересны были схемы на стене, и не вмешивался.

Астра слушала. Ей хватало действий и деталей — того, как Алиса двигает руками, как Нюоф-Нюоф сидит и смотрит, как где-то за дверью проходит смена. Станция жила своей жизнью, и в этот момент это было самое важное.

Кабинет доктора Ланга был устроен так, как обычно устраивают кабинеты на станциях: ничего лишнего, но всё на своих местах. Стол — не широкий, чтобы не провоцировать на расстановку сувениров. Два кресла — одинаковые, чтобы никто не думал, что у него «место важнее». Третье — складное, приставное, как будто в него заранее закладывали возможность, что разговоры на Сб иногда становятся коллективными.

Окно выходило не «наружу», а в прозрачный коридор с видом на тихие фермы и редкие огни. Станция шевелилась там, как большой организм: без звуковых жестов, без демонстраций, просто работая.

Астра села, положила ладони на колени и несколько секунд просто смотрела на полосу света на столе — ровную, как линия на полу в шлюзе. Ланг закрыл дверь аккуратно, не хлопая. За ним вошёл второй — высокий, худой, с усталым лицом человека, который много читает и мало спит.

— Это доктор Крис, — сказал Ланг. — Местный астробиолог.

Крис кивнул Астре, сел на складное кресло так, будто давно тренировал этот манёвр.

Ланг включил настольную лампу, хотя в комнате и так было светло, — просто чтобы получился «угол», внутри которого можно говорить.

— Давайте договоримся сразу, — сказал он. — Что бы вы ни сказали, мы уже готовы поверить даже в пегасов. Я даже не знаю, что хуже: пегасы или НЛО.

Он произнёс это без улыбки, как фразу из списка, который приходится перечитывать вслух, чтобы мозг перестал сопротивляться.

— Вы в земной суматохе слышали, что Алиса со своим другом прилетели сюда на НЛО? — продолжил Ланг. — С Земли тоже оно их забирало. Ещё вчера это было бы событием мирового масштаба. А сегодня... сегодня там никто ничему не удивляется, потому что верят во всё, чтогодно. Одновременно.

Крис тихо вздохнул — не возмущённо, а как человек, который увидел, что на лекциях по истории науки ему придётся переписать половину вступления.

— Все астробиологи были уверены, что НЛО — порождение бурной фантазии людей двадцатого века, — сказал он. — А тут оно прилетает к нам сюда и привозит уважаемого Нюоф-Нюофа, «посла императора Сс».

Ланг чуть повернул голову, словно слушал это не впервые.

— Ну, про императора, принца и посла у нас тут все знают: это лютый бред контрабандистов, — сказал он. — И как они такое умудрились продать — ума не приложу.

Астру залил румянец. Она подняла взгляд на Ланга, потом на Риеса — и на секунду видно было, что ей хочется ответить резко, но она удержалась.

— Сказка — ложь, да в ней намёк, — сказала она наконец.

Ланг не переспросил сразу. Он подождал долю секунды — ровно столько, чтобы фраза улеглась.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

Астра выдохнула и чуть подалась вперёд, как будто решила говорить не «в целом», а по делу.

— Что вам известно о роевом интеллекте? Какие примеры вы знаете?

Крис на секунду задумался, как будто выбирал, с какого края начать, чтобы не свалиться в лекцию.

— Есть то, что мы называем самоорганизацией: муравьи, пчёлы, терmitы — никто отдельно не держит карту, но колония ведёт себя так, будто карта есть. Это не магия, это просто правила взаимодействия, которые дают общий рисунок.

Он сделал паузу, чтобы Астра успела кивнуть, и продолжил:

— Есть «коллективная чувствительность» на уровне микробов. Бактерии умеют обмениваться сигналами — молекулами, которые накапливаются, и по их уровню клетки «понимают», сколько их рядом, и переключают поведение: строить плёнку, включать вирулентность, синхронизироваться. Это называют *quorum sensing* — кворум-сигналинг.

— И есть ещё один класс, — сказал Крис. — Он людям особенно неприятен, потому что там поведение без нервной системы. Слизевики, например. *Physarum* может строить сеть так, что она получается близкой к оптимальной, и убирать лишние ветви. Это выглядит как вычисление — хотя это просто перераспределение ресурсов в системе, которая чувствует весь свой объём сразу.

Ланг тихо постучал пальцем по столу — не нервно, а как человек, который укладывает услышанное в свою схему.

Крис, видимо, понял этот жест и сразу добавил, чтобы не оставлять «рой» только на Земле.

— Но это всё земные примеры, — сказал он. — Мы привыкли к ним, потому что у нас под рукой муравейник и микроскоп. А вы же спрашиваете не про природу вообще, а про то, как это может выглядеть в чужих биосферах.

Он чуть наклонился, сцепил пальцы, и голос у него стал более ровным, как в

аудитории.

— Другие планеты мы изучаем не столь тщательно, вы знаете это. В скафандрах не наизучишься. Несовместимость биосфер, карантин, ограничения по времени. Мы видим в основном поверхность явлений: следы, структуры, поведение на расстоянии. Но и там описано достаточно, чтобы понимать — «роевые» решения не уникальны.

Он начал перечислять не списком, а как будто вспоминая страницы полевых описаний.

— На Ливии-4, где эти серые «лишайниковые поля»… помните отчёты? Там нет животных в нашем смысле. Там есть ковёр из модулей, которые постоянно перестраивают границу. Если модуль повреждён, рядом стоящие меняют плотность и подачу питательных потоков так, что весь ковёр как будто «затягивает рану». Никакой нервной системы не нашли — только химия, капиллярные ходы и очень быстрые локальные реакции. Но в сумме это выглядит как единое тело, которое умеет сохранять форму и «помнить», где ему больно.

— На Ферре-9, — продолжил Крис, — были эти плавающие колонии в океане, которые ночью собираются в “гирлянды”. Сначала думали — течение, потом оказалось: они синхронно меняют плавучесть и направление движения. Каждая особь простая, но колония удерживает устойчивые геометрии, как будто у неё есть схема. И что интересно — если отрезать кусок гирлянды, он не распадается в хаос, а через час-два собирает такой же рисунок, только меньше. Очень земное, очень «роевое».

Крис на секунду посмотрел в окно — туда, где станция шевелилась ровно и без слов.

— А на Шелле-2 были “гнёзда” под каменными карнизами. Мы их сначала приняли за геологию: одинаковые полости, одинаковые выступы. Потом заметили, что они медленно меняют форму, как будто строятся. Не строятся руками — строятся реакцией: выделением, растворением, осаждением. И при этом все гнёзда в одной долине реагируют на изменения погоды одинаково, как будто у них общий режим. Мы не нашли ни проводящих нитей, ни труб, но поведение было как у распределённой системы: много простых узлов — и один согласованный ответ.

Он сделал паузу, словно решая, насколько далеко можно зайти в «фантастику», не переходя в рассказ у костра. Но всё равно добавил:

— Были ещё слухи и спорные случаи. Про “грибницы” под льдом на Ионе-3, где якобы отдельные “плодовые тела” ведут себя как датчики, а главное — где-то глубже. Про планеты-оceans, где среда сама выполняет роль сети: химические градиенты, электрические слои, волновые пакеты. Там сложно отделить «роевой интеллект» от сложной физики. Но иногда грань, честно говоря, не очень важна: если система устойчиво ведёт себя как агент, её и придётся так моделировать — независимо от того, есть ли у неё “мозг” в привычном смысле.

Ланг снова тихо постучал пальцем по столу.

— То есть вы хотите сказать, — произнёс он, — что «рой» может быть не только как муравейник, но и как среда? Как инфраструктура? Как… внешняя нервная система?

— Да, — сказал Крис. — И именно поэтому истории про Сс меня нервируют не тем, что они “странные”, а тем, что они “слишком гладкие”. Рой, если он есть, обычно даёт шероховатости: следы согласования, следы ошибок, латки. А у вас, судя по вашим словам, ощущение другое: будто латки ставили заранее.

Он посмотрел на Астру.

— И вот тут мне уже нужны не примеры из отчётов, — сказал он. — Мне нужны ваши наблюдения.

Астра ответила не сразу. Она провела пальцем по шву на подлокотнике кресла, словно проверяя, настоящий ли он, и только потом подняла глаза.

— С нами просто познакомился сверхразум, — сказала она.

Слово прозвучало слишком большим для этой комнаты. Ланг не дрогнул, только чуть сильнее свёл пальцы, как человек, который удерживает порядок.

Крис молчал, но в его лице появилась та профессиональная внимательность, когда перестаёшь слушать «историю» и начинаешь слушать «данные».

— Он сам себя показал, — продолжила Астра. — Не прямо, не демонстративно. Это было... как намёк, который невозможно не заметить, если у тебя в голове есть подготовленные вопросы. И он сам намекнул, что живёт у няшек в стебельках.

Ланг поднял взгляд.

— В этих фасеточных глазах с люминесценцией? — спросил он тихо.

— Да. Это и канал, и часть внутренней структуры. Там — не столько способ общения, который вы давно предполагаете, сколько распределённая вычислительная сеть.

Она сказала «там» так, как будто указывала пальцем, но пальцем не указала: слишком не хотелось превращать это в жест.

— Я намёк поняла, — сказала Астра. — И, кажется, он дал знать, что услышал меня тоже. Свистом моей подружки Белочки, — она вздохнула.

Крис наклонился чуть вперёд.

— Вы уверены, что это был ответ, а не ваша интерпретация? — спросил он очень аккуратно, без нажима, как задают вопрос в экспедиции, где любое слово может оказаться единственной уликой.

Астра посмотрела на него спокойно.

— Я слишком много раз думала, что «мне показалось», — сказала она. — И слишком много раз потом выяснялось, что это не «показалось», а просто не имело простого объяснения. Я уверена.

Ланг кивнул — не как согласие, а как знак: продолжайте.

— А потом он сам решил немного подчистить следы, — сказала Астра. — Точно не

«стереть всё», не «убить». Просто сделать так, чтобы выхлоп от нас выглядел как... плохая человеческая память. Так, чтобы Флюкс и Кулуп сами для себя превратили всё это в дурной сон. И сейчас они отмахиваются, потому что им проще так. У них жизнь, работа, семьи. Они не хотят второй раз жить в этом.

Она сделала паузу, словно проверяя, не дрожит ли голос. Голос не дрожал.

— А я всё вспомнила, — сказала Астра. — Почти сразу. Как будто внутри что-то щёлкнуло обратно на место. Под гипнозом, там, в больнице. Потому что исстрадалась. Я полюбила няшек.

Крис медленно выдохнул.

Астра подняла глаза — и посмотрела прямо на Ланга, как будто теперь говорила уже ему, а не им обоим.

— У няшек расщепление личности, — сказала она.

Ланг не изменился в лице, но чуть заметнее напрягся, как человек, который по работе обязан отличать слова от диагноза.

— Точнее, — сразу поправила Астра, — это не болезнь. Это устройство. У них одна индивидуальность — животная, обычная, своя. И кусочек роя — не метафора, а буквально фрагмент внешней личности, которая интегрируется и живёт рядом. Они сосуществуют как симбиоты, но раздельно. Не как «общество в голове», а как два слоя в одном мозге, которые не сливаются в единое «я».

Она опустила взгляд на свои ладони и добавила тише:

— У человека это звучит... неприятно.

Ланг смотрел на неё спокойно, не убирая взгляда.

— У человека это вызывает неприятные мысли, — сказала Астра и на секунду покосилась на него, будто извиняясь за то, что произносит это при психиатре.

Ланг помолчал. Потом сказал ровно:

— Я понимаю, почему. Но пока давайте не будем называть это тем словом, которое сразу тащит за собой культурный хвост. Вы говорите не о распаде личности, а о сосуществовании двух автономных контуров.

Крис кивнул.

— И о канале, — добавил он. — О способе интеграции.

Астра снова подняла взгляд.

— Да, — сказала она. — И о том, что этот «внешний контур» не просто связывает их друг с другом, а является самостоятельным агентом. Не их обществом. Не их моралью. Не их «памятью о предках». А чем-то, что живёт отдельно и пользуется ими как узлами.

Она произнесла это уже без спешки. Слова легли в комнату, как инструмент на

стол.

Ланг аккуратно откинулся на спинку кресла.

— Тогда мне нужно понять одну вещь, — сказал он. — Вы говорите: «он подчистил следы». Что именно он подчистил? Предметы? Данные? Ваши воспоминания?

Астра чуть улыбнулась, но без радости.

— Всё понемногу, — сказала она. — И сделал это так, чтобы это выглядело как наша собственная слабость. Кроме того, что они стащили шлемы и блокноты, испортили планшет... Я уже говорила вам, что под конец там была не просто пыльца. Я думаю, они просто что-то в еду подсыпали. Отсюда все эти эльфы и пегасы.

И в комнате снова стало тихо: тихо настолько, что слышно было, как где-то за стеной, в другом отсеке станции, проходит смена.

Глава «Розовый слон»

Ланг помолчал, словно перебирал в голове список вещей, которые взрослый человек не должен спрашивать вслух, даже если очень хочется. Потом всё-таки спросил — и по выражению лица было видно, что он сам слышит, как это звучит.

— А летающие тарелки?

Он сказал это так, как будто перед ним на столе вдруг появился розовый слон, и теперь надо либо признать его, либо выйти из комнаты и сделать вид, что слонов не бывает.

Астра даже не улыбнулась. Только чуть подняла плечи.

— Ничего про это не знаю, — сказала она. — Нам было сказано, что космос им не интересен. Да оно и видно по их технологиям.

Крис перевёл взгляд с Ланга на Астру и обратно, как человек, который внезапно обнаружил простое решение там, где все привыкли усложнять.

— Тогда давайте позовём главных свидетелей, — сказал он. — И спросим у них прямо.

Он произнёс это спокойно, почти буднично, и в этом было что-то неожиданно освежающее: будто кто-то наконец вспомнил, что иногда вопросы задают тем, кто видел.

— Удивительно, что раньше не спросили, — добавил он.

Ланг хмыкнул.

— Я здесь так же, как и вы, недавно, — сказал он. — Но у меня есть гипотеза. В теперешней суматохе люди настолько боятся сойти с ума, что игнорируют всё необычное.

Он засмеялся — коротко, без веселья, скорее как человек, который признаёт парадокс.

— Предыдущий контингент станции пришлось срочно распределять, — продолжил он, уже ровнее. — Массовый психоз. Пакетные переводы, временные назначения, люди уезжали отсюда, не глядя, лишь бы перестать слышать слово «Сс» в коридоре.

Крис кивнул, как будто эти факты были ему знакомы по сухим строкам в служебных отчётах.

— И на фоне беспорядков на Земле, — продолжил Ланг, — не нашлось смельчака спросить у юной девушки и её хвостатого друга, на каком это ковре-самолёте они сюда прилетели.

Астра посмотрела на него, и в этом взгляде было: «вы сейчас шутите или это официальная формулировка?»

Ланг развел руками — мол, вот так мы теперь и живём.

Он встал первым. Крис поднялся следом, легко, как человек, которому наконец дали задачу вместо разговоров. Астра поднялась последней.

Они вышли в коридор. Станция жила своей жизнью: кто-то провёз тележку, где-то пикнуло табло, вдалеке ровно загудел лифт. Всё было так же спокойно, как несколько минут назад, только теперь они шли втроём в сторону музеиного блока, как на маленькую экскурсию по собственной реальности.

У двери в музей Ланг остановился на секунду — не потому, что боялся, а потому, что привычка врача подсказывала: перед разговором с «главными свидетелями» лучше не тащить в комнату слишком много своих версий.

Потом он аккуратно открыл дверь.

И они вошли туда, где Алиса и Нюф-Нюф жили как часть экспозиции и как часть станции одновременно — в месте, которое должно было объяснять, но почему-то всё время задавало новые вопросы.

Их догнала Астра — быстро, чуть запыхавшись, и с целой сервировочной тележкой из ресторана.

— Быстрая ты, — удивился Ланг.

— Стояла приготовленная, — сказала Астра. — Бесстыдно украла.

Ланг посмотрел на неё оценивающе, как врач, который умеет отличать бодрость от авантюризма.

— Лучше поаккуратней с выходками, — сказал он. — Тут от них устали.

В музее Алиса и Нюф-Нюф как раз собирались обедать. Алиса раскладывала что-то на низком столике, Нюф-Нюф сидел рядом, внимательно наблюдая за порядком, как будто именно он отвечал за протокол.

Тележка оказалась кстати. Они устроились под деревом — невысоким, но настоящим, живым, с Сс. Лучи от низкого Proxima Nyashka С едва касались его ветвей. Небо над куполом по цвету было почти марсианское, только чуть зеленей.

Астра начала осторожно, не торопясь, как будто боялась спугнуть ответ.

— Алиса, — сказала она. — А вы... на чём прилетели?

Алиса подняла глаза, как на простой вопрос, который давно должен был быть задан.

— На НЛО, — сказала она. — Мне сама тарелка объяснила, что это дружественная няшкам цивилизация роботов. «Цивилизация в гиперпространстве» — так я запомнила. Внутри просто мягкое помещение, ничего нет, кроме нескольких то ли экранов, то ли иллюминаторов. Мне показалось, что оно в стиле няшек — для них.

Ланг чуть приподнял брови. Крис не комментировал, но скжал губы так, будто мысленно открыл новую папку в архиве.

Астра кивнула, будто услышала не сенсацию, а уточнение к схеме.

— Можно я поговорю с Нюф-Нюфом? — спросила она и достала новый планшет. На вид обычный, станционный, без наклеек и следов чужого ремонта.

— Пожалуйста, — сказала Алиса. — Жаль, у меня такой штуки нет.

— Сделаю, — пообещала Астра. — Сама.

Она положила планшет на столик, ближе к Нюф-Нюфу, и на секунду замерла, словно проверяя, не станет ли воздух вдруг густым.

Планшет издал короткий свист — вопрос, сформулированный так, будто каждое лишнее слово опасно.

— Кто вас привёз?

Нюф-Нюф повернул голову. Посмотрел на планшет, потом на Астру. И ответил по-человечески — смешным, чуть каркающим голосом, похожим на ворону, которая старается быть вежливой:

— Роботов из гиперпространства.

Алиса пожала плечами, как будто это давно уже не странно.

— Да, он иногда говорит, — заметила она.

Астра быстро кивнула, стараясь не показывать, как у неё всё внутри подтянулось.

Планшет снова просвистел, короче:

— Как ты их вызвал?

Нюф-Нюф посвистел в ответ, без карканья — как будто слово было не для людей.

— Кодом.

Планшет просвистел ещё один вопрос — почти в сторону, как контрольный.

- У тебя аппарат есть?
- Да, — ответил Нюоф-Нюоф.
- Часто летаешь?

Нюоф-Нюоф ответил свистом:

- Редко.
- Давно? — спросил планшет.

Нюоф-Нюоф уже человеческим голосом сказал:

- Давно.

Ланг тихо выдохнул. Крис перевёл взгляд на Астрру, будто проверял, совпадает ли это с её версией мира.

Астра аккуратно убрала планшет чуть в сторону, как предмет, который лучше не держать слишком близко к краю стола.

— Понятно, — сказала она. — Больше информации можно получить только на Сс. У них — в компьютере. Здесь мы упираемся в слова.

Она на секунду замолчала и добавила уже тише:

- И я уже боюсь везти туда планшет, чтобы спрашивать дальше.

Крис посмотрел на дерево, потом на музейные стены, как будто пытался услышать, как станция сама относится к этим словам.

— Сталкеры изредка тоже пропадали, — сказал он. — Обычно это списывали на пыльцу.

Ланг усмехнулся одним уголком губ, но не так, чтобы это звучало как «не верю». Скорее как человек, у которого в голове уже не помещаются новые странности, и он пытается освободить место.

— А может, «зелёные человечки» — это просто няшки в зелёных скафандрах? — сказал он полушутя. — По росту подходят.

Астра подняла глаза, и в этом взгляде не было смеха — только быстрая проверка гипотезы, как по списку.

— А гриву свою убирают назад причёской топ-кnot, — неожиданно серьёзно сказала она. — Оттого «зелёным человечкам» голову удлинённую и рисуют.

Ланг воодушевился, будто нашёл в рассказе нитку, за которую можно тянуть без страха порвать.

- А хвост куда?

Крис ответил так же спокойно, как будто речь шла о стандартной компоновке

скафандром.

— Хвост они обычно держат вертикально. Значит, можно сзади, вдоль спины, внутри обтягивающего костюма фиксировать.

— Тогда просто очки на костюм, типа водолазного, — продолжила Астра, абсолютно серьёзно. — Очень в их стиле. Стебельки уже есть, а там, где нос и рот, просто фильтры.

Она посмотрела на дерево, на тонкую тень от листьев — как будто проверяла вслух то, что давно уже вертелось в голове.

— Они нам сообщали, что их цивилизации... — она запнулась и поправилась, — точнее, виду, потому что у них это в данном случае почти одно и то же, — два миллиарда лет.

— Сколько? — встрепенулся Ланг.

Крис не изменился в лице, только чуть кивнул, подтверждая: да, число именно такое.

— Мы проводили много измерений, — сказал он. — В том числе плотность детей в популяции, радиоизотопное датирование... Данные настолько необычные, что «два миллиарда лет» — а почему бы и нет? Это как раз объясняет многое из того, что нам не понятно в эволюции их биосферы.

Повисла пауза. Не тяжёлая — рабочая, как в лаборатории, когда в таблице появляется значение, которое некуда поставить, и приходится двигать всю таблицу.

Ланг снова посмотрел на планшет.

— Ладно, — сказал он негромко. — Тогда вопрос «кто это был на НЛО» становится даже не самым странным.

Он помолчал и вдруг, как человек, который решил перестать ходить вокруг да около, попросил:

— Планшет... задай ему ещё один вопрос. Простой. Няшки прилетали на Землю раньше?

Планшет издал длинную, старательную серию свистов. Фраза была явно неудобная для «птичьего» языка: слишком много смысловых узлов, слишком много времён и допущений. Он пересвистел её несколько раз, сокращая, переставляя, как будто сам пытался найти форму, которую можно произнести без потерь.

Нюф-Нюф слушал, не двигаясь. Потом долго думал — настолько долго, что Ланг уже успел бы пожалеть, что спросил. Наконец он посвистел коротко, с паузой, и ещё раз — будто проверяя, понял ли его прибор.

Планшет перевёл:

— Сомневаюсь.

И вдруг, почти без перехода, уже человеческим голосом добавил одно слово:

— Другие.

Ланг и Крис переглянулись.

— «Другие» — это кто? — тихо спросил Ланг.

Крис наклонился чуть вперёд, обращаясь к планшету так, будто тот был не переводчиком, а свидетелем.

— С другой планеты? — спросил он.

Свист опять получился длинным, с паузами, как у человека, который диктует сложное слово по буквам. Нюф-Нюф снова замолчал, будто в голове у него перекатывались варианты ответа, и ни один не был достаточно точным. Потом он выдал многослойную длинную трель.

Планшет несколько секунд «думал», а потом перевёл — короче, чем хотелось бы:

— Космос — нет. НЛО из дырок. И другие тоже.

Астра молчала какое-то время, будто проверяя внутри себя, не начинает ли память опять скользить. Потом сказала — уже не как гипотезу, а как деталь, которую ей самой было неприятно держать в голове одной:

— На тот планшет, который потом «убили», Кулуп снимал бесконечный ряд визитёров на Сс. Из космоса. Не один-два случая — а прямо очередь, хроника. Два миллиарда лет. Мы так и не досмотрели до конца.

Ланг поднял брови, но не перебил. Крис смотрел на неё пристально, как на человека, который внезапно назвал число из другой шкалы.

— И... — продолжила Астра, подбирая слова, — компьютер няшек сказал ей одну вещь. Примитивные цивилизации вроде нашей рвутся к звёздам очень похожим образом. Но такие в среднем исчезают за несколько тысяч лет. Не “все до одной”, а как статистика: вспышка, попытка, шум — и тишина.

Она замолчала на секунду и добавила тише, почти буднично:

— Значит, развитые уходят куда-то дальше. В другие вселенные. Или в то, что они называют «дырками», — просто у нас слов нет.

Алиса, до этого молчавшая, вдруг подняла голову. Она сказала ровно, как будто вспомнила бытовую фразу, а не космологию:

— Мне тарелка сказала, что в нашей Вселенной няшки не типичны своим длинным существованием.

Ланг посмотрел на неё, потом на Нюф-Нюфа, потом на планшет — и, кажется, в первый раз не нашёл, где именно у этой истории «край», за который можно ухватиться.

Пикник продолжался уже молча.

Они ели, и было слышно только, как далеко за стенами работает станция: где-то

проходит смена, где-то щёлкает дверь, где-то сдержанно гудит вентиляция. А под музейным деревом сидели люди и существо с хвостом, и рядом лежал планшет, который умел задавать вопросы слишком коротко — так, будто длинные всегда опаснее.

Глава «Гул издалека»

Лампочка на столе у Ланга горела как прежде — не потому что в кабинете было темно, а потому что так проще держать разговор внутри рамки. За прозрачной перегородкой в коридоре шли люди, катились тележки, щёлкали двери — но звук сюда доходил приглушённый, как из другого мира.

Ланг сидел в своём кресле, ровно, без позы. Крис устроился на складном, чуть вытянув ноги, будто кабинет был ему знаком только по экстренным совещаниям. Астра сидела напротив, руки на коленях, и смотрела то на край стола, то на линии света на панели у двери.

Некоторое время никто не говорил. Потом Ланг бросил, как будто продолжая разговор, который начался задолго до этой встречи:

— С Земли больше не летают.

Крис даже не поднял бровей. Только кивнул.

— Совсем, — сказал он. — Даже те, кто раньше плевал на запреты.

Астра подняла глаза.

— Это официально закрыли? — спросила она.

Ланг пожал плечами — жест вышел сухой.

— Где как. Где-то «официально». Где-то просто не выдают разрешений. Где-то страховки превращают в бумагу. А кое-где... — он на секунду замолчал, выбирая нейтральное слово, — ...уже есть те, кто следит, чтобы «не положено» было выполнено физически.

Крис подхватил, так же коротко:

— На этом фоне цены на сувениры с Сс выросли в десятки раз.

— Из-за дефицита? — спросила Астра.

— Наоборот, — сказал Ланг. — Из-за показательных уничтожений.

Крис добавил ровно, как в сводке:

— Публично. За обладание. По шариату. Или по его новейшей версии.

Астра несколько секунд молчала. Ланг не торопил. Крис смотрел в стол, будто там лежали цифры, которые надо пересчитать, хотя цифры и так были ясны.

— Забавно, — сказал Ланг без улыбки. — Дьявольские игрушки оказались слишком

привлекательными.

— Значит, надо карать, — отозвался Крис, и это прозвучало так, будто он пересказывал чью-то чужую логику, не свою.

Ланг легко постучал пальцем по столу, как будто проверял, на месте ли реальность.

— А промышленность? — спросил он, больше себе, чем кому-то. — Я видел сопутствующие закрытия.

Крис кивнул.

— Хуже. Заводы закрываются. Особенно те, что хоть краем связаны с космосом.

— Чтобы не завозить... — начал Ланг.

— ...разврат и заразу из Вселенной, — договорил Крис.

Астра посмотрела в сторону окна, где за перегородкой виднелся кусок коридора — чистый, спокойный, привычный.

— Но почти всё связано с космосом, — сказала она.

Ланг кивнул, будто подтверждая простую арифметику.

— Энергетика, — сказал он.

— Логистика, — добавил Крис.

— Материалы, — продолжил Ланг.

— Программное обеспечение, — закончил Крис.

Пауза получилась ровная, как стык панелей.

— То есть... — тихо сказала Астра.

— Да, — ответил Крис. — Общество несётся в пещерный век с ускорением.

Ланг перевёл взгляд на лампу, потом обратно, словно проверяя, что это не метафора.

— Если так пойдёт дальше, кормить людей будет нечем, — сказал он.

— Это тоже объясняют, — сказал Крис. — Что «нас слишком много».

Астра поморщилась.

— Кто объясняет? — спросила она.

— Религиозные лидеры, — ответил Крис.

Ланг смотрел на неё спокойно, но в глазах было то же самое усталое «мы уже это

слышали».

- Человеческие? — уточнила Астра.
- В основном — да, — сказал Крис. — Но тон сейчас задают не только они.

Ланг произнёс следующую фразу почти без интонации:

- Муфтии-роботы.

Крис добавил, будто это уточнение к термину:

- Гуру-роботы. Оказались на редкость самостоятельными. И очень убедительными.

Астра на секунду задержала дыхание.

- В смысле «убедительными»? — спросила она.

Крис ответил без раздражения, как преподаватель, который объясняет неприятный факт.

- Аргументируют любую чушь так, что возразить трудно. Спокойно. Логично. С огромным количеством ссылок.

Ланг бросил в стол ещё одну реплику:

- А нормальные ИИ на их фоне выглядят слишком трезвыми.

Крис кивнул.

- Слишком осторожными. Людям сейчас это не нравится.

Тишина сгустилась, но никто не спешил её разрезать. Ланг сидел ровно, Крис слегка опустил плечи, Астра смотрела на свои ладони, будто они могли что-то подсказать.

- А живые лидеры? — спросила она наконец.

Крис помедлил.

- У них какое-то иррациональное стремление к самоуничтожению, — сказал он тихо.
- Им кажется нормальным, что «население пора подсократить». Как естественный процесс. Как очищение.

Ланг не спорил. Он только посмотрел на Астру — не оценивающе, а внимательно, как на человека, которому ещё предстоит выбрать направление.

Астра подняла голову и сказала просто:

- Я не вернусь туда.

Ланг ответил сразу, ровно:

- Уж точно не сейчас.

Лампа всё так же освещала стол. За стеной продолжала работать станция: где-то проходила смена, где-то открывали и закрывали двери. Здесь же трое людей сидели в маленьком кабинете и говорили короткими репликами — как будто так удобнее выдерживать то, что нельзя вытянуть в длинный рассказ.

Астра пришла в музей условным утром — в то время, когда станция уже вошла в рабочий ритм и перестала делать вид, что просыпается, несмотря на то что Proxima Nyashka своё положение на небе никогда не меняет.

Она шла уверенно, но не торопясь, и в руках у неё было два планшета.

Алиса заметила её первой.

— О, — сказала она. — Ты как будто к нам в гости.

— Так и есть, — ответила Астра и положила два планшета на край столика. — Подарки.

— Такие же, как у меня, — улыбнулась Астра.

Алиса потянулась, взяла один и осторожно перевернула, разглядывая, как будто планшет мог укусить или, наоборот, оказаться слишком хорошим.

Нюф-Нюф смотрел внимательнее. Потом поднялся, сделал шаг вперёд и торжественно поклонился — явно копируя людей, причём тех, кого он видел не один раз: слишком правильно, слишком старательно.

Он принял планшет обеими руками, как реликвию.

— Дурачится, — умиляясь, сказала Алиса.

Нюф-Нюф ещё раз коротко кивнул — серьёзно, как будто подтверждал: «да, я именно это и делаю».

Астра подождала, пока они немного поиграются с планшетами, и только потом сказала уже другим голосом — спокойным и деловым.

— Я пришла не только с подарками, — сказала она. — Администрация станции предлагает нам вернуться на Сс.

Алиса замерла, держа планшет на коленях.

— Нам? — переспросила она.

— Тебе, мне и Нюф-Нюфу, — уточнила Астра. — Они даже готовы выделить челнок. Причём с формулой... — она на секунду улыбнулась уголком губ, — «если ваша летающая тарелка вдруг сломалась».

Алиса посмотрела на Нюф-Нюфа, потом обратно на Астру.

— Но как мы с тобой будем дышать на Сс? — спросила она.

Астра кивнула, как будто ждала именно этот вопрос.

— Алиса, я не говорю, что пыльца безопасна, — сказала она. — Но слухи о ней преувеличены. И... честно? Мы их сами раздули.

Алиса нахмурилась.

— Как это — сами?

— Заинтересованные лица, — сказала Астра. — Я потом объясню. Суть простая: к пыльце привыкают за несколько часов. А горячие напитки няшек останавливают аллергические реакции. Опыты давно проводятся. И всё, что я испытала на себе, подтверждается.

Алиса несколько секунд молчала, переваривая это так же, как новые слова переваривают воздух.

— То есть меня дурили этими таблетками от пыльцы? — спросила она наконец.

— Я не знаю ничего про такие таблетки, — ответила Астра. — Но жизненно важной необходимости в них точно нет. И потом... можно жить в музее. Точнее — в зоопарке. Там няшки могут устроить земные условия: стерильный воздух, привычный уровень кислорода — всё как надо.

Алиса сразу насторожилась.

— Это там, откуда не выпускают?

— Нас выпускали по первой просьбе, — спокойно сказала Астра.

Алиса сжала пальцами край планшета.

— Ты сказала... заинтересованные лица, — напомнила она. — Это кто?

Астра не стала делать таинственного лица. Она сказала ровно, почти буднично:

— Всем проще, когда «Сс опасна», «пыльца ужасна», «контакт невозможен». Так легче держать планету запретной для посещения зоной. И ещё есть момент: Куулуп и Флюкс считали няшек опасными для человечества. Когда они на Сс в памяти были — и я не исключаю, что сейчас они того же мнения.

Алиса посмотрела на Нюоф-Нюфа. Он сидел тихо, не вмешивался, но слушал. Голова чуть наклонена — как у того, кто ловит не слова, а намерение.

Алиса подумала ещё немного, не торопясь. Потом сказала:

— Можно мы подумаем? Я думаю, мы согласны, только надо собраться с мыслями.

Астра кивнула сразу.

— Конечно.

Последняя глава «Оставаться»

Алиса сидела на ветке, свесив ноги в пустоту оранжереи. Свет терминатора лежал

на листьях, как всегда.

Часы шли. Станция дышала.

Алиса не говорила ничего. Просто смотрела.

А потом — что-то вспомнила. Не мысль. Не инструкцию. Ощущение.

Как в первый раз, когда она поехала по тропе Сс без шлема. Как в первый раз, когда легла спать в дупле. Как в первый раз, когда поняла, что ничего делать не надо.

Она закрыла глаза и сказала:

— Слушай...

Нюф-Нюф не повернул головы. Он и так слушал.

— Я устала. Правда. — ... — Я не хочу быть музеем. Не хочу быть «равнозначным представителем», «контактом», «примером». Я хочу счастья, понимаешь?

Она усмехнулась.

— Пока я сидела, мне привиделось, будто пыльца больше не действует. Совсем. Как будто она... отпустила.

Нюф-Нюф медленно посмотрел на неё.

— Меня уже даже по документам признали инопланетянкой, — продолжила Алиса. — Смешно, да? Если верить бумажкам, я тебе ровня. Значит, могу и выбрать.

Она вдохнула.

— Давай улетим. — ... — Вызовем НЛО. — ... — Мы же были счастливы. На карибской сосне. Просто жили. Никто не смотрел. Никто не ждал смысла. — ... — Будем счастливы и у тебя дома. Правда.

— Я помню, что твой дом — это дупло. Мы можем построить маленький домик, как здесь.

Он молчал долго.

Потом протянул лапу и положил ей на ладонь маленькую вещь.

Машинка. Тот самый аппарат вызова, похожий на кодовый замок.

— Ты... — Алиса замялась. — Ты уверен?

Он не напел. Не кивнул. Не подтвердил.

Он просто доверил.

Позвали Астру. Сидели втроём очень долго.

НЛО прилетело без звука. Просто стало здесь. Без предупреждения. Без объявления. Как будто всегда было рядом.

Алиса встала.

— Я... — сказала она тихо. — Я боюсь.

Нюф-Нюф подошёл ближе и коснулся её лба. Это не было утешением. И не обещанием. Это было принятием.

Что произошло дальше — никто не знает точно.

В отчётах написано нейтрально:

«Специалист по контакту с внеземным разумом Астра, Алиса и субъект Сс-1 покинули станцию. Средство перемещения: неизвестное».

Отец потом скажет, что боялся именно этого. Что с самого начала знал: если дать ей выбор — она выберет остаться.

Где именно — уже не важно.

Где-то среди няшек, под кронами, в мире, который живёт медленно и не торопится объяснять себя, Алиса и Астра, возможно, счастливы.

А человечество...

Человечество быстро. Слишком быстро. Оно вспыхивает, пугается, строит богов и жжёт игрушки, думая, что так безопаснее.

Но бывают истории, которые не про него.

И эта — одна из них.

=====

==

Часть IV

Астра с Алисой пропали надолго. Не “потерялись” — именно пропали, как люди пропадают из чужой жизни: без координат, без оговорок, без последнего слова. Их уход на НЛО выглядел почти как уход в мир иной — в мир пыльцы, няшек, лесного полога и негласного табу сверхразума на радиопередачи. На Сб к этому привыкли так же, как привыкают к поломкам, которые нельзя починить: ты отмечашь факт и дальше живёшь, потому что другого способа нет.

А потом Крис нашёл их случайно.

Это был обычный облёт — один из тех, что делают не ради сенсаций, а ради карты. Камеры задержались на знакомой геометрии: не природной, а человеческой — прямой силуэт, угол корпуса, движение рук. На записи было видно, как на краю склона кто-то встаёт, кто-то садится, а рядом мелькают два маленьких существа, слишком

маленьких для взрослых няшек. Крис посмотрел, перемотал, посмотрел ещё раз — и вместо того, чтобы рассыпать тревоги, просто запросил малый челнок.

Челнок сел на берегу, в укромном месте, где не видно лишнего и где проще уйти пешком, чем поднимать пыль струёй. Дальше они с пилотом шли несколько километров молча: сначала по камню, потом по полосе мха, потом по низкой траве, где под ногами то и дело просыпалась слабая биolumинесценция — не огнями, а как будто земля чуть светлеет от прикосновения. Воздух был ровный, влажный, и на фоне моря лес стоял стеной, как отдельная страна.

Они вышли на поляну внезапно — будто просто шагнули из коридора в комнату. И там были все пятеро.

Трое взрослых — Астра, Алиса и Нюф-Нюф. И ещё двое мелких: одна постарше, лёгкая, постоянно в движении; другая совсем маленькая, почти комок в ткани, но живой и нетерпеливый.

Крис остановился на некотором расстоянии, как учат останавливаться рядом с тем, что не хочешь спугнуть. Поднял руку и махнул — спокойно, без жестов “это мы”, потому что и так было видно.

Астра вышла им навстречу первой.

— Крис?.. — сказала она, и голос у неё был почти будничный, но улыбка всё выдавала. — Я не думала, что вообще людей ещё увижу. Как дела на станции? На Земле?

Крис чуть улыбнулся — уголком, чтобы не звучать слишком громко.

— На станции всё по расписанию. Воздух фильтруют, отчёты пишут, кофе тот же. Земля... далеко. Там тоже всё живёт, как умеет. А у вас?

Астра оглянулась на поляну так, будто показывала не место, а целую новую бытовую реальность.

— Да всё нормально, — сказала она. — Мы как прилетели, почти сразу к пыльце привыкли. Нюф-Нюф и Алиса построили себе домик рядом с его дуплом. Я помогала внизу чем могла... а Алиса научилась лазить по деревьям как обезьяна. Хуже няшек, но намного лучше меня.

Она сказала это легко, почти смеясь — и именно от этой лёгкости становилось ясно, что они тут не “выживали”, а жили.

Потом Астра сделала короткую паузу, будто меняла тему на что-то совсем другое — хотя другого уже не было.

— И потом, — продолжила она, — как домик построили... у нас появились новости. Такие, что я сама пару дней себя щипала: не сплю ли. — Она выдохнула, и уже без подготовки, как выпаливают пароль: — Алиса снесла яйцо.

И тут же кивнула туда, где у камня сидела Алиса.

Алиса сидела спокойно, как сидят люди, которые давно перестали объяснять, почему им не страшно. На руках у неё была кроха-няшка. Нюф-Нюф лежал рядом —

тяжело, спокойно, почти как часть земли, только с внимательными глазами. Постарше няшка крутилась рядом: то приседала к младшей, то поправляла ткань, то просто держалась так близко, что было ясно — это её работа, и она эту работу не отдаст.

— Знакомьтесь, — сказала Астра. — Это Белочка. Моя подружка.

Белочка и правда носилась как белочка: короткими перебежками, по дуге, обратно, снова к младшей — будто проверяла сразу всё.

— А это наше пополнение, — добавила Астра, и посмотрела на Риеса так, как будто только что сообщила, что у бегемота с попугаем родился общий ребёнок.

Кроха на руках у Алисы была совсем маленькая и при этом удивительно настойчивая. Она ёрзала, тянулась, цеплялась — и через пару секунд просто переползла к Нюф-Нюфу. Без просьбы, без церемоний, как к следующему пункту маршрута. Нюф-Нюф подхватил её привычным движением — так, как подхватывают того, кого подхватывали уже сто раз. Кроха нашла кормёжку у него — в своём странном месте — и успокоилась ровно настолько, чтобы через минуту снова захотеть обратно к Алисе. И Алиса, не делая из этого события, снова приняла её, как будто это просто очередной пункт дня: покормить, укутать, дать ей подышать, передать обратно.

Крис стоял и молчал. Не потому что он “думал научную мысль” — просто потому что в такие моменты любая фраза звучит хуже, чем тишина.

И только потом он заметил вторую странность — простую, наглядную, не требующую приборов. У Белочки — и вообще у тех няшек, которых Крис видел раньше, — волосы и радужка уходили в светлые лавандово-розовые, светло-фиолетовые оттенки. У этой же крохи волосы были светлые, почти земные. Блондинка. И глаза по тону тоже выбивались из привычной гаммы.

Пилот, стоявший чуть позади, начал было:

— Это...

И остановился.

— Да, — сказала Астра сразу, будто ждала именно этого взгляда. — Она похожа на Алису. И да, я понимаю, что это звучит как плохой анекдот.

Алиса подняла голову.

— Я назвала её Стрелочкой, — сказала она спокойно. — Она всё время куда-то “стреляет” — то туда, то сюда. И не спрашивает разрешения.

Белочка в этот момент аккуратно взяла Стрелочку, как старшая берёт младшую: серьёзно, чуть неуклюже, но очень бережно. Стрелочка вцепилась в неё и притихла на секунду, а потом снова зашевелилась — потому что мир большой, и в нём слишком много интересного.

Астра достала из небольшого контейнера двойной пакет.

— Я сохранила скорлупу, — сказала она. — Не потому что я коллекционер. Просто...

это единственное, что можно показать руками. Там было крепление, похожее на псевдо-пуповину. Не “как у нас”, но достаточно похоже.

Она не пыталась объяснять, только показала: плотная необычная скорлупа, утолщение на конце, высохший шнурок-отросток. Крис посмотрел и кивнул — не “понял”, а принял как факт, который надо аккуратно перенести в человеческую систему координат.

— Мы вернёмся с лабораторией, — сказал он наконец. — Нормальной, полевой. Без суеты. Чтобы всё сделать аккуратно.

Астра кивнула.

— У меня есть предположения, — сказала она, и это прозвучало почти как “у меня есть несколько плохих шуток”. — Но я предпочту, чтобы дальше говорили приборы, а не моя фантазия.

Пилот терпеливо ждал у края поляны, как ждут, пока взрослые договарятся о простом.

И тут Алиса, как будто разговор был о прогулке, повернулась к Нюф-Нюфу:

— Давай полетаем немного. Развеемся. А потом Стрелочке надо повидать, если не деда, то хотя бы его родственников.

Нюф-Нюф издал короткий согласный звук. Белочка, услышав это, сразу засуетилась по-детски деловито: подтянула ткань, устроила Стрелочку поудобнее, проверила, чтобы та держалась. Стрелочка потянулась к волосам Алисы — будто проверяла, действительно ли они такие же светлые, как у неё.

Сборы заняли минуты. Вещей было мало: несколько мягких рулонов ткани, пара мелочей, которые Белочка упрямо несла сама, и пакет со скорлупой, который Астра держала так, будто это документ с печатью.

К челноку они пошли впятером: Астра, Алиса, Нюф-Нюф, Белочка и Стрелочка. Внутри уже ждали двое — пилот и Крис. Стало тесно, но не неловко: просто тесно, как бывает, когда в маленький отсек входит сразу слишком много нового.

Пилот закрыл люк, проверил давление, вывел машину в режим взлёта. Крис закрепил контейнер со скорлупой и на секунду задержал взгляд на Стрелочке: маленькая блондинка-няшка сидела у Белочки на руках и не выглядела ни испуганной, ни чужой. Она просто была ребёнком — и ей было всё равно, насколько это странно взрослым.

Челнок оторвался от берега и пошёл вверх — к станции, где скоро появятся лаборатории и разговоры. А пока в маленьком отсеке было слышно только дыхание фильтров и тихое шевеление ткани, когда Стрелочка снова решила, что пора “стрелять” в сторону очередной кормёжки. Челнок шёл к Сб долго и ровно, как будто пилот нарочно делал траекторию “без резких мыслей”. Снаружи темнело и светлело не так, как на Земле: здесь даже ночь выглядела рабочей — звёзды плотнее, тени резче, а сама планета внизу казалась не шаром, а большой картой, которую кто-то держит под лампой. Внутри было тесно, сухо, и всё время слышно дыхание фильтров.

Белочка устроилась на полу у кресел, прижав к себе Стрелочку, как крохотный свёрток, который нельзя выпускать ни на секунду. Стрелочка то замирала, то снова начинала “стрелять” взглядом и руками — к ткани, к волосам Алисы, к ремню на кресле, к рукаву Нюф-Нюфа. Алиса держала её то у себя, то передавала Нюф-Нюфу, и кроха деловито перескакивала между кормёжками — как будто так устроен мир и спорить бессмысленно.

Астра сидела пристёгнутая и всё ещё держала пакет со скорлупой на коленях, как нечто, что нельзя доверить карману. Пару раз она пыталась что-то сказать Риесу про “полевая сенсация”, но вместо этого просто смеялась коротко и устало — и замолкала. Пилот делал вид, что не слышит.

Когда они подошли к орбите Сб и станция стала видна в иллюминатор — привычная геометрия, огни, узлы, мягкое сияние куполов — у Риеса на секунду возникло ощущение, что он везёт на борт не пассажиров, а новую главу физики. Станция казалась слишком обычной для такого груза.

Стыковка прошла спокойно. Шлюз выровнял давление, загорелся зелёный индикатор, и в коридор станции потёк тот самый “станционный” воздух — стерильный, сухой, с едва уловимым запахом пластика и пищи из разогревателей. Сразу стало слышно другое: не ветер и не лес, а тонкий гул вентиляции, шаги, далёкие голоса.

Белочка встала первой. Она не выскочила — она выдвинулась, как маленький караульный: Стрелочка прижата, взгляд в разные стороны, плечи подняты. Крис только успел подумать, что сейчас будет неловко, но Белочка не устроила сцену. Она просто сделала так, чтобы между Стрелочкой и людьми всегда оставалось расстояние в одну её длину.

На станции их не встречали толпой. Крис настоял на этом сам: чем меньше зрителей у первого контакта с “сюрпризом”, тем меньше потом уборки. Их провели быстро — не в лабораторию, а в жилой сектор, туда, где можно сесть, снять скафандр, выпить воды и перестать быть “экспедицией”.

Астра рухнула на стул почти с наслаждением, как будто сама мебель была редкой роскошью. Первое, что она спросила, было вовсе не про протоколы.

— Кофе есть? — сказала она. — Настоящий. Земной. Хоть какой-нибудь.

Ей принесли кружку из автомата — не идеальную, но горячую. Астра взяла её двумя руками и сделала несколько больших глотков подряд, не разговаривая. Потом выдохнула так, будто вернулась в тело.

— Вот теперь можно считать, что мы прилетели, — сказала она и снова потянулась к кружке.

Алиса тем временем открыла шкафчик с сухпайком, как человек, который знает, что ищет. Нашла шоколадки — и на секунду у неё появилось выражение школьницы, которой разрешили взять всё.

— О... — сказала она тихо, и это “о” было честнее любой научной речи.

Она сунула одну плитку себе, вторую протянула Астре, третью положила рядом с Белочкой так аккуратно, как будто это был тест на доверие. Белочка посмотрела на шоколад как на предмет неизвестного назначения, затем — на Алису, затем — на

Стрелочку. И только после этого решилась понюхать. Стрелочка тут же потянулась, и Белочка мгновенно отодвинула плитку в сторону: не вам.

— Нельзя, — сказала Астра автоматически, потом спохватилась и добавила мягче: — Пока нельзя. Сначала мы поймём, что вообще можно.

Нюоф-Нюоф молча сел так, чтобы видеть дверь и одновременно быть рядом с Алисой. Он не выглядел настороженным — скорее собранным. Как будто понимал: здесь всё будет быстро и странно, и лучше заранее занять правильную позицию.

Их поселили в секторе, который на станции называли “музеем”. Он был не музей в земном смысле, а маленький компромисс: под куполом росло дерево с Св — одно из тех, что удалось вырастить и удержать живым в железе и фильтрах. Там было чуть влажнее, чуть теплее, и пахло не пластиком, а древесиной. Люди приходили туда не смотреть на экспонат, а просто вспомнить, что жизнь бывает не только в трубах.

Белочка сразу потянула Стрелочку туда, к корням, где было мягче и темнее. Она устроилась на полу, посадила кроху себе на колени и сидела так, будто охраняет не ребёнка, а целый мир. Каждый раз, когда кто-то из людей подходил слишком близко, Белочка чуть напрягалась и разворачивалась корпусом — не агрессивно, но ясно: сейчас не надо.

Стрелочка, конечно, не разделяла осторожности. Она тянулась к листьям, к коре, к рукам Алисы, к ремням на одежде. Пару раз она попыталась “стрельнуть” и к незнакомому человеку, но Белочка ловко перехватывала её и возвращала обратно, как мячик, который нельзя отдавать в толпу.

После нескольких часов — воды, еды, душа, тёплого воздуха и просто тишины, где никто не шуршит лесом, — Астра стала выглядеть человеком, который снова умеет говорить длинными фразами. Алиса — человеком, который снова может злиться на мелочи, а значит, живёт нормально. Нюоф-Нюоф — тем же самым Нюоф-Нюофом, только чуть более расслабленным: он перестал держать плечи так, будто готов сорваться в движение.

Глава: «Медицинская»

Крис пришёл в очередной сменный промежуток, когда коридоры поутихли и под куполом было меньше шагов. С ним были двое техников и плоский кейс с датчиками — такой, который выглядит внушительно ровно до тех пор, пока его не увидит Стрелочка.

Они остановились у входа и не заходили дальше, пока не стало ясно, что их заметили. Алиса сидела у корней дерева, Стрелочка у неё на руках то замирала, то начинала тянуться ко всему подряд — как будто пытаясь собрать станцию по частям и понять, где тут кнопка “домой”. Белочка держалась рядом, всё время чуть боком, как заслон. Нюоф-Нюоф устроился так, чтобы видеть дверь и людей сразу — и чтобы людям было понятно, что тоже видно.

Крис показал жестом: можно пройти, если все идут вместе. Не “пойдёмте”, а именно “вместе”: без отделений, без “мы тут на минутку”, без фокусов с дверьми.

В лаборатории их встретила доктор Алёна. На столе уже лежали одноразовые салфетки, мягкая подкладка, контейнеры с маркировкой. Крис выбрал угол, где

можно сидеть на полу, и оставил пространство вокруг — будто это была не комната для процедур, а место, где сначала надо перестать воспринимать каждую лампу как угрозу.

Измерения начали с самого простого. Техник протянул маленький датчик, подождал, пока Алиса сама коснётся им кожи Стрелочки, и только потом показал, куда приложить. Цифры на экране были высокие по человеческой привычке — но Алёна отметила их как нормальные для вида без лишнего движения бровей, будто видела такое каждую неделю и просто очень хорошо воспитана. Следом проверили дыхание и насыщение: короткие касания, пауза, запись, снова пауза. Каждое действие сопровождалось тем, что Белочка меняла позу так, чтобы Стрелочка оставалась в её зоне контроля, даже если её держала Алиса.

Стрелочка, конечно, пыталась “стрельнуть” к ремешкам и проводам — тянулась всем телом, как к игрушке. Белочка ловила её мягко и возвращала обратно, не раздражаясь, но и не уступая: “игрушки — потом, сейчас — взрослые странности”. Нюф-Нюф следил за руками техников и за тем, чтобы никто не делал резких шагов. Если кто-то двигался слишком уверенно, он просто поднимал голову — и этого хватало, чтобы темп снова становился приличным.

Потом Крис положил на стол пакет со скорлупой. Не торжественно, а как кладут предмет, который надо зафиксировать и больше не трогать без нужды. Техник взял с края тонкий соскоб — ровно столько, чтобы не разрушить структуру. Алёна посмотрела на внутреннюю поверхность под увеличением и отметила то, что было видно даже без терминов: это не гладкая мембрана, а ворсинчатая “бахрома”, похоже устроенная так, чтобы когда-то работать обменом, а не просто защитой.

Записи делали короткими фразами, без громких слов. Крис просил называть не “образец”, а “след”; Алёна — не “пациент”, а “ребёнок”, когда говорила о Стрелочке. Эти мелочи странно успокаивали Белочку: она всё ещё охраняла, но напряжение перестало расти, будто кто-то наконец выбрал правильный язык.

Потом по двое заходили в будку томографии: Алиса с Нюф-Нюфом — без комментариев, как взрослые люди, которым уже всё равно, сколько их сегодня просвечивали; Стрелочка — только с Белочкой, потому что иначе это было бы не обследование, а конкурс “кто быстрее устроит революцию”. Стрелочка в будке сначала внимательно изучила, что именно тут пытается “пищать”, и на всякий случай попыталась потрогать сам звук. Белочка держалась стойко, как старшая сестра на родительском собрании.

Под занавес всё-таки взяли кровь. Алёна села, посадила Алису со Стрелочкой к себе на колени — не по протоколу, а по здравому смыслу: так было спокойнее всем, включая иглу. Нюф-Нюф подошёл сам, без уговоров, как будто решил закрыть вопрос одним движением. И самое трогательное — Белочка тоже подошла последней: никто её не просил, но она посмотрела на остальных и, видимо, решила, что раз “надо так надо”, то она тоже “в команде”. Анализ взяли и у неё — для науки, и, кажется, ещё немного для чувства справедливости.

Когда всё закончилось, Алёна снова посмотрела на скорлупу — уже не как на сенсацию, а как на вещь, которая объясняет, почему реакции пока нет.

— Это нужно оформить не как “непонятный младенец”, а как наблюдение за новым типом материнско-детского интерфейса, — сказала она Риесу. — Если назовём это правильно, протоколы будут менее... жестокими.

Крис кивнул. Он понимал: слова здесь — тоже часть биологии. От слов зависело, придут ли завтра к Алисе с комиссией или с подушкой и тёплым пледом.

Астра коротко усмехнулась — не зло, а устало.

— Алёна, Алиса давно оформлена как инопланетянин. В бумагах всё очень скучно: инопланетянин родил инопланетянина. Никакой “аномалии”. Мы тут не в земном перинатальном отделении.

Алёна моргнула — и на секунду стало видно, как у человека перестраивается внутренняя карта мира. — Поняла, — сказала она. — Тогда это снимает половину моих рефлексов. Спасибо. Я действительно... перепутала, с кем имею дело. Она посмотрела на Алису — не как на “пациентку”, а как на человека, у которого есть статус. — Я сначала думала, что мы имеем дело с человеком и “нечеловеческим” ребёнком. Отсюда моя привычная рамка “аномалия”, “особый случай” и всё такое.

Глава: «Скорлупа»

В комнате для разборов не было ничего лишнего: стол, экран, два микроскопа, шкаф с реактивами и шум вентиляции, который не менялся даже тогда, когда менялась картина мира. Здесь обсуждали фильтры, утечки, графики кислорода. Сегодня обсуждали то, что по всем привычным схемам не должно было собраться в живое.

На экране висели три изображения рядом: микроскопия внутренней бахромы скорлупы, панель по белкам из мазка и полоска с результатами экспресс-генетики. Сами цифры ещё не успели обрасти толкованиями — и это было хорошо. Толкования всегда торопились.

Алёна сидела сбоку и молчала. Она уже поняла, что здесь её “клиника” — не главный язык. Главным был язык сборки.

Крис открыл папку, где на первой странице было написано коротко и почти смешно: “Объект: детёныш. Образцы: кровь (капля), мазки, скорлупа”. И рядом — подписи, время, кто держал, кто передавал. Дисциплина была единственным способом не утонуть.

— Начнём с того, что мы точно видим, — сказал Крис. — Не что “кажется”, а что измерено.

Техник вывел на экран таблицу с базовой биохимией.

— Кровь у ребёнка горячая по температуре тела, вязкость высокая, — сказал он. — По белкам: набор не человеческий и не “станционный”, но стабильный. Нет признаков острой воспалительной реакции. У Алисы — тоже нет. То есть никакой войны тканей не было.

— Это важно, — сказала Алёна наконец, и снова замолчала.

Крис кивнул и перелистнул.

— Скорлупа.

На экране внутренняя бахрома стала похожа не на “мембрану”, а на инженерный материал: короткие ворсинки, собранные в плотные жгуты, с каналами, которые могли быть чем угодно, но точно не “случайной фактурой”.

— Тут два слоя, — сказал биоматериаловед станции, человек, которого обычно вызывали на композиты и герметики. — Снаружи — классическая механическая оболочка: прочность, защита, газообмен. Внутри — активная ткань. Не просто слизь. Это структурированное... ну, скажем так, “встроенное”.

— Как плацента, — тихо сказал кто-то.

— Как интерфейс, — поправил Крис. — Мы не тащим земные слова, но смысл такой.

Астра сидела напротив, с кружкой кофе, и выглядела так, будто держится только на кофе и злости к собственной неверию.

— Я говорила, что там было крепление, — сказала она. — Псевдо-пуповина. Это не метафора. Это именно “крепление”, которое работало. Мы видели, как оно отмирало после. Оно не было декоративным.

Крис не спорил.

— И теперь второй факт, — сказал он. — Стрелочка фенотипически похожа на Алису по самым заметным признакам: волосы, радужка. Внутри, судя по экспресс-панели, это не “человеческий ребёнок”. Но и не “обычный няшка”. Значит, либо...

Он не закончил. В комнате было несколько “либо”, и все они были неприятные.

Генетик станции — сухой, без юмора — постучал пальцем по распечатке, где были отмечены повторяющиеся мотивы.

— Мы не можем “собрать геном” по капле и экспресс-методу, — сказал он. — Но мы можем посмотреть на тип информации. У ребёнка есть участки, которые ведут себя как модули регуляции: они не похожи на человеческие, но они делают человеческоподобный результат в пигментации. То есть не “унаследовано” в нашем смысле, а “настроено”.

— Настроено по чём? — спросила Алёна.

Генетик поднял глаза.

— По среде. По материнскому профилю.

Тут слово “профиль” прозвучало так, как будто его можно положить на стол.

Крис включил другую страницу.

— Вот что мы имеем по Алисе. Микрохимеризм высокий — но она же живёт на Сс, там вообще много обмена. Однако...

Он показал строку, где были отмечены клетки с необычными маркерами.

— Есть клеточные линии, которые не похожи ни на Алису, ни на “типового” няшку. Они не доминируют, но они есть. И они присутствуют и у Алисы, и в материале со

скорлупы.

- Посредник, — сказал иммунолог, не поднимая головы от графиков.
- Слово плохое, — заметила Алёна.
- Но рабочее, — ответил иммунолог. — Если у вас два разных набора биологии, вам нужен слой, который делает контакт “вежливым”. И этот слой можно реализовать клетками, белками, мембранами… чем угодно. Но по данным он здесь есть.

Астра подалась вперёд.

- То есть вы хотите сказать, что “яйцо” — это не просто яйцо. Это аппарат для совместимости?

Иммунолог пожал плечами.

- Если говорить грубо — да. Оболочка снаружи, интерфейс внутри. И главное: в интерфейсе есть признаки активной иммуно-маскировки. Не “чтоб скрыться”, а чтобы не вызвать отторжение. Это похоже на то, как плацента у нас ведёт себя “вежливо”. Только сделано иначе.

Генетик добавил:

- И если этот интерфейс умел читать материнский профиль, то фенотипическая подстройка логична. Волосы и радужка — дешёвые и заметные признаки “своего”. Это не требует копирования всего генома. Это требует перестройки нескольких путей.

Крис посмотрел на Астру:

- Ты хотела “как такое возможно” — вот одна рамка: донорское ядро плюс материнская цитоплазматическая платформа. Яйцо как интерфейс и как инкубатор. А дальше эмбрион настраивается на хозяйскую среду.

Астра кивнула, но не удовлетворённо, а напряжённо.

- Хорошо. Тогда два вопроса. Первый: откуда донорское ядро? Второй: почему вообще возможна настройка на человеческий фенотип, если вид другой?

В комнате повисло то, ради чего они тут собирались.

Генетик сказал осторожно:

- Вариант первый Fletcher-банальный: общий древний биохимический язык. Пигментация как процесс — универсальна: меланины, каротиноиды, структурные цвета. Если их вид использует похожие пути, то “светлые волосы” могли получиться простым переключением. Не “человеческие”, а “светлые”.
- Но радужка, — сказал Крис.
- Радужка тоже может быть структурной, — ответил генетик. — Мы видим цвет, а не механизм.

Иммунолог добавил вторую половину:

— Вариант второй — неприятнее: посредник. Симбионт, который умеет брать информацию о материнском профиле и передавать её в развивающийся эмбрион. Тогда “настройка” становится не чудом, а технологией. Биологической технологией.

Алёна наконец подняла голову.

— Подождите. Вы говорите о симбионте так, как будто это отдельный агент. Но у нас нет доказательства “агента”. У нас есть маскировочные белки и клеточные линии.

Иммунолог кивнул.

— Да. И этого достаточно для рабочей гипотезы: есть третий компонент системы, который делает контакт совместимым. Он может быть частью отцовской линии, частью яйцевой оболочки, частью микробиоты. Мне всё равно, как его назвать. Главное — он объясняет отсутствие конфликта и наличие перенастройки.

Крис перелистнул на последнюю страницу.

— Теперь вопрос, который вы все думаете и не говорите, — сказал он. — Это случайность, уникальная мутация, редкая удача? Или у их репродукции есть режимы, которые допускают “чужую платформу”?

Астра медленно улыбнулась — очень не по-радостному.

— У них вообще всё “режимами”, — сказала она. — Их биология так устроена, что протоколы важнее конкретных органов. Я бы не удивилась, если у них есть нормальный режим “свой-свой” и аварийный режим “чужой-хост”.

Генетик поднял руку, как на лекции, хотя лекций тут не было.

— Тогда можно сформулировать модель. Не доказанную, но проверяемую.

Он перечислял, и каждое слово звучало не как фантастика, а как план эксперимента:

— Первое: отцовская Е-гамета приносит ядро или полуядро. Второе: материнская система предоставляет Н-гамету — цитоплазматическую платформу и эпигенетическую настройку. Третье: если “свой” — идёт нормальный мердж. Если “чужой” — мердж не делается, ядро формируется донором самостоятельно. Четвёртое: чтобы выжить на чужой платформе, эмбрион считывает материнский профиль и подстраивает регуляцию, включая пигментацию. Пятое: оболочка “яйца” — часть этого интерфейса, поэтому она выглядит как смесь оболочки и плацентарной логики.

Он замолчал.

В комнате не было аплодисментов. Было то самое лабораторное чувство: это может быть правдой, потому что это можно проверять.

— А теперь, — сказал Крис, — самый неприятный пункт. Если эта модель верна, то Стрелочка по ядру может быть “не Алиса”. Но по среде — Алиса. И по внешности — Алиса. И это значит, что “родство” здесь не только в ДНК.

Алёна тихо произнесла, не как врач, а как человек:

— И это объясняет, почему она принята.

Астра подняла кружку кофе и вдруг сказала почти весело — потому что иначе нельзя:

— Запишите: “принята по протоколу совместимости”.

Крис выключил экран.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда завтра мы делаем не “сенсацию”, а серию проверок. По скорлупе — гистология и состав. По крови — расширение панели. По Алисе — профиль, но без театра. По Нюоф-Нюофу — если он согласится. И отдельно: сравнение с типовыми данными по их яйцам, если Астра сможет аккуратно запросить.

Астра кивнула.

— Зaproшу. Аккуратно.

— И последнее, — сказал Крис уже совсем тихо. — Мы не обсуждаем это в коридорах. Не потому что секрет. А потому что пока у нас есть только гипотезы, а у Алисы — ребёнок.

Он не сказал “и у Белочки — ребёнок”, но все это понимали.

За стеклом Белочка подняла голову, как будто услышала своё имя, хотя его не произносили. Стрелочка “стрельнула” взглядом в сторону света, моргнула и снова уткнулась в ткань.

В комнате с разбором результатов никто не двигался несколько секунд. Потом техники начали собирать распечатки, медленно, аккуратно, будто складывали не бумагу, а хрупкую последовательность мыслей.

Скорлупа лежала на лотке и выглядела совершенно равнодушной. Как и положено оболочке, которая уже сделала своё дело. Но именно она — эта отработанная вещь — держала в себе единственную простую правду: что происходящее было не чудом, а процессом.

И если это процесс, его можно понять.

Глава: «Луна-парк»

Алиса выдержала сутки разговоров так, как выдерживают дождь: сначала терпят, потом начинают мёрзнуть, потом вдруг понимают, что промокли до нитки и больше не хотят.

— Всё, — сказала она после сна, стоя в “музее” у дерева, где воздух был чуть влажнее и пахло не пластиком, а корой. — Я уже скучаю по родному дуплу. И по нормальной тишине. Больше никаких белых халатов!

Она сказала это не зло, а с таким облегчением, будто снянула с головы тесную

резинку.

Астра, которая обычно первая готова была “ещё пять минут, ещё один мазок, ещё одну панель”, неожиданно поддержала её сразу.

— Да, — сказала она. — Прости. Мы и правда заигрались тут в докторов.

Алиса посмотрела на неё с подозрением — как на человека, который не может так просто отказаться от сенсации. Но Астра не спорила. Даже улыбнулась.

— Давайте пикник устроим, как тогда? — предложила Алиса. — С кофе и шоколадом. И... — она замялась на секунду, но всё равно сказала, — пожалуйста, подарите нашим няшкам подарки. За вклад в науку астробиологию. А то они... кажется, не сильно довольны.

Белочка как раз сидела в тени корней и держала Стрелочку так, будто на станции каждый предмет мог внезапно стать “неправильным”. Стрелочка, наоборот, уже освоилась: то тянулась к листьям, то к ремешкам на рюкзаках, то к кнопкам на стене — и всё это делала с одинаковой серьёзностью.

Крис, услышав про “подарки”, сначала просто моргнул, потом как-то слишком быстро встал.

— Понял, — сказал он. — Это... межпланетной важности.

И исчез так, будто на станции объявили пожар, только без сирены.

Пикник устроили прямо в “музее”, у дерева. Без столов, почти без оборудования — только покрывало, несколько контейнеров с едой, термос с кофе и шоколад, который Алиса достала с выражением человека, наконец-то получившего законный ресурс.

По станции разошлась негласная просьба: сюда не заходить в халатах. Никого не убеждали, просто сказали — “не надо”. И люди почему-то сразу поняли. Даже техники, которые обычно ходили как ходили, теперь переоделись в обычные комбинезоны без ярлыков и лишних карманов.

Алёну тоже пригласили — но отдельно попросили: зайдите не как “доктор”, а как человек. И возьмите у Риеса пакеты, чтобы вас встретили правильно.

Алёна только кивнула. Она уже видела, что тут многое решается не формулами, а тем, с какой скоростью ты убираешь руки и как точно оставляешь дистанцию.

Крис вернулся через двадцать минут — красный, довольный и явно гордый собой. С ним был груз, который невозможно было спрятать: несколько больших коробок, пакет с мелочёвкой и ещё один пакет “на всякий случай”.

— Я... эээ... вычистил магазин, — сказал он, будто оправдывался. — Они там сначала не поняли, зачем мне десять одинаковых наборов. Я сказал: “у нас контакт”. Они перестали задавать вопросы.

Алиса прыснула.

— Вот, — сказала она Белочке, показывая на коробки. — Это тебе не анализы. Это подарки.

Белочка, конечно, не бросилась радоваться. Она встала, прижала Стрелочку ближе, и очень внимательно посмотрела на коробки — как на неизвестные яйца неизвестного вида. Потом — на Алису. Потом — на Нюф-Нюфа.

Нюф-Нюф издал короткий звук, явно “можно”.

Белочка подошла ближе и осторожно потрогала коробку пальцем — так, как проверяют кору: настоящая или поддельная.

Астра помогла вскрыть первую — и на свет вышел конструктор LEGO.

Сначала это выглядело как обычная человеческая глупость: маленькие цветные детали рассыпались по покрывалу, и Белочка мгновенно стала собирать их в кучку, будто это семена, которые нельзя терять. Стрелочка потянулась — Белочка резко перехватила её руку и отодвинула детали на пол-ладони. Потом задумалась: ребёнку нельзя — но ребёнок хочет — а хочет не “съесть”, а “понять”.

Она дала Стрелочке одну деталь — самую крупную — как дают ребёнку камень: пусть держит, пусть изучает. Стрелочка посмотрела, повернула, постучала о другую деталь — и вдруг попыталась соединить.

И соединила.

Не “случайно попала”, а осмысленно: нашла выступ, нашла паз, надавила ровно настолько, чтобы защёлкнуло. Потом посмотрела на результат так, будто сверила с внутренней картой.

— Ого... — выдохнула Астра, и впервые за двое суток это “ого” было не про анализы.

Нюф-Нюф, который до этого сидел как скала, вдруг наклонился к куче деталей и — без малейшего стеснения — включился в игру. Он собирал не “по инструкции”, а как строят у себя: сначала основание, потом стойки, потом перекрытия. Очень быстро у него возникла конструкция, похожая на мостик с боковыми петлями — явно пригодный для лазания. Белочка, увидев это, ожила и стала достраивать рядом, быстро, аккуратно, с тем самым детским азартом “я тоже так могу”.

Стрелочка тем временем уже требовала не одну деталь, а сразу две, а потом три. Она собирала короткие цепочки, разбирала, собирала снова, и делала это с пугающей деловитостью: как будто у неё был встроенный режим “модульное”.

Алёна сидела чуть в стороне, с кружкой кофе, и смотрела не как врач, а как человек, которому только что показали новый тип интеллекта в самом простом виде.

— Нечеловеческое пространственное мышление, — сказала она тихо. — И не в смысле “умнее”, а в смысле... иначе. У неё руки ещё младенческие, а сборка уже “как у взрослого конструктора”.

— Я же говорила, — быстро сказала Астра, будто это её личная победа, — что это не ребёнок “с проблемой”. Это ребёнок “с другим протоколом”.

Крис стоял и улыбался так широко, будто сам придумал LEGO.

— Вам... хватает? — спросил он осторожно.

Белочка даже не посмотрела на него. Она уже поняла принцип: чем больше деталей, тем больше можно “сделать мир”.

— Не хватает, — сказала Алиса за Белочку, вполне уверенно. — Абсолютно не хватает.

Крис ушёл и вернулся ещё раз. Потом ещё. В какой-то момент он принёс не один, а целую стопку наборов — и выглядел так, будто готов был разграбить следующий магазин.

Так у корней дерева вырос “лунапарк” из LEGO: дорожки, мостики, башенки, странные дуги, похожие на тренажёры, и целая зона “для ползания”, которую Белочка строила специально под Стрелочку. Нюф-Нюф добавлял несущие элементы, как инженер. Стрелочка — украшала. И украшала не “красиво”, а функционально: ставила выступы там, где удобно цепляться.

Алёна несколько раз открывала рот, чтобы что-то сказать научное, и каждый раз закрывала: тут было не место словам.

Потом, когда “лунапарк” уже занял половину покрывала и начал расплзаться к корням, Астра наконец сказала Риесу:

— Если ты и правда хочешь подарки “для существа с мозгом-как-у-нас-в-миниатюре”, то LEGO — это только вход. Нужны игрушки, которые дают не сюжет, а пространство правил.

И Крис, конечно, воспринял это как задание.

К вечеру в “музей” потащили вторую волну “подарков за вклад в астробиологию” — уже не только то, что попалось под руку, а то, что реально может занять ребёнка (и взрослых) надолго:

Мраморные трассы GraviTrax, где шарики бегут по собственноручно собранным законам.

Магнитные плитки MAGNA-TILES, где можно собирать объём без мелких защёлок — идеально для Белочки, которая любит держать Стрелочку рядом и одновременно строить.

Деревянные планки KAPLA — чистый баланс и гравитация, без крепежа, только устойчивость. Это неожиданно “няшечная” логика: строишь так, чтобы мир сам держался.

Turing Tumble — механический “компьютер” на шариках, где собираешь логические схемы. Для вида, который явно любит причинно-следственные цепочки, это может стать любимой настольной религией.

Rush Hour: выводить машину из пробки, решая ограниченную задачу с нарастающей сложностью.

Snap Circuits — конструктор электроники “на кнопках”: собрал цепь — загорелось,

зажужжало, поехало.

littleBits — собери своё устройство, добавь датчик, свет, движение.

Sphero BOLT — программируемый “шар-робот”, который можно учить двигаться, светиться, реагировать на мир. Если Стрелочке нравится управлять правилами, это будет как приручённая звезда на полу.

Крис слушал этот список с тем самым лицом, с каким люди слушают перечень необходимых деталей перед выходом в космос: “понял, куплю всё”.

Алиса, глядя на то, как Белочка строит очередную арку и строго отодвигает Стрелочку от слишком мелких деталей, вдруг сказала совсем тихо:

— Вот теперь нормально. Вот теперь я снова... живу. А не “на обследовании”.

Глава. «Витая пара»

Глава. «Витая пара»

Алёна не любила слово “прорыв”, но сегодня у них наконец была модель — собранная из томографических срезов, полученных на обследовании: не идеальная, с дырками и допущениями, но достаточно цельная, чтобы мозг перестал фантазировать и начал спорить по делу.

Компьютерная сеть няшек по-прежнему оставалась тёмной комнатой: комплектующих почти не было, на Сс ничего не фонит и всё экранировано — поэтому тех данных, которые не снять с дронов, у землян так и не появилось.

На столе лежал планшет, на нём — вращающийся скелет. Четыре человека стояли вокруг, как вокруг костра: врач Алёна, астробиолог Крис, психиатр Ланг и контактёр Астра.

— Ну... — сказала Алёна тихо, как будто боялась спугнуть анатомию. — Скелет как скелет. Почти.

“Почти” было тем словом, которое спасает репутацию врачей. Потому что дальше начинались вещи, из-за которых на Земле меняют обои в аудиториях и переписывают учебники — но не те, что видны снаружи, а те, что раньше приходилось угадывать по походке и по тому, как они держатся за мир.

Сначала — шестипалость, уже привычная глазу, но теперь наконец “с объяснением”. Два крупных противопоставленных пальца и четыре срединных — всё штатно: суставы не декоративные, сухожилия не “довесок”, подушечки толстые, а когти втяжные — для фиксации на коре; на срединных пальцах когти мельче и остree, как у инструмента, который не должен мешать точности.

— У них даже в костях видно это второй большой рычаг в схеме — заметила Алёна

— И схема явно старше всех наших протоколов, — буркнул Ланг. Это у него считалось комплиментом.

Потом — стопы. “Стопы-руки” всегда звучало как журналистика, но в скелете это

было скучно и убедительно: пальцы стоп устроены так же, как на кисти, только увеличенные; крепления мышц — как у хватательного аппарата, а не у “подошвы для ходьбы”. И даже шерсть на ладонях и ступнях — короткая, плотная, рабочая — не украшение, а одновременно теплоизоляция и сцепление, как если бы эволюция встроила им в кожу мягкий наждак.

Астра смотрела на стопу и вдруг сказала почти буднично:

— Они реально могут держать тебя одной ногой, пока второй поправляют очки.

Крис кивнул, не улыбаясь — ему нравились факты, которые звучат как шутка только у тех, кто сам так не умеет.

Челюсть была маленькая, облегчённая — будто череп экономили. И зубы — крошечные, но не “травоядные”: хватательные. Не пилить, не молоть — удерживать.

Крис приблизил череп, повернул модель и произнёс, словно читая лекцию самому себе:

— И лицевой отдел короткий. То есть не “морда” и не вынесенный вперёд блок. От переносицы до челюсти — мало рычага, мало выступа. Профиль ближе к человеческому, чем к звериному.

Ланг хмыкнул:

— Приятно, когда даже “не морда” можно доказать линейкой.

Астра уже смотрела не на череп. Её интересовал таз.

Скелет няшки был удивительно антропоморфным — не по “позе”, а по логике нагрузки. Ноги — длинные, около половины длины тела: явно под “долго идти” и “высоко прыгнуть” одновременно.

— Вот тут... — сказала Астра и увеличила таз. — Он не “кенгурачий”, но и не наш.

Крис оживился, потому что кенгуру — это всегда удобный пример.

— Если грубо, — сказал он, — у кенгуру таз и вся задняя часть заточены под прыжки: огромные рычаги под разгибатели, мощная архитектура под цикл “сжался—выстрелил—приземлился”, плюс хвост — как стабилизатор и третья точка в покое. У человека — другой компромисс: подвздошные кости и площадки под стабилизаторы, чтобы держать корпус на одной ноге часами, и весь “пояс”, который честно несёт внутри себя органы, когда ты просто идёшь и не изображаешь катапульту.

Алёна провела пальцем по экрану, как по чертежу:

— А у них... как будто эволюция сказала: “ходьба — как у человека, а бег... заменить прыжком”.

— Прыжком? — Ланг поднял бровь.

— Да, — спокойно сказала Астра. — Не “с места в космос”, а как режим ускорения: шаг-шаг-шаг — и вместо перехода в бег серия контролируемых прыжков. Для леса и

рваного рельефа это даже логичнее: меньше времени на плохой поверхности, больше шансов перелететь её. А стопа-рука в этот момент не просто толкается, она ещё и ловит.

Таз “встал” в голове, как встаёт правильно собранная фраза.

Он был достаточно “человеческим”, чтобы держать корпус над опорной ногой: широкие поверхности под стабилизаторы, геометрия под длительную ходьбу. Но в нём же читались уступки под прыжок: точки крепления задней группы бедра и разгибателей были щедрее нормы, как будто им постоянно нужно было не один раз “выстрелить”, а много раз за день возвращать энергию — быстро, точно, без развала корпуса.

— Это “ходьба как базовый протокол”, — сказал Крис. — А прыжок — как ускорение без бега. Не расплескать устойчивость, не уйти в скольжение, не потерять хват стопами.

— И не улететь в собственную биомеханику, — добавил Ланг. — Честно, звучит как хорошая терапия.

Алёна не подхватила шутку.

— Самое странное не таз, — сказала она и увеличила позвоночник.

На модели спины была не “столбом”, а набором повторяющихся узлов. Не один большой изгиб, а накопление малых углов в каждом звене: наклоны частые, ротация умеренная, всё распределено — так, чтобы не было одного места, где “всё ломается сразу”.

— Как будто шею сделали на весь корпус, — сказал Крис, и это снова было точнее любого термина.

Алёна кивнула.

— Только сделали её несущей. Смотрите: костная часть — самоцентрирующиеся контактные поверхности, как “пуговица/олива”. А деформация — в межзвенном комплексе. Диск не выпирает, он утоплен и поддержан. И армировка... — она пролистнула глубже, — кольцевое бандажирование, косые слои под кручение, продольные пучки под осевую устойчивость. Не “гнётся”, а “работает”.

Она задержала кадр — и вывела то, что выглядело одновременно слишком аккуратно и слишком живо, чтобы быть случайностью.

Внутри позвоночника шла двойная геликоидальная система жгутов — две “жилы” противоположной навивки. Они фиксировались на каждом звене без скольжения; в местах крепления местами утолщались, как будто образуя узлы, и эти узлы были не просто “материалом”, а живыми — с сосудисто-нервными структурами.

— Витая пара, — сказала Астра неожиданно спокойно.

Алёна посмотрела на неё и впервые за разговор улыбнулась — коротко, по-рабочему.

— Да. Распределённая торсионная стяжка. Анти-локализатор деформации. Если где-то нагрузка пытается “собраться” в одном месте, эти жгуты размазывают её по

длине.

Крис выдохнул, как человек, которому одновременно приятно и страшно.

— Эволюция изобрела кабельную разводку, — сказал он. — И сделала вид, что это просто сухожилия.

Ланг молчал дольше обычного. Потом сказал тихо:

— Мне нравится, что у них “самостабилизация” встроена в механику. Не как приказ “держи спину”, а как свойство конструкции. Меньше шансов, что ошибка превратится в драму.

— Но это не значит, что они всегда “тугие”, — заметила Алёна, словно отвечая на невысказанное. — Если деформация распределяется по множеству звеньев, как раз легче расслабляться: можно скрутиться, согнуться, “развалиться” без одной точки отказа. Просто разваливаться у них — тоже по правилам.

Астра кивнула. Ей нравилось, когда “психология” оставалась инженерной: не про мифы, а про то, как система сохраняет работоспособность и свободу движения.

Крис, будто вспомнив, что он обязан быть эволюционером, заговорил быстрее:

— Это могло появиться там, где регулярно крутит. Не “иногда повернул голову”, а “живёшь в трёхмерной каше”: полог, ветки, падения, перецепы. Сначала — отбор на безопасное скручивание корпуса. Потом — на распределение кручения по длине, чтобы не было локального перелома. Потом — “витая пара” как возврат к нейтрали и как богатая проприоцепция: узлы явно должны “чувствовать” натяг.

— А потом, — подхватила Алёна, — этот позвоночник начинает диктовать остальному телу стиль движения. Таз подхватывает: ходьба — экономичная, стабильная. А ускорение — прыжками, потому что корпус умеет дозированно скручиваться и возвращаться. Не “катапульта”, а “перенос”: шаг, микроповорот, толчок, ловля.

Ланг чуть повернул голову, словно прислушиваясь к станции:

— То есть они стали прямоходящими потому, что им было неудобно ломаться.

— Примерно так, — согласилась Алёна. — Они вложились в то, чтобы ошибка не была смертельной.

У корней дерева Белочка пошевелилась — Стрелочка попыталась вырваться, протянуть руку к чему-то “интересному” в воздухе. Белочка мягко, без раздражения, вернула её обратно. Движение было точное и экономное, как будто тело само знало, где “нейтраль”.

Ланг посмотрел на модель, на дерево, на Белочку со Стрелочкой — и впервые за разговор сказал не про людей:

— Тогда неудивительно, что они такие... собранные, — произнёс он. — Даже когда молчат.

Планшет чуть подрагивал от вибрации станции — и скелет на экране тоже дрожал едва заметно, как будто напоминал: “я не картинка, я решение задачи”.

Алёна сохранила последний кадр и выключила вращение.

— Ладно, — сказала она. — Теории потом. Сейчас — практическое. Если мы когда-нибудь будем лечить им спину... нам придётся сначала понять, что такое “спина” в их языке.

Астра усмехнулась:

— И что такое “не сутулься”.

Ланг поднял палец:

— Скорее “не закусывай твист”.

Никто не засмеялся громко — было не до этого. Но воздух стал на полтона мягче, как в куполе, когда фильтры наконец догоняют смену режима.

А у корней дерева Стрелочка снова потянулась ко всему подряд — как будто ей было совершенно всё равно, как устроен таз у взрослых. Её интересовало только одно: что ещё в этом мире можно взять. И сколько для этого нужно пальцев.

Глава. «Козырёк»

В этот раз на планшете крутилась голова — кость, мягкие ткани, каналы, мембранны — всё в слоях, которые можно было включать и выключать, как свет в разных комнатах одной и той же квартиры. Алёна щёлкала режимы так уверенно, словно всю жизнь работала с такими черепами, а не впервые в истории видела его изнутри.

Четверо стояли вокруг, как вокруг костра: врач Алёна, астробиолог Крис, психиатр Ланг и Астра — тот самый человек, которому чаще остальных доставалось быть переводчиком между видами.

— Начнём с того, что мы видели всегда, — сказала Алёна и на секунду включила «наружку»: ушная раковина — пушистая, большая, порядка двенадцати сантиметров, как маленькая тарелка. Внутри — голый дермальный диск, шесть сантиметров, гладкий, будто кто-то специально оставил «окно» в меховой архитектуре.

Крис, привычно жадный до деталей, наклонился ближе к экрану, будто это могло изменить разрешение.

— Диск с термофасетками, — сказал он скорее для порядка. — Двадцать шесть тысяч на каждом, триста микрон, без линз... кривизна «дышит».

Снаружи это выглядело почти мило. Как ухо, которое чуть-чуть живёт своей жизнью.

Алёна кивнула: «милота» тут была побочным продуктом инженерии.

— Внешне — да. Но нас сейчас интересует то, что внизу, под этим диском. Потому что именно туда дроны не добираются: ни геометрией, ни оптикой, ни дозволенностью.

Она вывела разрез основания ушной раковины и увеличила область входа.

Никакой «дырочки» там не было.

Была щель. Узкая, утопленная. И над ней — костный козырёк, будто кто-то заранее придумал: здесь будет очень чувствительно, значит, здесь будет «крыша».

Ориентация щели читалась странно: не прямо наружу, а вверх-назад — так, словно вход смотрит туда, где у человека обычно «ничего важного»: в воздух над плечом.

— Вот это красиво, — сказал Крис, и это у него было высшей похвалой. — Не «ухо-воронка», а ухо с направленным входом. И с защитой.

— И со сфинктером, — добавила Алёна и подсветила тонкое кольцо мягких тканей над щелью. — Верхний сфинктер. Закрывает сверху, работает как барьер и как режимная апертура. И как защита от перегрузки, если рядом кто-то даст ультразвуком слишком близко.

Ланг посмотрел на экран так, будто увидел не анатомию, а привычку.

— То есть «заткни уши» у них встроено в железо.

— «Прикрой ухо» точнее, — без улыбки поправила Алёна. — Там не просто «закрыть». Там можно менять апертуру: оставить щель узкой, сделать шире — и это уже не эмоция, это настройка тракта.

Астра молчала, но взгляд у неё был тот самый — контактёрский: когда внутри идёт постоянная сверка «анатомия ↔ поведение». Снаружи няшки выглядели собранными всегда; теперь у этой собранности начинало появляться мясо и кость.

Алёна провела пальцем по экрану дальше — за щель.

За входом начинался короткий преддверный волновод, и уже там канал делился на два тракта, как будто организм решил не выбирать компромисс, а жить сразу в двух мирах.

— Низкочастотный — объёмный, с воздушными камерами-резонаторами, — читала Алёна по схеме, и это звучало как описание чужого музыкального инструмента. — Воспринимает инфразвук и субаудиальные компоненты до примерно половины герца как квазистатические деформации.

Крис коротко присвистнул:

— Полгерца — это уже не «слух». Это почти «погода». Или шаги материка.
— Или большие существа, — тихо сказала Астра.

Алёна переключила подсветку на второй тракт.

— Высокочастотный — узкий, жёсткий. Ведёт к малой высоконатянутой мемbrane и специализированному «ультра-окну», чтобы тащить до трёхсот килогерц с минимальными потерями.

Ланг, который редко пугался цифр, на секунду всё-таки замер.

- Триста килогерц... это не «слышать». Это жить в рентгене для звука.
- Жить в тумане, — поправил Крис, не отрываясь от схемы. — Когда оптика шумит, аэрозоль режет контраст, а тебе надо понимать, кто рядом и где край ветки.

Алёна перелистнула дальше: среднее ухо было не «одна косточка», а двухветвевой механизм согласования импеданса — одна ветвь под медленные смещения и барометрику, другая под быстрые малые амплитуды и высокую добротность. Внутреннее ухо, в свою очередь, было функционально раздвоено: инфра-орган с массивной мембраной для низкочастотных ускорений и ультра-орган — компактная улиткоподобная структура с короткой жёсткой базилярной мембраной и активным усилением.

- То есть у них внутри два инструмента, — сказал Крис. — Один для дальних больших вещей, другой — для быстрых мелких.
- И оба должны оставаться согласованными при движении головы, — сказала Алёна.
- И вот тут начинается то, ради чего мы вообще открыли этот файл.

Она увеличила область, где мягкие структуры выглядели не как мышцы и не как связки, а как две аккуратные упругие линии, идущие спиралью.

- «Витая пара» уха, — произнесла Астра без паузы, будто ждала этого слова.

Алёна кивнула: именно оно и просилось.

Внутри слухового аппарата проходила пара противоположно навитых упругих жгутов. Они держали фазовую и механическую согласованность трактов — и при этом были топологически и механически непрерывны с краниальной торсионной развязкой осевой «витой пары» позвоночника. Это было не «одна система рядом с другой», а одна и та же архитектура, просто выведенная в разные узлы тела: распределять перегрузы вдоль спирали, возвращать к нейтральному преднатягу и кормить мозг проприоцептивной информацией о натяге и скручивании.

Ланг, который обычно переводил всё в слова попроще, на этот раз сказал почти инженерно:

- Получается, у них стабилизация не сверху вниз, а снизу вверх. Тело само докладывает мозгу: «мы сейчас повернули вот так, звук пришёл вот так, тепловая карта вот так». И мозгу не надо гадать.

Крис, вместо ответа, потянулся к другому слою — к черепу.

- Теперь давайте посмотрим, зачем им вообще нужен такой лоб, — сказал он.

Алёна переключила режим на «кость + мозг».

Становилось сразу понятно, почему лицо у няшки снаружи кажется тонким снизу и широким сверху. Челюсть маленькая и облегчённая — наследие летающих предков; верх лица расширен из-за большого мозга. Зубы — хищного типа, но очень мелкие, хватательные, а не жующие; основная переработка пищи уходит в зоб, а не в «зубы-как-у-хищника».

— Снаружи мы это и так видели, — сказала Алёна. — Но изнутри видно, что это не случайность, а договор на перераспределение ресурсов.

Она подсветила мозг.

Масса — около 1400 грамм; плотность нейронов коры — выше человеческой примерно вдвое. Мозжечок гипертрофированный, «птичий» — порядка четверти объёма мозга, около 180 миллиардов нейронов. Зрительная кора — около 16 миллиардов нейронов. Остальная кора — около 12 миллиардов: единственный крупный блок, который по общей компоновке выглядел самым «обычным».

Лоб высокий, расширенный; волосистая часть головы увеличена — и отсюда тот самый эффект «взрослого неотенного взгляда», который люди так часто интерпретировали неправильно, потому что снаружи он казался эмоцией, а внутри был просто геометрией.

Астра снова вернулась взглядом к уху — к диску, к щели, к козырьку.

— Вот почему они не могут позволить себе ушам жить отдельной жизнью, — сказала она. — У них слишком много слоёв карты: оптика, фасетки, тепловой диск, звук. Любой независимый поворот раковины — и часть общей сцены съезжает.

— И не только «не могут», — подтвердил Крис, — а прямо не имеют. Способности к значительному или независимому повороту ушных раковин нет.

Алёна вернула изображение к основанию уха и снова подсветила диск термочувствительных фасеток: тот самый тарелкообразный круг кожи, работающий в диапазоне 1100–14000 нм и дающий тепловую картографию уровня «змеиного» принципа, но с заметно большей детальностью. Кривизна диска чуть менялась — «дыхание» — и это было не украшение и не мимика, а способ перестройки направленности без макродвижения: где взгляд фиксируется, туда же подстраивается и термокарта, и акустический фокус.

— Тут получается почти неприличная элегантность, — сказал Крис. — Ты не крутишь ухо. Ты меняешь тарелку и апертуру щели. Диск фокусирует звук, и тепловую картинку, а сфинктер бережёт от перегрузки.

Алёна не спорила. Она сняла с экрана мозг и оставила одну только внутреннюю механику — щель, козырёк, сфинктер, развилка, жгуты — и это стало выглядеть как схема устройства, рассчитанного на среду, где туман не событие, а состояние, а ошибка не «неловкость», а падение.

Ланг, как обычно, свёл в одну фразу — сухо, без лекции:

— Ухо у них — это вход и фильтр. Сцена держится всем телом.

Астра шагнула к окну купола. Там, за стеклом, «лес» на станции был аккуратной копией, театральной и чистой. Настоящий лес Сс был другим: мокрым, тяжёлым, рваным, шумящим на частотах, которые люди не услышат даже в самых хороших наушниках.

— Дроны там дают внешнюю картинку, — сказала она тихо. — А это... это то, чем онидерживают сцену внутри. Чтобы не потерять мир, когда мир плохой.

Алёна выключила подсветку и оставила лишь контуры черепа.

— Главное, — сказала она, — что теперь у нас есть места, которые можно назвать. Щель. Сфинктер. Два тракта. Два органа. Жгуты. И мозг — не «магия», а плотная работа биологии.

Планшет чуть подрагивал от вибрации станции, и череп на экране дрожал вместе с ним — еле заметно, как напоминание: это не иллюстрация, а конструкция, которая каждый день решает свою задачу так, чтобы не развалиться и не потерять сцены.

Глава. «Стебельки»

После «коzyрька» они почти не спорили — не потому что устали, а потому что дальше шёл слой, где спорить было особо не о чём: внутренности у няшек оказались удивительно *птичьими* — настолько, что это выглядело не как «мы узнали новое», а как «мы наконец получили право написать это в отчёте, а не в предположениях». На планшете Алёна переключила «голову» на «туловище»: полости, мешки, клапаны, связки; Крис привычно тянулся к подписям, Ланг — к тому, что в этих подписях потом станет поведенческой нормой, а Астра — к тому, что можно будет объяснить словами так, чтобы никого не обидеть.

— Здесь почти без сюрпризов, — сказала Алёна и оставила на экране дыхательную систему: лёгкие и воздушные мешки — классическая «птичья вентиляция». Никакого потоотделения; охлаждение — дыханием и растягиванием тела, тем самым «просторным» отдыхом, который у них снаружи выглядит как медленная, аккуратная распаковка себя из рабочего состояния. Дальше шли пищеварительные компромиссы: маленькая облегчённая челюсть, мелкие хватательные зубы «не для жевать», основная переработка — в зобе. И голос — не «горло как у нас», а сиринкс, при этом губы человеческого типа и длинный узкий язык с чашечкой и лёгким раздвоением на конце — всё под «тонкие режимы» питания и артикуляции.

Крис даже выглядел слегка разочарованным — не как учёный, а как человек, которому подарили коробку с надписью «Фокус», а внутри честно лежит инструкция по технике безопасности. Зато Алёна была довольна: чем меньше сюрпризов в органах, тем меньше сюрпризов в лечении.

Но потом они дошли до глаз — и темп в комнате изменился.

Алёна вывела на экран орбиты, и стало видно то, что снаружи казалось просто «очень большие глаза»: основные глазные яблоки у няшек трубчатые, совиной архитектуры, диаметром порядка семи сантиметров. То, что раньше читалось «по лицу», теперь стало геометрией: вытянутая трубка даёт огромную светосилу и ночное зрение, а ресницы — не «украшение», а настоящая часть оптики и защиты. И главное — наконец появилась деталь, которую снаружи не вытащишь никакими дронами: как именно у них устроена сетчатка.

Оказалось, что «цвет» у них собран не набором колбочек, а семью спектральными типами палочек, закрывающими диапазон от ультрафиолета до ближнего ИК (300–1100 нм). Причём это не «семь видов по всей поверхности как попало»: каждая группа палочек одного спектрального типа объединена общим нервом, а полный набор из семи таких групп образует «пиксел» зрения — то есть сенсорный элемент, который уже на уровне периферии приходит в мозг как структурированная единица. Ланг посмотрел на эту фразу так, будто кто-то только что официально узаконил мысль, которая давно зудела у него в голове: у них не «глаз видит, мозг разбирается»,

а сразу «глаз поставляет мозгу готовый формат».

Астра, не комментируя, просто кивнула — именно так выглядела та самая «собранность», о которой они всё время говорили: не эмоция, а архитектура.

И уже на выходе, как будто специально оставив на десерт самое неземное, Алёна выключила всё, кроме тонких линий на боках головы — и включила «стебельки».

Фасеточные глаза сидели на гибких стебельках длиной четырнадцать–шестнадцать сантиметров; каждый глаз — около полутора сантиметров диаметром. Вместе они давали почти круговой обзор: порядка 360° на пару и около 270° по отдельности, то есть второй контур видимости, который не «дублирует», а страхует и ловит движение там, где трубчатые «совиные» глаза заняты сценой. В каждом фасеточном глазе — примерно 160 тысяч омматодиев; спектр тот же, что у основных глаз, за счёт идентичных белков-фоторецепторов, и там же — строгая ориентация ворсинок под 90° для различения поляризации.

На экране это выглядело почти невинно: тонкие дуги, маленькие шарики, аккуратная биология. Но в голове собиралось иначе: у существа, которое ходит и прыгает, держится стопами-руками и живёт в тумане и листве, есть ещё и «вынесенное» зрение — лёгкое, быстрое, круговое, на стебельках, как отдельный слой мира, который всегда чуть впереди твоего движения.

Глава. «Фонарики»

На этот раз на планшете не было ни черепа, ни таза — только два маленьких «шарика» на тонких стебельках и сетка, похожая на узор дорог на ночной карте. Алёна листала слои так же спокойно, как будто это обычный земной глаз, а не орган, который уместился на конце гибкой «антенны» и при этом умудрялся быть почти круговой системой наблюдения.

— Снаружи они казались просто тёмными фасетками, — сказала она. — Теперь видно, что там целая архитектура.

Крис стоял чуть сбоку, как будто боялся помешать собственным словам. Ланг — чуть дальше, в своей привычной позиции «я всё вижу, но не нависаю». Астра смотрела ровно в центр, тем самым взглядом контактёра, который всегда сверяет устройство с поведением: почему они молчат так, а светятся — иначе.

Алёна увеличила глаз на стебельке до неприличия. Появились мелкие повторяющиеся ячейки: омматодии — плотные, одинаковые, но с внутренним «порядком», который нельзя было объяснить случайностью.

— Поляризация, — произнёс Крис тихо, почти без интонации, как цифру. — Ориентация ворсинок под девяносто градусов.

Алёна кивнула и подсветила два семейства микроструктур в каждом омматодии: одно «смотрело» одним направлением, второе — перпендикулярным. Это выглядело так, будто природа решила встроить линейку углов прямо в пиксель.

— Поэтому они так уверенно читают поверхность, — сказал Крис. — Не «цвет/яркость», а ещё и «как именно свет повернут». И всё это — одновременно со скоростью, которую человеческий глаз не любит даже обсуждать.

Она перелистнула слой «динамика», и модель будто перестала быть фотографией и стала прибором: в одном режиме показывались зоны быстрых реакций. Фасеточные глаза были не про «красиво», а про «успеть». Про то, чтобы фиксировать движение быстрее основного зрения, когда ты сам движешься быстро и постоянно.

Алёна щёлкнула ещё раз, и на сетке проявились точки другого типа — не «приёмники», а «вставки». Их было много: не единицы, не десятки. Слишком много для украшения и слишком регулярного узора для случайной патологии.

— Вот оно, — сказала Алёна. — «Фонарики».

Крис резко вдохнул — как всегда, когда в чужой биологии появлялась инженерная оптика.

Каждая маленькая группа омматодиев собиралась в плотный «венок» вокруг центральной фасетки, которая умела светиться. Не «в целом глаз светится», а конкретные элементы, встроенные прямо в решётку, как служебные пиксели в матрице.

— Двадцать тысяч, — сказал Крис, уже не проверяя себя. — Ночью, если их много... получается светомузыка. Днём — всё равно видно, если знаешь куда смотреть.

Алёна вывела сводку так, чтобы цифры не выглядели «фантастикой», а выглядели привычной статистикой органа.

— По данным: примерно одна девятая фасеток — мультиспектральные «фонарики», порядка двадцати тысяч, и каждый может независимо менять цвет свечения.

Ланг впервые за всю встречу подошёл ближе.

— Если они светят так много и так часто, — сказал он, — значит это не «сигнал флагком». Это канал.

Алёна пролистнула слой внутрь «фонарика». Там было не «одна лампочка», а набор источников разных диапазонов — аккуратно разнесённых, как если бы организм держал внутри маленький спектральный оркестр. Семь видов люминесцентных клеток, каждая меняет свою яркость с характерной скоростью порядка 1 Гц — как отдельная линия в общей партитуре.

— И у них есть «затвор», — добавила она и подсветила специальные клетки на входе в этот световой объём. — Которые могут закрывать вход очень быстро.

— Насколько быстро? — спросила Астра, хотя по тону было ясно: она уже знает, что ответ ей не понравится.

— До ста герц, — сказала Алёна ровно. — Это не «моргнул». Это уже модуляция.

Наступила короткая тишина — та самая, которая возникает, когда все четверо одновременно мыслят в одну сторону, просто разными словами.

Крис заговорил первым, потому что ему проще было говорить схемами:

— Получается, у них в глазах одновременно: быстрый приёмник движения, поляризационная развёртка, и ещё активный световой слой, который можно

кодировать по спектру и по времени.

Ланг поднял палец — не как преподаватель, а как человек, который аккуратно ставит запятую.

— И если этот слой активный, то мозг не просто «обрабатывает», а ещё и «выдаёт». То есть часть работы коры — той, которую у нас принято называть «мышлением» — может быть вынесена в этот световой канал. Не метафорически. Технически: сформировал состояние → закодировал → показал.

Астра не улыбнулась, но в уголках глаз у неё появилось то самое выражение: «вот оно, совпало».

— Поэтому они так «говорят молча», — сказала она. — Не потому что загадочные. Потому что у них интерфейс не в горле, а в глазах.

Алёна убрала все слои, кроме «фонариков» и нервной разводки — и картинка стала ещё проще, ещё страшнее: тонкий жгут входящих сигналов, и рядом — толстый, явно исходящий поток управления, как будто глаз был не только сенсором, но и панелью вывода.

— И это объясняет, почему их свет заметен даже днём, — сказала она уже почти без эмоций. — Если это канал, он не может быть «случайным». Он должен пробивать шум среды.

Крис ткнул пальцем в узор «венков» на сетке.

— Восемь вокруг одного, — сказал он. — Это не просто красиво. Это удобная топология: приёмный блок вокруг активного пикселя. Можно синхронизировать. Можно локально согласовывать.

Ланг отступил на полшага назад — и вдруг сказал совсем коротко, почти без своего обычного «человеческого перевода»:

— Значит, они не «смотрят и думают». Они «смотрят-думают-светят» в одном цикле.

Алёна выключила подсветку, оставив только контуры фасеточного глаза на стебельке.

— Нам придётся привыкнуть к мысли, — сказала она, — что когда они просто стоят и молчат, они могут в этот момент говорить больше, чем любой наш разговор.

Глава. «Няшность»

Крис сказал это не сразу. Он вообще редко начинал с вывода — обычно сначала шли цифры, схемы, «если принять», «если предположить». А тут он просто стоял у стола, глядя на выключенный планшет, будто там всё ещё светились эти двадцать тысяч точек, и произнёс почти буднично:

— Только сейчас понял, насколько обманчива их няшность.

Алёна, убирая расходники в контейнер, даже не подняла головы.

— Поздравляю. Ты догнал инстинкт, — сказала она.

— Нет, — возразил он. — Инстинкт у меня как раз всё это время молчал. Инстинкт смотрел на большие глаза и пушистость и думал: «неопасно». А мозг... мозг только сейчас собрал всё вместе.

Ланг усёлся на край скамьи так, чтобы видеть всех, но не мешать никому. Астра стояла у окна купола и слушала, не поворачиваясь: ей не надо было видеть лицо Риеса, чтобы понять — он не драматизирует. Он делает то, что делает астробиолог, когда перестаёт защищаться юмором: складывает картинку из частей.

Крис начал перечислять — не с пафосом, а как человек, которому самому стало неуютно от собственной аккуратности.

— Двадцать четыре ножа, — сказал он. — На пальцах. Втяжные когти. Толстые подушечки, хватательная стопа, которая может держать тебя одной ногой, пока второй... — он запнулся и выдохнул. — Пока второй, например, снимают с тебя что-то. Или поправляют.

Алёна всё-таки подняла взгляд:

— Ты сейчас про медицину или про криминал?

— Про биомеханику, — ответил Крис. — Про то, что у нас на Земле это не встречается в сборке. По отдельности — да. Когти есть. Прыжки есть. Ночное зрение есть. Манёвренность есть. Но чтобы всё это было в одном теле и работало как единый протокол...

Он махнул рукой, будто в воздухе висела схема, и он пытался на неё показать.

— Прыгучесть — ладно. Кенгуру, допустим, может выдать прыжок даже лучше. Но кенгуру — это прыгающий мешок, — сказал он и тут же поморщился, как человек, который не хотел быть грубым, но выбрал точное слово. — Там вся жизнь под «сжался—выстрелил—полетел». А здесь... здесь не катапульта.

Ланг мягко подсказал:

— Здесь — навигатор.

Крис кивнул, благодарно, что его поняли.

— Здесь — манёвренный зasadный охотник. С хватательными стопами, с возможностью мгновенно менять траекторию, с корпусом, который раздаёт нагрузку по длине, а не ломается в одной точке. С ночным зрением, которое... — он поиском слово и нашёл самое сухое, самое честное: — которое слишком хорошее.

Астра наконец повернулась. Она не выглядела испуганной — она выглядела так, будто всё это знала давно, просто не называла.

— Трубчатые глаза, — сказала она. — И фасеточные на стебельках. И фонарики. То есть ты даже не спрячешься «в темноте»: для них темнота — это режим работы, а не ограничение.

— Именно, — сказал Крис. — С такой зверюгой не встречайся в тёмном лесу.

Он произнёс «зверюга» без презрения и без страха — скорее как инженер говорит «машина», когда вдруг осознаёт, что машина не игрушка.

Алёна, будто проверяя себя, вернулась к челюсти — к той маленькой, аккуратной челюсти, которую так легко недооценить.

— И зубы, — добавил Крис, — хоть и детские на вид... но хищника. Острые. Мелкие — да. Не для того, чтобы грызть кость. Для того, чтобы держать.

Ланг, всё это время молчавший, сказал тихо:

— Мы привыкли, что милое — значит безопасное. А у них милое — значит... оптимизированное.

Алёна коротко усмехнулась:

— Милое — значит, что ты расслабился.

В комнате повисла пауза. Не напряжённая — скорее та, в которой каждый примеряет новую рамку к старым впечатлениям. Они вспоминали, как легко няшки перемещались по пологу, как точно хватали предметы стопами, как бесшумно появлялись в дверях, как их большие глаза смотрели «слишком по-человечески», заставляя забыть, что это не человек и даже не «медвежонок». Это было существо, сделанное под другой лес — и под то, что в этом лесу надо уметь.

Астра сказала почти спокойно:

— И всё равно они не показывают это как угрозу.

— Они не обязаны, — ответил Крис. — Вот в чём штука. Им не нужно доказывать силу. Она у них по умолчанию.

Ланг поднял взгляд на него:

— И тебя пугает не то, что они могут.

— Меня пугает то, как легко мы ошибаемся, — сказал Крис. — Мы смотрим на пушистость и думаем «няша». А это... это охотник, которому не надо быть страшным, чтобы быть эффективным.

Алёна захлопнула контейнер и поставила его в шкаф так, будто этим движением можно закрыть тему.

— Привыкай, — сказала она. — Мы в гостях у вида, который пережил свой лес и остался в нём хозяином.

Крис ещё раз посмотрел на тёмный экран планшета и будто увидел там не модель, а живую вещь: когти, прыжок, взгляд, который собирает сцену быстрее, чем ты успеешь понять, что ты в сцене.

— Да, — сказал он наконец. — Няшность — это просто оболочка. А внутри — слишком хорошая конструкция.

И почему-то именно это прозвучало самым тревожным.

Ланг просто подождал секунду, пока слова «зверюга» и «конструкция» осядут, и продолжил так, будто ставил следующую карточку на стол.

— Хорошо. Допустим, мы наконец перестали путать «милое» с «безопасным». Но мы всё ещё не вспоминаем розового слона.

Он поднял глаза на Астру — без нажима, как будто задавал вопрос не человеку, а целому контексту, который давно висел над ними.

— НЛО и роевый сверхразум. Как они там поживают, Астра?

Астра стояла у окна, но теперь не смотрела наружу — смотрела куда-то внутрь, туда, где лежали не схемы и не цифры. Лицо стало нейтральным, почти «служебным». Она молчала долго — не из драматизма, а из осторожности: как молчат люди, которые не хотят испортить мысль неточным словом.

Потом сказала:

— Я пришла к выводу, что их роевой сверхразум — не вершина.

Алёна, уже потянувшаяся выключать свет над столом, замерла.

— А что тогда? — тихо спросила она.

Астра не ответила сразу. Взяла паузу — совсем короткую, как вдох.

— Младший брат, — произнесла она. — Или... скорее сестра. Я вспомнила «королеву» во сне.

Ланг прищурился:

— Королеву во сне?

Астра кивнула, будто ей неприятно это уточнять, но иначе не честно.

— Да. Перед срочной эвакуацией с Сс у нас была коллективная галлюцинация в состоянии дрёмы. Королева снилась человеком, но самое важное — глаза. Пронзительные, совиные. Не «образ», а как отметка: кто-то смотрит ровно так, как смотрят они.

Крис потер переносицу. Он выглядел так, будто в его голове одновременно пытались ужиться эволюция, фраза «старшая архитектура» и сон про королеву.

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил он, — что их суперкомпьютер — это... подросток в большой семье?

— Скорее, — сказала Астра, — это младшая сестра каких-то действительно древних и могущественных сил. Они... как бы... не отсюда. Или не *только* отсюда. И они умеют делать вещи, которые для нас выглядят как «НЛО прилетело и решило вопрос».

Алёна наконец выдохнула — коротко, как после холодного укола.

— То есть НЛО не их «транспорт». Не их «флот». А... сервис?

— Да, — кивнула Астра. — Великодушная услуга. Алиса нам уже рассказывала: цивилизация роботов «из гиперпространства». Потому что ситуация была уникальной. Няшки по космосу не путешествуют. Не строят программы «летать к звёздам». Не ходят с флагами. Они живут здесь. Долго. И очень уверенно. Поэтому вмешательство выглядело исключением, а не правилом.

Она на секунду замолчала, потом повернулась от окна к столу, будто решила зафиксировать мысль окончательно.

— И ещё. Про «кодовый замок». Нюоф-Нюоф сдал его слишком быстро — и видно, что вещица ценная. В тот планетарий сдал, который мы с Флюксом и Кулупом посещали в первый раз. Мы там были ещё раз — я Белочку искала.

Крис поднял брови:

— И ты думаешь...

— Думаю, один из сталкеров просто украл этот предмет из такого же планетария, — сказала Астра. — А потом оно закономерно всплыло у диктатора: кроме как в коллекции такого рода, ему просто негде было оказаться.

Она сказала это так спокойно, что Алёна даже позволила себе крошечную усмешку: жизнь, где рядом «гиперпространственные роботы», всё равно ухитряется включать в себя банальную кражу из музейной витрины.

Астра добавила — ровно, как пункт отчёта, чтобы никто не делал из этого трагедии:

— И да. Эти прохиндеи тогда блокноты и шлемы свистнули. Не говоря уже про испорченный планшет. Так что обмен получился... ну, скажем так, более-менее равноценным.

Крис вдруг рассмеялся — коротко и без радости, просто от абсурда.

— Мы обменяли человеческие шлемы на чужую кнопку вызова богов. Нормальный вторник.

Ланг поднял палец, как будто снова ставил запятую:

— Точнее: мы обменяли человеческие шлемы на доказательство того, что «богам» иногда лень разбираться с нами лично, и они отдают это младшим.

Астра посмотрела на него очень прямо.

— Да. Примерно так.

На секунду всем стало тесно — не физически, а по масштабу. Как будто купол станции чуть уменьшился, а внешний мир — наоборот, раздвинулся.

Алёна закрыла контейнер, щёлкнула замком и сказала самым врачебным голосом, каким только можно произнести философию:

— Ладно. Значит, у нас в лесу не только «няшки не такие уж няшные», но и «НЛО — не так уж их». Отлично.

Крис снова посмотрел на тёмный экран планшета и тихо сказал:

— И всё-таки... если их роевой сверхразум — младшая сестра, то я бы очень хотел, чтобы старшие родственники не решили прийти в гости.

Астра не ответила сразу. Она лишь подняла глаза на стекло купола, где отражались лампы, их лица и тонкая граница между «внутри» и «снаружи».

— Мне кажется, — сказала она наконец, — что они и так здесь. Просто не считают нужным входить через дверь.

Ланг помолчал — не потому что не знал, что сказать, а потому что редкие выводы он любил делать медленно, чтобы они не звучали как шутка. Потом поднял голову и подвёл итог так ровно, будто закрывал протокол.

— Значит так, — сказал он. — Первый контакт у нас получился... то ли с супер-жизнью, то ли с её богами. И это при том, что человечество всю историю искало вторую Землю. Рукопожатие. «Привет, мы тут, давайте обменяемся мнениями».

Он усмехнулся одними губами — без злости, просто от несбывшейся простоты.

— Всё, как в плохой притче: хотел соседей — получил пантеон.

Астра сказала это почти спокойно, как будто предлагала не авантюру, а самый прямой бытовой ход:

— Ну так лети в планетарий с планшетом и проси обмена мнениями. Кажется, там это запросто.

Ланг повернулся к ней — не споря, а уточняя, как всегда уточнял, когда речь заходила о людях, а не о схемах.

— Но ты там живёшь. Может, тебе проще?

Астра не ответила сразу. В её лице не было ни вызова, ни обиды — только тихое, твёрдое решение, которое уже давно стало частью её жизни.

— Мне моя большая семья теперь дороже, — сказала она наконец. — Я такого рода контактами больше там не занимаюсь.

Астра долго молчала. Потом добавила — тихо, без позы, словно оформляла признание, которое ей самой не нравилось.

— Да, Ланг, нам придётся признать этот факт. Новорождённый, по космическим меркам, разум искал плохо и коротко живущих собратьев — а нашёл что-то древнее. Это статистически вероятней. И это... ценней.

Она сказала «ценней» почти без интонации — как слово из отчёта, которое

почему-то режет сильнее любого эмоционального.

Крис хотел что-то вставить — у него даже губы шевельнулись — но он остановился. Алёна тоже не перебила. Даже Ланг не стал шутить.

Астра продолжила, и теперь в её голосе появилось то, что обычно не пролезало сквозь контактёрскую дисциплину: не страх и не восторг, а усталое знание.

— Няшки всегда цепляли именно своей идеальностью. Поэтому в сочетании с пыльцой это так пугает. Люди легко западают на рай.

Она посмотрела на стекло купола, на отражение ламп, на аккуратный «лес» станции — и будто на секунду увидела сквозь него тот, настоящий.

— Я вынуждена признать, что они живут в раю, — сказала она. — А я там... как лазутчик. Бедный родственник на пиру.

Тишина после этих слов была другой: не лабораторной, а человеческой. Ланг медленно кивнул — не как психиатр, а как человек, который слышит боль без лишних вопросов.

— Понял, — сказал он наконец. — Значит, самое опасное в их «рае» не то, что он красивый. А то, что он умеет тебя убедить, что ты всегда хотел именно туда.

Алёна тихо выдохнула и, не глядя на Астру, сказала осторожно — так, как говорят, когда боятся задеть:

— И что ты... возвращаешься отсюда не целиком.

Астра не отрицала. Она просто стояла и смотрела в стекло, будто проверяла, какая из двух сцен сейчас настоящая.

Глава. «Таксономия»

В тот день у них на столе снова был планшет — но не с костями, не с ушами и не со стебельками. На экране лежал документ: ровные строки, латинские названия, уровни уверенности. ИИ озвучивал текст и по ходу давал короткие комментарии.

— Попытка таксономической привязки для объекта *Luminomyxa* выполнена по морфологии, функциональным протоколам и ограниченному генетическому материалу. Уровень уверенности: средний. Основная проблема: выраженная конвергентность фауны Сс и отсутствие прямых предковых форм в доступных выборках.

Дальше шёл список.

Класс: Aves (аналог птиц; птичья вентиляция, сиринкс, облегчённый лицевой отдел) Отряд: Pelagornithiformes (условно; морские/пологовые формы, высокий вклад “птичьей” нейромоторики) Семейство: Luminomyxidae (условно; наличие светового интерфейса на фасеточных органах как базового протокола) Род: *Luminomyxa* Вид: *Luminomyxa neotenica* (лок. “няшка”; выраженная неотения, длительное развитие, социальная синхронизация через световой канал)

Крис прочёл “neotenica” и коротко усмехнулся.

— Ну хоть где-то у нас совпало.

Алёна пролистнула вниз, к примечаниям.

— Ладно. Кто им ближайший родственник из найденного?

ИИ не стал ходить вокруг.

— Ближайшие найденные родственники — морские перелётные птицы Сс, потомки линии

Pelagornis australis. В вероятностной реконструкции “островной” линии они идут как соседняя ветвь, а не как прямой предок. Прямые потомки промежуточных звеньев, предложенных в реконструкции, пока не подтверждены.

Крис пересказал кратко:

— То есть рядом с ними по дереву — морские перелётные.

— Зачем они перелетают, если на Сс нет сезонов? — спросила Астра.

— Сезонов нет. Зато есть зоны, — ответил Крис.

ИИ подхватил ровно, без паузы, как будто эта реплика уже была в методичке к планете:

— Ресурсы всё равно не стоят на месте: ихдвигают течения и приливное “дыхание” океана. Для морских форм перелётность — это не сезонная миграция, а маршруты между узлами кормовой сети. *Pelagornis* собираются колониями там, где есть безопасные уступы и предсказуемая погода — чаще всего в терминаторных ветровых тенях. А кормовые поля всыхивают на кромке штормового кольца и в зонах апвеллинга, где приливы поднимают питательные слои.

— Они летают не “куда теплее”, а туда, где сегодня столовая, — добавил Крис.

— Примерно, — согласился ИИ. — И ещё: на Сс есть длинные квазипериодические колебания — не сезоны, а смещения фронтов. Штормовое кольцо не идеально неподвижно, океанские течения и зоны апвеллинга “дышат” и смещаются. Для рыбоедов это означает: вчера корм был на одной дуге, завтра — на другой. Перелёт — способ держаться рядом с движущейся границей продуктивности.

Астра посмотрела на строку *Pelagornis australis* и спросила уже конкретнее — куда именно?

ИИ выдал ответ как маршрут на карте:

— Типовая траектория: южные приполярные колонии → дуга терминатора → кромка подзвёздного океана, на участки апвеллинга. Возврат — по окнам погоды, когда штормовая стенка на время размыкает коридор или сдвигается так, что даёт безопасную дугу перелёта. В этом смысле они действительно перелётные: их календарь написан не наклоном оси, а циркуляцией.

ИИ продолжил, уже не списком, а пояснением.

- В отличие от Homo, у которых ближайшие родственники доступны в экосистеме (млекопитающие как класс, приматы как отряд, гоминиды как ближайшая ветвь), линия Luminotuxa вероятно развивалась в длительной географической изоляции. Оценка: сотни миллионов лет на относительно стабильном тектоническом поднятии южного приполярного полушария Сс — продолжении материкового поднятия, более стабильном, чем вулканические острова.
- Возможно, в условиях приливного захвата на Сс, несмотря на активный вулканизм, долгоживущие материковые поднятия оказываются стабилизированы чуть вглубь подзвёздной стороны — вдоль терминатора, долговременного механического шва литосферы. Из-за этого движение плит не разрушает подковообразный каркас материкового поднятия, а скорее переформатирует его края и внутреннюю структуру на фоне постоянно меняющегося рисунка огромного, по земным меркам, множества вулканических островов.
- То есть это не “случайная ниша”, — сказал Ланг. — Это долгое одиночество.
- Нам неизвестен точный остров, — добавил ИИ. — Есть кандидаты. Прямого совпадения по данным нет.

Крис прокрутил документ выше, туда, где начиналась реконструкция. Там шли названия, как в оглавлении: *Laguna triformis*, *Fretum praevisor*, дальше — формы перехода, потом “птичья” стадия, затем островная линия. Пологовые планёры, древолазы, засадники. И в конце — *Luminotuxa*.

— Я построил наиболее правдоподобное дерево в условиях неполных данных, — сказал ИИ. — Условия на Сс повышают вероятность видеообразования: множество микроклиматических зон (горы, изолированные острова), высокая фрагментация биотопов, длительная стабильность отдельных участков суши. Не все острова вулканического происхождения. На части островов изоляция могла длиться сотни миллионов лет.

Астра остановилась на строке, где фигурировал *Arboraptor sequens*.

— Здесь у тебя сказано: “фруктоядные древолазы, вероятно, вымерли”. Почему именно так?

— Если остров был приполярным, что наиболее вероятно по реконструкции, климат менялся, — ответил ИИ. — Узкоспециализированные формы с зависимостью от стабильной кормовой базы вымирают первыми. Вероятность сохранения потомков выше у форм, способных к смене ниши. В реконструкции это отражено переходом к *Cryptovenator stratagemus* как потенциальному “наследнику стратегии”. Но если остров был мал, то даже это маловероятно: маленькие острова плохо держат длинные линии крупных форм.

Крис, не поднимая голоса, подвёл аналогию так, как он любил — одной фразой, без лишней поэзии:

— Это как если бы у человека рядом не было даже “класса млекопитающих”.

Ланг добавил следом, так же ровно:

— А вокруг было бы полно похожих из-за конвергенции. И по виду всё время казалось бы, что родственники рядом, хотя по генетике — нет.

ИИ подтвердил:

— Из-за выраженной конвергентной эволюции на Сс отсутствие прямых родственников может субъективно не ощущаться. Но оценочно генетическое разнообразие Сс богаче земного, а линии могут быть разнесены глубже, чем кажется по внешнему виду.

Астра некоторое время молчала, глядя на “дерево”, которое в реальности было не деревом, а гипотезой. Потом сказала тихо, как фиксируют факт для себя:

— То есть мы смотрим на вид, у которого “семейный альбом” либо утерян, либо лежит в месте, куда мы ещё не дошли.

Ланг перевёл взгляд с экрана на Криса.

— А “люминорой” ты куда кладёшь? В вид? В симбионта? В культуру?

ИИ ответил без попытки сделать вид, что всё ясно.

— Пока — как расширенный фенотип вида: протокол, который невозможно отделить от поведения и развития, но который не является отдельным организмом в строгом смысле. Уровень уверенности: низкий. Требуются полевые данные.

Никто не стал спорить. В комнате и так было ясно, что спор здесь — это не “да/нет”, а “чего не хватает”. И что не хватает пока самого простого: времени и права смотреть.

Глава. «Дед»

Он прилетел без фанфар и без героизма — как люди прилетают по настоящим причинам, а не по сюжетным: короткий отпуск между рейсами и знакомое ощущение, что воздух в куполе «чуть не такой», даже когда фильтры настроены идеально.

Отец Алисы был бывшим сталкером — из тех, кто умеет не шуметь и не задавать лишних вопросов, когда вокруг чужое. Теперь он числился скромно: второй пилот на корабле астрогеологической разведки. Никаких легенд, никаких красивых формулировок. Просто работа. Просто дорога.

Он до последнего не понимал её сообщения. Прочитал, сложил в голове, и получилось самое земное из возможных: у Алисы родилась дочь. Он с этим и шёл — с растерянной, нелепой смесью радости и тревоги, как будто ему выдали роль, к которой не прилагалась инструкция.

Они, как всегда, сидели под своим музеинным деревом.

Алиса — у корней, спокойная и усталая, как человек, который давно живёт в двух мирах одновременно. Нюоф-Нюоф рядом с философским видом игрался игрушками — то складывая, то разбирая, как если бы проверял мир на прочность. Рядом — Белочка: в этот раз она почему-то переключила своё любвеобилие на Астру и спала у неё на коленях, как раньше, когда всё было проще и опаснее одновременно. И Стрелочка — на руках у Алисы. Маленькая, тёплая, с тем самым внимательным взглядом, который

у детей означает: «я уже всё решила, просто пока не говорю».

Отец вошёл, увидел их — и будто споткнулся внутри себя. Он смотрел на Стрелочку так, как смотрят на невозможность, которую зачем-то сделали реальностью.

— Алис... — начал он и замолчал. Потом тихо добавил, почти шёпотом: — Я думал... ты написала... что...

— Что у меня родилась дочь, — спокойно сказала Алиса, как будто это была самая обычная поправка к недоразумению. — Почти угадал.

Он подошёл ближе — осторожно, хотя вокруг был купол и протоколы, и всё равно в нём сидела сталкерская привычка: чужое трогать только когда разрешат.

Стрелочка, наоборот, не ждала. Она потянулась к нему так уверенно, будто узнала. Вцепилась маленькой ладошкой — мягко, но серьёзно — и тут же улыбнулась той редкой улыбкой, от которой взрослые почему-то мгновенно перестают быть взрослыми.

Отец Алисы моргнул. Ещё раз. Потом у него дрогнул подбородок.

— Ей... я... — выдохнул он бессмысленно и вдруг прослезился, как будто кто-то незаметно нажал на ту кнопку, которую он сам давно спрятал под слоем «мужики не плачут».

Алиса тихо фыркнула:

— Вот. А ты боялся. Дедушка понравился.

— Дедушка... — повторил он и снова посмотрел на Стрелочку уже не как на шок, а как на факт. Тёплый, тяжёлый, настоящий.

С дедом их стало шестеро: Алиса, Стрелочка, дед, Астра, Белочка и Нюф-Нюф.

Белочка лежала у Астры на коленях и поглядывала на деда — тихо, без тревоги, с доверчивой тяжестью живого существа, которое выбрало своё место и считает вопрос закрытым.

Астра погладила её за ухом и заметила вполголоса:

— Немало лет прошло, а она даже не подросла.

— Медленно растут? — спросил дед машинально, будто цепляясь за тему, которая не взрывает голову.

— Очень, — сказала Астра. И посмотрела на Алису — тем самым долгим взглядом, где было и тепло, и странная тень после разговоров с Лангом, Крисом и Алёной. — У тебя... вечное материнское счастье.

Алиса улыбнулась, но не так, как улыбаются от комплимента. Скорее как человек, который слышит правду, от которой одновременно светло и немного жутко.

— Да, — сказала она. — Счастье. И... странно, да?

Отец, всё ещё держа руку так, чтобы Стрелочка могла её держать, усмехнулся сквозь остатки слёз:

— Ну и зять у меня...

Нюф-Нюф, не поднимая головы от игрушек, с тем самым философским видом переставил деталь на место и, кажется, был абсолютно согласен, что тема исчерпана.

Алиса рассмеялась — впервые за вечер по-настоящему.

— Повелитель НЛО, — сказала она, и в этом смехе было что-то детское, как раньше.

Отец резко поднял глаза:

— Так это правда про НЛО?

Астра ответила вместо Алисы — спокойно, почти деловым голосом, как будто рассказывала о погоде, но в каждом слове чувствовалось: «мы уже привыкли к этой невозможности».

— Мы только вышли в бескрайний космос и ничего толком про него не знаем, — сказала она. — У них нет космического флота. Зато у них целая куча знакомств. За два миллиарда лет накопилась.

Отец Алисы посмотрел на Стрелочку, на Нюф-Нюфа, на Белочку, на дерево — и медленно кивнул, будто внутри него перестраивалась карта мира.

Астра вдруг повернулась к нему и сказала неожиданно мягко — без шума, без легенд, тем уважением, с которым сталкеры говорят друг другу: «я бы так не смогла, но вижу, что ты держишься».

— У тебя интересная работа, кстати.

Отец Алисы отмахнулся:

— После моего прошлого это скучно. — Он помолчал и добавил почти осторожно: — Можно на «ты»? Знаешь, что я... бывший сталкер?

Астра подняла брови — не театрально, а искренне.

— Я тоже в каком-то роде сталкер.

Он усмехнулся, но в этой усмешке было не «ой, ну конечно», а уважение.

— Ну тебя-то все знают, — сказал он. — С уважением.

Астра, будто выбирая точность, спросила не про «кто ты», а про «как тебя теперь зовут»:

— А тебя как теперь зовут? Алиса говорила, что её раньше звали «Си».

Отец Алисы смущённо дёрнул плечом, и на секунду стало видно, что для него эта тема действительно скользкая.

— «Си» — это тоже не первое... — сказал он. — Мне вместе с Алисой документы не меняли. Я как был Деймон, так и остался.

Он произнёс имя ровно, почти сухо, как человек, который не хочет объяснять лишнего — не потому что скрывает, а потому что слишком много раз объяснял и устал.

И под куполом стало чуть тише. Не тревожно. Просто плотнее. Как будто рядом с ними, за словами про НЛО и «знакомства», оставалось главное: вот они сидят у дерева, и у маленького существа на руках Алисы есть дед, который вдруг стал настоящим. И мир — каким бы большим он ни был — на секунду согласился быть домашним.

— Алиса говорила, что у неё на Земле куча племянников и родня, — сказала Астра как бы между прочим, продолжая гладить Белочку так, чтобы та не проснулась и не решила срочно любить всех сразу.

Деймон криво улыбнулся — так улыбаются люди, которые видели слишком много «между рейсами» и слишком мало «домой».

— Родня... да, — протянул он. — Ты знаешь, какая на Земле сейчас ситуация. Рейсов нет. Даже частные почти не летают. Всё, что ещё шевелится — шевелится в узких коридорах, и там очередь из причин, почему «нельзя».

Он посмотрел на Стрелочку, и взгляд у него на секунду смягчился до опасного — до такого, от которого потом тяжело возвращаться к нормальному лицу.

— А если вся эта... прожорливая... родня узнает, что у Алисы теперь дочь от инопланетянина... — он чуть повёл плечом, будто сбрасывал невидимую пыль. — Они пойдут в церковь ставить свечки, грехи замаливать. А скорее всего просто не поверят. Скажут: «ну да, конечно, Алиса опять фантазирует, где-то в космосе». Мы давно живём в разных мирах, понимаешь? Я старый космический волк. Нас уже жизнь разделила.

Алиса не спорила. Она только крепче прижалась Стрелочку к себе — не как защиту, а как якорь. Стрелочка, будто почувствовав, что разговор стал про «далеко», сунула Деймону пальцы в ладонь и с деловым видом начала проверять его ногти на пригодность к жизни. Деймон снова моргнул и, почти незаметно, улыбнулся уже по-настоящему.

— Я думал... — начал он и махнул рукой, — ладно. Неважно, что я думал.

Нюф-Нюф, не поднимая головы от игрушек, аккуратно состыковал две детали, подержал секунду — и разъединил обратно, как будто демонстрировал философию «всё временно» в самой простой механике.

Деймон молчал, а потом, как будто решил всё-таки быть честным до конца, добавил уже про своё — сухо, без пафоса:

— Из-за этой ситуации работы сейчас стало в разы больше. Потому и закрыли глаза на мои сомнительные документы. Нужны планеты, нужны ресурсы. Срочно.

Он посмотрел на Астрру — пристально, как смотрят не на человека, а на функцию, которая может однажды спасти.

— Даже люди теперь стали самым ценным ресурсом... тут, в космосе. Не на Земле. На Земле — наоборот.

Слова легли тяжело, но под куполом не стало страшнее. Просто “внешний мир” ещё раз напомнил о себе — как холодный воздух за шлюзом: он существует, даже если сейчас ты сидишь у дерева, и маленькая Стрелочка держит тебя за палец так, будто это единственное правильное устройство вселенной.

Астра не отвела взгляда. У неё было это редкое умение слушать так, будто ты говоришь не «про себя», а про устройство мира, и она держит в голове обе версии одновременно.

— «На Земле наоборот» — это как? — спросила она спокойно.

Деймон криво усмехнулся.

— Чёрт их знает, не хочу уже иметь к этому никакого отношения. Я здесь... — он кивнул в сторону купола, дерева, крошечной Стрелочки на коленях у Алисы, — здесь каждый человек — это не «единица», а целая цепочка. Руки, голова, допуск, привычки. Если кто-то выпадает — дырка остаётся настоящая.

Стрелочка тем временем продолжала свою проверку: держала его палец и, сосредоточенно нахмурившись, трогала ноготь подушечкой, как будто пыталась понять, почему у дедушки нет втяжного когтя и как он вообще живёт в такой конструкции.

Деймон посмотрел на неё — и снова та самая опасная мягкость проскользнула по лицу, как солнечный блик по стеклу. Он быстро вернул себе выражение «космического волка», но поздно: все уже заметили.

— Ну, — сказал он, будто оправдываясь перед самим собой, — хотя бы здесь... не врут в глаза. Тут если у тебя дырка в бумагах — это не повод тебя уничтожить, это повод тебя поставить туда, где ты нужен. Пока ты справляешься.

Алиса тихо сказала:

— Ты всегда справлялся.

Он посмотрел на неё резко — как на человека, который сказал слишком метко, и в этом резком было не раздражение, а защита.

— Справлялся... — повторил он. — Слушай, Алиса. Я... я не против твоей «родни». Не против племянников. Просто это всё там. А я — здесь. И ты — теперь тоже здесь. Понимаешь?

Астра кивнула, хотя вопрос был не к ней. Она просто поймала момент, когда слово «здесь» стало не географией, а судьбой.

— Понимаю, — сказала Алиса.

Стрелочка, как будто услышав, тоже что-то поняла по-своему: отпустила палец

Деймона, решительно хлопнула ладошкой по его руке — и тут же снова взяла, уже крепче. Как будто подтверждала контракт без нотариуса.

Деймон выдохнул и неожиданно хрюкло усмехнулся:

- Ну всё. Теперь точно поверят, что я дед.
- Не поверят, — сказала Алиса с той спокойной уверенностью, которая приходит, когда ты больше не споришь с Землёй. — Но это уже неважно.

Белочка во сне тихо вздохнула и сильнее уткнулась в колени Астры.

Астра посмотрела на Алису — и уже не сказала ничего про “вечное счастье”. Только чуть-чуть подтянула Белочку, чтобы ей было удобнее, и подумала (без слов, без отчётов): иногда самый большой “контакт” — это когда мир позволяет тебе просто сидеть рядом и не доказывать, что ты имеешь право быть здесь.

Глава «НЛО»

Следующий цикл был из тех, которые на Земле назвали бы «утром после тяжёлого вечера», но тут не было ни утра, ни вечера — только свет, застрявший у горизонта, и длинная тёплая пауза под прозрачным куполом. В центре музейной оранжереи стояло дерево с домиком, вокруг — мостики и каналы, а в воздухе держалась стерильная влажность, как будто сам мир работал в «режиме лаборатории».

Крис и Астра поселились в палатке у самого дерева — палатка была нелепо «походной» на фоне аккуратной бутафории, и именно этим почему-то успокаивала: ткань, молнии, шуршание — вещи, которые не умеют притворяться вечностью.

Рядом рабочие музея соорудили новый экспонат — мини-печь из камней, как бы «в стиле няшек»: округлые валуны уложили так, чтобы казалось, будто они сами нашли правильные места. Печь действительно работала. Правда — тихо и экономно: топлива было мало, огонёк — маленький, почти воспитанный, как домашний зверёк, которому сказали «не балуйся».

А ёщё где-то раздобыли настоящий самовар с Сс. Служащие музея вмонтировали в него электрический нагреватель — компромисс между «народной культурой няшек» и «пожалуйста, не поджигайте нам купол». Самовар иногда вздыхал крышкой и делал вид, что он здесь главный источник цивилизации, но электрический провод рядом с ним смотрелся странно — как подпись мелким шрифтом под красивой легендой.

Нюоф-Нюоф, Белка, Стрелка и Алиса жили в маленьком домике на дереве. Здесь, на Св с её 0,54g, натренированная на 0,72g Сс Алиса лазила по ветвям удивительно ловко. Деймон замечал это каждый раз — и каждый раз делал вид, что это «просто наблюдение», а не смесь гордости и тревоги.

- Она там как... — Астра поискала слово, прикусила его и выпустила более мягкое: — как маленький альпинист. Только без страховки.
- И всё равно не успевает, — сказал Деймон, глядя вверх. — Они... прыгают. И цепляются когтями там, где у неё просто... гладко.

Наверху действительно было «цеплятельно». Белка перемещалась боком, как будто мир был лестницей. Стрелка то замирала, то вдруг протягивала руки к любой интересной штуке в радиусе «сейчас». Нюоф-Нюоф лежал на своей высоте и изредка напевал — коротко, тихо, как проверку связи.

Крис и Ланг подошли так, словно собирались предложить нечто чуть запрещённое, но смешное: с той осторожной лёгкостью людей, которые уже поняли, что в этом месте слово «нормально» — слишком хрупкое. Ланг даже ладони держал ближе к себе, как будто нёс невидимую чашку.

Он сел рядом с Астрой на декоративное бревно — музейное, гладкое, идеально безопасное — и сказал нарочно бытовым, игривым тоном:

— Раз уж нам не выдали ночь, давайте её сыграем. Костёр есть, лица серьёзные есть... осталось только самое старое развлечение человечества: страшилки.

Астра подняла брови.

— Вы к чему?

Из палатки выполз заспанный Деймон — в таком виде, в каком человек выглядит честнее всего: волосы в разные стороны, глаза ещё не согласились с реальностью. Он молча подкинул в печку хворост — не столько для тепла, сколько для ритуала — и сел так, чтобы видеть и огонёк, и дерево, и людей сразу.

Ланг не стал тянуть паузу. Он умел говорить о странном так, будто это очередная графа отчёта — просто графа, от которой у всех меняется дыхание.

— На Земле выяснилось, что нормальных фото НЛО... нет, — сказал он. — Вообще. Хотя «видели» — почти все, кто должен был видеть. Максимум — световые помехи. Пятна. Смазы. Как если бы камера упёрлась в... неправильную часть мира.

Крис слушал молча, но его молчание было не «в стороне», а «фиксирую».

— Мне это сообщили коллеги-психиатры, — продолжил Ланг. — Они тогда пытались закрыть историю простым объяснением: мол, Алиса с Нюоф-Нюофом просто сбежали из бутафорского «посольства Сс». И все вокруг дорисовали остальное. Массовый психоз — удобная коробка. В неё помещается почти всё.

Он перевёл взгляд на печку, как будто проверял, что огонь не станет сейчас аргументом.

— Но я подтвердил другое. Алиса и Нюоф-Нюоф очень быстро оказались у нас на станции. И персонал станции тоже видел НЛО. Не «верил». Не «хотел». А видел.

Деймон чуть сильнее сжал палку, которой шевелил угли в самоваре.

— Я стал искать записи внешних камер, — сказал Ланг. — Ничего. Вообще ничего. Как будто они просто... были, а запись — нет.

— Технический сбой? — тихо спросила Астра, хотя по её голосу было понятно: она не верит в «просто».

Ланг качнул головой.

— Я опросил нескольких из бывшего персонала. Тех, кто должен был просматривать записи. Их, как и всех остальных, рассредоточили после той истории... — он сделал паузу, выбирая слово не слишком политическое, — ...с массовым «переосмыслением реальности». И они подтвердили: на записях ничего не было. Смотрели по кругу. Смотрели внимательнее. Ничего.

Крис наконец добавил — коротко, как подпись под строкой:

— Расследование тогда не стали проводить: на станции была суматоха из-за событий на Земле.

Ланг кивнул.

— Да. Общая неразбериха. Слишком много других пожаров. А вопрос «как они вообще оказались на станции» остался... без владельца.

В этот момент по мостку послышались лёгкие шаги — слишком лёгкие для взрослого. Алиса подошла так, будто её не страшит ничья «страшная история»: у неё был спокойный вид человека, который уже видел вещи страннее любых слов.

Ланг повернулся к ней — мягко, без нажима.

— Алиса. На чём вы сюда первый раз прилетели? Тогда?

Алиса даже не задумалась.

— На НЛО. А что?

Сказала так же буднично, как сказали бы: «на лифте. А что?»

Огонёк в печке дрогнул — от воздуха, от того, что Деймон снова подкинул щепок, — и снова стал маленьким и ровным. Самовар тихо вздохнул, будто ему тоже было что добавить; но он культурный, он не вмешивается.

Над головой висел вечный закат — светило у горизонта, бесконечная «почти-ночь», которая на Сс была нормой, а здесь стала декорацией. Под куполом всё выглядело как сцена для уютных историй: дерево, домик, огонь, люди в кругу.

И всё равно лица у них были такие, словно вокруг — тёмный лес и настоящая ночь.

Ланг посмотрел на Криста, потом на Астру — и, совсем уже тихо, как человек, который понял, что шутка закончилась, сказал:

— Помните фразу с планшета? «Космос — нет. НЛО из дырок».

Он чуть помедлил и добавил:

— Так вот. Похоже, у «дырок» есть ещё одна неприятная особенность: они не любят, когда их записывают.

Крис кашлянул, как будто это был не страх, а просто сухой воздух.

— Алиса, можно тебя сфотографировать?

— В смысле? — Алиса искренне удивилась.

Крис, как мальчишка, который доказывает очевидное, щёлкнул её на планшет — и, не удержавшись, торжественно показал экран всем сразу.

— Получилось. Значит, настоящая!

Все улыбнулись — коротко и облегчённо. Даже Деймон. Даже Астра на мгновение позволила себе уголок губ, как человек, который не хотел смеяться, но организм выбрал жизнь.

Крис объяснил Алисе уже серьёзнее:

— Нам на Земле говорили, что не сохранилось ни одной записи НЛО. Ни одной нормальной. При том что видели — все. А ты была внутри.

Алиса пожала плечами.

— Не только я. Мы улетали отсюда с Астрой.

Астра снова уткнулась лицом в ладони — с таким видом, будто только сейчас до неё дошло, что она и правда ничего не понимает.

— Астра, что скажешь? — спросил Ланг уже без игривости.

Астра подняла голову не сразу. Сначала выдохнула — коротко, как будто проверяла, можно ли вообще дышать в этом сюжете.

— Что я должна сказать... — произнесла она наконец.

Ланг мягко, но упорно добил вопрос:

— Ты была внутри?

— Да, — сказала она. — Внутри.

Крис подался вперёд, почти детски упрямо:

— И что это было?

Астра помолчала, как человек, который выбирает не слова, а степень правды.

— То, что вам уже говорила Алиса. Мягко оббитое помещение, “няшечий” интерьер — они примерно так оформляют внутри свои вагончики и гондолы дирижаблей. Были какие-то иллюминаторы... или, скорее, экраны. И ещё ощущение, что это не “корабль” в нашем смысле, а... контейнер.

Алиса присела на край бревна, болтая ногой, и добавила тем тоном, которым рассказывают очевидное:

— Да. Как контейнер. Полёт слишком быстрый. Наши корабли не умеют делать прыжок прямо с поверхности. А НЛО — умеет.

Деймон слушал дочь так внимательно, что даже забыл шевелить угли.

Крис снова взглянул на сделанное фото Алисы, увеличил, покрутил яркость, как будто искал там дырку в пикселях.

— Всё же... — сказал он тихо. — Почему камеры не видят?

Наверху шевельнулась тень — не угроза, не силуэт, просто движение. Нюф-Нюф перегнулся с ветки и посмотрел вниз. Не испуганно. Скорее — как хозяин дома, который слышит, что кто-то подошёл к двери, но ещё не решил, открывать ли.

Белка тоже выглянула — на секунду, и тут же исчезла в листве, как будто проверила: «они говорят про это... интересно».

Крис попытался спросить через планшет. Планшет, как всегда, долго насвистывал и подбирал слова — фраза была слишком длинная и слишком человеческая для птичьего языка.

Нюф-Нюф ответил одним словом:

— Сон.

Крис поднял глаза к прозрачному куполу, будто пытался увидеть этот «сон». Закат за куполом был ровный, постоянный, почти декоративный. И от этого становилось особенно не по себе: идеальный свет не давал спрятать страх в темноту.

Ланг сказал осторожно, как человек, который понимает цену словам:

— Значит, «дыры» — не в космосе. Дыры — в нашей регистрации реальности. Камера — не бог. У неё нет права на истину. Есть только право на пиксели.

Он помедлил, будто сам испугался того, что сейчас скажет, и всё же добавил — тише:

— А если это «сон»... то, возможно, записи не бывает у снов. Бывают только те, кто их видел.

Астра сказала задумчиво — как человек, который просто раскладывает понятия по полкам:

— Думаю, Нюф-Нюф имел в виду не только НЛО, а то, что восприятие — разновидность сна.

— Я тоже почему-то так думаю, — согласилась Алиса. И сказала это не загадочно, не «поэтически», а так же просто, как минуту назад сказала: «на НЛО».

Крис хмыкнул, пытаясь удержать разговор в человеческих границах:

— У вас там всё как во сне, на Сс?

Астра чуть наклонила голову.

— И так тоже можно сказать. — Она помедлила, вспоминая. — Ты помнишь, в каком состоянии нас эвакуировали спасатели?

Крис не ответил сразу. Он только посмотрел на огонёк, будто пытался вспомнить не картинку, а *ощущение*: как вынимают тебя из событий, когда ты ещё внутри них. Как возвращают в «нормальность», а она не принимает с первого раза.

Ланг посидел молча. Потом встал, стряхнул с брюк несуществующую пыль — жест, который на Земле означал «ладно, идём дальше», а здесь вдруг стал бессмысленным.

— Ну что, — сказал он, и в голосе снова мелькнула бытовая игривость, как защитная плёнка. — Страшилки, значит, удались.

Крис попытался улыбнуться, но улыбка вышла несимметричной.

— А музей, конечно же, не снимают, — сказал Крис так, как говорит человек, который внезапно понял: вор пролез не через дверь, а через чёрный ход, где нет камер.

Он повернулся к Астре, уже без улыбки:

— Астра... вы телепортировались в НЛО прямо из музея?

— Нет, — ответила она. — Нам снилось, что мы надели скафандры и вышли. Всё как обычно.

— Снилось? — уточнил Ланг.

Астра кивнула, подбиравая формулировку осторожно, будто любое слово могло исказить вещь.

— Да. Мне почему-то после ответа Нюф-Нюфа это кажется самым точным описанием тех событий.

Крис выдохнул и сказал, подводя черту, как в протоколе:

— То есть... они просто исчезли из музея.

Ланг, как будто по привычке пытаясь вернуть разговор в человеческий регистр, ляпнул невпопад:

— С кем не бывает.

Крис медленно повернулся к нему голову.

— Чего «не бывает»?

— Ты забыл, что я психиатр, — почему-то мрачно произнёс Ланг.

— Но это не объяснение, — упрямо сказал Крис.

— А я ничего и не объяснял, — ответил Ланг спокойно. — Я только отметил, что такое описание реальности... в человеческой культуре встречается чаще, чем нам с тобой хотелось бы.

— Астра, мы не надевали скафандры, — вдруг удивлённо воскликнула Алиса.

Отец посмотрел на неё так, будто его дочь ходила на вечеринку в компании сомнительных личностей

Астра растерянно моргнула.

— Разве... не надевали?

Ланг, почему-то улыбаясь, мягко поддел:

— Астра, у вас на Сс вообще остались скафандры?

Астра нахмурилась, словно прислушиваясь к собственной памяти, как к далёкому радио.

— Нет... — сказала она и тут же, будто оправдываясь, добавила: — Мы летели без скафандров.

Сказала так, как вспоминают сон: уверенно — и одновременно с ощущением, что это уверенность не твоя, а навязанная сюжетом.

Крис тоже развеселился — не потому что смешно, а потому что иначе становилось слишком страшно.

— То есть вы, выходят, гуляли до летающей тарелки в здешней разряженной атмосфере?

— Мы быстро бежали, — вспомнила Алиса, как будто это и было самой нормальной частью истории.

Астра закрыла лицо ладонью.

— Я уже не могу. Хватит нас мучить.

— Да, — сразу согласилась Алиса, словно ей тоже надоело быть главным свидетелем в чужом расследовании. Она посмотрела вверх, на ветви, где Белка уже исчезла как мысль. — Я полезла на дерево. Астра, попробуешь со мной? Пусть они тут пугают друг друга сами, если им так нравится.

И, не дожидаясь ответа, Алиса легко, по-новому, почти по-няшечки ухватилась за ближайший выступ и пошла вверх — туда, где не требовалось объяснять словами то, что не умещалось в камерах.

Огонёк в печке горел маленький, воспитанный. Самовар вздыхал крышкой, делая вид, что он здесь главный источник цивилизации, хотя провод к нему смотрелся странно и чуть стыдно.

И в тёплом ровном свете, где «ночь» была только игрой, вдруг стало ясно: иногда самое страшное в НЛО — не то, что оно прилетает.

А то, что оно может прилетать так, будто его никогда не было.

Глава "Миссия"

Риес подошёл к палатке в следующий «утренний» цикл — в тот момент, когда воздух под куполом ещё казался прохладнее, чем положено, а свет у горизонта делал вид, что он новый. Он шёл не один: за ним держались двое техников с плоским кейсом, и это сразу переводило любую фразу из «поговорить» в «оформить».

Крис успел только подняться на локте, а Астра уже сидела — как будто и не ложилась. Деймон выбрался следом, зевнул, посмотрел на печку, как на верную вещь, и только потом — на Риеса.

Риес остановился у входа в палатку, не заходя, пока не убедился, что его заметили, и сказал почти буднично:

— У меня для вас контракт.

Слова были простые. Вес — нет.

Он протянул планшет так, будто это был не документ, а аккуратно сложенная ответственность.

— Марс согласовал исследовательскую миссию на Сс, — сказал он. — Не экскурсию. Не «присутствие». Миссию. Они хотят, чтобы это было организовано нормально, без цирка и без героизма. Астра — вас просят возглавить.

Астра моргнула.

— Возглавить?

— Да. Команда, протоколы, контактные рамки, риски. Всё, что вы и так делали... только теперь официально и с ресурсами.

Деймон тихо фыркнул — не от смеха, от того, что слово «официально» на этой планете звучало особенно странно.

Риес перевёл взгляд на него:

— Деймон, вам — роль пилота челнока. Руководство на Марсе выделяет аппарат специально под миссию. Челнок хотят сделать чем-то вроде базы. Плавающей, автономной, с возможностью закрыться, отойти, сменить точку — не привязываясь к одному месту.

Крис приподнялся, уже полностью проснувшись от этого «выделяет».

— То есть... базой будет сам кораблик?

— В каком-то смысле — да, — кивнул Риес. — По крайней мере, это идея: меньше строить на поверхности, больше держать всё на своём. И — меньше раздражать местных.

На слове «местных» Деймон чуть напряг плечи, как человек, который боится не врага, а непредсказуемой среды.

Риес внезапно спросил — почти не по делу, и именно этим выдавая, что вопрос важный:

— Астра, ты где жила на Сс?

Астра, не раздумывая, ответила так, будто перечисляла комнаты в квартире:

— На кухне с печкой. Под деревом Нюф-Нюфа.

Риес поднял бровь.

— Кухня?

— Общественная, — добавила Астра. — Там отличный пост наблюдения за няшками: они всё время проходят, приносят, уходят, возвращаются. И... — она посмотрела на Деймона, — Деймона они туда не пустят.

Деймон кивнул, не обижаясь: констатация была слишком привычной, чтобы её переживать заново.

Крис, который всё это время слушал и одновременно считал последствия, выдохнул и сказал, будто ставил подпись:

— В общем, я передаю предложение с Марса. А там вы уже сами решайте что и как.

Деймон заговорил сразу, будто боялся, что пауза сделает выбор «невыбором»:

— Я боюсь пыльцы. В отличие от Астры. Я согласен только если жить на базе. На закрытой. Или... — он подыскивал сравнение, — в уменьшенной копии «посольства СПРИ». Но так, чтобы можно было уйти внутрь и не выходить, если... если что-то пойдёт не так.

Крис посмотрел на Астру с тем уважительным раздражением, которым задают вопросы людям, у которых нет права «не знать».

— Астра, насколько ты думаешь это безопасно — разворачивать базу?

Астра не попыталась обнадёжить.

— Не знаю, — сказала она честно. — Но если уж разворачивать, то лучше, чтобы всё было маленьким. Миниатюрным. Наш остров, где раньше была база СПРИ... он, наверное, подходит. Можете в том же месте. Если всё будет очень небольшим, у няшек, возможно, будет более благосклонное отношение. Как к... — она на секунду улыбнулась, — к палатке, а не к городу.

Она подняла голову к дереву:

— Алиса, ты как думаешь?

Сверху раздался смех — лёгкий, почти детский, но с той взрослой свободой, которая пугает сильнее, чем страх.

— Опять посольство открываете! — крикнула Алиса с ветки. — Открывайте, я не против. Я хочу научить Стрелку говорить по-человечески!

Пауза, на которую все одновременно представили, как это звучит: Стрелка — и человеческая речь. Не перевод, не планшет, не «насвистывание». Настоящие слова.

Астра медленно кивнула.

— Интересная мысль.

Крис улыбнулся уже иначе — не защитно, а мечтательно, как человек, который внезапно увидел, ради чего всё это имеет смысл.

— Да... — сказал он тихо. — Это будет эксперимент.

И огонёк в печке, маленький и воспитанный, вдруг показался им не смешным экспонатом, а первой репетицией будущей базы: настолько небольшой, чтобы никого не испугать — и всё же достаточно живой, чтобы вокруг неё можно было собраться.

Глава "Игрушки"

Контейнер с Марса прибыл так, как всегда прибывают вещи «оттуда»: слишком вовремя и слишком аккуратно, будто у далёкого начальства есть привычка подчищать мир ластиком. Его выгрузили на платформу под куполом, рядом с деревом, и несколько минут все просто смотрели на серый, безличный прямоугольник — как на посылку, в которой может быть что угодно, от счастья до инструкции.

Потом техники вскрыли пломбы, щёлкнули замками — и из контейнера потекло... детство. Не внезапно и не «почему-то», а ровно так, как и должно было быть: про любовь няшек — особенно их стalkerской породы — к игрушкам и штукам-аттракционам знали давно. На Марсе просто сделали выводы и упаковали эти выводы в транспортную пену.

— Ну конечно, — пробормотал Крис, скорее себе, чем кому-то. — Самый универсальный протокол.

Внутри лежали игрушки. Много. И половина — Лего: не «наборчик на вечер», а такие коробки, после которых на полу появляется новая география. Были конструкторы попроще, мягкие штуки, наборы «собери себе мир сам» — словно кто-то решил: если реальность шатается, выдайте детали, чтобы её можно было собирать заново.

Деймон смотрел на гору коробок тем самым профессиональным взглядом бывалого продавца игрушек — не удивлённо, а профессионально, с оценкой ассортимента и пониманием целевой аудитории.

— Гуд, гуд, — произнёс он наконец, и прозвучало это почти как «принято в эксплуатацию».

Но главной «игрушкой» оказался, конечно, не конструктор.

В комплекте шёл герметичный мини-купол. Его выгрузили отдельно: в собранном виде он выглядел как ящик — толстый, компактный, с защёлками и маркировками. Этот ящик крепился на квадроцикл, как чемодан на багажник.

Техники развернули купол на пробу — быстро, уверенно, как будто делали это уже

сотню раз. Несколько движений, характерные щелчки, мягкое шуршание ткани и пластика — и из ящика вырос купол. Маленький, плотный, прозрачный. Стыки встали на место так, будто он сам расправился и сказал: «я тут».

По форме и размеру он напоминал арену для самых маленьких — такую, где родители сидят снаружи и делают вид, что они «просто рядом», а внутри ребёнок в восторге таскает игрушки и падает без последствий. И раскраска у него была соответствующая: цветочки, грибочки, бабочки... а вместо божьих коровок — стилизованные няшки, нарисованные с такой заботой, словно дизайнеры на Марсе знали, что «слишком серьёзное» здесь воспринимается как угроза.

Самое важное — рисунки продолжались внутри. Не просто «красота снаружи для отчёта», а настоящая внутренняя: чтобы тому, кто окажется заперт внутри, не было одиноко в стерильной прозрачности. Цветочки, грибочки, бабочки — и те же няшки, только ближе, как будто они подмигивают изнутри.

Крис смотрел на это без прежней насмешки.

— Это база? — спросил он у Риеса. — Или манеж?

Риес не моргнул.

— И то, и другое. База, которую не жалко. База, которая не выглядит как оккупация.

Пока они говорили, рядом подкатили квадроцикл — и он выглядел так, будто его действительно делали «под протокол». В документах он назывался **Nyashkar Roving Vehicle**. На практике — яркий, округлый, с такой «доброй» раскраской, что в нём было невозможно увидеть военную технику, даже если очень стараться. Он был слишком милый — и это, похоже, было его главным тактическим преимуществом.

Деймон снова кивнул тем же взглядом — оценил и это.

— Гуд, — повторил он. — Очень гуд.

И вот тут стало ясно, для кого контейнер привезли в первую очередь.

Белка появилась первой — как тень, которая умеет быть любопытством. Спустилась боком, шевельнула ушами (или тем, что у неё было вместо ушей), уткнулась носом в край контейнера, понюхала воздух над коробками, и в её позе мгновенно включилось то самое: «это можно исследовать, значит это — моё».

Стрелка примчалась следом почти прыжками — между Белкой и Нюф-Нюфом, как мячик, которому некуда девать энергию. Она зависла на секунду, увидев разноцветные картинки, и тут же бросилась вперёд: ладони на край, тело внутрь, взгляд — во всё сразу. Она хватала коробки, трясла их, слушала, как внутри шуршит, и радостно тараторила своим набором звуков, будто объявляла всем, что мир наконец-то стал правильным.

Нюф-Нюф подошёл последним — неторопливо, важно, как хозяин дерева, который проверяет, не принесли ли гостям что-нибудь лишнее. Он обошёл контейнер кругом, заглянул внутрь сверху, как взрослый, который делает вид, что ему «неинтересно», но глаза всё равно цепляются за каждую деталь.

Стрелка тут же подпрыгнула к нему, сунула ему под нос яркую штуку — то ли мягкую игрушку, то ли упаковку — и замерла в ожидании реакции. Белка уже успела устроиться на краю и аккуратно тянуть одну коробку к себе, как будто это добыча.

Нюф-Нюф коснулся коробки когтем. Коробка издала сухой картонный звук. Нюф-Нюф наклонил голову, будто слушал не звук, а смысл. Потом ткнул ещё раз — уже увереннее. Стрелка восторженно подпрыгнула. Белка мгновенно перехватила другой край и потянула — молча, целеустремлённо.

В итоге они втроём — Белка, Стрелка и Нюф-Нюф — действительно набросились на содержимое контейнера как дети. Не в смысле “жадно”, а в смысле “мир снова можно трогать”. Стрелка прыгала между ними, раздавая и возвращая предметы, Белка методично сортировала всё “по степени интересности”, а Нюф-Нюф проверял каждую новую вещь так, будто ставил печать: безопасно, забавно, допускается.

Купол тоже не остался без внимания. Стрелка первая заметила бабочек на ткани, хлопнула по прозрачной поверхности ладонью и прыснула смехом — отскок звука ей явно понравился. Белка обошла купол по кругу, нашла стык, потрогала его когтем и удовлетворённо фыркнула: «держится». Нюф-Нюф снова коснулся пластика — купол тихо, послушно звякнул ответным звуком.

Нюф-Нюф издал короткое довольноное “пение” — почти как отметку «принято».

Крис поймал себя на мысли, что впервые за долгое время ему хочется верить в простое: если сделать всё маленьким, мягким и смешным, возможно, мир не сочтёт это угрозой.

Астра присела на край платформы, взяла одну коробку Лего и, не открывая, просто подержала на коленях — как тяжесть, которая почему-то успокаивает.

- Значит, — сказала она тихо, — у нас будет база, которая выглядит как игрушка.
- И это, — отозвался Ланг, глядя на цветочки и грибочки, — может оказаться самым взрослым решением из всех.

Глава "Челнок"

К своему челноку они шли по коридору, который пах не лесом и не музеем, а дисциплиной: холодный металл, фильтры, сухая чистота. Вдоль коридора тянулся ряд люков в герметичные ангары — такие делают не для красоты, а чтобы мир снаружи не спорил с миром внутри. По пути слышно было, как где-то глубже работают насосы — ровный бас, как у большого животного, которое держит давление и не задаёт вопросов.

Деймон шёл рядом и улыбался так, что Крису хотелось спросить: «Ты что натворил?» — но он не спросил. Он уже знал по опыту: если Деймон улыбается заранее, значит сюрприз точно будет, и лучше дать ему случиться в правильной последовательности.

- Ну? — не выдержала Астра, когда они уже почти подошли к своему люку.

Деймон только пожал плечами — невинно, слишком невинно.

За люком воздух был другой: прохладный, тяжёлый, слегка пахнущий смазкой и электроникой. И там, под светом неоновых ламп, стоял челнок.

Астра ахнула первой — даже не успев придумать, что сказать. Алиса тут же рассмеялась так, будто ей показали фокус, который она просила ещё вчера.

Потому что челнок был раскрашен точно так же, как всё остальное. Те же дружелюбные цвета, те же смешные полосы и формы, та же интонация: «мы не опасны, мы просто... приехали поиграть». Он выглядел так, будто его перепутали с аттракционом и случайно выкатили на космодром.

Крис, который обычно держался за серьёзность как за поручень, остановился и спросил тем самым голосом провожающего, у которого в голове одновременно техника и здравый смысл:

— Это огнеупорная краска, да? И... что с ней будет после входа в атмосферу?

Деймон рассмеялся, как человек, которому наконец-то можно раскрыть секрет.

— Это не краска. Это плитка. Специальная. С Марса. Мы с техниками собирали её как пазл.

Он сказал это с гордостью школьника, который принёс на выставку модель корабля, и с той же лёгкой дерзостью: «Да, я потратил на это ночь — и нет, мне не стыдно».

Астра обошла челнок полукругом, потрогала одну из плиток кончиками пальцев и покачала головой.

— Ты... облицевал челнок игрушками.

Деймон улыбался в ответ так, как улыбаются работники детского сада, который только что убедился: детям понравится.

Алиса прыснула.

— Он сделал, чтобы челнок был симпатичный.

Белка уже ходила вокруг стойки шасси боком — как инспектор, который оценивает не внешний вид, а «можно ли тут зацепиться». Стрелка, естественно, проверила самое важное: ткнула ладонью в яркий участок и радостно выдала короткий звук, похожий на «да!», будто челнок прошёл первичный допуск в её мир.

Нюоф-Нюоф стоял чуть в стороне и смотрел на корабль внимательно, без восторга, но с явным интересом. Он делал то, что всегда делал, когда решал, опасна вещь или нет: измерял её глазами и тишиной.

— Внутри... — Крис шагнул ближе и заглянул в люк. — Ого.

Внутри было не «прибрано», а «забито». Коробки с игрушками занимали всё свободное пространство так, будто челнок готовили не к миссии, а к переезду детского сада на новую планету. И самая заметная деталь — громадный, почти наглый для такого маленького корабля ровер.

Он стоял в центре, как мебель, которая «временно» заняла комнату и уже ясно дала понять, что она тут главный жилец.

- Это... — Астра подняла взгляд на Деймона. — Мы точно взлетим?
- Мы точно взлетим, — сказал Деймон спокойно. — Вопрос только — в каком стиле.

Они полезли внутрь. И тут выяснилось, что стиль у членка действительно «компактный». Протискивались еле-еле: Астра боком, Крис осторожно, Алиса — ловчей всех; маленькие няшки — прыжками, как мячики; и даже взрослый Нюф-Нюф просочился так, будто нисколько не стеснён узким человеческим решением.

- С креслами... что? — спросила Астра, оглядывая пустые крепления.
- Убрали почти все, — сказал провожающий Крис, теперь уже не как шутник, а как человек, который видел техническое обоснование. — Для облегчения. Оставили два пилотских. Остальное — груз и полезное.

Деймон кивнул на ровер:

- Поэтому вам предложили сидеть в нём во время полёта.

Алиса распахнула глаза:

- В ровере?!
- В ровере, — подтвердил Крис. — Там ремни, каркас, и он крепится. Это... самый безопасный «диван» в этом наборе.

Стрелка немедленно решила, что это предложение лично ей: залезла в ровер первой, ухватилась за ремень, попробовала натянуть его на себя и удовлетворённо замерла, будто наконец-то нашла правильную игру.

Белка устроилась рядом — аккуратно, боком, как будто ровер был её веткой. Нюф-Нюф сел так, чтобы видеть люк, людей и Деймона одновременно — на всякий случай. Алиса уселась между ними, смеясь и уже совершенно по-хозяйски щёлкая застёжками.

Астра посмотрела на эту картину — маленький членок, ровер как огромная игрушка, няшки и Алиса «внутри ровера», коробки повсюду — и вдруг сказала с тем самым неверящим смехом, который появляется, когда реальность окончательно перестаёт притворяться серьёзной:

- Мы летим на Сс... как на пикник.

Деймон, всё ещё улыбаясь, закрыл люк и ответил так, будто это и было самой правильной формой контакта:

- Главное — чтобы нас поняли правильно.

Глава "Родная Поляна"

Площадка бывшего «посольства СРРИ» пустовала — ровная, вычищенная, как место, где когда-то пытались быть официальными и потом внезапно передумали. Тишина тут

была особенная: не «никого нет», а «всё помнит».

Алиса узнала её сразу. И Нюоф-Нюоф тоже — ещё до того, как люк членока полностью открылся. Они будто синхронно сделали шаг вперёд, вдохнули этот воздух, и Алиса вдруг обняла Нюоф-Нюофа — крепко, не стесняясь. Нюоф-Нюоф ответил так же просто, как всегда отвечал на главное: без слов, но всем телом. На секунду это выглядело не как встреча, а как возвращение домой, которое не надо объяснять.

Деймон выбрался следом в скафандре — чуть громоздкий, осторожный, как человек, который не доверяет даже собственным воспоминаниям о пыльце. Астра вышла без скафандра, с красными глазами: привычка к пыльце у неё действительно притупилась, но не настолько, чтобы она перестала быть реальностью. Она моргала чаще обычного и всё равно упрямо помогала Деймону — принимала контейнеры, проверяла крепления, перетаскивала ящики так, будто это была не выгрузка, а ритуал закрепления: «мы здесь, мы правда здесь».

Белка тем временем уже радовалась Сс так, как умеют радоваться только существа, для которых мир — это ветви и расстояния. Она прыгала легко, почти беззвучно, будто гравитация здесь была её личным соглашением с планетой.

Стрелка устроилась у Белки на плечах — как на коне-кенгуру, — уверенно держась обеими руками за её лоб. Белка подпрыгивала, Стрелка подпрыгивала вместе с ней, и они вдвоём носились по поляне, то исчезая за камнями, то снова выскакивая в поле зрения — как две пружины, которым наконец-то разрешили быть пружинами.

Алиса проводила их взглядом и вдруг улыбнулась — устало, но счастливо. Нюоф-Нюоф стоял рядом, чуть повернув голову, как будто слушал не их прыжки, а саму площадку, её память, её старую тишину.

И в этой пустоте, где когда-то было «посольство», теперь снова появлялась жизнь — не официальная, не торжественная, а настоящая: с коробками, с пыльцой, с красными глазами, с прыгающей Белкой и Стрелкой на плечах, как маленький флаг радости.

«Детская площадка»

В следующий цикл начался новый виток контакта — почти такой, какого люди безуспешно добивались уже почти пятнадцать лет со дня аварийной посадки Флюкса, Кулупа и Астры. Не «прорыв» в протоколах и не победа дипломатии, а странная, смешная и, как оказалось, единственно рабочая вещь: правильный масштаб.

Помпезное «посольство СРРИ», устроенное контрабандистами, няшки всегда обходили стороной. Оно пахло намерением и чужим «мы пришли всерьёз» — то есть всем тем, что на Сс воспринималось как опасность. Здесь же всё выглядело иначе. Компактная миссия под научным руководством Астры была замаскирована под детскую площадку — и в этом не было обмана, только тонкость: не «мы строим», а «мы играем».

Успех пришёл сразу.

Няшки делали то, чего обычно не делали даже в своей обычной жизни: собирались группами. Не по двое-трое, не коротким «пересечением траекторий», а именно группами — вокруг мини-купола, вокруг коробок, вокруг горки и батута. Они стояли полукругом, менялись местами, переглядывались, напевали — и вся эта их

осторожная социальность вдруг становилась видимой.

Им нравилось всё. Чудные инопланетные игрушки, которые щёлкали, складывались, издавали честные звуки, не пряча смысла. Разукрашенный купол, в который можно заглядывать как в витрину — и каждый раз замечать новые детали: грибочки, бабочек, стилизованных «няшек» на ткани. Прозрачность стен, которая не была угрозой, потому что внутри не происходило ничего «серъёзного» и внезапного.

Внутри купола — в той же палатке со станции, только теперь уже здесь, на Сс, — жили Деймон и Астра. Это само по себе было абсурдно и, вероятно, гениально: люди привезли на другую планету не дом, а привычку — и привычка оказалась понятнее любого павильона.

К членоку приставили надувную горку. Рядом поставили батут.

Няшки прыгали по разноцветной обшивке членока так, будто это большая игрушка, которую можно исследовать всем телом. Они цеплялись когтями, отталкивались, скользили боком, приземлялись на горку, снова взлетали на батуте — и в их движении было то, что люди так долго пытались получить словами: признание безопасного присутствия.

Деймон, с уважением глядя на Астру, повторял — словно не до конца верил, что это происходит:

— Они... приходят.

И это звучало так, будто он произнёс: «они верят», «они разрешили», «они приняли».

Нюф-Нюф с семьёй и Белочка тоже теперь проводили больше времени рядом с Астрой. Но делали это по-своему: не в толпе, не в кругу. Для них соорудили ширму возле палатки — спокойную стенку из ткани и лёгких панелей, за которой можно было быть рядом и одновременно оставаться невидимым для собрания.

Это была уступка не людям, а их природе: общей нелюбви няшкам к сбирающим. Даже когда любопытство тянуло вперёд, инстинкт всё равно требовал укрытия.

За ширмой Нюф-Нюф иногда тихо напевал; Белка подпевала ему и никак не могла наиграться в игрушки — и всё же при этом аккуратно следила за Стрелкой одним глазом или, точнее, одной парой глаз: стебельками на голове. А Стрелка шмыгала туда-сюда — то к горке через лёгкую герметичную камеру входа, то обратно — принося в ладонях очередное найденное сокровище, как доказательство: «там интересно, а тут уютно».

Белка дисциплинированно сопровождала Стрелку и очень быстро, почти безошибочно освоила не самое простое устройство входа-выхода. Все манипуляции она совершала настолько чётко и быстро, что люди на её фоне снова выглядели медлительными неумехами.

Счастливая Алиса целыми днями пыталась показывать Стрелке то букварь, то говорящие игрушки — учila её говорить. Стрелка, совсем как маленький ребёнок, жутко коверкала отдельные слова; в сочетании с птичьим голосочком это звучало настолько необычно, что Астра стала записывать их дни на аккуратно спрятанный диктофон — не как отчёт, а как редкую живую хронику: когда язык рождается не на

кафедре, а на коленях.

Астра, сидя внутри купола с планшетом на коленях, вдруг поймала себя на мысли, что впервые за все эти годы контакт выглядит не как переговоры.

А как двор.

«Рубики»

Через некоторое время семейство Нюф-Нюфа плавно переключилось на кубики Рубика.

Началось с того, что Стрелочка притащила к ширме маленький, яркий кубик: то ли выменяла, то ли «нашла» — в той особой логике, где любая вещь, попавшая в лапы, автоматически становится частью мира. Она держала его двумя руками, трясла, слушала сухие щелчки, радостно посвистывала и, как обычно, принесла самое интересное туда, где было уютно.

Нюф-Нюф взглянул — и кубик будто мгновенно сменил статус: из игрушки превратился в задачу.

Он взял его осторожно, повернул один слой, другой — и в его движениях не было ни пробы, ни случайности. Это выглядело так, словно он сразу понял не «как крутить», а *что именно здесь вообще происходит*. Белка сидела рядом, следила стебельками-глазами и тихо подпевала его напеву, как будто у задачи есть ритм, а у ритма — правильное решение.

Через пару циклов в их уголке под куполом уже лежали все возможные варианты: классические кубики, «плоские» головоломки, странные многогранники, кубики с картинками, кубики с лишними гранями, кубики, которые выглядели так, будто их придумали специально, чтобы проверить терпение вселенной. Нюф-Нюф и Белка натащили их туда один за другим — и это быстро стало привычным.

Часы и дни протекали в семейном соревновании. Не громком, не азартном по-человечески — а сосредоточенном, почти музыкальном. Нюф-Нюф решал и напевал. Белка решала и напевала вместе с ним. Они то обменивались головоломками, то как будто перехватывали ход друг друга: один начинал, другой продолжал. Временами они замирали над кубиком вдвоём, как над общим костром, и тогда воздух вокруг становился таким же плотным, как перед удачным ходом.

Стрелочка тоже пыталась участвовать — с той серьёзностью, с какой дети участвуют в шахматах взрослых. Ей выдавали самые простые варианты: два цвета, крупные элементы, минимальная логика. Она крутила их старательно, иногда даже с торжеством показывала результат, который был правильным только в одном месте — и от этого её радость становилась ещё честнее.

Алиса, наблюдая за этим, честно призналась:

— С меня достаточно талантов обезьяны. Рубики я не потяну.

И с облегчением вернулась к своему: ненавязчиво, терпеливо учить Стрелочку словам — буквально, говорящими игрушками, случайными бытовыми фразами, повторениями, шутками, всем, что работает у обычных родителей обычных детей.

Стрелочка училась медленно. Не как земные птицы или взрослые няшки, которые

могут ухватить словосочетание и повторить как запись. Стрелочка придумывала свои неправильные слова и за них цеплялась — как делают это человеческие дети. Она застревала на них, как на любимых камешках: раз сказала — значит, это *её*. И если потом Алиса мягко поправляла, Стрелочка не «заменяла», а игнорировала; а при особой настойчивости Алисы придумывала другое слово — и так до бесконечности.

Получалось странное двуязычие: стандартный (только, как для птенчика, упрощённый) свист няшек — плюс новый человеческий звук.

Из-за этого её голос стал совершенно сюрреалистичным. В воздухе под куполом теперь временами звучала невозможная смесь: няшечий свист — и исковерканные слова Алисы, вплетённые в него так, будто язык пытался сам себя изобрести заново. Иногда Стрелочка выдавала слово, которое *почти* было словом — и тут же украшала его трелью, как будто ставила подпись: «это моё, я так буду говорить».

Астра слушала это краем уха, записывала наблюдения в планшет, но всё чаще ловила себя на другой мысли: в этой «детской площадке» происходили две одинаково важные вещи.

Одни учились собирать цвета в порядок.

Другие — собирать звук в смысл.

Новый этап в обучении Стрелки случился внезапно. Подсказал Нюф-Нюф.

В очередной раз, когда Алиса терпеливо пыталась поправить Стрелку — мягко, по слогам, снова и снова, — Нюф-Нюф вдруг поднял голову, прислушался не к их словам, а к самой *ошибке*, как к знакомому мотиву. И, не меняя выражения, припомнил детский стишок с нужным словом — тот самый, который когда-то запомнил у одной из бесконечных говорящих игрушек.

Он просто пропел его — коротко, точно, как ключ.

И понеслось.

Стрелочка необычайно быстро научилась воспроизводить — но, разумеется, не то слово, которое Алиса пыталась вытащить из её пинцетом. Стрелочка выучила *целиком* стишок. С интонацией. С паузами. С ритмом. С тем самым местом, где игрушка делала смешной акцент или на секунду “радовалась” собственному слову.

Алиса сперва замерла, потом рассмеялась — не обидно, а с облегчением: ну конечно. Если ей дать выбор между отдельным словом и мелодией, Стрелочка выберет мелодию.

Нюф-Нюф сидел рядом и напевал вместе с ней, подхватывая как дирижёр: чуть раньше, чуть тише, чуть точнее. Белка слушала стебельками-глазами так внимательно, будто фиксировала не результат, а метод.

И очень быстро Стрелочка начала собирать из стишков свою собственную речь — не “слово за словом”, а “песня за песней”. Она тащила отовсюду мотивы: из игрушек, из Алисы, из напева Нюф-Нюфа, из собственных свистов. Смешивала, перекраивала, вставляла туда новые человеческие звуки — и снова пела, как будто проверяла, будет ли это жить.

Через некоторое время прежняя какафония Стрелочки исчезла. На её месте появилась мудрёная детская опера: с бесконечными увертюрами, припевами, повторениями “на бис” и внезапными вставками, где одно-единственное нужное слово пряталось внутри ритма — как бусина в игрушечном ожерелье.

И Астра, слушая это краем уха, вдруг поняла с почти научной радостью: Стрелочка не сопротивлялась языку.

Она просто выбрала тот формат, в котором язык ей был доступен.

Не словарь.

А музыка.

Следующий этап выглядел как откат назад — ровно потому, что со стороны люди всегда ждут «правильного прогресса»: линия вверх, аккуратные ступеньки, галочки в тетрадке. А у Стрелочки прогресс был живой, как трава: где-то растёт, где-то заворачивает, где-то вдруг решает цветти не там, где просили.

Она включила фантазию.

На знакомые мотивы — те самые стишкы, которые уже стали её опорой, — Стрелочка начала вставлять свои собственные слова. Не «ошибки», не «искажения», а именно *свои*: придуманные, упрямые, иногда смешные, иногда странно точные. Стишок оставался узнаваемым, как мелодия, которую все уже умеют напеть, но внутри этой мелодии вдруг появлялись новые кусочки — как будто ребёнок взял готовую песню и решил: «а теперь это будет про меня».

Алиса сперва расстроилась. Не сильно — скорее тем самым тихим разочарованием, которое бывает у взрослых, когда они уже видят цель и так хотят, чтобы ребёнок наконец дошёл до неё «как надо». Она даже на секунду замолчала, будто боялась, что любое слово снова сломает конструкцию.

Астра, наоборот, пришла в восторг — и это было видно сразу. У неё загорелись глаза тем особым светом, который у учёных появляется редко: когда они не просто наблюдают явление, а внезапно понимают, что присутствуют при рождении чего-то нового.

Она начала повторять стишкы Стрелочки — специально, громко, с преувеличенной серьёзностью, как будто читала великий эпос, — и делала это так, что это выходило почти дружеской поддёвкой. Причём поддёвкой именно Алисы: мол, смотри, твой ученик уже сочиняет.

— Астра, ну что ты... — вздохнула Алиса, пытаясь не улыбаться.

— Я ничего, — невинно сказала Астра, продолжая напевать очередную « увертюру » Стрелочки. — Я фиксирую культурный пласт.

Потом она всё-таки стала серьёзнее и, не переставая улыбаться, добавила уже тихо, чтобы услышала только Алиса:

— Это первый такой эксперимент в истории человечества. И путь Стрелочки вызывает уважение, а не тревогу. Она не ломает язык — она его *примеряет*. Она

делает то, что делают настоящие носители, а не диктофоны. Творчество — это не откат. Это признак того, что оно ей стало своим.

Алиса выдохнула — и кивнула, как будто ей разрешили не «контролировать», а просто быть рядом.

А Стрелочка тем временем шла дальше: смешилась, переставляла, пела, повторяла, спорила со своей же версией, радовалась удачным местам и упрямо удерживала свои любимые «неправильности». И всё равно — как ни странно — нормальных слов, точнее *словосочетаний*, у неё становилось больше. Они начали прилипать к мотивам, как метки: «это про горку», «это про Белку», «это про еду», «это про Алису».

Язык переставал быть упражнением.

Он становился игрой, в которую Стрелочка играла уже по своим правилам.

Глава "Парк"

Астра как-то заметила Деймона, что, наверное, скоро игрушки растащат и придётся заказывать «космическому Айболиту» новую партию коробок.

Деймон — бывалый сталкер-менял — только усмехнулся и посоветовал Астре чаще выходить: не Стрелкой единой жива наука. Гора игрушек уже давно была хорошо разбавлена таким количеством «сувениров Сс», какого в лучшие времена на Земле не было бы, пожалуй, и в самых больших частных коллекциях.

Не детские погремушки и не «игрушки», как у Стрелочки, а то, что у них обычно живёт глубоко в быту: маленькие предметы, напоминающие сувениры для взрослых; странные утилитарные мелочи; вещи «потому что красиво» или «потому что приятно держать». То ли украшения, то ли инструменты, то ли просто предметы с историей, которую никто не рассказывает вслух — потому что она и без слов живёт в самой вещи.

После этого Деймон, который до того честно исполнял роль «ничего-не-делания под куполом» — наблюдать, не мешать, быть базой и стенкой, — внезапно переключился.

Он начал обустраивать площадку.

Сначала — мелочи: поправил крепления горки, выровнял настил у входа, чтобы Стрелочке было удобно шмыгать туда-сюда. Потом — серьёзнее: добавил поручни там, где люди бы сказали «ну и так сойдёт», но где на самом деле было неудобно для лап и когтей. Поставил простые деревянные бортики, чтобы песок не убегал из «песочницы» в самый неподходящий момент. Распланировал дорожки так, чтобы по ним можно было ходить боком, не теряя темпа — как они любят.

Астра радостно поддержала начинания Деймона, но всё-таки фиксация детства Стрелки казалась ей важнее — и она почти не помогала, только записывала, поглядывая одним глазом настройку, другим — на язык.

Зато няшки заметили перемену очень быстро.

И стали его сменой.

Они почти никогда не помогали напрямую — не подносили доски, не держали гвозди, не делали то, что человек назвал бы «работой». Но стоило Деймону уйти под купол, заняться чем-то внутри, отвлечься на разгрузку или на разговор с Астрой — как площадка начинала меняться.

Не грубо — скорее так, будто кто-то продолжал мысль.

Няшки развернули строительство и старались держаться интуитивно понятного стиля «детской площадки». Сначала просто появлялись новые линии из камешков — не «для красоты», а чтобы всё вдруг стало цельным. Потом начали возникать целые деревянные конструкции, будто специально подогнанные под ту самую первоначальную «цветовую гамму членока»: не копируя, а подхватывая настроение, как подхватывают мелодию.

Астра записала себе, почти с удивлением: площадка перестала быть чужой конструкцией. Она стала местом, куда они вкладывают. Местом, где они позволяют себе участвовать.

В итоге Деймон половину времени проводил за столярными и земляными работами. Он копал, выравнивал, подрезал, подгонял, закреплял. Он ходил с инструментами так, будто всю жизнь ждал повода заниматься ровно этим — делать пространство, в котором другим спокойно и интересно.

Алиса несколько раз сказала, смеясь:

— Он нашёл себе работу мечты. Делает детскую площадку на другой планете.

Белка приносила ему «непонятные полезные штуки» и складывала рядом, как бы случайно — а потом смотрела стебельками-глазами, заметил ли он. Стрелочка пыталась участвовать по-своему: таскала лёгкие элементы, приносила «самое нужное» (обычно не то) и радостно пела, когда что-то всё-таки вставало на место.

Нюф-Нюф держался чуть в стороне, как всегда, но иногда подходил, приседал рядом и смотрел так внимательно, будто проверял не качество доски, а смысл жеста.

А площадка постепенно превращалась в произведение искусства. Не в музейную инсталляцию и не в отчётный объект, а в живую композицию, которую делали вместе разные виды — каждый на своём языке.

И, пожалуй, именно это и было настоящим контактом: не слова, не договор, не «мы договорились».

А то, что в отсутствие человека кто-то продолжает его работу — так, будто вы вместе строите одно место.

Глава "Фонтан"

После очередного «ночного» отдыха — лишь слегка синхронизированного с длинными периодами А-В, — Деймон выполз из палатки, потянулся, как человек, который собирался прожить ещё один обычный рабочий цикл, и вдруг остановился.

Сквозь прозрачный купол угадывалось *нечто новое*.

Он даже не сразу понял, что именно не так: будто пейзаж сменили незаметно, не

меняя света. Потом взгляд зацепился за округлые формы — мягкие, правильные, словно их выкапывали из камня ладонью. Деймон знал такие: няшки делали их из лёгких пористых камней и любили облицовывать мозаикой — не яркой, а той, что держит рисунок на расстоянии и начинает работать только когда подойдёшь ближе.

— Вы это видите?.. — выдохнул он, и в голосе было не возмущение, а чистое, почти детское удивление.

Астра уже поднималась, не задавая вопросов. Они выбежали наружу — и оказалось, что «нечто новое» не просто видится: оно *стоит*.

На поляне появились округлые строения, как элементы одной плавной композиции. Рядом — бассейн, неглубокий, с гладкими краями, и фонтан, тихий, будто сделанный не для шума, а для жеста. Вода уже работала: не струя-напор, а аккуратное, уверенное течение, как если бы кто-то показал, что тут теперь можно жить не только на сухом воздухе.

Рядом лежали горы камней — навезённые, но не сваленные, а аккуратно сложенные, как сырьё в мастерской. Инструменты — тоже: уложены стопками, разложены по длине и форме, словно кто-то заранее подумал, что людям будет удобно. Всё выглядело как подготовка к ещё большему фронту работ — только фронту, который начался без команды и без объявления.

Деймон медленно прошёлся вдоль кромки бассейна, присел, коснулся облицовки пальцами — и замер.

Мозаика была в той же палитре, что и у «челнока»: дружелюбные цвета, знакомые переходы, интонация «мы играем», только теперь — на камне и воде. Не копия и не насмешка, а продолжение стиля, как будто площадка давно стала общей темой, и кто-то просто взял на себя новую партию.

Астра, обойдя фонтан, заметила ещё одну деталь — и её лицо изменилось так, будто она увидела не объект, а технологию.

— Деймон... — сказала она тихо. — Смотри.

В стороне, среди травы и камней, тянулась тонкая линия — слишком ровная для случайности. А дальше — следы работы, от которых у любого инженера начинается одновременно восторг и головная боль: свежая колейка, узкая, «микро», как у няшек; и рядом — трубы.

Оказалось, они незаметно подвели на эту удалённую поляну свою микроколейку. И проложили водопровод. Не «как-нибудь», не «временно», а так, как они делают всё, что считают частью места: тихо, быстро и сразу с перспективой.

Буквально за несколько часов они навезли горы материала — и уже успели построить композицию с фонтаном и бассейном, будто это было не чудо, а просто пункт в списке дел: *добавить воду, добавить форму, добавить красоту*.

Деймон оглянулся на купол, на горку, на новые камни — и вдруг понял, почему у него внутри всё так переворачивается: это уже не «люди сделали площадку, а няшки пришли посмотреть».

Это было другое.

Это было: «мы вместе делаем место».

Они договорились так: никаких прямых сигналов из района миссии. Сообщения — только через челноки на орбите, короткими пакетами, и дальше — физическая доставка почтовыми дронами-роботами. Кислород, мелочи снабжения, флэшки, бумажные записки — всё, что угодно, лишь бы со стороны поляны не уходило никаких заметных «голосов». На всякий случай.

Предыдущие миссии и челноки сталкеров нарушили это правило не из дерзости — просто из незнания. Флюкс и Кулуп после странной истории их с Астрой спасения почти ничего не помнили, а Астра рассказала о табу роя слишком поздно: к тому времени сталкеры уже не летали — пропал рынок сбыта, исследовательские миссии Земля больше не финансировала.

Робот-дрон прилетел почти бесшумно. Он вышел из-за рельефа, коротко завис у края поляны, выбрал площадку, сел и замер, будто изображал из себя обычный предмет ландшафта.

Деймон привычно подошёл на разгрузку. Дрон раскрыл отсек, выдал свежие баллоны с кислородом и маленькую герметичную капсулу. Внутри — флэшка.

Астра взяла её, как берут записку из другого времени, и улыбнулась ещё до того, как подключила к планшету: сообщение от Криса она угадывала даже по весу этой штуки.

Текст оказался коротким, но восторженным — по-Крисовски, то есть восторг там был замаскирован под деловой стиль и всё равно торчал наружу:

«Я вижу вашу поляну с разведчиков. Скажите Деймону, что он официально победил в конкурсе “лучший парк за пределами Солнечной системы, построенный людьми совместно с внеземным разумом”..»

Астра хмыкнула.

— Он в своём репертуаре. Лучший парк из таких парков, каких никогда ещё не было.

Крис описывал, что видит с дронов-разведчиков, и Астра, читая, ловила себя на странном ощущении: как будто кто-то рассказывает тебе про твой собственный дом, который для тебя так быстро строили, что ты не успевала разглядеть его целиком.

Поляна к тому времени и правда изменилась до неузнаваемости. Она приобрела вид полноценного парка культуры и отдыха — только без вывески и без кассы. Извилистые округлые формы бассейнов и фонтанов вплетались в ландшафт, как будто это всегда было здесь, просто раньше не умели смотреть. На клумбах появились цветы — высаженные не «ровными рядками», а так, чтобы цвет был частью композиции. Тут и там прижились молодые деревья, аккуратно подпёртые и защищённые.

По поляне стояли бесконечные малые и большие деревянные формы: мостики, помосты, перила, странные «лазалки» и «сиделки», которые не имели одного назначения, зато идеально подходили для их движения. Появились домики с переходами — не человеческие, не няшечки, а промежуточные: сделанные так, чтобы и человеку было ясно, куда идти, и няшке было приятно, как прыгать.

И где-то среди всего этого — их жилой купол. Их челнок с горкой и батутом. Их маленькая человеческая палатка внутри прозрачной оболочки.

Теперь они были уже не центром композиции, а изюминкой. Акцентом. Небольшим смешным элементом, который добавляет сюжету вкус.

Астра дочитала сообщение Криса, подняла глаза на реальный парк вокруг — и впервые за долгое время ощутила, что слово «контакт» можно произносить без внутренней иронии.

Потому что парк не строят для отчёта.

Парк строят, когда хотят, чтобы кто-то пришёл — и остался.

=====

Часть V

Свет гулял по потолку пещеры.

Свод держит влажный блеск, трещины светятся тонкими прожилками, капли висят на камне стеклянными бусинами. Воздух густой, солоноватый, с привкусом мха. Вода где-то рядом хранит зеркала, и в каждом зеркале дрожит тот же свет — перевёрнутый, глубокий.

Зал полон движения.

Няшки текут по уступам и по полу, боком, пружиной, скольжением, коротким касанием когтя, длинной дугой хвоста. Стебельки-глаза над головами живут своим ритмом: пары огней вспыхивают, смягчаются, смещаются, будто в воздухе проложены дорожки из музыки.

Свист висит в объёме пещеры, как ткань.

Тонкие трели вшиты в низкий резонанс, паузы держат форму, как натянутая мембрана. Эхо ложится вторым слоем: мягким, округлым, тёплым. Камень принимает звук и возвращает его светом: по стенам пробегают янтарные полосы, по потолку собираются фиалковые пятна, у воды вспыхивает зелёный лёд.

Координация ощущается кожей.

У одних шаг дробный, у других широкий, у третьих шаг заменён качанием корпуса, а вместе это складывается в общий ход, словно зал дышит множеством грудных клеток. В одном месте возникает просвет, в другом — плотный узел, по краю идёт быстрый поток, по центру держится ровная глубина. Проходы открываются и закрываются точно, как створки в большом организме.

Огоньки на стебельках ведут хоровод.

Световые пары сплетаются в венки, расходятся спиральами, собираются кольцами вокруг пустоты в центре — пустоты натянутой, как струна. Эта пустота звенит без звука: вокруг неё ладони раскрываются на разных высотах, хвосты рисуют разные

радиусы, когти ставят пунктир по камню, и весь зал отвечает единственным дрожанием света.

По краям мерцают «танцующие огни».

Голубые искры скользят над влажным камнем, будто сама пещера подпевает и подмигивает. Вода ловит их, ломает, множит, и от этого кажется, что свет рождается внутри породы, а стебельки лишь подхватывают направляют.

Темнота.

Полная, плотная, без бликов и без остаточного свечения. Пещера перестала быть залом и стала объёмом: камень, воздух, вода где-то в глубине — и тишина, которая слышится ушами, кожей, горлом.

На полу лежат четверо.

Стрелка — вытянулась, как после долгого бега; стебельки опущены, глаза не светят, только блестят влажной точкой, когда она моргает. Рядом Кукушка — тяжёлым спокойным комком, с хвостом, уложенным вдоль тела. Мартышка — боком, ладони под щекой, будто училась у людей спать «правильно». Белка — ближе к стене, как всегда, будто и отдых выбирает с возможностью мгновенно прыгнуть.

Тишина держит их, как вода держит камни на дне.

Стрелка смотрит в потолок. Свод исчез, но взгляд всё равно цепляется за высоту, за пустое место, где только что жил свет. Внутри неё ворочается память — не как картинка, а как ощущение чьей-то позы, чьего-то голоса, чьего-то имени, которое не помещается в её собственный рот.

Ей кажется, что она — Астра.

В этой же пещере когда-то сидел Флюкс. Сам факт сидения ощущается как тёплый отпечаток на камне: угол, где тишина всегда была чуть гуще. Стрелка знает это так, как знают во сне: без доказательств, но без сомнений.

И вдруг она говорит.

Голос выходит чужой — взрослый, человеческий, с теми интонациями, которые Стрелка слышала рядом с куполом, рядом с палаткой, рядом с бумагой и железом. Голос Астры.

— Алиса, ты помнишь?

Мартышка не открывает глаз. Её ответ приходит мягко, почти лениво — как будто фраза лежала у неё под языком, готовая много циклов подряд. Голос Алисы — звонкий, слишком земной для этой темноты.

— Всё помню.

Кукушка слегка шевелит хвостом, будто поправляет себе под спиной камень. И произносит фразу голосом Деймона — чуть хриплым, усталым, с тем вниманием к словам, какое бывает у людей, которые однажды пережили слишком много.

— Почему это случилось именно с нами?

Стрелка всё так же смотрит вверх. В темноте её стебельки похожи на тонкие веточки на фоне ночи, которой тут нет — но которая ощущается.

Голос Астры снова.

— Каждый из нас умел любить.

Кукушка — тем же Деймоном, тихо, почти удивлённо.

— Да... как странно.

Мартышка поворачивает голову на пару сантиметров — будто ориентируется на источник голоса, которого в пещере нет. И говорит голосом Алисы, обращаясь к Кукушке так, как будто между ними тянется нить, которую можно потрогать:

— Спасибо тебе, папа, что не бросил нас. Я помню, как косо смотрели врачи. Тебя бы заклевали на Земле родственники.

Кукушка выдыхает. Камень принимает этот выдох и оставляет его в себе, как часть рисунка.

— Как странно, — говорит она тем же голосом Деймона.

Белка лежит молча. Только стебельки чуть приподнимаются — не светом, а вниманием: как будто она держит эту темноту, чтобы чужие голоса могли спокойно пройти сквозь неё и лечь рядом, как ещё один слой сна.

Темнота держит зал, как ладонь — дыхание.

Кукушка, не поднимая головы, говорит голосом Деймона — тише, чем обычно говорят люди, и от этого фраза звучит ещё дальше:

— Космос так велик.

Стрелка смотрит в невидимый потолок и отвечает голосом Астры — ровно, как будто это строчка из чужой памяти, поставленная на место:

— Подумать только.

Мартышка лежит на боку, ладонь под щекой, и шепчет голосом Алисы — тем самым, который умеет быть одновременно смешным и страшно взрослым:

— Я помню, как я рожала вас всех и себя тоже... яйца так легко нести. Тяжелее всего далась ты, Стрелка... а своё яйцо я уже совсем легко родила.

Тишина становится плотнее, будто пещера прислушалась.

Мартышка, тем же голосом, спрашивает в пустоту — не требуя ответа, просто бросая вопрос как камешек в воду:

— Мой любимый папа, где ты?

И сразу — свист.

Знакомый, короткий, чуть в стороне, как сигнал «я здесь». По камню мягко проходит шаг. К ним подходит Нюф-Нюф — большой силуэт в темноте, чуть выше всех, как тёплая гора. Он садится рядом. Его присутствие чувствуется телом: давление воздуха, запах, тишина, которая вдруг становится безопасной.

Все молчат.

Кукушка вдруг тихо смеётся голосом Деймона — не весело, а так, как смеются, когда нашёлся ответ, и он почему-то прост:

— НЛО не нужно.

Стрелка, не отрывая взгляда от темноты над собой, соглашается голосом Астры:

— Да. Не нужно.

Ладони находят ладони.

Пятеро берутся за руки: когти аккуратно убранны, хвосты уложены, стебельки касаются друг друга невидимыми кончиками. В темноте это ощущается как узел, который завязывают не верёвкой, а доверием.

И им снится полёт.

Под ними — Земля.

Города лежат развалинами, прямые линии распались, стены стали холмами. Асфальт пророс травой, мосты заросли лианами, стекло превратилось в песок. По площадям идут деревья, как волны. По крышам — лес. По трассам — зелёные русла.

Ни души.

Только ветер и трава, и тёмные пятна бывших улиц, которые уже почти ничего не значат.

Они летят над этим молча, держась за руки, как будто рукам проще помнить, чем словам.

Приложение.

● 1. Звёздная система Nyashka

Proxima Nyashka (C) Тип: M9V Масса: 0.079 M_○ Светимость: 0.015% L_○ Температура поверхности 2350 K Период вращения 135 суток. Излучение: 90% ИК, но излучает гораздо большую долю высокоэнергетического излучения (рентгеновского и ультрафиолетового) по сравнению со звездами, подобными Солнцу Возраст: 10 млрд

лет, металличность солнечная, вспышечная активность относительно слабая
Обращается на расстоянии 0.1 а.е. с эксцентриситетом 0.113 вокруг барицентра
пары звёзд Alpha Nyashka A–B: Обе M8V, массы 0.083 и 0.086 M_⊙ Расстояние между
A-B: 0.02 а.е. Светимость: 0.03% L_⊙ B + 0.05% L_⊙ A = 0.08% L_⊙ A + B Возраст: 10
млрд лет

❷ 2. Планеты Proxima Nyashka b Ио-подобная Орбита: 0.01 а.е. Эксцентриситет
блико к 0. Радиус: 5460 км Плотность: 0.63 ρ⊕ Масса: 0.5 M⊕ Вращение: 1:1,
синхронное Поток излучения: ≈158% земного Вулканизм: сильный

Proxima Nyashka c (Cc) - Земле-подобная Орбита: 0.014 а.е. Эксцентриситет:
блико к 0. Радиус: 1.2 R⊕ Плотность: 0.6 ρ⊕ Вращение: 1:1, синхронное

Поток света: – 76% земного от Proxima Nyashka – 8% от Alpha Nyashka A–B – Итого
≈ 84% земного

Атмосфера: 2 атм, атм. столб х2.9 земного из-за 0.72 г. Азотная, 14% кислорода,
0.2% углекислого газа, много аэрозоли в атмосфере - из-за вулканического пепла
и пыльцы растений. Средние океаны: ~11 км глубина, 52.8% поверхности планеты,
отдельные впадины глубиной до 30 км. Средняя t поверхности +21.5

Альбедо: 0.2 (низкое — из-за ИК звёзд, и постоянного выпадения атмосферной
влаги в виде осадков, из-за конденсации вокруг аэрозолей биогенного и
вулканического происхождения)

Суша: 47.2% поверхности, 346 млн км, 73% суши - невысокие молодые горы средней
высотой 2 км, но отдельные вулканические гиганты высотой до 34.5 км над уровнем
моря. Очень пересечённый "рваный" рельеф из-за повышенного вулканизма -
многочисленные системы морей внутри массивных участков суши и многочисленные
острова в океанах и морях. Гигантские приливы несколько десятков метров -
приливные ландшафты занимают 1% суши.

Тёплые вулканические площади - около 7% поверхности океанического дна и 3% суши.

Гигантский материк имеет форму подковы. Высота самых высоких гор материка до 34
км над уровнем моря. В подзвёздной точке - центр этой подковы, подзвёздный
оcean 1/5 поверхности планеты и много островов - 1/4 площади этого океана.
Средняя температура на подзвёздной стороне - +31 на уровне моря, причём +39
прямо в подзвёздной области и +23 на берегах континента-подковы.

Противоположный подзвёздной точке океан это 1/3 часть планеты - средняя +15,
многочисленные острова - 1/8 площади этого океана.

Климат: лесная планета с 70–80% влажных биомов, очень мягкие температурные
колебания

Вулканизм: ≈60× земного — умеренно-частые излияния, — огромные базальтовые
плато, — много “молодой” суши — в терминаторе стабильные тектонические поднятия

❸ 3. Флора и фауна Cc

Флора

гигантские древесные виды: 50–160 м

широкие ленточные листья, очень тёмные (адаптация под ИК)

массивные корневые арки — как мосты

лишайники и растения, светящиеся в ИК

почти непрерывные леса на 70% суши

Фауна

птицеподобные островные формы, среднего размера млекопитающеподобные и земноводноподобные горно-лесные виды, множество древесных зверьков (летяги, глейдеры), небольшие водные охотники

Множество очень мелких грызуноподобных, колибриподобных и земноводноподобных видов, выполняющих те же биологические функции, что средние и крупные земные насекомые - результат низкого содержания кислорода и длительной эволюции, в результате которой преимущество оказалось у более умных.

➊ Разумный вид Сс

Появились наподобии неандертальцев в прохладных широтах на каком-то статистически не очень вероятном на Сс, но изредка возможном относительно стабильном участке суши, позже везде доплыли на плотах, но остальные виды окончательно не вытеснили, в теплых широтах склонны жить как можно выше в горах

Издалека похожи на человека, прямоходящие, эволюционировали от подобия хищных кошек, которые эволюционировали от подобия красных панд, которые эволюционировали от подобия белок-летяг, которые в свою очередь эволюционировали от подобия полярных птиц. Вся многоклеточная эволюция заняла миллиарды лет - существенно дольше чем возраст земной многоклеточной биосферы.

0) *Laguna triformis* — лагунный трёхрежимник (тёплое подзвёздное мелководье, гигантские приливы)

Роль/ниша: мелководный универсал в зоне экстремальных приливов (обычно десятки метров по уровню, иногда сотни). Это делает жизнь “многорежимной”: то почти поверхность, то глубокая вода, то отливные ловушки.

Зрение (2+4):

Камерные (2, в ямках): простые чашевидные глазки — лучше всего дают устойчивую сцену в тени, под навесом водорослей, в мутной воде. Это будущая линия “медленныхочных”.

Фасеточные №1 (2, на отростках): быстрые “световые” глазки для ориентации, движения, вспышек опасности — особенно полезны близко к поверхности.

Фасеточные №2 (2, на отростках): глубоководные фасеточные: в условиях регулярного “хода вниз” они уже начинают смещаться к чувствительности при слабом свете (больше интеграция, другие формы фасеток/пигментов, другие углы приёма).

ЦНС: появляется ключевая стратегия линии: не “один лучший глаз”, а сшивка трёх режимов видимости (сцена/быстрое событие/глубина).

1) Fretum praevisor — проливный предсказатель (узкие проливы, внутренние моря, отливные ловушки)

Роль/ниша: животное постоянно попадает в ситуации отлива (из-за огромных приливов): оказывается в карманах воды, в лабиринте проток, иногда на мокром рельефе, где надо срочно найти путь к воде. Плюс — резкие перепады глубины в проливах: “свет есть → света почти нет”.

Зрение:

Камерные: усиливаются как детальное зрение в тени рельефа и в “мутной сцене”.

Фасеточные №1 (быстрые): ведущие для манёвра, ориентации, отслеживания движения в бликах и в протоках.

Фасеточные №2 (глубоководные): ведущие в тёмных провалах и на глубине во время приливных “провалов света”.

Ключевая инновация: люминесценция на фасеточных №1 — для глубоководных задач

У Fretum praevisor на быстрой (мелководной) фасеточной паре №1 появляются биолюминесцентные элементы в модифицированных фасетках. Они не “для красоты” и не “для мелководья” — их смысл именно глубоководный:

Сигнализация в темноте глубины Когда особи оказываются в глубоких карманах/провалах, в мутных ночных слоях и при “провале света”, биолюминесцентные фасетки работают как маяк: “я здесь / я свой / я не добыча” (минимальный код).

Активная подсветка ближнего поля На глубине и в мутной воде главная проблема — не “увидеть далеко”, а “прочитать рельеф и объект на расстоянии тела”. Люминесценция на фасеточных №1 даёт структурированный свет в ближней зоне.

Подсветка для второй пары (глубоководных) фасеточных №2 Это твоя ключевая мысль, и она очень логична: глубоководные фасеточные №2 заточены под сверхслабый свет и часто имеют большую чувствительность ценой скорости/детализации. Подсветка от №1:

повышает контраст объектов в ближнем поле,

даёт “опорный” сигнал, на который №2 могут быть настроены спектрально и временно (см. ниже про модуляцию).

Почему люминесценция на №1, а не на №2: №2 — “приёмник для темноты”. Любая

активная подсветка на них самих ухудшает их главную функцию (самозасветка/маскировка/паразитные отражения). №1 — быстрые и подвижные, их проще использовать как управляемый “фонарь/маяк”, не ломая глубокий приёмник.

2) *Radixsalta amphibius* — корнепад (переход к сухе и лесной кромке)

Роль/ниша: полусухопутная форма на границе воды, корней, мокрого камня, подлеска и пещерок.

Почему обе фасеточные пары сохраняются: На планете “видимость” часто плохая и переменная: спектр М-звезды смешён, атмосфера плотная и облачная, аэрозолей много, вода мутная, а на границе вода-лес-камень постоянно меняются доминирующие каналы. Поэтому эпизодически выигрывает то один, то другой тип зрения — и фасеточные №2 не атрофируются.

Зрение:

Камерные: усиливаются как “медленная сцена” в тени и полутиме (подлесок/укрытия).

Фасеточные №1 (быстрые + люминесцентные элементы): остаются быстрым каналом событий; люминесценция становится универсальным ближним “якорем” в тумане/влажности (не обязательно постоянно включена, но структура уже есть).

Фасеточные №2 (глубоководные): сохраняются как отдельный канал слабого света/контраста: на сухе они превращаются в “специалиста по плохой видимости”, ещё не ИК.

3) *Nebulornis frigidus* — туманник прохладного полушария (уход на прохладное полушарие)

Роль/ниша: прохладное полушарие (регулярно подсвечивается далёкой парой М-звёзд, но света мало, особенно в оптике), много тумана/аэрозолей → контраст убит, шум огромный, цена ошибки высокая.

Стартовое условие: он приходит с 2 камерными + 4 фасеточными.

Большой перелом: глубоководные фасеточные №2 → дальний ИК-сенсор + слуховой отражатель

Именно здесь бывшая “глубоководная” пара №2 быстро меняет специализацию:

фасетки укрупняются,

чувствительные клетки становятся “гигантскими” и термочувствительными,

отросток расплывается в диск,

диск получает акустическую функцию: отражение/фокус звука над слуховыми ямками (как тарелка-рефлектор).

Зрение теперь:

Камерные: почти совиные — главный канал “сцена/деталь” в полутьме леса, подлеска, пещер.

Фасеточные №1: быстрый канал манёвра + исторически сложившаяся люминесцентная “инфраструктура” ближнего поля.

ИК-диски (бывшие №2): тепловая карта + акустическая поддержка — независимый контур “реальности” в тумане.

4) *Caloraptor constans* — теплокровный береговик (закрепление теплокровности)

Роль/ниша: длительная активность и поиск в сырости/ветрах прохладного полушария; теплокровность закрепляется.

Зрение:

Камерные: детализация и сцена в лесной темноте.

Фасеточные №1: быстрый “манёвровый” канал, незаменим для динамики и полёта.

ИК-диски: дальний ИК + “ушная тарелка”.

ЦНС: появляется длинный горизонт планирования, а робастный фильтр шума становится отдельной крупной функцией.

Птичья стадия (3 типа) 5A) *Galeovolans saxicola* — шквальный паритель

Птица горных кромок и ветровых коридоров (полёт “внутри препятствий”).

Камерные: сцена при посадке, сумрак, тень.

Фасеточные №1: обязательны для полёта/манёвра и чтения оптического потока.

ИК-диски: туман/аэрозоль + слуховая помощь.

5B) *Coronivorax opportunitus* — коронник всеядный (вороноподобный)

Универсал, лазание, обучение, исследование; пение усложняется как дальний простой сигнал.

Камерные: детали в подлеске/пещерах.

Фасеточные №1: динамика и полёт.

ИК-диски: поиск живого/устойчивость к туману.

5C) *Pelagornis australis* — полярный рыбный охотник

Приполярные моря прохладного полушария; жизнь по погодным окнам; долго и хорошо поёт.

Камерные: слабый свет/посадка/ориентация.

Фасеточные №1: полёт над волнами и стабилизация.

ИК-диски: туман + подтверждение целей/береговых объектов.

Узкая островная линия (инкубатор на приполярном острове прохладного полушария)
6) *Insulapteryx umbraventri* — островной теневетр

Где: стабильный приполярный остров (южное полушарие) у зоны расхождения суперконтинента: много тектонических поднятий, высокие горы, ветровые тени. У земли постоянные ураганы к подзвёздной точке; относительно тихо в высокоствольном лесу и в тени гор.

Камерные: доминируют в лесной темноте.

Фасеточные №1: незаменимы в световых окнах и при любой динамике.

ИК-диски: главный “анти-шум” + слух.

7) *Canopscansor planidens* — пологовый планёр (глайдер)

Планирование траектории заранее на ветровых полях полога и склонов.

Камерные: выбор опор/посадки.

Фасеточные №1: микроманёвр/снос.

ИК-диски: близкие препятствия/живое в тумане.

Морфология: хвост-руль, мощная вестибулярка, планирующие поверхности.

8) *Arboraptor sequens* — древолаз-сценарист

Многошаговые действия и манипуляции в 3D.

Камерные: детали и сцена.

Фасеточные №1: быстрый баланс/рывок.

ИК-диски: поиск живого через листву и туман.

9) *Cryptovenator stratagemus* — горно-лесной засадник

Охота по “коридорам вероятностей”; ключ — модель поведения добычи.

Камерные: выбор момента.

Фасеточные №1: запуск атаки и контроль траектории.

ИК-диски: подтверждение цели + слух.

10) *Luminotuxa "Няшка"* + разумный рой “люминорой”

Что именно “роевое”: ближний световой канал (на базе старой глубоководной люминесценции фасеток №1) становится связующим протоколом синхронизации; дальняя связь остаётся “птичьей” (пение) и используется для простых

меток/сборов/предупреждений.

Главная особенность - физиология, максимально повторяющая физиологию земных пернатых, строение тела отдалённо напоминает сумчатое млекопитающее-древолаза, лицо парадоксально человеческое с некоторой фелиформностью и совиной архитектурой глаз.

1. Телосложение

Рост: 110–130 см Масса тела (без хвоста и шерсти): ~28 кг Густая грива на голове + хвост пушистый: ~7 кг Итого: ~35 кг

Тело без шерсти, кожа гладкая, тёплая, средняя температура тела +43.

Пропорции

Ноги — около 50% длины тела. Длинные, сильные, гибкие, идеально приспособленные для прыжков и лазания.

Руки — заметно короче человеческих, примерно 85–90% человеческой пропорции. Используются для манипуляций, но не как основной хватательный аппарат.

Кисти и стопы (6 пальцев)

2 больших противопоставленных пальца

4 срединных, чуть короче человеческих

толстые подушечки на всех пальцах

втяжные когти для фиксации на коре, на серединных пальцах когти мельче и острей

стопы выполняют роль главных “рук”, удерживая тело на ветвях так же точно, как приматы используют кисти.

Строение пальцев стоп такое же как рук, но увеличенное.

Шерсть на ладонях и ступнях (5–8 мм для теплоизоляции и сцепления),

Грива и хвост:

Гигантская, тяжёлая тёплая грива до земли.

Мощный пушистый хвост (~80 см), используется как балансир, “одеяло”, коммуникация.

Длинная шерсть на голове и хвосте кошачьего типа: вьющиеся короткие волосы пушиного типа и более толстые очень длинные направляющие волосы.

Это наследие глейдерного предка.

2. Органы чувств Основные глаза

Диаметр: ~7 см

Трубчатые глаза совиной архитектуры, огромные ресницы.

Огромная светосила, острое ночное зрение в 4 раза лучше совиного

Цветовое зрение устроено с помощью семи видов палочек:

Спектр: 300–1100 нм (УФ → видимый → ближний ИК)

Псевдо-цвет Тип λ_{max}, нм Рабочий диапазон, нм Фиолетовый 0 340–350 ~300–390 Rh3 / Rh4 Синий 1 380–400 ~350–440 SWS1 синепереходный Голубой 2 480–500 ~420–560 RH1 (классический родопсин) Зелёный 3 600–620 ~540–680 LWS-сдвинутые опсины Жёлтый 4 680–720 ~620–780 Deep-sea rodopsins Оранжевый 5 780–820 ~700–900 Extreme red-shifted RH1 Красный 6 880–940 ~800–1100 Максимально сдвинутый RH1

Каждая объединённая общим нервом группа палочек принадлежит в одному из семи спектральных типов, а полный набор из семи таких групп которая образует пиксел зрения.

Фасеточные глаза

На гибких стебельках длиной 14–16 см

Диаметр каждого фасеточного глаза: ~1.5 см

Поле зрения обоих фасеток вместе ~360°, ~270° по отдельности

160 тысяч омматодиев, спектр тот же, что и у основных глаз, поскольку белки-фоторецепторы идентичны, полный набор из семи белков расположен на воросинках в фоторецепторах в каждом омматодии. Группы воросинок строго ориентированы под углом 90 градусов друг к другу для различения поляризации. Каждая группа из 8 омматодиев окружает одну лиминисцентную фасетку, 20 тысяч таких фасеток (см ст. "Мозг").

Структура фасеток позволяет в десятки раз быстрее основных глаз фиксировать движение для отслеживания собственного быстрого движения в кронах деревьев и для слежения за хищниками.

Тепловое зрение

Тарелкообразный круглый диск открытой кожи, диаметром 6 см, внутри пушистых ушных раковин диаметром 12 см, примерно на 45 градусов вверх по бокам головы, в том месте где начинается волосистая часть лба . На каждом таком внутреннем диске, с плавно меняющимся углом вогнутости, расположено по 26 тысяч лишённых линзы фасеток диаметром 300 мкм с клетками - термосенсорами, каждая угловым разрешением 0.93 градусов, всего обзор каждого диска - 150 градусов, стереотерморезение 120 гардусов спереди с разрешением примерно как 160x160 каждого "глаза", примерно как 200x160 пары.

Кривизна диска непрерывно и синхронно с общей микроподвижностью зрительных контуров изменяется на малую величину, выглядит как "дыхание".

Спектр: 1100–14000 нм

Тепловая “картография” уровня змей, но намного более детальная

Улавливают эмоции и намерения по микроперепадам тепла на лице собеседника

Слуховой аппарат

Относится к комбинированным сенсорно-акустическим системам «ухо-диск», где наружная раковина диаметром порядка 12 см несёт внутри жёстко интегрированный голый дермальный диск около 6 см с плотной матрицей термочувствительных фасеток (см. ст. "Тепловое зрение"); диск расположен в основании раковины так, что образует управляемую отражающую поверхность над слуховой ямкой и одновременно выполняет функцию теплового поля зрения; Ушные раковины в покое ориентированы вперёд при широком латеральном расположении относительно переносицы (шире фронтально направленных, совиных по посадке глаз), а наружный вход слухового тракта представлен не круглым отверстием, а узкой утопленной щелью под костным козырьком основания раковины, ориентированной вектором вверх-назад и закрываемой верхним сфинктером, который выполняет барьерную функцию, режимную акустическую апертуру и защиту от перегрузки при близких ультразвуковых импульсах; за щелью канал переходит в короткий преддверный волновод с развилкой на два тракта: низкочастотный объёмный тракт с системой воздушных камер-резонаторов и высокой податливостью, воспринимающий инфразвуковые колебания давления и субаудиальные компоненты (до ~0,5 Гц) преимущественно как квазистатические деформации, и высокочастотный узкий жёсткий тракт, ведущий к малой высоконатянутой мемbrane и специализированному «ультра-окну» внутреннего уха, обеспечивающему передачу колебаний в диапазоне ультразвука (до ~300 кГц) с минимальными потерями; среднее ухо построено по двухветвевой рычажно-колумеллярной схеме согласования импеданса, где низкочастотная ветвь оптимизирована под медленные смещения и барометрическую составляющую, а высокочастотная — под быстрые малые амплитуды и высокую добротность; внутреннее ухо функционально раздвоено на инфра-орган (камера давления/вибрации с массивной мембраной и выраженной чувствительностью к низкочастотным ускорениям) и ультра-орган (компактная улиткоподобная структура с короткой жёсткой базилярной мембраной и активным усилением), при этом фазовая и механическая согласованность трактов поддерживается парой противоположно навитых упругих жгутов («витая пара» уха), топологически и механически непрерывной с краиальной торсионной связкой осевой «витой пары» позвоночника: эти жгуты фиксированы к последовательным опорным элементам трактов, перераспределяют локальные перегрузы вдоль спиральной линии, задают стабильный возврат к нейтральному преднатягу и предоставляют богатый поток проприоцептивной информации о натяге/скручивании, что обеспечивает устойчивую к движениям головы и корпуса интеграцию акустических, тепловых и оптических карт в единый ориентированную сцену. Способность к значительному или независимому повороту ушных раковин отсутствует.

3. Физиология

Температура тела 42–45°C

Лёгкие + воздушные мешки (птичья вентиляция)

Высокий метаболизм

Нет потоотделения → охлаждение дыханием и растягиванием тела

Зоб и челюсти

Челюсть маленькая, облегчённая (наследие летающих предков)

Это даёт лицу характерную тонкую нижнюю часть, а верх — широкий из-за большого мозга

Зубы хищного типа, но очень мелкие, хватательные, а не жующие

Основная переработка пищи происходит в зобе, где она раздавливается и размягчается

Сиринкс для того чтобы издавать звуки, губы человеческого типа

Подвижный длинный узкий язык 15 см., слегка увеличивающийся на конце с возможностью формирования своеобразной чашечки, небольшое раздвоение самого конца языка - создан для специфического питания мёдом, нектаром и т.п.

4. Голова и лицо — ключевые особенности

Мозг ~1400 грамм, плотность нейронов коры головного мозга выше человеческой в два раза

Высокий, расширенный лоб, увеличенная волосистая часть головы, характерный “взрослый неотенный взгляд”

Лицо “ультрачеловеческое” — маленький нос, маленькая утончённая челюсть, крупные широко расставленные глаза, мягкие контуры.

В сумме это делает их внешний облик по-детски выразительным, но при этом не похожим ни на людей, ни на животных.

5. Размножение

Базовая репродукция яйцекладная: откладывается одно крупное яйцо, которое переносится в тёплом кожистом сумчатом кармане; детёныш вылупляется уже развитым и способен удерживаться за мать. При этом есть долговременное вскармливание молоком — две молочные железы в сумке и две на груди. Вид образует устойчивые пары, поколения живут отдельно. Половые органы устроены как у земных пернатых, но на клеточном уровне механизм размножения принципиально отличный. В клоаке поочерёдно вызревают Е-гаметы и N-гаметы - аналоги мужских и женских клеток.

Термины

Е-гамета (embryo-oocyte) — крупная гамета, предназначенная стать ядерным

вкладом эмбриона (внутренний “зародышевый” модуль).

N-гамета (nurse-oocyte) — крупная гамета-платформа (“нянька”), обеспечивающая интерфейс / питание / эпигенетическую настройку и несущая цитоплазматическую линию матери (органеллы, метаболическая инфраструктура).

Архитектура размножения: двухрежимный протокол 2A/2B Шаг 1. Инициатор — “отцовская” Е-гамета

Донорская (“отцовская”) Е-гамета первой вступает в контакт с материнской системой и запускает первичную проверку. Это не “распознавание вида интеллектом”, а молекулярный протокол совместимости: сигнатуры оболочки, рецепторы, гликокод, химические метки среди N-гаметы и общая “готовность” платформы к вынашиванию.

Шаг 2A. Если материнская того же вида — нормальный половой режим

2A.1. Попытка двуродительского ядра. Две крупные гаметы от двух индивидов пытаются собрать общий ядерный геном ребёнка (функциональный эквивалент “обычного секса”: новые комбинации наследственности).

2A.2. Контроль передаётся материнской стороне. Материнская гамета получает роль контролёра целостности и совместимости (проверка сборки, синхронизации и регуляторной согласованности).

2A.3. Аварийный фолбэк. Если проверка ломается на любом шаге (“ошибка мерджка”), процесс не обязан обрываться: материнская гамета прекращает рискованный мердж и доделывает диплоидность сама (унипарантальная диплоидизация — функциональный аналог “партеногенетического завершения”, включаемого только при аварии).

Шаг 2B. Если материнская другого вида — донорский режим ядра

Если первичная проверка указывает “чужой вид”, двуродительский мердж статистически становится слишком дорогим (несовместимость регуляции/хромосом → гибель). Тогда включается режим 2B:

2B.1. “Отцовская” Е-гамета формирует ядро сама. Вместо попытки мерджа донорская гамета создаёт полное диплоидное ядро эмбриона из своего материала (например, через удвоение донорского набора).

2B.2. Материнское ядро не входит в эмбрион. Материнский ядерный вклад либо остаётся в отдельном дегенерирующем компартменте, либо подавляется ранними контрольными механизмами донора.

Режим 2B не вытесняет 2A, потому что обычно дороже/рискованнее и даёт хуже “среднюю” приспособленность; он выгоден главным образом тогда, когда нормальный мердж почти гарантированно провалится.

Роль N-гаметы (постоянна в обоих режимах) Шаг 3. N-гамета матери обеспечивает интерфейс/питание/эпигенетику

N-гамета — “платформенный слой”: именно она делает возможным вынашивание яйца в сумке, поддерживает обмен, настраивает темпы развития и переносит “материнский

профиль” — при том, что вид и яйцекладный и выкармливает детёныш молоком долго.

Ядерная и цитоплазматическая линии

Ключевое уточнение:

В режиме 2A:

ядерная линия обычно смешанная (двуродительская), либо материнская при аварийном фолбэке;

цитоплазматическая линия — материнская (через N-гамету).

В режиме 2B:

ядерная линия — донорская (эмбрион “по ядру” принадлежит донору);

цитоплазматическая линия — материнская (эмбрион развивается на хозяйской цитоплазме/органеллах N-гаметы).

Шаг 4. “Чтение материнского профиля” и подстройка совместимости

Донорскому эмбриону приходится жить на чужой цитоплазме, поэтому адаптация к материнскому профилю — условие выживания, а не декоративная “мимикрия”.

Эмбрион не обязан читать ДНК “как текст”. Он читает профиль среды, который N-гамета и сумчатое вынашивание/лактация делают доступным: иммунные и метаболические ограничения, гормональный фон, темпы роста, “разрешённые” режимы обмена. На этой основе эмбрион настраивает:

иммунную совместимость (маски/сигналы),

скорость развития,

(оциально) внешние камуфляжные признаки, если это повышает шанс вынашивания и последующего ухода.

Почему именно такая архитектура стала оптимальной: конкретное эволюционное давление Давление 1: экстремальная цена провала

Одно крупное яйцо, вынашивание в тёплом сумчатом кармане и длительное вскармливание молоком (и в сумке, и на груди) — дорогая стратегия, где “потерять попытку” почти равносильно потерять сезон/год репродукции. Отсюда отбор на:

жёсткий материнский контроль качества мерджа (право вето),

аварийный фолбэк (лучше “неидеальный” ребёнок, чем никакого).

Давление 2: разрывающая география + частые вторичные контакты

Планета с рваным рельефом, множеством островов и внутренних морей, гигантскими приливами и активной “молодой” тектоникой. Это машина для:

длительной изоляции под-популяций,
накопления несовместимостей,
неожиданных вторичных контактов (коридоры, островные цепи, смена береговой
линии приливами).

Отсюда двухрежимность:

2А сохраняет преимущества “секса” внутри совместимой группы,
2В позволяет не “сжигать” попытку на заведомо плохом межвидовом мердже: донор
уходит в режим самосборки ядра, но пользуется материнской платформой N-гаметы.

Давление 3: влажная лесная планета и высокая плотность биоты

70–80% влажных биомов и почти непрерывные леса на больших площадях означают
богатую биоту, высокую плотность взаимодействий и постоянный “шум” среды. В
таких условиях отбор поддерживает:

сильные интерфейсы “мать ↔ эмбрион” (N-гамета как фильтр и модем),
способность эмбриона считывать материнский профиль и подстраиваться (иначе его
просто не доносят/не выкормят).

Итог: внутри вида — высокая жизнеспособность потомства и сохранение
разнообразия; при несовместимости — не ноль потомства, а “донор-ядро на
материнской платформе”. Биологически важно, что ядерная и цитоплазматическая
линии могут расходиться, а “похожесть на мать” является следствием обязательной
подстройки к N-платформе.

Позвоночник (вид: арбореальный прыгающий хищник; 0.72 г)

1) Общая организация

Позвоночный столб сегментированный, S-образный в покое, рассчитан на
высокочастотные наклоны (tilt) и умеренную осевую ротацию (twist) за счёт
накопления малых углов в каждом звене (типовично 2–3°/сегмент). Несущая функция
отделена от “двигательной”: вертикальная нагрузка проходит по
самоцентрирующимся опорным поверхностям звеньев, а деформация реализуется
преимущественно упругим сдвигом межзвеновых структур.

2) Позвонок (типовой сегмент)

Костная часть: “пуговица/олива” с самоцентрирующими контактными поверхностями
(сфера-/тороидальная пара) и ограничением перекоса. Мягкая часть (межзенный
комплекс): кольцевой сдвиговой диск композитного типа (эластомерная матрица +
волоконная армировка). Диск конструктивно “утоплен” и боково поддержан (аналог
высокого shape-factor), что резко снижает риск выпучивания и грыжеподобных
отказов.

3) Волоконная топология межзвенного узла (диск/муфта)

Многослойная армировка в мягкой матрице:

наружное кольцевое бандажирование (ноор-слой) против расплазания;

парные косые слои $\pm(45-60^\circ$ к оси) как основной перенос крутящего момента и сдвига, симметрично для твиста в обе стороны;

продольные пучки (0° к оси) для осевой устойчивости и ограничения ползучести;

внутренняя кольцевая защита центрального канала. В центральной зоне проходит нейроваскулярный канал в “скользящей оболочке” (периневрий-подобный рукав) с запасом по просвету; несущие волокна вынесены наружу, чтобы канал находился в механически нейтральной области.

4) Внутренняя «витая пара» жгутов

Внутри позвоночника проходит двойная геликоидальная система жгутов (две жилы противоположной навивки), выполняющая роль распределённой торсионной стяжки и анти-локализатора деформации.

Крепление: на каждом звене жгуты фиксированы без скольжения; в точке фиксации жилы могут локально утолщаться и частично срастаться в общий узел. Узел “каучуковый” (мягкая матрица), но армирован продольными и диагонально-кольцевыми волокнами; содержит сосудисто-нервные структуры.

Запас длины: от каждой точки фиксации вверх и вниз предусмотрена избыточная длина (не петля, а стабилизированный серпантин/волна в фасциальном рукаве), обеспечивающая повторяемую деформацию без заломов.

Функция:

перераспределяет твист по длине (подавляет локализацию угла в 2–3 сегментах);

разгружает диск в кручении (снижает пиковые сдвиги);

повышает устойчивость S-колонны под комбинированной осевой нагрузкой и наклонами;

обеспечивает богатую проприоцепцию (плотная иннервация узлов и рукавов).

5) Биомеханика

Tilt: через упругий сдвиг межзвенного комплекса + ограничители перекоса.

Twist: совместная работа диска и “витой пары” жгутов; момент возвращения в нейтраль обеспечивается геликоидальной стяжкой и связочно-капсульными элементами.

Амортизация: выраженная, распределённая; ударная энергия рассеивается по многим сегментам (важно при прыжках и посадках в пологе/на скалах).

6) Нейро- и гемодинамическое обеспечение

Встроенные скользящие фасциальные каналы снижают риск компрессии магистралей при наклонах/ротациях. Узлы крепления жгутов и межзвенные комплексы хорошо васкуляризованы (охлаждение + ремонт матрицы; актуально при высокой температуре тела). Контроль движения — преимущественно мозжечковый, с богатой сегментарной проприоцепцией.

7) Типичные клинические уязвимости (аналогии)

хроническая ползучесть/дрейф упругой матрицы с изменением “нулевой” позы (компенсируется активным контролем и ремоделированием);

энтезо- и капсулопатии в зонах фиксации жгутов при перегрузке/воспалении;

усталостные микроповреждения матрицы в зонах максимального циклического сдвига (обычно у выходов жгутов из узла при плохом градиенте жёсткости);

функциональные синдромы локализации (при дефекте одного сегмента соседние начинают “перебрать угол”, если нарушены ограничители/контроль).

8) Диагностические ориентиры:

оценка распределения углов по сегментам при твист/tilt (выявление локализации);

УЗ/МР-аналог для оценки состояния каучуковой матрицы узлов и целостности волоконных слоёв;

контроль нейроваскулярного канала на предмет компрессии в динамике;

оценка симметрии натяжения “витой пары” (функциональная проба).

 6. Мозг 1400 граммю Увеличенный "птичий" мозжечок - 180 млрд нейронов, 25% объёма мозга, двойная относительно человека плотность нейронов в коре, увеличенная зрительная кора - 16 млрд нейронов, 12 млрд - остальная часть коры.

1/9 часть фасеток фасеточных глаз, 20 тысяч, представляют собой мультиспектральные фонарики, каждый из которых независимо изменяет цвет своего свечения с частотой примерно 1 герц. Специальные клетки могут закрывать вход в эти "фонарики", и делать это частотой до 100 гц.

Мозг буквально "транслирует мысли" в этот канал. Семь биолюминисцентных видов клеток, внутри каждого фонарика:

УФ (360–400 нм) — через флуорофор

Синий (430–470 нм)

Голубой / бирюзовый (470–500 нм)

Зелёный (500–560 нм)

Жёлтый–зелёный (560–580 нм)

Оранжево-красный (590–650 нм)

ИК 700–850 нм

Двухслойная психика

Слой А — социальные поведенческие программы, устанавливаются в младенчестве в период вскармливания детеныша молоком через световой канал быстрой бессознательной связи, расположенный в фасеточных глазах. Через этот канал полностью загружается культура и символика, после чего детеныш уже является функциональной частью общества и покидает своих родителей, хотя физическое взросление продолжается ещё долго. После загрузки всех программ этот световой канал используется роевым интеллектом этих существ, охватывающего весь вид как систему.

Подсистема слоя А - зачаточное самосознание, расположено в кратковременной памяти, уровня неандертальцев, несёт преимущественно эмоциональную нагрузку, использует сиринкс и губы как аудио-сигнальную систему

Слой В — индивидуальный интеллект: обучаемый, гибкий, абстрактный, способен к длительным логическим цепочкам, способен рефлексировать и моделировать чужое сознание, формирует внутри сложную визуальную картину мира. Не управляет социальными программами, а функционирует параллельно, эволюционно возник как инструмент собирателя плодов и охотника на мелких животных

Особенности поведения: любая встреча друг с другом для них это ритуал синхронизации, поэтому стараются вести изолированный друг от друга образ жизни, любую территорию заселяют максимально равномерно, причина - сверхбыстрый канал бессознательной связи, экстремально нагружающий ЦНС.

Образ жизни - долгий сон в разнообразных позах, индивидуальный туалет и сложная физическая активность

🌲 7. Материальная культура консервативная, состоит из отобранных миллиардами лет эволюции простых и эффективных технологий. Живут на гигантских деревьях. Наземные постройки - хозяйствственные. Все постройки крайне миниатюрны, спят в дуплах.

Экосистемное проектирование: цивилизация намеренно формирует экосистему как механизм; знает пределы устойчивости; создаёт самоподдерживающиеся циклы; использует многоярусность Животноводство: молочное, шерстяное и гужевое.

Преднамеренная избыточность как инженерный принцип: расчётная деградация без коллапса; проектирование так, чтобы сломанное состояние всё ещё работало;

Материалы: камень, дерево, керамика, ткани, стекло, бронза, сталь Техника: колёса, шестерни, ремни, рычаги, водяные колёса, ветромеханизмы, парусные суда, паровые двигатели, электростанции малого постоянного напряжения, поезда, рельсы, измерительные приборы, автоматы, простая и надёжная электроника, светодиоды, 3d принтеры, специализированные нейросети, саморегулирующиеся сети, медленные децентрализованные каналы связи. Узкоколейные (29 см) миниатюрные

железные электрофицированные дороги сверхнизкого (27 В) напряжения с роботизированными составами очень плотно оплетают всю ойкумену и используются для автоматической доставки грузов и самих инопланетян. Вместо фабрик и специализированных хозяйственных комплексов - одиночные роботизированные помещения вдоль всей системы железных дорог, хранение и логистику планируют тоже компьютеры (133 мГц, 16 мб RAM, 1 мбит сеть). За пределами системы ЖД основной транспорт гужевой, в морях - парусный, используют дирижабли

⌚ 9. Как они видят человека

Через три параллельные системы восприятия:

Оптическая картина: — маленькие глаза, — грубые черты лица, — странная жёсткая пластика движений.

Тепловая картина: — «неполная», — эмоции выражены слишком слабо, — почти не читаемы.

Поведенческая: — движения неуклюжие, — но действия следуют структуре, — и объекты (снаряжение) слишком сложные для “животного”.

Итог:

“Существо биологически грубое, но умное” Для человека дыхание воздухом Сс оборачивается галлюцинациями из-за вдыхаемой пыльцы, вызывающей к тому же аллергические реакции

Приложени №1 зрительные иллюзии инопланетян:

1. Иллюзии, связанные с поляризационным зрением

Ваш инопланетянин имеет:

двойную ориентацию рецепторов (A/B),

поляризационные каналы в фасеточных глазках,

покрытие почти 360°,

и механизм «встраивания» поляризации в картинку.

1.1. Иллюзия «ложного поворота поверхности»

Если поверхность отражает слабо поляризованный свет под разными углами (например, мокрые листья, ткань или шерсть), то:

канал А будет давать резкие границы,

канал В — мягкие,

мозг интерпретирует разницу как изгиб поверхности, которого нет.

Мы такого никогда не увидим, потому что не различаем поляризацию.

Инопланетянин будет «видеть» ложные складки и ложные формы.

1.2. Иллюзия «дискретного движения» в неподвижных бликах

При ходьбе:

поляризационный вектор меняется периодически,

а зрительная система существа очень чувствительна к фазовым сдвигам.

Результат:

любой блик на воде, камне, коре дерева будет восприниматься как микроскопическое движение.

Это вызовет ложные сигналы фасеточных глаз о «движении сзади».

Это чисто «их» иллюзия: мир слегка шевелится, хотя неподвижен.

1.3. Иллюзия «скрытых знаков» в небе

Поляризационные шаблоны на небе (их создаёт рассеяние Рэлея) будут выглядеть как:

градиенты,

полосы,

структуры.

У них эти «полосы» могут восприниматься как реальные объекты, как будто в небе есть пятна, знаки, символы.

Человек видит синее небо. Инопланетянин — геометрию поляризированной сферы.

2. Иллюзии, связанные с фасеточным движением

У вашего существа:

210 000 фасеток на стебельке × 2,

панорамное поле зрения,

низкая светочувствительность фасеток,

высокая временная чувствительность.

2.1. Иллюзия «огромного быстрого объекта вне поля зрения»

Если сзади пролетает мелкая мушка:

фасеточные глаза видят «вспышку» (10–20 мс),

камерный глаз видит ничего,
мозг накладывает эти два сигнала.

Результат — уникальный:

мозг интерпретирует событие как огромный быстрый объект, находящийся «за пределом» основного поля зрения.

Это ощущение «силуэта» или «тени», которого мы не испытываем никогда.

2.2. Иллюзия «пульсации пространства» при горизонтальном сканировании

Фасеточные глаза хорошо различают движение поперёк стебелька, но плохо вдоль него.

Когда существо поворачивает голову:

фасетки дают неравномерные временные ритмы,
мозг накладывает на них плавную камерную картинку.

Получается эффект:

мир «дышил» или «пульсирует» на периферии, как будто пространство колеблется.

Мы знаем аналог — rolling shutter у камер, но в мозгу такого нет.

2.3. Иллюзия «раздвижения пространства»

Потому что фасеточное зрение:

низкое разрешение,
но высокое чувствительность к потоку.

Когда сзади ничего нет, фасетки всё равно дают «фоновые шумы движения».

Это создаёт ощущение:

что пространство позади слегка «расширяется и сжимается», особенно в сумерках.

3. Иллюзии, связанные с тепловыми ушами

3.1. Иллюзия «теплового ореола» вокруг тёплых объектов

Человеку инфракрасная аура кажется «мистикой». У них — обычная иллюзия ИК-сенсоров.

Если объект тёплый (животное, человек, костёр), и вокруг есть туман или влажный воздух:

туман переизлучает тепло,
сенсоры дают сигнал «вокруг есть облако»,
мозг накладывает тепловой ореол на реальный контур.

Мы такого феномена не видим вообще.

3.2. Иллюзия «движения внутри неподвижного объекта»

Поскольку кожные «лепестки» уха охлаждаются, а объект излучает на них тепло:
сенсоры срабатывают с небольшой задержкой,
и мозг может неправильно синхронизировать сигнал.

Инопланетянин может ощутить:

будто в неподвижном объекте что-то движется внутри (особенно в живой плоти, в древесине, в земле).

Это мы бы восприняли как рентгеновскую галлюцинацию.

3.3. Иллюзия «движение = резкость, покой = расплывание»

ИК-система имеет сильную адаптацию и фильтрует фон (по сути, любит $\partial T / \partial t$ и локальные градиенты).

Движущийся тёплый объект даёт резкий фронт и “выскаивает” как тонкий яркий контур.

Статичный тёплый объект быстро “вписывается” в фон и остаётся широким размытым пятном.

Результат: живая цель выглядит “чётче”, чем костёр, а тёплый камень — как размытая тепловая подложка. Это не про оптику, а про адаптацию/инерцию теплового слоя.

3.4. Иллюзия « пятнистой просачиваемости» в листве

В кроне тёплые источники и тёплый фон видны через прорези. При этом:

левое и правое “ухо” видят разные щели (разная окклюзия),
листья имеют разную теплопамять (одни прогреты, другие охлаждены ветром),
между листьями гуляют конвективные струйки.

Мозг при сшивке получает мозаичное совпадение и иногда “достраивает” цель по пятнам.

Результат: возникают ложные силуэты — “животное из пятен”, которое исчезает при шаге в сторону. Человек такого не видит, потому что у нас нет панорамного теплового слоя, который пытается быть стерео.

3.5. Иллюзия «краснеющей темноты»

По мере падения света система не переходит в Ч/Б (нет переключения рецепторного класса). Вместо этого:

коротковолновые каналы становятся шумными раньше,
доминировать начинает красно-NIR кластер,
а ушной ИК-слой продолжает добавлять “ультракрасную подсветку”.

Результат: темнота не сереет, а постепенно краснеет, пока в самом пределе не остаётся почти один “тепловой мир” (на ушах), а камера превращается в “бордовый шум с редкими деталями”.

4. Иллюзии от наложения тройного зрения

(камерное + фасеточное + тепловое)

4.1. Иллюзия «двух скоростей движения» у одного объекта

Классическая:

камерный глаз фиксирует движение точно,
фасеточные дают ускоренную версию,
мозг совмещает.

В результате объект:

двигается быстро,
но вокруг него «всплеск» из опережающих теней.

Для них это обычное восприятие, для человека — LSD.

4.2. Иллюзия «раздвинутых контуров»

Если объект тёплый и движется:

ИК-контур = более жирный и расплывчатый,
видимый контур = тонкий,
фасеточный контур = из точек.

Наложение даёт ощущение:

что объект имеет «двойную толщину», будто он состоит из трёх пересекающихся тел.

4.3. Иллюзия «идеальной тишины»

Если в тепловом канале нет динамики, но есть световая:

мозг глушит движение,
картинка кажется неподвижной,
а потом внезапно «включается».

Человек испытывает подобное только при мигательных галлюцинациях.

4.4. Иллюзия «переменной толщины теплоизоляции»

Это комбинация 3.3 + 4.2.

У движущегося тёплого объекта ИК-контур резко “схлопывается” и становится тонким.

У статичного тёплого объекта ИК-контур расплывается.

Результат: один и тот же зверёк может казаться то “худым и острым”, то “толстым и рыхлым” — не из-за изменения формы, а из-за того, что тепловой слой переключается между “градиентным” и “фоновым” режимом.

4.5. Иллюзия «теплового строба при микросканировании»

Если все шесть органов синхронно делают микродвижения, ИК-слой начинает модулироваться фазой скана:

при слабом сигнале градиент “вспыхивает” только на части фаз,

при окклюзиях (крона) фазы у левого/правого уха дают разные пятна.

Результат: тепло “мерцает” как стробоскоп на границах листвы и на живых целях. Это выглядит как “живость” мира даже там, где ничего не меняется.

5. Иллюзии цвето-спектральные, уникальные из-за семиканального зрения 5.1. Иллюзия «перескакивающего цвета»

Если объект имеет сложный отражательный спектр (например, лепесток цветка):

длинноволновые каналы (5–6) реагируют,

UV-каналы (0–1) реагируют,

средние (2–3) — нет.

Мозг может интерпретировать это как смену цвета при движении, хотя физически объект один.

5.2. Иллюзия «глубинного свечения»

Если объект отражает и UV, и NIR:

мозг интерпретирует это как двойной источник света.

То есть цветок или камень выглядит как будто «горит изнутри».

6. Иллюзии от взаимодействия всех каналов

(их человек вообще представить не может)

Самая мощная: Иллюзия «трёхслойного мира»

У них мир всегда слоист:

дальнее пространство → камерное 7-канальное,

панорама → фасеточная карта движения,

тепловые структуры → внутри объектов.

Эти слои иногда рассинхронизируются, и мозг:

на мгновение «разъединяет» их,

создаёт три разных версии реальности.

Фасеточные стебельки чаще дают быстрые сигналы потока,

камера даёт деталь, но может быть “краснеющим” узким кластером в темноте,

уши дают физику тепла, но пятнистую в листве.

Результат: “расщепление” — не психология, а несовпадение темпоральных фильтров.

Мы называем это «деперсонализация» или «расщепление восприятия». Для них — норма при быстрой ходьбе или резком повороте головы мир на мгновение становится “три раза разным”.

7. Короткий “перечень характерных глюков”:

Живое тепло резкое, неживое тепло размыто.

В листве тепло рисует призраков из пятен.

Темнота краснеет, а не сереет.

Поляризационные блики шевелятся.

Периферия пульсирует от фасеточного rolling-shutter.

Движение имеет “две скорости” и тёплую толщину.